

Е. ЧЕРНЯК

секретная
дипломатия
ВЕЛИКО-
БРИТАНИИ

Е. ЧЕРНЯК

секретная
дипломатия
ВЕЛИКО-
БРИТАНИИ

ИЗ ИСТОРИИ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
Москва 1975

9(М)31+327.21
Ч — 49

Ч $\frac{11105-043}{003(01)-74}$ БЗ-72-11-74

© «Международные отношения», 1975 г.

ВВЕДЕНИЕ

то книга об английской секретной службе и секретной дипломатии.

В литературе справедливо отмечают двусмысленность термина «тайная дипломатия». Тайной может быть и часто бывает дипломатия, обслуживающая открыто провозглашаемую и всем известную внешнюю политику. В период абсолютизма, которому посвящена большая часть этой книги, секретной была не только дипломатия, но обычно и почти целиком внешняя политика, считавшаяся прерогативой монархических правительств и лишь в отдельных случаях (при объявлении войны и т. п.) в очень ограниченной степени доводимая до сведения народов. Однако и в этот период для посвященных, включая прежде всего иностранные правительства, существовало различие между политикой страны, отражаемой в официальных действиях ее дипломатии, и скрытой, утаиваемой от этих правительств и, главное, осуществляемой секретной службой, в которую мог входить или не входить дипломатический персонал посольств и миссий. Иначе говоря, политикой, цели которой стремились достигнуть методами тайной войны. Точнее было бы, впрочем, сказать, что в число приемов тайной войны, с помощью которой проводилась эта скрытая политика, входила и тайная дипломатия.

Автор не ставил задачей изложить историю какого-либо учреждения или ведомства, будь то средневековая «секретная служба» английских королей или военная разведка МИ 6, которую чаще других смежных ведомств именовали просто разведывательной службой — Интеллидженс сервис. В этой книге рассказывается об участии английских правящих кругов в тайной войне, вне зависимости от того, руководил ли ею лорд-канцлер, лорд-казначей или главный королевский секретарь; занимались ли ею военное ведомство или Адмиралтейство, Форин оффис или министерство внутренних дел; британские дип-

ломаты, аккредитованные при иностранных дворах, или никем формально не назначаемые тайные агенты: морские офицеры, придворные астрологи и лекари в одну эпоху или биржевые спекулянты вместе с газетными корреспондентами — в другую.

Апологеты английской разведки, вроде Д. Маклахлана, неизменно сетуют на то, что ее деятельность якобы неправомерно смешивают со шпионажем, насилием, саботажем, диверсиями, организацией государственных переворотов, а также с контрмерами, направленными против подобных акций других стран. Однако на протяжении всей истории английской разведки они действительно сплетались в единый клубок. Что же касается методов, которые применяли разведчики, то тот же Д. Маклахлан перечисляет их — подкуп, насилие, обман, предательство и ложь.

Хотя ниже немало говорится о приемах британского шпионажа, ведения тайной войны, цель этой книги в другом: выявить роль, сыгранную английской секретной дипломатией и разведкой в главных, поворотных событиях истории нового времени, — роль, которую нередко искажали, тенденциозно раздували или, наоборот, преуменьшали, вплоть до полного замалчивания. Между тем эта роль заслуживает пристального внимания историков.

Книга написана на основе изучения самых различных источников, включая парламентские протоколы, мемуары, дневники, периодическую печать, публикации документов и т. п., и научной, преимущественно английской, литературы по многим проблемам истории Великобритании и международных отношений.

При изучении тайной войны приходится сталкиваться с трудностями, вызванными прежде всего тем, что дошедшие до нас сведения исходят нередко от людей, от которых была скрыта настоящая подоплека событий.

Здесь стоит вспомнить героиню одного стихотворения английского поэта прошлого века Ковентри Патмора, которая так объясняла свою снисходительность к домогательствам ее поклонника:

Он думал, что уснула я
И все во сне стерплю,
Иль думал, что я думаю,
Что думал он: я сплю!

(Перевод С. Маршака)

Цикл «он думает, что я думаю, что он думает» заставлял порой участников сложной разведывательной игры совершать кажущиеся нелепыми поступки, необъяснимые вне этого цикла рассуждения, причем истинные мотивы невозможно установить с достоверностью.

Достаточно одного примера. Во время второй мировой войны, после высадки англо-американских войск в Северной Африке, контрразведка обнаружила, что один французский полковник является германским шпионом. Его переманили на службу к союзникам, чтобы снабжать немецкое командование ложной информацией. Это удавалось до тех пор, пока немцы не стали сомневаться в достоверности получаемых ими сведений. Однако и разведка союзников, в свою очередь, сумела разузнать, что ее агент разоблачен и что немцы изучают сообщения француза только с целью понять, в чем хочет их убедить противник. Тогда от имени французского полковника было отправлено донесение, что второй фронт будет открыт в Нормандии с 5 до 7 июня 1944 г. (и в действительности десант был, как известно, произведен в Нормандии 6 июня). Для немцев это сообщение стало одним из весомых доказательств, что высадка состоится не в Нормандии и не в указанные числа. Но это еще не все. После того как сообщение полковника полностью подтвердилось, в германском штабе сочли прежние сомнения в верности своего лазутчика неосновательными и уже до конца войны доверяли поставлявшейся ложной информации.

Такой трюк отнюдь не является изобретением XX века. Достаточно представить теперь положение историков, которые через несколько столетий, располагая лишь частью (или даже обрывками) документа, пытаются восстановить подлинную картину. Какой простор открывается здесь для различных интерпретаций, включая самые тенденциозные, связанные с желанием кого-то оправдать и возвеличить, а кого-то, напротив, лишить прочно устоявшейся репутации. Нередко власти (а во многих случаях только их версия и дошла до нас) основывали свое мнение на утверждениях одного-единственного лица, хотя английское право и включало старинный принцип, что один свидетель — не свидетель. О многих событиях мы знаем только из показаний обвиняемых, иногда вырванных пыткой, бывших результатом самооговора или даже вставленных в протоколы дознания самими следователями и судьями. Иногда установленный факт подчистки

протоколов порождает подозрение в искажении текста во всех аналогичных случаях, что создает почву для самых экстравагантных гипотез.

Читателю этих страниц нельзя забывать и того, сколь многое остается неизвестным из прошлого английской секретной службы. Не все было принято доверять бумаге, часть документов уничтожалась сразу же после прочтения, другие не считалось нужным тщательно хранить, и они затерялись в последующие годы и столетия.

Играет свою роль и фактическая недоступность едва ли не большинства частных архивов, содержащих порой ключевые источники по тому или иному вопросу. Немало важных сюжетов вообще еще не привлекало внимание исследователей.

В истории английской разведки множество белых пятен, головоломных загадок, немало эпизодов, допускающих различное толкование. В книге в подобных случаях приводятся материалы, на основании которых читатель сможет составить собственное суждение.

Данная книга продолжает линию, начатую в других работах автора по истории секретной дипломатии, и в отдельных точках тематического соприкосновения в очень ограниченном размере использован материал из «Пяти столетий тайной войны». Вряд ли нужно оговаривать, что в рамках одной книги могут быть изложены только некоторые из наиболее драматических событий, которыми столь насыщена многовековая история британской секретной службы.

ШИПЫ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

и один средневековый английский король не обходился без шпионов, наблюдавших за действиями влиятельных феодальных магнатов, все равно, являлись ли они друзьями или недругами монарха. Действия этих разведчиков лишь случайно находили отражение в письменных источниках. Число таких шпионов возрастало во время феодальных мятежей.

Возникновение английской секретной службы или во всяком случае ее активизация и превращение в постоянно действующую систему относится к середине XIV века. Иными словами, ко времени, когда к традиционным мотивам защиты правившей династии, охраны феодальных владений короля на континенте и заботы об их расширении прибавилось способствование новым торговым интересам, связанным с растущим вывозом шерсти во Фландрию.

Вторая половина XV столетия прошла в Англии под знаком войны Алой и Белой розы — кровавой борьбы между двумя ветвями королевского дома, Ланкастерами и Йорками, за престол (1455—1485 гг.). Во время долгой междоусобицы были совершены все мыслимые преступления, старая феодальная знать истребила себя в этой беспощадной схватке. Секретные службы — тайные шипы Алой и Белой розы — играли большую роль и после того, как война завершилась вступлением на трон основателя династии Тюдоров — Генриха VII (1485—1509 гг.).

Судя по свидетельствам иностранных послов, люди, состоявшие на секретной службе Генриха VII, делились на четыре категории. Первая — резиденты, которыми обычно были английские дипломаты или купцы, занимавшие сравнительно высокое положение в той стране или области, где они проживали. К второй категории принадлежали «информаторы» — обычно лица из низших слоев

общества, нанимаемые для добывания каких-то определенных сведений. Третью группу составляли «разведчики», которым поручалось систематически следить за определенными людьми, выявлять их связи, если нужно, организовывать их похищение. К четвертой группе относились профессиональные «шпионы», обычно прикрывавшиеся какой-либо уважаемой профессией — священника, лекаря, писаря или другой, дававшей предлог для переезда с места на место и обеспечивавшей доступ в круги, которые обладали нужной информацией.

Эпоха Возрождения была временем формирования крупных национальных государств, создания абсолютных монархий, которые обладали материальными ресурсами, позволявшими им вести крупную политическую игру в масштабах всей Европы. Утверждение абсолютизма в большинстве европейских стран происходило в ожесточенной борьбе, в ходе которой сепаратистские устремления крупных феодальных магнатов снова и снова ставили под угрозу достигнутое государственное единство. В этой борьбе обе стороны пытались использовать крупные крестьянские восстания, городские движения, направляя их острие против своего противника, до тех пор пока накал народного недовольства не заставлял все фракции феодального класса временно забывать внутренние распри для защиты своих коренных классовых интересов. Классовая борьба в ту эпоху нередко заключалась в религиозную оболочку, которая характерна и для крестьянской войны в Германии, и для буржуазной революции в Нидерландах, и для социального катаклизма, известного под именем религиозных войн, во Франции, для народных движений и политической борьбы в Англии.

В условиях абсолютизма спорность прав на престол или малолетство монарха нередко были удобными предлогами для развязывания мятежей знати, надолго подрывавших авторитет центральной власти и политическое единство страны. Правительству в такие периоды обычно приходилось на время свертывать или вовсе отказываться от широких внешнеполитических планов и сосредоточиваться на внутренних проблемах. Подобное положение, конечно, не могло не сказываться и на разведке, ее задачах, направлениях ее деятельности.

В первые годы правления преемника Генриха VII, его сына Генриха VIII (1509—1547 гг.), секретная служба переживала время упадка. Однако это длилось недолго.

Пришла Реформация с ее ожесточенной борьбой католицизма и протестантства. Много справедливого сказано о противоположности религиозной веры и знания. Такого конфликта никогда не обнаруживалось между религией и знанием, которое доставлял шпионаж. Вернее, шпионаж являлся общей платформой для лидеров враждующих верований. Тайнство религии не раз вместе с тайнами разведки входили в арсенал тайной войны. Реформация и контрреволюция почти неизменно сопровождались реформами секретной службы. Религиозная политика и земная тайная полиция оказывались неотделимы друг от друга.

ИЗМЕНЫ И ВЕРНОСТЬ УИЛЬЯМА СЕСИЛА

околение, при котором в Англии произошла Реформация, выдвинуло мало убежденных ее сторонников среди дворянства, которые не руководствовались бы соображениями непосредственной выгоды, будь то участие в расхищении монастырских земель, придворная карьера или то и другое вместе. Даже главный идеолог и руководитель Реформации архиепископ Кранмер больше всего верил в необходимость беспрекословного повиновения воле монарха. Когда он, глава англиканской церкви, в правление королевы Марии Тюдор (1553—1558 гг.) был приговорен к сожжению на костре, то даже в ночь перед казнью мучился сомнением, умереть ему протестантом или католиком.

Однако как раз преследования протестантов при Марии, вызвавшие волну эмиграции из Англии, продемонстрировали появление типа людей, для которых преданность новой вере и ненависть к папизму вошли в плоть и кровь, впрочем, нисколько не принижая в их сознании и роли протестантизма в отстаивании материальных интересов людей, отмеченных, как они, «божьей благодатью». Именно к таким людям, по энергии, по уверенности в себе и правоте своего дела нисколько не уступавшим иезуитам, штурмовому отряду католической реакции, и принадлежало большинство руководителей разведки Елизаветы I. В этом одно из объяснений ее успехов. Среди этих людей первое место принадлежало Уильяму Сесилу,

получившему титул лорда Берли. Сесил к этому времени обладал уже всеми навыками, необходимыми государственному деятелю того времени. Простой дворянин из Линкольншира, он начал карьеру еще при Генрихе VII, состоял членом Тайного совета при его преемниках Эдуарде VI и Марии Тюдор, благополучно пережил падение и казнь одного за другим нескольких вельмож своих покровителей, научился выходить невредимым из самых, казалось бы, безвыходных положений. Сесил умел никогда не оказываться бесповоротно связанным с лицами, находившимися у власти, но обреченными, по его мнению, на неминуемое поражение. Он не верил в прочность католической контрреформации в правление Марии Тюдор и умудрился поддерживать тесные тайные контакты с опальной тогда Елизаветой, не теряя благорасположения подозрительной королевы и выполняя с присущей ему оборотистостью различные ее поручения. Свои переходы на сторону победителя Сесил облакал во внешне пристойные, благовидные формы, чтобы не портить репутацию и не возбуждать подозрения, что он замышляет новые измены.

Впрочем, Елизавете с самого вступления ее на престол в 1558 году Сесил стал служить не на страх, а на совесть. На протяжении сорока лет, вплоть до своей смерти, он был фактически первым министром королевы, все равно, на посту ли государственного секретаря или лорда-казначея. Вместе с тем было бы неправильно представлять, что его влияние всегда было решающим: оно заключалось скорее в единстве взглядов и целей, в умении угадывать желания Елизаветы и отступать, когда дело доходило до ее предубеждений, чем в попытке навязывать свою точку зрения королеве. Сесил предпочитал подводить ее самим ходом дел, иногда специально направляемых им, к принятию мер, которые он полагал целесообразными. Впрочем, часто все его усилия разбивались о почти болезненное стремление Елизаветы откладывать принятие важных решений, особенно если они были связаны с реальными опасностями и значительными расходами. Случалось иногда, что бесконечные промедления оказывались наилучшей политикой — само развитие событий приводило к нужной цели, без всяких усилий и затрат со стороны королевы. Но обычно Сесил в конечном счете не только оказывался прав, но и добивался проведения наиболее выгодного, по его мнению, политического курса.

В поведении Сесила трудно отыскать высокие нравственные начала. Максимум, что можно было сказать о нем, — что без особой нужды он не предавал друзей и доверившихся ему людей, не жертвовал государственными интересами в пользу собственных и что к 300 именам, находившимся в его владении к концу жизни, он мог бы добавить еще немало других, если бы столь же бесцеремонно залезал в государственную кассу, как некоторые из его предшественников и преемников на посту лорда-казначая.

Однако в то же время Уильяма Сесила никак нельзя просто отнести к распространенному типу политических хамелеонов, только наделенному недюжинными способностями к интриге. Это был государственный деятель, всеми своими интересами, мировоззрением и психологией связанный с господствующими классами тюдоровской эпохи. Сесил не принадлежал к людям, способным открывать новые политические горизонты. Он был противником крайностей протестантизма, в которых инстинктивно ощущал опасность для позиций крупнособственнических классов, для той расстановки сил, власти и влияния, которые воплотились в дорогих ему политических порядках елизаветинской Англии. Осторожность Сесила чуть ли не вошла в поговорку. Обычно он был сторонником сдержанности, неторопливости в делах. Нередко поступки министра даже его коллегам часто казались полумерами, хотя в тех случаях, когда самыми безопасными оказывались наиболее решительные меры, он умел действовать быстро. Это вполне отражает и историю английской секретной службы, которой Сесил заправлял на протяжении четырех десятилетий, когда стоял во главе елизаветинского правительства. Вступив на трон, Елизавета сразу же изъяла разведку из ведения Тайного совета, которому та подчинялась еще с правления Генриха VIII, и передала в подчинение Сесилу. Он руководил секретной службой сначала лично, а потом через других министров, с которыми, правда, порой ему случалось и расходиться в оценках политической обстановки.

К числу наиболее активных разведчиков первых лет правления Елизаветы несомненно относится Николас Трокмортон. Современники полагали, что он недаром был тезкой Николо Макиавелли, фамилия которого считалась в XVI веке, да и позднее, синонимом черного коварства! Сэра Николаса не без оснований называют предшествен-

ником и в известном смысле учителем ближайшего помощника Сесила — Френсиса Уолсингема, о котором будет много говориться на последующих страницах. Сохранился портрет Трокмортонна, написанный в то время, когда он стал видной фигурой в мире дипломатии: рыжие волосы и борода, скошенные в сторону зоркие глаза, в которых затаились напряженность и раздражительность, вот-вот готовые перейти во вспышку неудержимого гнева. Пышный костюм — тогда недаром говорили, что придворные носят целые имения на своей спине, — украшает длинная цепь, на конце которой укреплен кулон — камеш с подвесной жемчужиной.

В жизни и карьере Николаса Трокмортонна отразились сложные процессы английской социальной и политической истории бурного XVI столетия. Это была эпоха ломки и созидания, когда сложно переплетались старые и новые лояльности — феодальным вождям и короне, соперничавшим претендентам на престол, когда приверженность религии вступала в конфликт с верностью стране, когда политические столкновения неизменно побуждали к обращению за помощью к врагам государства, когда ломались традиционные союзы и рождались внешнеполитические комбинации, отражающие новые интересы, идеи и устремления. Ветви разросшегося рода Трокмортоннов послали своих сыновей едва ли не во все политические группировки — от крайних пуритан до фанатичных католических заговорщиков. Нередки были и измены старому знамени, переход на сторону победителя, за который жадно выпрашивались милости — земли, деньги, государственные sinecуры.

В годы правления Марии Тюдор сэр Николас был обвинен в государственной измене и, только проявив исключительную изворотливость, ухитрился избежать плахи. Вынужденный бежать за границу, Трокмортон старался спискать расположение английского правительства, снабжая его сведениями о военных планах французов. Эти сведения свидетельствуют, что он уже тогда обладал навыками разведчика.

В первые месяцы после вступления на престол Елизаветы Трокмортон надеялся на важное назначение в правительстве, но непрошенные советы и рекомендации сэра Николаса не были приняты королевой. От этих дней у Трокмортонна осталось острое чувство зависти к Сесилу, побуждавшее его принимать сторону противников

главного министра, конечно, противников из среды елизаветинской администрации, а не врагов самой королевы. Впрочем, Сесил, закрыв Трокмортону путь к участию в правительстве, охотно согласился предоставить беспокойному сэру Николасу дипломатический пост. В мае 1559 года Трокмортон был назначен постоянным послом в Париж (в отличие от чрезвычайных послов, направляемых с каким-то особо важным специальным поручением).

Трокмортон был сторонником энергичных мер против всех врагов Елизаветы. Эту линию отстаивал фаворит королевы Роберт Дадли, граф Лейстер, тогда как Сесил считал, что выгоднее придерживаться более осторожной и гибкой политики. Однако при всем том Трокмортон сохранял неизменно верность Сесилу как главе британской секретной службы.

Сэр Николас прибыл в Париж, когда в 1559 году был заключен Като-Камбрезийский мир, который положил конец военному конфликту между Испанией и Францией, длившемуся всю первую половину века. Вдобавок испанский король Филипп II и французский король Генрих II «частным образом» договорились уничтожить еретиков в своих странах. Возникла возможность коалиции двух наиболее мощных католических держав против Англии — возможность, которая в течение многих десятилетий считалась в Лондоне наибольшей внешнеполитической опасностью. Обе эти страны обладали средствами давления на Англию — Филипп II владел Нидерландами, торговля с которыми имела чрезвычайно большое значение для британских купцов. Нидерландские гавани были самым удобным местом, откуда армия неприятеля могла достичь английских берегов. Франция имела серьезные позиции в Шотландии. Регентшей Шотландии была вдова короля Якова V Мария Гиз — представительница аристократического рода, который имел большое влияние на французскую политику. А дочь Марии Гиз — Мария Стюарт, которая с детских лет жила в Париже и была обвенчана с французским дофином, являлась королевой Шотландии. Более того, как родственница Тюдоров, Мария Стюарт имела права и на английский престол, которые могли превратить ее в соперницу Елизаветы, поддерживаемую английскими католиками. Притязания Марии Стюарт встречали полное одобрение Гизов.

Война против Франции, начатая еще при Марии Тюдор без всякой подготовки, была неудачной. В 1558 году англичане лишились своего последнего опорного пункта на континенте — французского города Кале, который был ими завоеван еще в XIV веке. Трокмортон получил инструкцию выразить согласие с Като-Камбрезийским договором. Вместе с тем посол должен был действовать исходя из того, что главными непосредственными задачами английской политики были выдворение французов из Шотландии и возвращение Кале. Трокмортону были даны поручения, явно не укладывавшиеся в его дипломатические функции, — точно разузнать, что собираются предпринимать Гизы в отношении Шотландии (притом, чтобы они сами не провели о чрезмерной любознательности английского посла). Трокмортон должен был также устроить побег из Франции шотландского графа Эррана, имевшего права на шотландский престол. Однако Трокмортон свои задачи понимал еще шире. Он один из первых почувствовал, какие выгоды может извлечь для себя протестантская Англия, поддерживая протестантские силы в различных странах Европы, и прежде всего французских гугенотов. Помощь протестантам в надвигавшейся религиозной войне во Франции могла стать наилучшим способом к достижению внешнеполитических целей Лондона.

Едва Трокмортон обосновался в Париже, как Генрих II в начале июля был смертельно ранен, участвуя в рыцарском турнире. Через несколько дней король скончался, на престол вступил его сын Франциск II, муж Марии Стюарт, а Гизы установили полный контроль над правительством и подготовили посылку значительных французских подкреплений в Шотландию. Тревожные депеши Трокмортон Сесил использовал, чтобы сломить сопротивление Елизаветы против плана английской вооруженной интервенции в Шотландии. Осенью 1559 года Трокмортон был отозван, в марте следующего года начались военные действия. Превосходство англичан на море заставило Гизов согласиться на эвакуацию французских войск из Шотландии — таковы были условия Эдинбургского договора, добиться ратификации которого Марией Стюарт было поручено Трокмортону, снова отправившемуся для этой цели в Париж. К этому времени Трокмортон был уже заметной фигурой на европейской дипломатической сцене. Впрочем, его акции в гла-

зах английской королевы были бесповоротно подорваны непрошенными и бестактными советами, которыми продолжал докучать ей сэр Николас. Дело мало менялось, если эти советы преподносились под видом разведывательных донесений, в которые включались скандальные слухи, ходившие об Елизавете при французском дворе.

Другим активным разведчиком тех лет был Генри Киллигрю, посланный во Францию для связи с гугенотами. Сэр Генри в известном смысле являлся противоположностью Николасу Трокмортону. Увлекаемый страстями, Трокмортон не раз шел собственными путями, которые вызывали неудовольствие королевы и ее министров. Киллигрю, напротив, был идеальным, почти безликим слугой тюдоровской монархии, всегда послушным, ничем не отвлекаемым в своем усердии, готовым без малейших угрызений совести на любые действия, включая убийство, если только оно соответствовало государственным интересам в том смысле, какой вкладывали в это понятие Елизавета и ее советники. Мария Стюарт оказала Киллигрю во Франции важные услуги, так же как и Трокмортону, который запомнил это и пытался совместить преданность Елизавете с поисками политики, которая не вредила бы и шотландской королеве. Иное дело Киллигрю. Он сразу же с холодной ненавистью стал самым непримиримым ее врагом — ненавистью, целиком вызванной трезвым политическим расчетом. Однако во Франции и Трокмортон и Киллигрю еще действовали в полной гармонии для осуществления целей явной и тайной дипломатии елизаветинского правительства. Уже в июле 1559 года Трокмортон многозначительно известил королеву, что Киллигрю сослужил ей «многими различными способами столь добрую и трудную службу, что заслуживает хорошей награды».

В Лондоне считали, что герцог Гиз, обладавший большим влиянием при французском дворе, постарается силой поддержать притязания своей племянницы Марии Стюарт. Вдобавок в Шотландии уже находилось некоторое количество французских войск. Задачей английской секретной службы поэтому стало всяческое поощрение политической и религиозной оппозиции и в Шотландии и во Франции. Трокмортон и Киллигрю вполне подходили для выполнения часто весьма щекотливых поручений, связанных с такой политикой. В июле 1559 года Киллигрю удалось устроить бегство из Франции гра-

фа Эррана, который был нужен английской разведке в Шотландии. Киллигрю действовал вместе с английскими разведчиками Томасом Рэндолфом и Ричардом Трэмэйном.

Через месяц, в августе, Киллигрю установил контакт с Антуаном, королем Наварры, возможным руководителем французских протестантов. Одновременно Киллигрю собрал и направил в Лондон подробную информацию о французской эскадре, которая под командой маркиза д'Эльбефа в январе 1560 года отплыла в Шотландию. Буря рассеяла эту эскадру, что было большой удачей для Англии.

Трокмортон, Киллигрю и ряд других английских агентов деятельно участвовали в подготовке широкого заговора французских протестантов. Вернувшись в Лондон в конце февраля 1560 года, Киллигрю мог доложить о предстоящих важных событиях во Франции. Речь шла о знаменитом Амбуазском заговоре, посредством которого глава протестантов принц Конде решил захватить в свои руки короля Франциска II и лидеров католической партии — Гизов. Главным организатором заговора был Жан Дю Бари де ла Реноди, который выполнял поручения не только Конде, но и английской разведки.

Заговор был очень опасным для Гизов, но его не удалось сохранить в тайне. О нем узнали, в частности, лазутчики герцога Савойского и кардинала Гранвеллы, испанского наместника в Нидерландах, поспешивших известить обо всем Гизов. Информация, хотя и довольно неточная, просочилась к Гизам и по другим каналам. Из попытки захватить двор врасплох в Амбуазе ничего не вышло, и протестантский заговор потерпел полную неудачу.

В декабре 1560 года умер Франциск II. Мария Стюарт, перестав быть королевой Франции, вскоре уехала в Шотландию. Гизы потеряли контроль над французской политикой. Вступление на престол Карла IX, брата умершего короля, фактически передало бразды правления в руки его матери, Екатерины Медичи, которая в это время стремилась предотвратить открытую войну между католиками и гугенотами.

Желания сэра Николаса Трокмортонна шли в противоположном направлении. К этому времени он успел создать прочную разведывательную организацию и мог

посылать Сесилу подробные отчеты о малейших изменениях французской политики. Екатерина Медичи, со своей стороны, учредила постоянную слежку за британским дипломатом. События пошли как раз по руслу, желательному Трокмортону, хотя в том и не было его заслуги. В 1562 году убийство гугенотов в Васси и в других местах по наущению Гизов послужило сигналом к началу первой из ряда религиозных войн, растянувшихся на полстолетия. Гугеноты взялись за оружие. Их отряды во главе с адмиралом Шатийоном и принцем Конде сосредоточились в Орлеане. Там же очутился и британский посол с немалым количеством золота. Сэр Николас видел в гражданской войне во Франции не только средство вернуть Кале. Он писал Сесилу, что при умелом ведении дел Елизавета «будет в состоянии стать арбитром и правителем христианского мира» вместо испанского короля. Трокмортону удалось убедить даже осторожного Сесила и королеву. Однако попытки английской вооруженной интервенции окончились неудачей. А полем деятельности Трокмортонна стала теперь Шотландия.

Главным экспертом по шотландским делам считался тогда в Лондоне Ролф Сэдлер. ...Не раз причудливые дороги тайной войны приводили сэра Ролфа в Шотландию. Он готовил английское вторжение в Шотландию в 1547 году, во время которого был предан огню Эдинбург. Сэдлер неоднократно вмешивался в борьбу шотландских протестантов и католиков, то находясь вместе с армией в Шотландии, то действуя с английской территории. Он через свою агентуру подкупал нужных людей, обещал надежное укрытие в Англии для наемных убийц.

В 50-х годах главным противником Сэдлера стала регентша Мария Гиз. Опираясь на католическую партию и на французскую помощь, она намеревалась уничтожить все следы Реформации в Шотландии. Протестантские лорды опасались, что, после того как Мария Стюарт стала французской королевой, она сумеет помочь своей матери подавить сопротивление ее врагов. В Лондоне не могли не учитывать возникшую реальную опасность превращения Шотландии в вассала или провинцию Франции. Именно поэтому в августе 1559 года сэр Ролф Сэдлер снова отправился на Север.

В Лондоне решили использовать против Марии Гиз и ее дочери «молодого Эррана» — сына бывшего регента

графа Эррана, имевшего права на шотландский престол. Трокмортон, Киллигрю и Рэндолф, как уже говорилось, организовали его бегство из Франции.

Прибыв в Лондон, Эрран тайно поселился в доме Сесила. Туда, тоже стараясь быть незамеченной, однажды прибыла сама Елизавета. Впрочем, сохранить этот визит в секрете не удалось. Шпионы испанского посла де Куадра немедленно известили его об этой встрече. Посол даже писал Филиппу II, что, быть может, королева согласится выйти замуж за потенциального претендента на шотландский престол. Существовали ли такие планы — неизвестно, но единственным успехом Эррана были лишь 200 крон, которые ему одолжил Сесил. Тем временем подоспело письмо Сэдлера, просившего спешно отправить молодого Эррана на родину. Эрран столь же секретно, как прибыл, покинул Лондон, хотя об этом снова стало немедленно известно всевидящему испанскому послу. Однако де Куадра, разумеется, не поделился приобретенными сведениями со своим французским коллегой, и тот узнал обо всем с большим опозданием. Надеясь, что шотландец еще может вернуться в Лондон, французский посол де Ноай поспешил испросить аудиенцию у Елизаветы и заявил, что Эррана разыскивают французские власти и что по условиям договора между Францией и Англией о выдаче таких лиц он должен быть арестован и отправлен в Париж. Елизавета, не скрывая иронии, заметила взволнованному дипломату, что она ничего не слышала об Эрране и тем более никогда его не видела, но, если его задержат, она немедленно поступит с ним в соответствии с желаниями французского короля. При этом, как добавлял с горечью де Ноай, сообщая в Париж о беседе с Елизаветой, лицо королевы выражало «больше притворства, чем правдивости и доброй воли».

1 сентября 1559 г. Эрран с приставленным к нему Томасом Рэндолфом прибыли в Бервик к сэру Ролфу, который принимал все меры по усилению войска протестантских лордов, избегая в то же время открытого конфликта с Марией Гиз и с Францией. В полночь 6 сентября в заднюю дверь дома, где остановился Сэдлер, впустили усталого путника. Это был Генри Белнейвс — представитель протестантских лордов. Вскоре туда же прибыли Эрран и Рэндолф. Сэдлер вручил Белнейвсу два кожаных мешка с 3 тыс. фунтов. На всякий случай

золотые монеты были французской чеканки. Белнейвс немедленно отправился в обратный путь.

К этому времени сэр Ролф уже создал сеть доверенных людей, которые сумели тайно провести молодого Эррана к его отцу, ставшему герцогом Шатлоро. Лорды, получившие возможность заплатить жалованье своим войскам, с новой силой возобновили войну, осадив Лейт, главную крепость регентши. Но они не имели артиллерии, и поэтому крепость, в которой находился сильный французский гарнизон, успешно выдерживала осаду. От 3 тыс. фунтов вскоре остались лишь воспоминания. И лорды решили направить нового посланца, который должен был выяснить, не появился ли у сэра Ролфа Сэдлера опять избыток звонкой французской монеты. Этот посол, сэр Джон Кокберн из Ормистона, тайно отправился в Бервик. Однако его отъезд не остался незамеченным. Регентше или ее французским советникам удалось создать эффективную секретную службу, следившую за всеми действиями протестантских лордов. Человек, которому было поручено выследить Кокберна, был Джеймс граф Босвел, будущий муж Марии Стюарт. Босвел сообщил регентше о тайной миссии Кокберна и предложил перехватить его на обратном пути вместе с английским золотом. Агент Босвела, некий Хьюм, живший в нескольких милях от дома Сэдлера, внимательно наблюдал за всеми лицами, приезжающими к сэру Ролфу. Кокберн, сообщив Сэдлеру о положении дел, получил от него новую дотацию в 1 тыс. фунтов и пустился в обратный путь. Хьюм немедленно известил об этом Босвела. На Кокберна неожиданно напали по дороге, оглушили и захватили в плен. А с ним и привязанный к седлу драгоценный кожаный мешок.

Протестантские лорды не смогли добиться своей цели. Для помощи им было предпринято вторжение в Шотландию. Однако английская армия не сумела овладеть Лейтом. 16 июня 1560 г. благодаря усилиям Сэдлера и прибывшего в Шотландию Уильяма Сесила был подписан Эдинбургский договор. Согласно этому договору, Мария Стюарт, еще находившаяся во Франции, должна была отказаться от притязаний на английский престол; англичане и французы обязывались вывести свои войска из Шотландии. Тогда же, в июне 1560 года, умерла Мария Гиз. Борьба в целом закончилась в пользу протестантских лордов и Англии.

МАРИЯ СТЮАРТ, ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

же при жизни Марии Стюарт имя ее служило оружием в сложной политической игре, где переплетались конфликт протестантизма и католической контрреформации, столкновение Англии и Испании. Правительство Елизаветы не раз пыталось временно смягчить остроту этой борьбы. Английская королева не хотела подрывать престиж монархической власти обличением помазанницы божией, а также учитывала, что безмерные нападки на Марию Стюарт, и в частности отрицание ее прав на британский трон — даже только в качестве преемницы Елизаветы, — подрывали и права сына Марии Якова, которого протестантская Англия считала наиболее подходящим наследником престола. Поэтому во второй половине XVI века в Западной Европе выходили и многочисленные сочинения, восхваляющие «католическую мученицу», и суровые пуританские обличения «распутной убийцы», и книги со сдержанными, уклончивыми оценками и умолчаниями, которых долгое время требовала елизаветинская цензура. Poleмика не утихла и после того, как все действующие лица знаменитой трагедии сошли с исторической сцены. В 1773 году один шотландский историк высказал мысль, что споры вокруг Марии Стюарт стали слишком яростными и породили слишком большое число объемистых томов. А через столетие, в 1881 году, известный немецкий историк В. Онкен писал: «Доныне обвинители и защитники Марии Стюарт сильно различаются по религиозной принадлежности. Первые являются протестантами, вторые — католиками».

...Когда в августе 1561 года Мария Стюарт вступила на шотландскую землю, ей минуло 18 лет, 13 из которых прошли во Франции. Фактически она была иностранкой у себя на родине, которую покинула пятилетней девочкой. После пышного великолепия французского двора, блеска и роскоши Лувра, утонченной культуры Возрождения Шотландия казалась убогим захолустьем, далекой окраиной, отставшей на целые столетия. По сравнению с Парижем шотландские города выглядели

неказистыми, нищими деревнями (даже в Эдинбурге вряд ли было более 15 тыс. жителей), а шотландские дворяне — толпой варваров, мало чем отличавшихся по своему облику от разбойников с большой дороги.

За год с небольшим, между смертью Марии Гиз и возвращением ее дочери, прежняя расстановка сил заметно изменилась, и наметились новые группировки, среди которых королеве следовало сделать выбор. Главой восстания против правительтва Марии Гиз был герцог Шатлеро. Правда, этот нерешительный и малоспособный человек был лишь номинальным главой своего лагеря, но он мог опираться на поддержку могущественного клана Гамильтонов. Его сводный брат Джон Гамильтон, епископ Сен-Эндрюсский, умелый политик, возглавил умеренно консервативную группировку. Напротив, сын герцога «молодой Эрран» связал себя с крайними протестантами. Он строил расчеты на брак с Марией Стюарт и на переход королевы на сторону протестантской партии.

Несомненно, наиболее ловким из шотландских политиков был сводный брат Марии — Джеймс Стюарт, граф Мерей. Он был протестантом по вере и был убежден в политической полезности реформации для Шотландии. Мерей давал разумные советы своей сестре в начале ее правления. Впоследствии в самые драматические моменты Мерей будет неизменно отсутствовать. Его нельзя будет найти в числе заговорщиков и убийц. У Мереев всегда найдется железное алиби — настолько безукоризненное, что оно одно способно породить подозрения. Но это случится позднее. А в первые годы правления Марии ее брат — самый доверенный советник. Возникает только вопрос, не стремился ли Мерей, хорошо разобравшись в характере Марии, своими внешне столь безупречными рекомендациями побудить ее собственными руками нагромоздить для себя трудности. Мерей действовал в союзе с государственным секретарем Уильямом Мейтлендом, прозванным «Митчел Уили» — шотландское искажение имени Макиавелли. Оба они были сторонниками союза с Англией. Существовала и группа католических лордов. Признанным их лидером был граф Хентли, обладавший решающим влиянием на северо-востоке и отчасти севере страны.

Молодой католической королеве предстояло управлять протестантской страной. Мария «была прони-

цательна, но довольно неосторожна, одарена большим умом и, однако же, не способна к последовательности и постоянству,— писал один из великих французских историков прошлого столетия М. Минье в своей «Истории Марии Стюарт».— Приветливая в обращении, порывистая, грациозная и страстная, безгранично доверяясь тем лицам, которые ей нравились, с пылкостью увлекаясь господствующими идеями, она обладала всеми прелестями женщины, не обладая в достаточной степени твердостью, необходимой для королевы». Наделенной недюжинной силой характера и храбростью, Марии не доставало ясного политического мышления, терпения, осторожности и особенно навыков ведения тайной войны. Потом Мария будет усердно изучать это искусство, без которого невозможно было удерживать в повиновении свору непокорных лордов, жадных до денег, почестей и власти.

Первые шаги королевы, несомненно, внушенные ее советниками, были, впрочем, достаточно осторожными. Она отвергла предложение послать с ней французские войска. Оставаясь католичкой, Мария остерегалась оказывать предпочтение своим католическим подданным. Протестанты, отмечал живший в XVIII веке шотландский историк У. Робертсон в своей знаменитой «Истории Шотландии», «добились декларации, чрезвычайно благоприятной для их религии. Протестантская доктрина, хотя и утвердившаяся по всей стране, никогда еще не получала поощрения или санкции королевской власти. В декларации королева объявила любую попытку изменения или подрыва протестантства самым тяжким преступлением. Королева передала дела управления страной целиком в руки протестантов. Ее тайный совет был заполнен наиболее известными лицами, принадлежащими к протестантам, ни один католик не был удостоен какой-либо степени доверия».

Мария признала протестантизм в качестве государственной религии. Две трети конфискованной церковной собственности остались в руках новых владельцев, а треть была обращена на нужды протестантского духовенства и короны. Это не мешало Марии Стюарт тайно уверять католические державы и римского папу в своем намерении реставрировать католицизм.

Несмотря на осторожный курс внутренней политики, Марии Стюарт не удалось избежать осложнений с Ели-

заветой. Новый брак, в который собиралась вступать Мария, имел большое политическое значение и для Англии. Претендентами на руку шотландской королевы выступали многие принцы, включая дона Карлоса, сына и наследника испанского короля Филиппа II. Елизавета предложила кандидатуру собственного фаворита — Роберта Дадли, графа Лейстера. С этой целью в апреле 1565 года в Шотландию в дополнение к послу-разведчику Рэндолфу прибыл сэр Николас Трокмортон.

Оскорбительное предложение Елизаветы было отвергнуто. В июне 1565 года Мария неожиданно вышла замуж за своего кузена Генри Стюарта, лорда Дарнлея, сына графа Леннокса. По словам одного придворного, сэра Джеймса Мелвила, Дарнлей «более напоминал женщину, чем мужчину. Он был хорошеньким, безбородым и лицом походил на даму». С династической точки зрения выбор Марии был не столь плох. Как и Мария, ее муж имел права на английский престол. Тем самым укреплялись и права любого их наследника. И все же этот выбор оказался тяжелой политической ошибкой. Супруг королевы был спесивым ничтожеством, сразу вступившим в распрю с влиятельными лордами, включая и Мереея.

Елизавета была разгневана браком Марии. Соперничество с мужем королевы объединило Мереея и Гамильтонов — старых врагов Ленноксов. Однако поднятое ими восстание было без особого труда подавлено. Мереей бежал в Англию, Елизавета публично осуждала Мереея, а втайне оказывала ему поддержку. Одержав победу над частью протестантских лордов, Мария Стюарт сочла возможным более откровенно опираться на помощь католиков и в самой стране и за ее пределами. Главным агентом католической контрреформации в Шотландии считали — без особого основания — итальянца Давида Риччио, музыканта по профессии, ставшего секретарем королевы. Влияние, которое этот выходец из Савойи приобрел на Марию, вызывало негодование лордов, видевших в возвышении выскочки-итальянца умаление своей власти. Они объясняли карьеру Риччио тем, что он будто бы являлся любовником королевы и отцом ребенка, которого она ожидала. Этот вымысел поддерживал даже Дарнлей. Он мстил Марии за нескрываемое пренебрежение, с которым она стала относиться к нему, как только раскусила, чего он стоил. Дарнлей вступил в

тайный сговор с мятежными лордами, согласно которому они соглашались поддержать его притязания на власть, а он обязался не допустить конфискации имений Мерея и его союзников.

Ночью 9 марта 1566 г. заговорщики ворвались в королевский дворец и на глазах Марии зарезали Риччио, умолявшего свою повелительницу о защите. Очень вероятно, что в расчеты лордов входило устранение и самой королевы. Они предполагали, что молодая женщина, которая должна была скоро родить, просто не выдержит леденящего ужаса этой мрачной ночи, направленных на нее мечей в покрытых кровью руках убийц.

Однако Мария уцелела, ей удалось искусным притворством привлечь на свою сторону Дарнлея и таким путем освободиться от подчинения заговорщикам, которые должны были вскоре бежать в Англию. 19 июня Мария родила сына — будущего короля Якова, что, казалось, еще более способствовало примирению супругов. Оно было только внешним. Мария не простила Дарнлею его предательства, и теперь, когда она с его помощью избавилась от опеки мятежников, не было больше нужды скрывать свои истинные чувства. Уже в августе и особенно в сентябре 1566 года все знали о разрыве между супругами. Прибывший на крестины принца Якова английский посол граф Бедфорд писал: «Невозможно из чувства приличия и ради чести королевы передать, что она говорила о нем». Дарнлей почуял опасность и поспешил уехать в Глазго, где было сильно влияние его отца.

ЗАГАДКА КИРК О'ФИЛДА

озможно, что ненависть и отвращение к Дарнлею были вызваны у Марии внезапно вспыхнувшим влечением к тридцатилетнему Джеймсу Хепберну, графу Босвелу, мужественному и беззащитному предводителю боевых отрядов, составленных из жителей пограничных районов. Стефан Цвейг в своей «Марии Стюарт» уделяет много внимания этой налетевшей как ураган непреборимой страсти, которая превратила гордую и властную королеву в покорное орудие хищного честолюбца. Под гипнотическим взгля-

дом своего любовника королева безропотно разыгрывает комедию нового примирения с Дарнлеем, выманивает его из безопасного Глазго и 9 февраля 1567 г. осуществляет план коварного убийства. Дом Кирк о'Филд около городской стены, в котором поместили Дарнлея, взлетел на воздух. Мария Стюарт за несколько часов до этого уехала в замок Холируд, чтобы присутствовать на свадьбе своих слуг. А вскоре королева выходит замуж за Босвела, которому для этого спешно устроили развод с первой женой.

Такова версия, которой придерживались враги Марии Стюарт и которую пересказывали сотни раз даже многие сочувствующие ей историки (конечно, в ином словесном обрамлении, с другими оценками и психологическими мотивировками поведения главных действующих лиц). Однако единственно несомненным в этой истории является убийство Дарнлея. Все остальное опирается на совсем не безусловные доказательства, покоится на достаточно произвольных предположениях, на домыслах, которые даже не учитывают некоторые бесспорные факты.

О «преступной страсти» королевы к Босвелу узнали из ее собственных писем. О них ниже, пока же достаточно сказать, что подлинность этих документов никак нельзя считать неопровержимо установленной. Весьма показательным, отмечал немецкий историк Г. Кардаунс (см. Г. Кардаунс, Свержение Марии Стюарт, Кёльн, 1883), что не сохранилось буквально ни одного указания на страсть королевы к Босвелу, которое восходило бы к лету и осени 1566 года. Если же отбросить свидетельство писем, то известно лишь, что Босвел пользовался большим весом при дворе и доверием королевы во второй половине 1566 и начале 1567 года. Но объяснение этому можно найти и не доверяя слухам о слепой страсти Марии Стюарт к Босвелу или по крайней мере не считая ее единственной причиной. Босвел был, вероятно, наиболее влиятельным лицом в Южной Шотландии. Ему принадлежало несколько укрепленных замков. Босвел проявлял неизменную лояльность по отношению к матери Марии Стюарт, когда она в качестве регентши управляла страной. Его отец даже надеялся, разведясь с женой, жениться на вдовствующей королеве Марии Гиз. Правда, молодой Босвел участвовал в мятежах, вспыхнувших в первые годы после возвращения Марии

в Шотландию, но в сентябре 1565 года он прибыл из изгнания и явно стал держать сторону королевы. «Граф Босвел,— писал в 1863 году французский исследователь Л. Визене, ярый апологет королевы,— в начале своей карьеры стоил больше, чем вся остальная шотландская аристократия. Он был патриотом, а большая часть лордов продалась Англии. Он, несмотря на то что был протестантом, являлся верной опорой Марии Лотарингской (Гиз.—Е. Ч.) и Марии Стюарт против внешних врагов; внутри страны он стремился защитить их от измены враждебных лордов». В месяцы после убийства Риччио Босвел и его отряды были верной опорой Марии, когда она стремилась освободиться от фактического подчинения мятежным лордам. С другой стороны, поддержка Босвелом королевы против Дарнлея могла до поры до времени определяться той враждой, которую вызвал неумный и наглый супруг королевы у многих влиятельных политиков. Известно, что Марии удалось осенью 1566 года добиться примирения Босвела с еще ранее вернувшимся из Англии Мереем, графами Арджилом и Хентли, с государственным секретарем Мейтлендом, которые все ненавидели Дарнлея. Многие документы, связанные с этим примирением, были потом уничтожены Мереем и его единомышленниками с очевидной целью представить Марию Стюарт и Босвела единственными виновниками убийства Дарнлея. Один английский наблюдатель позднее, уже в ноябре 1567 года, писал: «Бумаги, содержащие имена главарей и их согласие на убийство короля, превращены в пепел, а бумаги, касающиеся роли королевы, сохранены для обозрения». Вероятно, что документ, уличавший лордов, с подписями Мортон, Мейтленда, сэра Джеймса Балфура и др. был передан Босвелом Марии перед их расставанием в июне 1567 года и потом был отобран у нее, когда она попала в плен.

Эти сведения совпадают с тем, что известно о так называемой конференции в замке Крейгмиллер, неподалеку от Эдинбурга, состоявшейся в октябре или ноябре 1566 года. В ней принимали участие королева, Босвел и группа лордов во главе с Мереем. Обсуждался вопрос о необходимости избавить королеву от Дарнлея. Государственный секретарь Мейтленд предложил сделку: королева прощает убийц Риччио, взамен будет найден способ обеспечить ее развод с Дарнлеем. Мария выразила согласие с тем условием, чтобы повод для развода

не ставил под сомнение законность ее сына. Мейтленд заметил в ходе оживленной беседы:

«Государыня, не беспокойтесь. Мы, собравшиеся здесь, главные представители вашего дворянства и государственного совета, найдем средство избавить ваше величество от него (Дарнлея.— *Е. Ч.*) без ущерба для вашего сына».

Мария заявила, что она не желает совершения ничего, способного запятнать ее честь и совесть. «Государыня,— ответил Мейтленд,— предоставьте это дело нам, и ваша милость узрит лишь только благо, одобренное парламентом».

О конференции в Крейгмиллере мы знаем от нескольких ее участников, включая и Марию Стюарт. Их свидетельства сходятся по крайней мере в том, что лорды договорились с королевой (или по крайней мере договаривались) о ее разводе с Дарнлеем. Однако добиться развода было непростым делом. А пока Дарнлей оставался мужем королевы, покушение на него было бы, в отличие от убийства какого-то Риччио, государственной изменой, за которую можно было бы притянуть к ответственности, если не сразу, то позднее, при удобном случае. Короче говоря, если бы развод оказался неудобно исполнимым, от Дарнлея следовало избавиться таким способом, чтобы это не выглядело убийством; иначе риск становился бы слишком большим.

24 декабря 1566 г. было официально объявлено о прощении убийц Риччио. Можно, конечно, рассматривать это как плату сообщникам по новому заговору. Однако допустимо и другое, более простое объяснение — за виновных лордов, являвшихся наиболее активными лидерами протестантской партии, ходатайствовало правительство Елизаветы. Даже французская дипломатия присоединилась к этой просьбе, и отказать было трудно. Вместе с тем этим актом прощения в Шотландию возвращались люди, остро ненавидевшие Дарнлея за его предательство, которое тогда похоронило их политические планы и заставило удалиться в изгнание. Несомненно, что часть из вернувшихся сразу примкнула к заговору. К ним принадлежал влиятельный граф Мортон, впоследствии многие годы являвшийся регентом Шотландии. В написанной Мортонем накануне казни в 1581 году «Исповеди», в которой ему, вероятно, не имело смысла скрывать истину, он признавал, что знал о за-

говоре, хотя не участвовал в нем, одновременно отмечая, что активным заговорщиком был его родич Арчибальд Дуглас. В свою очередь, Дуглас в 1583 году в письме к Марии Стюарт вспоминал, что 18 или 19 января 1567 г. Мортон, возвращавшегося из Англии, встретили Босвел и Мейтленд (о самом факте этой встречи сообщал 23 января английский представитель Уильям Друро в своем донесении Сесилу). По словам Дугласа, Босвел и Мейтленд предложили Мортону участвовать в убийстве, но тот поставил условием получение письменного приказа королевы. Из письма Дугласа явно следует, что, по его мнению, Марии было известно о подготовлявшемся покушении.

Все же если причины, побудившие Марию к амнистии убийц Риччио, допускают различное толкование, то этого нельзя сказать о некоторых других ее действиях. В течение всего времени после вступления в брак с Дарнлеем Мария не скрывала своей враждебности к протестантской церкви (в отношении которой ранее, как уже отмечалось, королева придерживалась сдержанно благоприятной позиции). В октябре же 1566 года происходит новый поворот. Издаётся королевский указ, направленный на увеличение доходов протестантского духовенства. Оно наделяется различными дарами, в том числе денежным подарком в 10 тыс. фунтов стерлингов. Трудно объяснить все это иначе, как стремлением заручиться поддержкой такой влиятельной силы, как протестантская церковь, в предстоящем политическом кризисе, который, по мнению королевы, должен был вскоре начаться. Правда, она не обязательно могла думать только о кризисе в результате убийства мужа и особенно последующего брака с Босвелом. Политические потрясения могли казаться ей вероятными и по другим причинам — мало ли их было в это бурное время в привыкшей к усобицам Шотландии?

Однако вряд ли можно говорить о других причинах еще одного хода Марии — восстановления прав католического архиепископа Сен-Эндрюсского Джона Гамильтона, которых его лишили в предшествующие годы. Это было сделано явно с той целью, чтобы он имел возможность развести Марию с Дарнлеем, а вероятно, также и Босвела с его женой. Эти поступки, по-видимому, свидетельствуют в пользу того, что Мария знала о заговоре против Дарнлея. Следует добавить, что сведения о на-

раставшей угрозе для жизни Дарнлея достигли и ушей иностранных дипломатов и разведчиков. О ней, в частности, был осведомлен французский посол Дюкрок, покинувший Шотландию за три недели до убийства. Сам же Дарнлей, как уже отмечалось, поспешил укрыться в относительно безопасном Глазго.

Таким образом, кое-что о заговоре было известно многим, и нет ничего удивительного в том, что к их числу принадлежала и Мария. Это, однако, еще не означает участие самой королевы в заговоре или даже знание каких-либо конкретных деталей подготовки покушения.

Большой знаток шотландской истории XVI века и автор специальной монографии о первом суде над Марией Стюарт Г. Доналдсон, взвешивая изложенные выше аргументы, склоняется к выводу, что Мария не принимала участия в заговоре или, по крайней мере, ее поведение легче объясняется, если исходить из этого предположения.

20 января 1567 г. в письме своему стороннику архиепископу Бетону в Париж королева упоминает о слухах, что Дарнлей в сообществе с несколькими лордами собирается короновать ее малолетнего сына и править от его имени. И в этот же самый день королева отправляется из Эдинбурга в Глазго, чтобы привезти оттуда больного мужа в столицу. Не очень правдоподобно, чтобы королева согласилась взять на себя роль приманки, с помощью которой заговорщики стремились заманить Дарнлея в Эдинбург. «Искренен ли был этот неожиданный переход от отвращения к трогательному участию, от ненависти к доброму согласию? — задавал вопрос французский историк М. Минье и отвечал: — Невозможно верить этому, если принять в расчет, что смерть Дарнлея, последовавшая чрезвычайно трагически через несколько дней, не причинила ей никакой печали, не оставила в ней ни малейшего сожаления, не внушила ей чувства мести, не заставила принять никаких судебных мер; если обратить внимание на то, что, в то самое время как она, по-видимому, примирилась с мужем, ее преступная связь с Босвелом продолжалась и что вскоре после того она сделалась женой этого отважного убийцы ее мужа». Если Мария намеревалась убить Дарнлея, почему она не попыталась это сделать в Глазго, руками своего доктора, а положилась на такой неверный способ, как взрыв здания в столице? — возражал Л. Мене-

валь (см. Л. Меневаль, Правда о Марии Стюарт, Париж, 1877). С другой стороны, утверждение защитников Марии, что ею двигала жалость к больному мужу, тоже вряд ли способно кого-либо убедить, если вспомнить предшествовавшие этому отношения между супругами. Вероятно, объяснение можно найти в упорно ходившем слухе, что Мария снова должна была стать матерью и необходимо было узаконить ожидавшегося ребенка.

Мемуары расходятся в определении причин болезни Дарнлея. Одни считали ее результатом далеко зашедшего венерического заболевания, другие — следствием отравления. К последнему предположению присоединились уже в XVIII веке видные шотландские ученые. Джилберт Стюарт (см. Д. Ж. Стюарт, История Шотландии от утверждения Реформации до смерти королевы Марии, Лондон, 1782) считал, что королева знала о попытке отравления Дарнлея лордами и в ней проснулось сочувствие к мужу, ставшему жертвой ее врагов. Это и привело Марию к больному Дарнлею в Глазго. Его выздоровление и примирение с королевой естественно вызвали сильную тревогу лордов. Их безопасность оказалась несовместимой с дальнейшим существованием Дарнлея. В заговоре участвовал наряду с Мереем, Мортонем, Мейтлендом также и Босвел. Однако Мерей и Босвел строили при этом совершенно противоположные планы. Босвел после смерти Дарнлея стремился получить руку Марии и трон, Мерей надеялся захватить власть в свои руки.

Косвенные данные, возможно, говорят о том, что Марии не было известно о плане взрыва Кирк о' Филда. Она была настолько потрясена известием, что несколько дней не принимала участия в делах. В течение значительного периода после гибели Дарнлея корреспонденция, подписанная королевой (за одним исключением — письма от 16 февраля), велась на английском, точнее на шотландском, а не, как обычно, на французском языке. Даже через месяц, 8 марта, когда английский посол получил аудиенцию, его приняли в полутемной комнате: вероятно, больная Мария поручила одной из своих фрейлин сыграть роль королевы. Можно, правда, лишь гадать, была ли вызвана эта болезнь нервным перенапряжением, раскаянием в содеянном или в том, что Мария не пресекла известные ей планы лордов, либо, наконец, опасением за будущее.

В официальном обвинении, предъявленном позднее Марии, говорилось, что она сама выбрала Кирк о' Филд как резиденцию для Дарнлея. Это, судя по всем данным, не соответствует действительности. Показания людей, принадлежащих к различным партиям, свидетельствуют, что Мария первоначально собиралась перевести больного Дарнлея не в Кирк о' Филд, а в Крейгмиллер. Кирк о' Филд был избран самим Дарнлеем (на это обращали внимание многие исследователи, писавшие в XIX в., — француз Ж. Готье, немцы Б. Зепп, О. Карлова и др.). Г. Кардаунс высказывает предположение, что именно Балфур предложил Дарнлею остановить свой выбор на Кирк о' Филде. Во всяком случае выбор был сделан Дарнлеем вполне добровольно и вопреки желанию Марии. Другие историки, например французы Ж. Пти (см. Ж. Пти, История Марии Стюарт, т. 2, Париж, 1875) и Л. Меневаль, соглашаются с мнением некоторых современников, что Кирк о'Филд был выбран Дарнлеем по совету Мерeya. Надо учесть, что Кирк о' Филд был расположен на высоком месте, а не в низине, как замок Холируд, и поэтому мог более подходить для больного.

В обвинении указывалось, что порох был сложен в спальне королевы. Это помещение было расположено непосредственно под комнатой Дарнлея, и Мария провела в своей спальне две ночи. А в покрытых мраком событиях 9 февраля по крайней мере очевидно одно — Кирк о'Филд, по единодушному свидетельству очевидцев, взрывом был буквально поднят на воздух, весь, включая стены, вплоть до камней фундамента. Поэтому в первые дни после взрыва господствовало мнение, что под дом была подведена мина. Об этом говорилось в письме, отправленном от имени Марии в Париж. Об этом же доносили английские дипломаты и агенты в Лондон. Мерей также сообщал, что дом «целиком подорван». По-видимому, брату королевы, вскоре снова возглавившему группировку, враждебную его сестре, еще не пришло в голову, насколько это заявление не согласуется с утверждением, что порох находился не в подвале, а в опочивальне Марии Стюарт. Непонятно также, почему заговорщики так долго медлили со взрывом, ставя под угрозу все предприятие: ведь порох в комнате королевы мог быть обнаружен в любую минуту. Размеры взрыва невольно заставляют задать вопрос, действительно ли заговорщики метили только в Дарнлея? Не проще ли было избавиться от него с по-

мощью яда — ведь доказать преступление при тогдашнем состоянии медицины было бы фактически невозможно и подозрения (которые часто сопровождали в те времена даже естественную смерть влиятельных политических деятелей) так и остались бы подозрениями.

Значительно легче объяснить известные факты, предположив, что целью заговорщиков был не только Дарнлей, но и сама королева. Были ли у лордов в начале 1567 года основания стремиться к ее устранению? Ответ может быть только положительным. Да, основания были, и бóльшие, чем во время убийства Риччио, когда, по крайней мере, часть заговорщиков предполагала избавиться также и от Марии. Рождение сына в известном смысле ослабило позиции королевы, теперь ее смерть не вызвала бы споров о наследовании престола. Более того, она обеспечивала интересы протестантской партии — Якова воспитали бы сторонником реформированной церкви, а не католиком, как это предполагала, конечно, сделать его мать. Малолетство Якова позволяло честолюбцам вроде Мерее долгие годы управлять страной. Убийцы Риччио рассчитывали, устранив королеву, править, прикрываясь именем недалекого Дарнлея. Теперь же, вернувшись из изгнания, не решили ли они осуществить старый план с тем только изменением, что, убрав с пути королеву и Дарнлея, воспользоваться куда более удобной марионеткой — Яковом? Мысль, что мишенью заговорщиков был не только Дарнлей, но и королева, казалась очень правдоподобной современникам. Ее высказывали не только сторонники Марии Стюарт вроде упомянутого архиепископа Бетона, но и английская агентура в донесениях Уильяму Сесилу.

Возможно, конечно, что целью убийц могли быть наряду с Дарнлеем и Марией и какие-то другие враждебные им заговорщики — лорды, которые вместе с королевой находились в Кирк о' Филде за несколько часов до взрыва. Но здесь мы вступаем уже в область ничем не подкрепляемых домыслов, тем более что некоторые из предполагаемых заговорщиков сопровождали королеву в здание, которое могло в любую минуту взлететь на воздух.

ЗАГОВОР В ЗАГОВОРЕ?

исторической литературе высказывалась и гипотеза, что сам Дарнлей был участником заговора, жертвой которого он пал. Согласно этой гипотезе, Дарнлей хотел — как и при убийстве Риччио — избавиться от жены и захватить корону. При этом Дарнлей, продолжают сторонники этой версии, рассчитывал на поддержку католической партии и католических держав. Эта гипотеза опирается на тот факт, что Дарнлей действительно пытался завязать связи с Испанией и Римом, представляя себя поборником дела католицизма, к которому, мол, проявляет равнодушие Мария Стюарт. Предположение об участии Дарнлея помогает объяснить некоторые обстоятельства, кажущиеся в других случаях загадочными, включая, конечно, то, что заговорщики рискнули довольно длительное время держать порох в Кирк о' Филде.

Во всяком случае, расчеты Дарнлея, очень сомнительного католика в глазах Филиппа II и нового папы Пия V, были шаткими. И испанский король, и римский первосвященник, и его нунции в западноевропейских странах, вне всякого сомнения, считали Марию оплотом католицизма и очень неслестно отзывались о Дарнлее. Лишь епископ Мондови в августе 1566 года писал из Парижа в Рим, что, хотя Дарнлей ныне заигрывает с еретиками, он достаточно беспощаден и сможет, в отличие от королевы, решиться на истребление вождей протестантской партии. Вероятно, предложения, с которыми собирался обратиться Дарнлей к руководящим силам католической контрреформации, даже не были ими получены. При небыстрой тогда передаче сообщений и медлительности Филиппа II и римской курии при принятии политических решений кажется невероятным, чтобы заговорщики выступали агентами этих сил.

Немецкий историк Е. Беккер подчеркивает в книге «Мария Стюарт, Дарнлей, Босвел» (Гиссен, 1881), что в Мадриде, Париже и Лондоне в первые дни после убийства Дарнлея давали взаимоисключающие объяснения этому событию. Это явно не свидетельствует о том, что там

были заранее извещены о покушении. Английский посол в Париже доносил 5 апреля 1567 г., что смерть Дарнлея ведет свое «происхождение» из Парижа. Однако, во-первых, это замечание слишком неясно, чтобы решить, имел ли британский дипломат в виду заговор Марии против Дарнлея или заговор против их обоих. А во-вторых, не следует преувеличивать возможности и осведомленность британских агентов во Франции: они должны были питаться слухами или чаще обрывками слухов, циркулировавшими при дворе. А в это время во Франции распространялись различные, в том числе явно неправдоподобные, известия о взрыве Кирк о'Филда, которые и воспроизводили в своих донесениях иностранные дипломаты. Очень вероятно, что это было отражение слухов, шедших из Англии, а не какая-то тайная осведомленность правительств католических держав.

Конечно, все это не исключает того, что Дарнлей сам, без участия внешних сил, организовал заговор. Однако странно, что такая мысль возникла у историков лишь через четыре столетия и не была высказана ни одним из современников, даже тех, кому это было бы явно выгодно. Конечно, лордам, обвинявшим Марию и Босвела, незачем было выдвигать эту версию, но почему этого тогда же не сделали сама королева и ее новый муж? Граф Мортон в своей предсмертной исповеди тоже не пытался обелить себя, свалив вину на Дарнлея. К тому же больному Дарнлею, проведенному всего десять дней в Кирк о'Филде и до этого, по всей вероятности, не знавшему, что он будет помещен в этом здании, вряд ли было по силам организовать незаметно доставку большого количества пороха. Вдобавок надо учесть, что Дарнлей, по общему мнению, был болтуном, неспособным сохранить никакой секрет, а его недавнее предательство сообщников после убийства Риччио вряд ли располагало их снова вступить с ним в тайный сговор.

Правда, в «Истории» известного ученого Джорджа Бьюкенена, близкого к семье Дарнлея и ставшего после его гибели ярым врагом королевы, есть одна фраза, заслуживающая особого внимания. В этом сочинении — заранее отметим, содержащем немало явных противоречий и намеренной лжи, — Бьюкенен пишет, что большинство слуг Дарнлея успело выйти из обреченного здания, заранее зная о готовившемся покушении. Слова эти очень странны в книге, где доказывается, что существовал за-

говор королевы и Босвела против Дарнлея. Непонятно, почему слуги не предупредили об опасности своего хозяина. Неясно, откуда они узнали о ней: если от самого Дарнлея, то почему он сам предпочел до последней минуты оставаться в доме. Остается предположить, что слуги были встревожены каким-то просочившимся слухом о надвигавшейся опасности.

Сторонники версии о заговоре Дарнлея пытаются использовать очень неясные обстоятельства, сопровождавшие его гибель. Показания свидетелей и вообще современников крайне противоречивы и, вероятно, сознательно запутаны. Первоначально все свидетели утверждали, что на трупе Дарнлея не было видимых следов насильственной смерти. Однако далее начинаются расхождения. Из некоторых показаний следует, что Дарнлей был убит в самом доме во время взрыва, из других, большинства, — что его труп нашли в саду. Расхождение это мало что дает для выяснения того, кто был организатором взрыва, если считать, что тело было выброшено в сад взрывной волной. Возможно предположить, что смерть наступила в результате внешне не заметного повреждения внутренних органов (один из слуг королевы показал, что у Дарнлея было сломано ребро, хотя приписал это тому, что тот неудачно выпрыгнул из окна). Однако это предположение не кажется правдоподобным — при большой силе взрыва, мгновенно поднявшего в воздух все здание, трудно представить, что Дарнлей, если этот взрыв застал его в постели, без увечий пролетел через стену или потолок и что на теле не осталось следов от обрушившейся груды камней.

Совершенно иной становится вся картина, если допустить, что Дарнлей покинул здание до взрыва. Это предполагает, что ему заранее было известно о предстоявшем взрыве. Даже в таком случае вовсе не обязательно, чтобы Дарнлей был организатором или даже участником заговора. Возможно, что Дарнлей узнал о близком взрыве и поспешил покинуть дом. Подобное объяснение событий согласуется со сведениями, что тело было обнаружено в саду. Дарнлей явно выпрыгнул из окна, а не вышел в дверь, и притом в нижнем белье, в два часа ночи, зимой — в феврале. Это было уже слишком для любого маскарада. Кроме того, он зачем-то оставил в доме погибать двух слуг (один из них спасся, оставаясь как раз в той галерее, откуда якобы выпрыгнул в сад его госпо-

дин). Все это скорее свидетельствует о спешке, о панике, а не о макиавеллистски тонко, тщательно продуманном до деталей поведении организатора заговора — роль, которую менее всего был способен сыграть недалекий Дарнлей.

Предположить, что Дарнлей сам поджег запал, заметив издали факелы у всадников, среди которых, по его мнению, находилась Мария, а потом поспешил наверх, чтобы почти голым выпрыгнуть из окна, — значит построить самую нелепую гипотезу. Начнем с того, что запалы того времени часто гасли и огонь не успевал достигнуть пороха. Нельзя было также точно определить, успеет ли королева достаточно приблизиться к дому или даже войти в него до того, как произойдет взрыв. И зачем было в таком случае прыгать из окна, а не просто незаметно ускользнуть из Кирк о' Филда через одну из дверей?

Несколько правдоподобнее может показаться версия, что Дарнлей, подготовив взрыв на более позднее время, проснулся, например, от запаха горелого, от случайно возникшего огня и поспешил в страхе выпрыгнуть в окно. Однако и тогда трудно объяснить его смерть в саду — ведь как раз в это время Дарнлея должны были поджидать убийцы.

Нет, слишком неверные расчеты и самые неправдоподобные совпадения должна допускать теория, согласно которой Дарнлей сам был заговорщиком, причем — надо подчеркнуть — все варианты этой теории. Она еще менее выдерживает проверку, чем официальная версия, по которой организаторами заговора выступают Мария Стюарт и Босвел. Остается проверить третью версию, находящую подтверждение в «Исповеди» графа Мортон, что заговорщиками являлись мятежные лорды.

Еще в XVIII веке известный исследователь У. Гудел писал, что лорды, которые оказались способными так поступить с королевой, как они обошлись с ней, не могли остановиться перед убийством ее мужа. Анализ событий накануне убийства показывает, что только Мерей и Мортон с их сообщниками совершили это ужасное «дело». Их активным соучастником являлся архиепископ Сен-Эндрюсский, а Босвел не был участником заговора:

Как уже говорилось выше, у лордов были веские мотивы для того, чтобы отделаться от Дарнлея, а еще лучше от Дарнлея и королевы. Собственно, ведь так и произошло: Дарнлей был убит, а на Марию Стюарт была возло-

жена ответственность за убийство и она на этом основании была лишена трона. Главным лицом, которое должно было выиграть и действительно выиграло от всего этого, являлся несомненно Мерей, глава группы протестантских лордов. И надо добавить, Мерей был человеком, на которого в это время делали ставку в Лондоне. А это уже вводит в игру Уильяма Сесила и его секретную службу. Интересно отметить, что в первые месяцы после взрыва в Париже были прямо склонны приписывать смерть Дарнлея козням Мерей и англичан. 13 марта 1567 г. Мерей откровенно писал Сесилу: «Я сам затронут». Конечно, надо было плохо знать и Сесила и Мерей, чтобы надеяться найти в сохранившихся документах следы их подлинных намерений и планов.

Посмотрим, что же делал Мерей в недели и месяцы, предшествовавшие и последовавшие за взрывом Кирк о'Филда. Напомним, что Мерей приехал в Эдинбург на другой день после убийства Риччио. Теперь же он покинул столицу немногим менее чем за сутки до убийства Дарнлея. Однако на этот раз у Мерей была вполне объяснимая причина для спешного отъезда — неудачные роды его жены. Мерей вернулся в Эдинбург только 7 апреля и, пробыв в столице не более двух или трех суток, отправился во Францию, назначив Марию Стюарт опекуной своих детей. Иначе говоря, через два месяца после убийства Дарнлея Мерей еще не собирался обвинять сестру в совершении этого преступления. Находясь в Лондоне, он заявил, что не верит в слухи о браке Марии Стюарт и Босвела. Возможно, что все действия Мерей объяснялись нежеланием связывать себе руки, до тех пор пока не прояснится обстановка.

Из других вероятных участников заговора лорд Хентли (он, между прочим, был шурином Босвела) и Арчибалд Дуглас были незадолго до взрыва в Кирк о'Филде вместе с королевой и Босвелом. Это известно из «Исповеди» Мортонна, а о Дугласе — также из показаний его казненного в 1581 году слуги Биннинга. Участие Дугласа подтверждает и мольба, приписываемая Дарнлею, когда убийцы настигли его в саду: «Сжальтесь надо мной, родственники, во имя того, кто имел жалость ко всем» (Дугласы состояли в родстве с Дарнлеем по материнской линии).

Два других лорда, по-видимому, вступивших в союз для убийства Дарнлея, — Мейтленд и Арджил — были в

Эдинбурге 9 февраля, Арджил, вероятно, сопровождал Марию при посещении Кирк о'Филда. Мортон, недавно вернувшийся из изгнания, по его собственному свидетельству, заранее знал о заговоре, но не был его участником. Нет прямых свидетельств участия в заговоре Гамильтонов, но устранение Дарнлея было явно в интересах этого клана. Вскоре Гамильтоны, ранее предлагавшие «молодого Эррана» в качестве жениха для королевы, выдвинули кандидатуру его младшего брата — лорда Джона. Следует добавить, что дом Гамильтонов был расположен совсем рядом с Кирк о'Филдом, и упорно говорили, что в окне комнаты главного политика в этой семье — архиепископа Сен-Эндрюсского в ночь убийства горел свет. Во всяком случае, Гамильтоны были в числе тех, кто мог с особым успехом обеспечить тайную доставку пороха в Кирк о'Филд.

Но еще большие возможности могли быть у сэра Джеймса Балфура из Питтендрейча. Этот ученый судья и впоследствии глава шотландской юстиции был весьма колоритной фигурой. Даже современники, привычные ко всяческим изменам, выделяли «богохульного Балфура» как «самого растленного из людей», последовательно служившего и предававшего с выгодой для себя все партии. За два месяца до взрыва, 9 декабря 1566 г., брату Джеймса Балфура Роберту была предоставлена должность управляющего Кирк о'Филдом, и достойный судья мог без помех осуществить всю подготовку к преступлению. Носились слухи, что незадолго до взрыва он купил пороха на большую сумму в 60 фунтов стерлингов. Это явно был не тот порох, который, по утверждениям врагов королевы, был доставлен в Кирк о'Филд слугами Босвела. Слухи о причастности к заговору Джеймса Балфура возникли сразу же после взрыва. Английские агенты доносили в Лондон, что был тайно убит слуга Балфура, поскольку его признания могли привести «к полному раскрытию картины смерти короля». С Балфуром был связан некий капитан Каллен, который в июне 1567 года сообщил об обстоятельствах гибели Дарнлея. Через четыре года, находясь вместе с Балфуром в осажденном Эдинбургском замке, Каллен попал в руки победившей протестантской партии и был сразу же казнен по приказу графа Мортонна. Сам же Балфур утверждал впоследствии, что Мария предложила ему организовать убийство Дарнлея, но он благородно отказался. Свидетельства Балфура стоят во-

обще немного, особенно если учесть, что он годами после гибели Дарнлея подвизался в рядах сторонников Марии Стюарт. К тому же Балфур ничего не говорил о том, что он не участвовал в каком-то другом заговоре, ставившем целью убийство Дарнлея, а может быть, и королевы. Балфур не мог сам извлечь преимуществ из смерти Дарнлея — он должен был действовать как агент других лиц.

Официальная версия, повествующая о том, как слуги Босвела быстро, чуть ли не на глазах у лордов, прибывших вместе с Марией в Кирк о'Филд, доставили порох из Холируда, содержит много несуразностей. Тем более что, как уже отмечалось, взрыв пороха в комнате королевы не привел бы к разрушению до основания всего дома. По-иному предстанет картина, если Босвел действовал вместе с лордами. В таком случае с помощью Балфура порох был притащен в подвал Кирк о'Филда, возможно, из соседних подвалов. Лорды, зная, что порох еще только должен быть доставлен, могли с легким сердцем сопровождать королеву в Кирк о'Филд. Действительно, переноска пороха могла быть осуществлена незадолго до взрыва. На слуг Босвела могла быть возложена обязанность поджечь заповедь, а Арчибальду Дугласу и его слугам было поручено окружить дом, чтобы покончить с Дарнлеем, если он спасется при взрыве. Возможно, разные участники заговора намечали различные жертвы и оттяжка взрыва до двух часов ночи была вызвана разногласиями, неуверенностью, стоит ли действовать, когда главный объект покушения — королева неожиданно покинула обреченное здание. Возможно, что Босвел сообщил Марии о своем участии в заговоре лишь после их свадьбы. В литературе уже давно (см., например, Э. Лэнг, Тайна Марии Стюарт, Лондон, 1901) была высказана мысль, что те, кто взорвал здание, вероятно, не знали всех деталей заговора. Как бы то ни было, вскоре после убийства молва указывала на Марию как участницу заговора, а последующий брак королевы с Босвелом придал этим предположениям характер уверенности. Судебный процесс в Эдинбурге, полностью оправдавший Босвела, был проведен настолько пристрастно, что только подлил масла в огонь.

Начиная с 1566 года или несколько ранее о быстрых изменениях положения в Шотландии Сесил получал информацию от своего разведчика Руксби. Тот подробно сообщал об убийстве Риччио, фиксировал чуть ли не каж-

дое свидание Марии Стюарт и Босвела, все перипетии, приведшие к взрыву в Кирк о'Филде.

В свите Дарнлея находилось двое братьев, которые носили одинаковое имя Энтони Станден. Один из них находился в самом Кирк о'Филде в день убийства и спасся только потому, что был приглашен на бал-маскарад, который давала Мария Стюарт в Холируде по случаю венчания своих слуг. Станден подробно описал Сесилу события 9 февраля. Позднее Энтони Станден стал одним из наиболее ловких и удачливых английских разведчиков.

Вскоре после убийства Дарнлея в Шотландии снова появился Николас Трокмортон. С ним приехал французский посол, стремившийся к восстановлению власти Марии Стюарт. Трокмортон же должен был добиваться примирения королевы с лордами, наказания убийц Дарнлея и отсылки принца Якова в Англию, где Елизавета предполагала объявить его наследником престола. Ни одной из этих целей ему достигнуть не удалось.

В середине мая королева вышла замуж за Босвела, а еще через месяц ее войска без боя капитулировали перед армией, собранной лордами якобы во имя спасения королевы и ее сына. Мария была заключена в замок Лохлевен и здесь под давлением лордов 24 июля отреклась от престола в пользу Якова. Регентом стал спешно вернувшийся в Шотландию Мерей. В случае его отказа предполагалось, что этот пост займет Мортон.

Коалиция лордов быстро распалась. Часть из них (Гамильтоны, Хентли, Арджил) были недовольны переходом власти в руки Мерей. Они приняли сторону Марии, которая 2 мая 1568 г. бежала из Лохлевена. За несколько дней вокруг нее собралась значительная армия в 5 или 6 тыс. человек. Однако эта армия 13 мая потерпела полное поражение при Лэнгсайде близ Глазго. 16 мая Мария Стюарт приняла роковое решение — перешла на территорию Англии и отдалась под покровительство Елизаветы.

Елизавета быстро превратила свою «дорогую сестру» в пленницу, находившуюся в почетном заключении, которое, впрочем, постепенно становилось все менее почетным. Задачей английской дипломатии было обеспечить согласие сторон — шотландской королевы и регента Мерей — на разбор их притязаний комиссией, назначенной Елизаветой. Для этого в ход пускались и скрытые угрозы и обещания. Каждая сторона желала знать, ка-

кие выгоды последуют из благоприятного для нее решения комиссии — помощь Марии в восстановлении на престоле или, напротив, признание Англией правительства регента? Шли споры и о том, должна ли Елизавета персонально возглавить комиссию, а Мария — лично присутствовать при разборе дела. В конечном счете и на предварительных переговорах летом 1568 года и на последующих заседаниях комиссии в Йорке, а позднее в Вестминстере в Лондоне в эти вопросы так и не было внесено ясности. Это привело к отзыву Марией ее представителей.

Главным козырем Мерея стали знаменитые «письма из ларца» — письма королевы Босвелу. Стоит отметить, что комиссии письма были представлены 7 и 8 декабря 1568 г., то есть уже после того, как уполномоченные Марии Стюарт — епископ Росский Джон Лесли и др. покинули конференцию. Из лиц, присутствовавших, согласно официальной версии ранее, при вскрытии ларца 21 июня 1567 г., в Вестминстере находились двое — Мортон и Мейтленд. Подлинность документов могла быть засвидетельствована лишь ими двумя. Поскольку комиссия не являлась формально судебным органом, не были применены и обычные методы судебного следствия. Не было ни вызова свидетелей, ни перекрестного допроса. Правда, комиссия получила — вероятно, несколько позднее — протоколы суда над слугами Босвела — Хеем, Хепберном, Лоури и Дэлглейшем, казненными за участие в убийстве Дарнлея. Но сами свидетели уже были мертвы.

По утверждению лордов — врагов Марии и сторонников регента Мерея, ларец был захвачен 20 или 21 июня 1567 г. у слуги графа Босвела Джорджа Дэлглейша, который накануне унес письма из Эдинбургского замка. Ларец — подарок Екатерины Медичи — был украшен лилиями, гербом французского королевского дома Валуа. При вскрытии ларца 21 июня присутствовали лорды Мортон, Мар Атолский, Гленкейрн, Хьюм и др., а также высшие сановники страны Мейтленд, Арчибалд Дуглас. Список внушительный, но о нем мы узнаем не из свидетельств этих лиц, а из показаний только одного из них — графа Мортонна, будущего регента. Интересно отметить, что через несколько дней после ареста Дэлглейша его подвергли подробному допросу относительно обстоятельств смерти Дарнлея. Не было задано вопросов

лишь о ларце и его содержимом. Странное упущение, если считать, что в нем действительно находились письма, на основе которых позднее строилось обвинение против Марии Стюарт.

Тем не менее ларец с какими-то письмами, вероятно, действительно был захвачен. О том, что, по слухам, в руках лордов находятся письма Марии Стюарт, уличающие ее в убийстве мужа и незаконной связи с Босвелом, писал в Лондон сэр Николас Трокмортон. В конце июля Мерей, возвращаясь из Франции на родину, сообщил испанскому послу, а также Сесилу, что имеется письмо королевы к Босвелу, доказывающее ее соучастие в убийстве Дарнлея. Об этом говорил тогда же и граф Леннокс. Их заявления в некоторых чертах совпадают с содержанием так называемого «алмазного письма» из ларца. В нем королева писала: «Его (Дарнлея.— *Е. Ч.*) сердце из воска, а мое из алмаза». Однако само «алмазное письмо» куда менее определенно свидетельствует о вине королевы, чем это следует из утверждений Мерей и Леннокса. Ясно, что, если бы существовал более доказательный документ, его не заменили бы на это письмо из ларца. Следовательно, одно из двух: либо заявления Мерей и Леннокса — просто неправильное изложение письма с целью дискредитации Марии, либо же эти утверждения отражают какой-то ранний этап подделки корреспонденции королевы.

Важно отметить, что захват переписки в июне 1567 года отнюдь не привел к тому, что позиция лордов в отношении Марии стала более жесткой. В заявлениях 30 июня и 11 июля повторялись утверждения, что королева была силой увезена Босвелом — в явном противоречии со свидетельством «писем из ларца», если они, разумеется, не являются подделкой. Еще 14 июля (т. е. за 10 дней до отречения Марии) Николас Трокмортон сообщал из Эдинбурга, что лорды говорят с почтением о Марии и собираются восстановить ее на престоле, несмотря на враждебность общественного мнения.

«Письма из ларца» были использованы против королевы только через несколько месяцев после ее отречения, в декабре 1567 года. Именно тогда шотландский Тайный совет постановил, что парламент должен оправдать восстание лордов против королевы, поскольку собственноручно написанные ею письма безусловно уличают Марию как участницу убийства Дарнлея. Таким

образом, у лордов было целых полгода для подлога. Возможно, что шлифовка подделки продолжалась еще до лета 1568 года. По крайней мере, при неофициальной передаче корреспонденции членам английской комиссии там определенно находились письма, не включенные в окончательный набор (это явствует из свидетельства английской стороны, что ей были показаны письма, содержащие сведения, которые не фигурируют в опубликованных позднее «письмах из ларца»).

Вопрос о том, насколько были искажены письма, попавшие в руки лордов, был предметом бесконечных споров среди исследователей. «Среди всех вызывающих споры исторических сюжетов историю Марии Стюарт уже много лет считают поразительно сложной, запутанной и продолжают считать таковой и поныне», — писал в 1754 году шотландский историк У. Гудел в книге «Анализ писем, как утверждают, написанных Марией, королевой шотландской, графу Босвелу». В это время известный философ и историк Д. Юм в своей «Истории Англии» целиком встал на сторону противников Марии Стюарт. Юма поддержал У. Робертсон, едва ли не самый известный шотландский историк, автор уже упомянутой «Истории Шотландии в правление королевы Марии».

Одну из наиболее основательных попыток доказать подложность писем предпринял в середине XVII века цитированный выше У. Гудел. Он признавал, что задача подделки писем королевы была очень сложной. Поэтому сначала сфабриковали письма и любовные стихи по-шотландски, а лишь потом их перевели на французский и латинский языки. Гудел пытался путем лингвистического анализа доказать, что французский текст является переводом с шотландского оригинала. Иногда переводчик даже не вполне понимал тонкости оригинала. Шотландские идиомы и пословицы переводились механически, при этом терялся их смысл. У. Гудел выдвинул идею, что речь могла идти не только о подделке, но и о частичном изменении текста писем королевы. Теория Гудела через сто лет была модернизирована Д. Хозеком.

Нередко доводы основывались на совершенном игнорировании нравов эпохи. Современник У. Гудела У. Татлер в 1767 году заявлял, что письма, «кажется, сами составляют презумпцию невинности, поскольку не только королева, но любая женщина, у которой можно пред-

полагать хоть немного благоразумия и самое слабое чувство скромности, не могла бы написать подобные письма». Татлер отмечал, что даже если письма в основном были написаны королевой, то это еще не значит, что они целиком вышли из-под ее пера. Он подтвердил мнение Гудела, что, вопреки уверениям врагов, французский текст писем явно не является оригиналом, а переводом с английского (вернее, с шотландского). Точно так же как и та часть писем, которая якобы была написана по-латыни. Сам же Гудел, считая полностью подорванной веру в аутентичность писем, добавлял: «Я не могу не поражаться и не удивляться тому, что существует столь много писателей, и католиков и протестантов, считающихся лицами учеными и способными к здравому суждению, которые позволили убедить себя в правильности столь неправдоподобных, вернее, не заслуживающих доверия и бессмысленных рассказов».

В XIX веке был найден французский текст писем, ранее известных лишь в их шотландской или латинской версии. И тогда выяснилось, что в некоторых из них существует обратное отношение — французские идиомы грубо переведены на шотландский язык. Д. Хозек в книге «Мария, королева Шотландии, и ее обвинители» (Лондон, 1870) считает, что отдельные французские письма были адресованы Дарнлею (но он не доказал, что Дарнлей вообще знал французский язык).

В конце XIX века в дискуссию активно включились немецкие исследователи. Историк Г. Бреслау предлагал считать подлинными часть писем (Г. Гердес, История Марии Стюарт, 1885); Г. Гердес (Спорные вопросы истории Марии Стюарт, 1886) выдвинул теорию, что часть одного из писем (№ 1) была написана Дарнлэем Марии, а часть другого письма (№ 2) — Марией Мерею. В 1882 году Б. Зепп в книге «Дневник несчастной шотландской королевы Марии Стюарт» высказал предположение, что большинство писем представляют собой перефразировку дневника, который вела Мария. Как подчеркнул в 1886 году немецкий историк О. Карлова (см. О. Карлова, Мнимые письма Марии Стюарт графу Босвелу, Гейдельберг, 1886), по существу, подлинность писем удостоверяется лишь свидетельством под присягой Мортонна — ярого врага Марии, участника убийства Риччио и заговора против Дарнлея. Его никак нельзя считать незаинтересованным свидетелем. Будущий

шотландский регент был человеком небрежливым в средствах. Так, он предлагал после восстания в английских северных графствах выдать Елизавете за деньги его предводителя графа Нортумберленда, оказавшего Мортону немало услуг, когда тот находился изгнанником в Англии. Письма, представленные шотландскому парламенту, не имели подписи Марии, вопреки позднейшим утверждениям ее врагов. При разборе дела королевы в Англии оригиналы писем были показаны членам английского Тайного совета, которые, сравнив их с другими, несомненно написанными королевой, признали их аутентичность. По мнению О. Карлова, подделку, вероятно, осуществили лорды Мортон, Мерей и Леннокс — отец Дарнлея, возможно с участием секретаря Мереея Джона Вудса. Мейтленд был в курсе всей этой махинации. Основу «писем из ларца», возможно, составляли какие-то письма и заметки Марии Стюарт, захваченные у нее или другим путем попавшие в руки ее врагов, а также письма Дарнлея к королеве.

Приводились и самые различные доводы в пользу аутентичности писем — вплоть до ссылок Юма и Робертсона на то, что эти бумаги не вызвали сомнения у шотландского парламента или комиссии, назначенной Елизаветой. А. Петрик в книге «Письма королевы Марии Стюарт графу Босвелу» (вышедшей в 1873 г. на немецком языке в Петербурге), защищая версию о подложности писем, тем не менее приводит и аргументы в пользу их подлинности: отказ посла Марии Стюарт Лесли, епископа Росского, сравнивать подписи королевы, содержание писем, в которых — будь они фальсификацией — находилось бы больше фактов, призванных свидетельствовать о ее виновности, стиль писем, с трудом поддающийся подделке, упоминание различных побочных обстоятельств и тайных переговоров, которые действительно имели место, и т. д. Одно из наиболее веских доказательств в пользу подлинности писем, полагал Т. Гендерсон в книге «Письма из ларца и Мария, королева Шотландии» (Лондон, 1889), — это молчание, которое хранили о них сама Мария Стюарт и ее сторонники. Во время следствия в Англии Мария в конце концов заняла позицию отрицания, но ведь она не признавала позднее подлинность и других написанных ею писем.

Возможно еще одно решение загадки. Допустим, что письма подлинные, но действительно ли это письма Ма-

рии Стюарт, а не какой-либо другой женщины, авторство которых лорды приписали королеве (все равно — зная или не зная, что совершают подлог)? Более того, может быть, письма, копии которых были представлены комиссии, назначенной Елизаветой, даже принадлежат нескольким лицам, в числе которых была и сама шотландская королева? А поскольку отношения между Марией Стюарт и Босвелом, ее роль в убийстве Дарнлея нам известны прежде всего на основании «писем из ларца», то, если они, хотя бы частично, написаны другими людьми или обращены к другим адресатам, вся эта история предстанет совсем в ином свете.

Подробный анализ содержания писем заставляет усомниться в том, что их мог написать один и тот же человек. Английский посол Рэндолф утверждал, что у Босвела была «другая жена» во Франции. Не исключено, что часть писем исходила от нее. Добавим, что возможным кандидатом на роль подлинного автора писем является и норвежка Анна Трондсен, с которой Босвел был обручен, если не обвенчан. Ее почерк не напоминал почерк королевы, но письма Трондсен могли быть переписаны. Женой Мейтленда была Мария Флеминг, фрейлина Марии Стюарт, воспитывавшаяся вместе с королевой во Франции. Подпись Марии Флеминг — сохранились ее образцы — почти не отличима от подписи королевы. При отсутствии оригиналов «писем из ларца» — судьба их осталась неизвестной — вряд ли вопрос о подлинности получит когда-либо однозначное решение...

Но вернемся к заседаниям комиссии, разбиравшей спор шотландской королевы с лордами. Даже после представления «писем из ларца» Мария Стюарт отнюдь не считала свою партию проигранной. Она могла вступить в новый брак, который, возможно, принес бы ее избраннику шотландскую корону. Перед этим соблазном не устоял один из членов комиссии, могущественный герцог Норфолк.

Томас Говард, герцог Норфолк, родился в 1538 году. Он был отпрыском знатного рода, к которому принадлежала и королева Анна Болейн (мать Елизаветы). Его отец Генри Говард, граф Сэррей, между прочим, известный поэт, оказался замешанным в дворцовых интригах и погиб на эшафоте в 1547 году. Его деда, герцога Норфолка, спасла тогда от топора палача только смерть короля Генриха VIII. В 16 лет Томас Говард

унаследовал титул герцога. Английская королева именovala его своим кузеном. Он занимал первое место в списках английской знати. Норфолку с первых лет правления Елизаветы поручались важные государственные дела, особенно переговоры с шотландцами. В конце 60-х годов он проявил себя открытым противником антииспанской политики, которую начали проводить Уильям Сесил и фаворит Елизаветы Роберт Дадли, граф Лейстер.

Когда Сесил сообщил Елизавете, что Норфолк, участвующий в расследовании роли Марии Стюарт в убийстве мужа, перешел на сторону пленницы, гневу английской королевы не было предела. Намерения Норфолка жениться на Марии Стюарт сами по себе не могли считаться преступлением. Впоследствии, чтобы подвести их под понятие государственной измены, прокурору пришлось ссылаться на то, что Мария, выйдя замуж за французского дофина в 1557 году, так изменила свой герб, чтобы в нем были зафиксированы и права, которые она якобы имела на английскую корону (стоит напомнить, что сама Елизавета сохраняла традиционные для английских королей притязания на французский престол). Мария Стюарт никогда формально не отказывалась от своих претензий занять когда-нибудь английский трон или, как она обычно уверяла, наследовать Елизавете. По утверждению же английского правительства, Мария Стюарт заявляла, что имеет преимущественное право на престол по сравнению с Елизаветой. Повторяя это истолкование позиции шотландской королевы, прокурор добавлял, что она была отлично известна герцогу Норфолку и поэтому его матримониальные планы равнозначны государственной измене.

10 января 1569 г. Сесил в присутствии членов английского Тайного совета и уполномоченных обеих сторон — Марии Стюарт и шотландского правительства объявил о решении Елизаветы. Оно сводилось к тому, что отвергались обвинения лордов против Марии, так же как контробвинения шотландской королевы против ее врагов. Однако этот оправдательный, вернее, нейтральный вердикт в отношении обеих сторон скрывал реальную политику Лондона. Мерей получил заем в 5 тыс. фунтов, и его правительство фактически было признано Елизаветой, а Марию Стюарт, несмотря на протесты ее представителей, оставили в Англии. Более

того, под предлогом сохранения при Марии ее советников задержали влиятельных лиц — Джона Лесли и лорда Герриса. Это было сделано по просьбе Мерея, опасавшегося их возвращения в Шотландию. В ответ Мария пыталась поднять против Мерея всех его врагов, особенно Гамильтонов, уверяя, что тот собирается выдать англичанам принца Якова и разместить британские гарнизоны в замках Эдинбурга, Стирлинга и Думбартона. Английское правительство даже сочло необходимым издать написанную Сесилом прокламацию, в которой отвергалась эта «клевета».

Оставляя Марию Стюарт в Англии, Елизавета получила серьезный рычаг для воздействия на шотландское правительство. Однако это преимущество не шло ни в какое сравнение с неудобствами, которые проистекали от того, что Мария стала центром притяжения для всех противников Елизаветы. Нельзя забывать, что значительная часть английского населения, в том числе немало дворянских семей, особенно на севере страны, в то время еще были католиками. Опыт показал, что постоянно клокотавшее крестьянское недовольство могло быть направлено в русло восстания, проходившего под лозунгами католической реставрации. Ведь переход земли к новым владельцам принес крестьянам резкое увеличение поборов, а то и просто сгон с участков, чтобы очистить место для прибыльного крупного овцеводческого хозяйства.

В 1569 году в северных графствах Англии вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Как это не раз случилось со времен Реформации, народное недовольство вылилось в форму движения под знаменем католицизма. Феодалный сепаратизм постарался использовать в своих целях выступления крестьянских масс. Восстание возглавили графы Нортумберленд и Уэстморленд. Они намеревались освободить Марию Стюарт, которую можно было объявить законной королевой и противопоставить Елизавете. Герцог Норфолк, который должен был стать командующим армией восставших, в последний момент струсил, предал своих сообщников и по требованию Елизаветы явился в Лондон, где его посадили в Тауэр. Норфолк выдал планы повстанцев. Марию спешно перевезли из замка Татбери на юг, в Ковентри. Об этом позаботились приближенный Елизаветы Хандсон и сэр Ролф Сэдлер.

Наш старый знакомец был в числе нескольких савонников и генералов, которым было поручено подавление восстания. Ведь события развертывались неподалеку от Шотландии и здесь снова потребовались его умение и опыт. Уже немолодой разведчик — ему было тогда 62 года — снова взялся за привычное ремесло. Первоначально оружие тайной войны использовали против самих повстанцев. Так, например, адмирал Клинтон, командовавший одним из отрядов королевской армии, в конце ноября послал сэру Ролфу депешу, что он находится в Линкольне с 12 тыс. хорошо вооруженных солдат. На деле у Клинтона было всего 200 или 300 человек, и письмо было направлено в расчете, что его перехватят.

Восстание не получило массовой поддержки за пределами северных графств и было подавлено спешно перебросенной с юга королевской армией. К январю 1570 года все было кончено, если не считать, конечно, массовых казней, которыми неизменно сопровождалось подавление крестьянских движений.

Елизавета требовала поимки руководителей восстания — Нортумберленда и Уэстморленда. Однако они оба бежали в Шотландию. Английское правительство могло рассчитывать на полное содействие регента Мерей, которому не улыбалась перспектива реставрации католицизма в Шотландии и восстановления на престоле Марии Стюарт. Нортумберленд был заманен в ловушку неким Армстронгом, который передал его людям Мерей. Уэстморленд укрылся в сильно укрепленном замке Томаса Керра. Когда же Мерей отправился в этот замок, намереваясь потребовать выдачи беглеца, то по дороге люди из свиты регента постепенно покидали его: никому не хотелось участвовать в таком непопулярном деле, как арест и выдача Елизавете ее врагов, слишком сильны были антианглийские настроения! Мерей не добился от Керра ничего, но сэр Ролф Сэдлер считал, что это даже к лучшему. Он настойчиво писал Елизавете в Лондон, что Мерей, выполняя ее требования, сильно подорвет свои позиции в стране.

Что же касается Уэстморленда, то за ним Сэдлер установил тщательный надзор. Обязанности главного лазутчика добровольно принял на себя некий Роберт Констебл, кузен Уэстморленда, пользовавшийся его полным доверием. За действиями шпиона следила из Лондона

сама Елизавета, предписавшая Сэдлеру постоянно поддерживать Констебла полезными советами и, конечно, деньгами. Получая золото, Констебл позволил себе в одном донесении лицемерно погрустить насчет «изменнического рода службы, за которую принялся, заманивая в ловушку того, кто доверяет мне, поступая как Иуда в отношении Христа». Отправив очередную депешу, Констебл спешил на совещание приближенных Уэстморленда или в местную таверну, где за карточной игрой выведывал новости, которые могли интересовать английскую разведку. Продолжавший вполне доверять Констеблу Уэстморленд даже вручил ему свое кольцо и послал в Англию к жене с просьбой передать через него драгоценности, которыми в Шотландии можно было бы оплатить пребывание графа и его свиты в замке Керра. Шпион отправился без промедления. Выудив бриллианты, Констебл переслал их Сэдлеру, надеясь на разумную денежную компенсацию. Однако тот вернул ему камни — ведь похищение их раскрыло бы Уэстморленду всю игру, которую затеяла вокруг него английская разведка. Впрочем, о том, попали ли драгоценности к Уэстморленду, история умалчивает. Достоверно известно лишь, что Констеблу удалось заманить в западню нескольких приближенных графа. Сам же Уэстморленд начал догадываться о том, чем занимался его дорогой родственник. Это, пусть запоздалое, открытие все же помогло графу бежать во Фландрию, где он поступил на службу в испанскую армию.

Сэдлер очень отличился при подавлении восстания в северных графствах. Напротив, сэра Николаса Трокмортонна тогда подвела постоянная страсть строить собственные политические комбинации, часто не совпадавшие с планами Сесила. Трокмортон резко отзывался о Марии Стюарт, которую он хорошо знал еще со времени своего пребывания в Париже, но не разделял усиливавшейся ненависти к ней со стороны большинства крайних протестантов. Он считал возможным сделать Марию орудием английской политики путем ее брака с герцогом Норфолком (как это ранее думали осуществить путем женитьбы на ней Лейстера). Вероятно, побудительным мотивом этих планов была зависть к Сесилу, и поскольку министр не строил иллюзий насчет истинных чувств Трокмортонна, бывший посол был посажен в Тауэр. Выяснилось, однако, что Трокмортон дей-

ствовал в согласии с Лейстером и явно сохранял верность Елизавете. Сэра Николаса поэтому пришлось вскоре выпустить на свободу. Тем не менее смерть в феврале 1571 года, возможно, избавила его от обвинения в потворстве планам Норфолка, вовлеченного в новый заговор.

КАРЬЕРА СВЯТОГО УГОДНИКА

атолические интриги были особенно опасны из-за поддержки их иностранными монархами, прежде всего испанским королем. Испания Филиппа II — короля из рода Габсбургов, связанная тесными узами династических и других интересов с австрийской ветвью той же династии (ее представитель занимал трон германского императора), выдвигала притязания на гегемонию в Европе. Филипп II владел помимо Испании и (с 1580 г.) Португалии Нидерландами, Франш-Конте, Неаполитанским королевством, Миланом и другими итальянскими городами и областями, необъятными территориями в Западном полушарии, богатыми островами и факториями в Юго-Восточной Азии. Доходы испанского короля во много раз превосходили те скромные ресурсы, которые находились в распоряжении Елизаветы. У него было 50-тысячное профессиональное войско, испанская пехота считалась лучшей в Европе, тогда как английское правительство не имело постоянной армии. Еще более опасной с точки зрения Лондона была мощь испанского военного флота. По количеству судов и их вооружению он далеко превосходил то, что ему могли противопоставить англичане, и имел явное преобладание на море (преимущество, которым, добавим, не мог впоследствии похвастать ни один из противников Англии).

До начала 70-х годов XVI столетия традиции испано-английского союза и соперничество обеих держав с Францией временно сглаживали острые углы в отношениях между Елизаветой и Филиппом II. Теперь же наступает перелом. Антагонизм Англии и Испании выдвигается в центр политической борьбы между государствами Западной Европы. Для Англии он на несколько

десятилетний становится осью ее внешней политики. Прежним колебаниям политического курса приходит конец, вернее, теперь они касаются только методов проведения этого курса и связаны со стремлением отодвинуть открытый вооруженный конфликт.

Обострение отношений Англии с силами католической контрреформации привело к изданию 25 февраля 1570 г. папой Пием V буллы, отлучавшей Елизавету от католической церкви, к которой она, впрочем, и не принадлежала, и, главное, освобождавшей англичан от присяги верности королеве. «Мы объявляем,— говорилось в булле,— указанную Елизавету еретичкой и подстрекательницей еретиков, и те, кто является ее приверженцами, также осуждаются и отделяются от христианского мира... Мы лишаем указанную королеву ее мнимых прав на королевство и всех остальных прав... Мы приказываем и запрещаем всем и каждому из ее дворян повиновение ее властям, ее приказам или ее законам». Правда, буллу никто не осмелился вручить надменной повелительнице Англии. Оригинал этого изъявления папского гнева так и остался в Ватикане, но его содержание не было пустой угрозой. Булла была издана при получении папой известий о католическом восстании на севере Англии. Правда, к тому времени оно уже было подавлено, но никто не мог предсказать, много ли англичан-католиков сохранит верность королеве, отлученной от церкви. Более того, Мария Стюарт после издания буллы становилась в глазах правоверных католиков законным претендентом на английский престол, «узурпированный» Елизаветой. А как показал опыт первого суда над шотландской королевой, надежды добиться ее руки и тем самым проложить путь к трону могли поколебать верность не одного из елизаветинских вельмож. Герцог Норфолк был тому самым недавним примером. Правда, против него не было прямых улик. Его выпустили из Тауэра, но все же оставили под домашним арестом.

Это не помешало участию Норфолка в новом заговоре — знаменитом «заговоре Ридольфи». Он назван так по имени итальянского банкира Ридольфи, выступавшего агентом папы, Филиппа II и его наместника в Нидерландах кровавого герцога Альбы. Итальянский банкир поддерживал тесные связи с приближенным Марии Стюарт Джоном Лесли, епископом Росским, который считался послом шотландской королевы при английском

дворе. Ридольфи имел несколько свиданий с Норфолком и заручился его согласием способствовать вторжению испанских войск в Англию. Герцог обещал, получив денежную субсидию, поднять восстание и держаться до прибытия испанской армии.

Однако Альба счел планы Ридольфи трудноосуществимыми и к тому же сомневался в том, что удастся сохранить в тайне заговор, в который итальянец успел посвятить слишком многих. Альба предпочитал бы избавиться от Елизаветы с помощью наемного убийцы, о чем и сообщил Филиппу II. Ридольфи счел необходимым уведомить о положении дел епископа Лесли, герцога Норфолка и еще одного заговорщика — лорда Лэмли. Курьером он выбрал молодого фламандца Шарля Байи, неоднократно бывавшего в Англии. Байи бегло говорил по-английски и на нескольких других языках, и поэтому ему удавалось легко менять обличье, обманывая бдительность елизаветинских шпионов. Но на этот раз — дело происходило в апреле все того же 1571 года — счастье изменило фламандцу. В Дувре при таможенном досмотре у него обнаружили изданное во Фландрии на английском языке сочинение епископа Лесли «Защита чести Марии, королевы шотландской», в котором недвусмысленно выдвигались ее права на престол. Одною такого мятежного произведения было вполне достаточно для ареста Байи. Кроме того, у него были изъяты еще какие-то подозрительные бумаги и письма, явно написанные шифром. На них не были указаны адресаты, стояли лишь цифры «30» и «40». Арестованный уверял, что его попросту попросили доставить эти письма в Лондон и что ему неизвестны ни имена лиц, которым они адресованы, ни шифр, которым они написаны. Вскоре же, однако, выяснилось, что Байи лгал. При более тщательном обыске под подкладкой его камзола был обнаружен шифр. Не оставалось сомнений, что в руки властей попали нити нового заговора против королевы. Губернатор южных портов сэр Уильям Кобгем, который допрашивал Байи, решил не теряя времени отправиться с захваченными бумагами к главному королевскому министру Уильяму Сесилу, лорду Берли. При допросе присутствовал брат губернатора Томас Кобгем, тайно принявший католичество, с которым фламандец успел обменяться многозначительными взглядами. После этого Томас неожиданно заявил, что, если бумаги попадут к

лорду Берли, герцог Норфолк — конченный человек. Губернатор, однако, не стал слушать брата и приказал подать лодку. Томас взялся сопровождать его и по дороге снова стал настойчиво убеждать не торопиться с передачей бумаг главному министру. Уильям Кобгем колебался, сообразив, что речь идет о заговоре, организованном Ридольфи, с которым он и сам был как-то связан и боялся, что это обстоятельство выплывет наружу.

Кобгем понял, что не в его интересах передавать бумаги Уильяму Сесилу. Но скрыть их было еще опаснее. Лорд Берли все равно бы вскоре узнал об аресте Байи и его допросе Уильямом Кобгемом. Лодка уже приближалась к дому Берли, надо было на что-то решиться... и Кобгем приказал повернуть обратно. Он решился на хитрость. Бумаги были отправлены Джону Лесли с вежливой просьбой к епископу как иностранному послу завтра явиться к губернатору и вместе с ним распечатать и прочесть полученную корреспонденцию. Иначе говоря, Кобгем давал шотландцу драгоценные сутки для подмены бумаг. Почтенного прелата не надо было просить дважды. Он сразу ринулся к испанскому послу дону Герау Деспесу. Началась лихорадочная работа. Взамен подлинных писем были составлены подложные, написанные тем же шифром. Для правдоподобия в них содержались полемические выпады в адрес королевы, но было опущено все, что могло бы навести на мысль о существовании антиправительственного заговора. В пакет даже были дополнительно вложены еще другие подлинные письма, которыми обменивались заговорщики, но в которых не содержалось никаких улик. Настоящие же письма, полученные от Ридольфи, были отправлены Норфолку и лорду Лэмли. Теперь Кобгем мог переслать фальсифицированную корреспонденцию по прямому назначению — лорду Берли, а Лесли, играя свою роль, даже официально потребовал возвращения адресованных ему писем, на которые распространялась дипломатическая неприкосновенность.

Сесил если и был обманут, то только наполовину. Его шпионы во Фландрии уже успели известить его о каких-то приготовлениях к новому заговору. Кроме того, он был поражен наглым тоном, в котором была написана книга Лесли. Из нее явно проглядывали расчеты посла Марии Стюарт, что плененная королева займет не только шотландский, но и английский престол. Однако Берли

ничем не выдал своих подозрений. Он предпочитал, чтобы его считали одураченным. Главным его козырем было то, что под арестом находился, очевидно, немало знавший Байи. Настойчивость, с которой Лесли пытался добиться освобождения фламандца, ссылаясь на то, что тот принадлежал к штату шотландского посольства, лишь укрепила Берли в убеждении, что Байи держит в своих руках ключ к тайне. А когда к Байи, заключенному в лондонскую тюрьму Маршалси, попытались проникнуть люди испанского посла, а потом какой-то ирландский священник по поручению епископа Росского, эта уверенность еще более укрепилась. Тюремные власти перехватили людей, направленных к фламандцу, который томился в неизвестности и в отношении своего будущего и того, какой линии держаться на предстоящих ему допросах. Берли отлично оценил смятение, в котором находился Байи.

...Ночью в мрачной, сырой камере, где на вязанке соломы лежал, дрожа от холода, Байи, неожиданно появилась фигура. Узник с радостью узнал в нем своего старого знакомого Уильяма Герли, отважного католика, которого его благочестивые единоверцы почитали за святого великомученика. Он уверял, что является двоюродным братом леди Нортумберленд, жены предводителя недавнего католического восстания. За участие в этом восстании Герли был брошен в тюрьму. Заключенные и посетители тюрьмы Маршалси видели, как несчастного страдальца заковывали в тяжелые цепи и неделями держали в подземных темницах на хлебе и воде. Католики, включая епископа Росского и дону Герау, считали Герли невинной жертвой протестантов. Многие пытались даже заручиться советами или благословением узника в благочестивой уверенности, что на него нисходит божья благодать. Последнее доказать, конечно, трудно. Доподлинно известно другое: Герли находился на постоянном жалованье у лорда Берли, который характеризовал его как «джентльмена, обладающего высокими достоинствами, мудростью и образованием, большим опытом... Он хорошо известен Ее величеству, которая благосклонно относится к нему».

Как происхождение Уильяма Герли, так и причины его смерти в 1588 году остаются неизвестными. Его родственные связи с семейством лорда Нортумберленда, возможно, относятся к легенде, изобретенной им для

пользы службы. Установлено, что Герли был родом из Уэлса, его письма свидетельствуют, что он получил основательное образование. Он утверждал, что хорошо знает несколько иностранных языков. И это, кажется, не было выдумкой. Некоторые его послания написаны по-латыни. Известно, что он говорил по-итальянски. Впоследствии «тюремный шпион» значительно продвинулся на службе лорда Берли. Ему даже была поручена дипломатическая миссия. История Герли — история одного из многих дворян — прожигателей жизни, не слишком разборчивых в средствах, когда речь шла о деньгах или о возможности разделаться с докучливыми кредиторами. В 1565 году его обвиняли в том, что он занимался пиратством в районе острова Уайт. Корабль, захваченный Герли и его компанией, оказался вдобавок голландским, а не испанским, что не соответствовало видам правительства. В свое оправдание Герли составил подробный дневник собственных деяний с 3 по 27 июля 1565 г. — документ этот сохранился с пометкой Уильяма Сесила. Как бы то ни было, Герли получил право отправиться в Лондон, чтобы лично представить свои оправдания. Видимо, они были приняты, а сам «безвинно обвиненный», возможно, принялся за прежнее ремесло. К 1569 году относится письмо Герли к Сесилу с попытками оправдаться уже в новых предосудительных действиях. В следующем году Герли опять оказался в конфликте с законом и властями. В ноябре 1570 года он был в числе четырех лиц, направленных по решению Тайного совета в тюрьму Маршалси. Им запрещались контакты с другими арестантами. Герли выражал раскаяние, униженно предлагал свои услуги Сесилу, умоляя об освобождении и помощи, ибо «свобода без милости — все равно что жизнь без движения». Милость была оказана, правда, в стенах Маршалси. Герли была обеспечена «полная движения» жизнь тюремного шпиона и провокатора.

Разумеется, Байи не имел ни малейшего понятия о щекотливых подробностях биографии тюремного святого, а тот, напротив, успел приобрести немалый навык в своем хлопотливом ремесле. Герли вначале ничего не расспрашивал у Байи. Напротив, он доверил ему «важные тайны». А далее уже сам фламандец отплатил доверием за доверие. Более того, выяснилось, что спрос на услуги расторопного великомученика быстро возрастал.

Герли был отнесен к числу арестантов, которым разрешали свидания с посетителями. Одним из них оказался посланец епископа Лесли, попросивший Герли помочь в установлении связи с Байи. Герли с готовностью согласился. Переписка между фламандцем и послом Марии Стюарт стала проходить через руки Герли или, что одно и то же, через канцелярию Сесила, где снимались точные копии со всех писем. Но письма были зашифрованными, а раскрыть код никак не удавалось. И тут еще Герли допустил досадную ошибку. Ему приходилось чуть ли не ежедневно писать длинные отчеты лорду Берли, в которых, разумеется, полагалось использовать официальную правительственную терминологию при упоминании всех недругов королевы. А в разговорах с Байи нужно было находить совсем иные слова для наименования тех же лиц и событий. И вот у святого, как на грех, один раз сорвалось с языка слово «мятежники» в отношении участников недавнего католического восстания. Этого было достаточно, чтобы фламандец догадался о подлинной роли Герли.

Приходилось действовать в открытую. Байи доставили к грозному министру, который потребовал от него расшифровать переписку с Лесли. Заключение ссылался на то, чтобы якобы потерял ключ к шифру. После этого допроса Байи был переведен в Тауэр. Там в одиночной камере он был надежно изолирован от своих сообщников. Министр приказал подвергнуть фламандца пытке, чтобы заставить раскрыть секрет шифра.

Молодой фламандец был, по-видимому, склонен читать наставления даже самому себе. На стенах его камеры сохранилась вырезанная им на камне надпись: «Мудрым людям следует действовать с осмотрительностью, обдумывать то, что они намерены сказать, осматривать то, что они собираются брать в руки, не сходить с людьми без разбора и превыше всего не доверять им опрометчиво. Шарль Байи». Однако Байи, по-видимому, забыл то веское обстоятельство, что люди слишком часто поступают вопреки собственным мудрым поучениям.

В Тауэре Байи подвергали допросу под пыткой, впрочем, не очень суровой по понятиям того жестокого времени. Понятно, что и испанский посол дон Герау, и еще более епископ Лесли с напряженным вниманием ловили известия, удалось ли сломить упорство фламандца.

Дон Герау сообщал в своих депешах, что Байи напуган, но ему не нанесли больших телесных повреждений. Представителю Филиппа II было легко сохранять невозмутимость — не то, что его коллеге, епископу Лесли, которого очень слабо защищал пост посла королевы, свергнутой с престола в Шотландии и содержащейся под стражей в Англии. Он понимал, что в любую минуту может разделить участь Байи, если пытка развяжет язык его сообщника. Однако единственное, что мог сделать Лесли,— это посылать Байи постельные принадлежности и хорошую пищу с напоминаниями, как надлежит вести себя в языческих темницах борцам за веру христову.

Между тем Берли по-прежнему не считал дыбу наилучшим способом узнать от фламандца тайны заговорщиков. Пусть Герли опростоволосился. Но, учитывая выявившуюся податливость Байи на уговоры христианских великомучеников, надо было подослать к нему святого с безупречной репутацией. И здесь сама собой напрашивалась кандидатура доктора богословия Стори. Это был ярый католический фанатик, призывавший к убийству Елизаветы. Стори эмигрировал в Нидерланды, где герцог Альба поручил ему роль цензора. В его обязанности входило просматривать книги, находившиеся на кораблях, прибывавших в Антверпен, и конфисковывать протестантские сочинения, которые контрабандным путем провозили во владения Филиппа II. Понятно, что ни сам доктор Стори, ни его богоугодная, как он считал, деятельность не вызывали восторга в Лондоне. Поэтому, когда однажды Стори явился на английский корабль для обычного досмотра, команда неожиданно подняла паруса, и доктор вскоре очутился в одной из лондонских тюрем. Суд приговорил его к смерти, но Елизавета, в эти годы нередко разыгрывавшая комедию милосердия и твердившая о нежелании отправлять людей на эшафот за политические преступления (это после казни сотен участников восстания на Севере!), не утвердила смертный приговор.

Стори оставался в Тауэре, ожидая решения своей участи, а его имя оказалось в полном распоряжении лорда Берли. Почему бы доктору Стори не продолжать игру, столь удачно начатую Уильямом Герли? Ведь фламандец никогда в глаза не видел почтенного теолога, хотя, разумеется, не мог не быть знакомым с его

историей. Короче говоря, на роль Стори, по-видимому, был приглашен один из разведчиков Берли некий Паркер, который и организовал похищение Стори из Антверпена. Мы говорим «по-видимому», так как в литературе высказывалось и предположение, что роль Стори сыграл переодетый Уильям Герли. В камеры Тауэра свет проникал слабо, и Байи мог и не узнать своего недавнего приятеля. Тем не менее риск был велик, и трудно поверить, что Берли пошел на него без особой нужды.

Как бы то ни было, очередное действие драмы началось в точности как предыдущее. Ночью в темнице, где Байи со страхом ожидал очередного допроса, появилась длинная фигура доктора богословия. Новый святой угодник, как и Герли, тоже ни о чем не расспрашивал Байи, а только горячо сочувствовал страданиям фламандца. И не только сочувствовал, а стремился найти выход из ловушки, в которую попал Байи. И, с божьей помощью, этот выход нашел. Байи, чтобы не подвергнуться предстоявшей ему назавтра пытке, более суровой, чем предшествующие, следовало просто перейти на службу к лорду Берли. Конечно, только для видимости, на деле же оставаясь верным приверженцем королевы Марии. Ведь, как ему, Стори, сообщили верные люди, нечестивый министр уже где-то раздобыл ключ к шифру. Байи поэтому лучше всего, со своей стороны, сообщить этот ключ и тем самым завоевать доверие властей. Таким образом он сумеет не только избежать жестоких мучений, но и оказать большую услугу святой католической церкви. Байи принял показавшийся ему блестящим план и на допросе без всякого отпирательства раскрыл ключ к зашифрованной корреспонденции. Только после этого из поведения допрашивавших его лиц он с ужасом понял, что полностью выдал своих доверителей. Окончательно это стало ясно, когда было отвергнуто его предложение поступить на службу в английскую разведку. Что же касается лорда Берли, то больше его этот заключенный не интересовал, и Байи был предоставлен досуг заполнять стены своей камеры нравоучительными изречениями на английском, французском и латинском языках. Через несколько лет фламандца выслали на родину.

Байи выдал все, что знал, но знал он далеко не все. И прежде всего ему не было известно, кем являлись таинственные «30» и «40». На этот вопрос мог ответить только епископ Лесли.

Берли снова решил действовать по уже оправдавшей себя схеме. Новую игру начал все тот же Уильям Герли, о подлинной роли которого Лесли не имел ни малейшего представления. Посланцы епископа, крайне обеспокоенного отсутствием сведений от Байи, неоднократно навещали Герли. Тюремный шпион, потрясая кандалами, жаловался на муки, которые претерпевает во славу истинной веры, и постепенно сводил беседу к значению двух цифр «30» и «40». Но слуги епископа не могли удовлетворить его любопытство, так как и сами не были просвещены на сей счет. Герли направил тогда слезливое письмо самому Лесли, который, однако, несмотря на свое сочувствие невинному страдальцу, не видел причины знакомить его с содержанием своей секретной переписки.

Берли оставалось снова прибегнуть к силе. Это стало тем более важным, что к тому времени министр уже ясно понял подложность переданных ему писем из Фландрии. Надо было овладеть подлинными письмами. Тайный совет отдал приказ об аресте и допросе Лесли. Епископу была отлично известна соответствующая латинская формула о неприкосновенности дипломатов («Посла не секут, не рубят» — примерно тогда же вольно перевел эту формулу царь Иван Грозный). Но Лесли понимал, насколько призрачной была такая защита для представителя содержащейся под стражей королевы. Поэтому посол Марии Стюарт попытался выпутаться с помощью новой лжи. Он уверял, что «30» означает донна Герау, а «40» — Марию Стюарт, что оба эти письма он сжег, но что они содержали только ответ на просьбу Филиппа II оказать помощь в борьбе против партии противников королевы в Шотландии.

Лорд Берли не сомневался, что епископ лжет и пытается замести следы заговора, который плетется в самой Англии. Но у английского правительства не было доказательств. Берли по-прежнему не знал подлинного значения цифр «30» и «40», хотя его агенты сообщали ему об испанских планах вторжения в Англию и надеждах на то, что им окажет содействие герцог Норфолк.

Неизвестно, сколько времени пришлось бы Берли оставаться в неизвестности, если бы не счастливый случай. Мария Стюарт получила из Франции денежную субсидию в 600 фунтов стерлингов для борьбы против своих врагов в Шотландии. По ее просьбе эти деньги были

переданы французским послом герцогу Норфолку, который обещал оказать содействие в их доставке по назначению. Действительно, Норфолк приказал своему личному доверенному секретарю Роберту Хикфорду переслать эти деньги в Шропшир управляющему северными поместьями герцога Лоуренсу Бэнистеру, чтобы тот их переправил в Шотландию. В самой пересылке денег еще нельзя было усмотреть государственную измену. Главное, однако, что к письму Бэнистеру была приложена зашифрованная корреспонденция. Хикфорд попросил направлявшегося в Шропшир купца, некоего Томаса Брауна из Шрюсбери, доставить Бэнистеру небольшой мешок с серебряными монетами. Тот охотно согласился выполнить такую, в те времена вполне обычную, просьбу. Однако по дороге у Брауна возникли подозрения: слишком тяжелым оказался переданный ему мешок. Купец сломал печать на мешке и обнаружил в нем на большую сумму золото и зашифрованные письма. Брауну не могло быть неизвестно, что герцога лишь недавно выпустили из Тауэра, где держали по подозрению в государственной измене. Нетрудно было догадаться, что означала тайная пересылка золота вместе с зашифрованными посланиями. Купец повернул коня обратно и отправился к главному министру. Получив эту неожиданную добычу, Берли мог действовать. Хикфорд был немедленно арестован, но клялся, что не знает секрета шифра. Зато другой приближенный герцога в испуге выдал существование тайника в спальне Норфолка. Посланные туда представители Тайного совета обнаружили письмо, в котором излагались планы Ридольфи. После этого Хикфорд, поняв бессмысленность дальнейшего заперательства, открыл ключ к шифру письма, которое было послано в мешке с золотом. Теперь уже было несложно разгадать, кто скрывался под цифрами «30» и «40» в корреспонденции, привезенной Байи из Фландрии.

Той же ночью герцог Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр, где сначала пытался все отрицать, но потом, почувствовав, что полной покорностью, может быть, удастся спасти жизнь, начал давать показания. Одновременно, правда, герцог попытался переслать на волю приказ сжечь его зашифрованную переписку. Это оказалось лишь на руку Берли. Письмо было перехвачено. Слуги Норфолка под пыткой выдали место, где хранилась эта переписка с шотландской королевой.

А дабы убедиться, что слугами ничего не утаено, их поместили в Маршалси, где они попали под попечение Уильяма Герли, продолжавшего карьеру тюремного святого. Проходимец сумел превратить репутацию мученичества в настоящую золотую жилу.

Теперь можно было предъявить обвинение и Джону Лесли. Берли отлично учитывал, что этот чревоугодник и поклонник прекрасного пола (злые языки приписывали ему троих незаконных детей) не станет упрямыться, если ему прозрачно намекнуть, что он будет не первым католическим епископом, отправленным на эшафот, да к тому же сопроводить эту угрозу заманчивыми обещаниями. Соппротивление Лесли было недолгим. «Глупо скрывать правду, увидев, что дело раскрыто», — добавил он, имея склонность к поучительным сентенциям.

Как позднее Фальстаф в шекспировской драме, епископ счел, что лучшая черта храбрости — благоразумие. Лесли решил также, что глупо делать дело наполовину. Он сообщил все, что знал об участии Марии Стюарт и герцога Норфолка в подавленном католическом восстании, о планах нового восстания — теперь в Восточной Англии, о намерениях захватить Елизавету. Более того, Лесли объявил, что Мария Стюарт принимала прямое участие в убийстве Дарнлея. Но и это еще не все. По уверению Лесли, ему доподлинно известно, хотя этого не знает никто другой, что шотландская королева отравила своего первого мужа Франциска II и пыталась таким же путем избавиться от Босвела. Затем в качестве епископа Лесли написал ей длинное письмо, где наряду с отеческими увещеваниями и наставлениями содержался совет уповать на милость королевы Англии. А чтобы этот документ не остался единственным, Лесли составил и льстивую проповедь в честь Елизаветы.

«Этот поп-живодер, страшный поп!» — яростно вскричала Мария Стюарт, получив епископское послание.

Однако Джона Лесли теперь могло беспокоить только одно — как бы английское правительство не поддалось соблазну и в обмен на лидеров католического восстания, укрывшихся в Шотландии, не выдало его сторонникам партии короля Якова, от которой епископу не приходилось ждать пощады. Но и здесь дело устроилось без угрозы для драгоценной особы почтенного прелата. Освобожденный от забот о своей грешной плоти, Лесли мог уже с философским спокойствием наблюдать

из окна за казнь герцога Норфолка, который 2 июня 1572 г. был обезглавлен в Тауэре. Лесли даже не утаил своего мнения, что участь герцога вряд ли была бы лучшей, если бы ему удалось жениться на Марии Стюарт.

«Заговор Ридольфи» закончился казнью Норфолка. Дон Герау Деспес попытался было организовать покушение на Берли, но вскоре должен был покинуть Англию. А епископ Лесли после освобождения из Тауэра отправился во Францию. Там его ждали новые подвиги ради блага многих лиц — королевы Елизаветы и Филиппа II, французского короля Генриха III и римского папы... Словом, на пользу всякого, кто, как надеялся почтенный епископ, мог бы обеспечить его достойной пенсией и добиться возвращения земель, конфискованных у него в Шотландии. А так как цели всех этих лиц были, как правило, прямо противоположными, то Лесли неоднократно уличали в двуличии, в занятии шпионажем, в воровстве и подделке государственных бумаг и во многом, многом другом. Впрочем, это уже выходит за рамки истории английской разведки и относится к прошлому секретной службы других стран.

КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?

етыре века прошло со времени «заговора Ридольфи». Как персонажи в комедии масок, все герои этого неясного эпизода в истории тайной войны застыли с раз навсегда закрепленной за ними ролью. Историки в зависимости от их политических симпатий искали различные краски для характеристики поступков основных героев, находили слова осуждения или похвалы. Однако, как бы ни рисовалось поведение участников знаменитого заговора, это не меняло ролей, которые традиция отводила им в этой исторической драме. Традиция же целиком основана на официальной правительственной версии. И, оказывается, достаточно усомниться в некоторых из почитаемых за факты деталях, чтобы тот или иной из персонажей предстал в совершенно новом свете, а это неизбежно повлечет смещение представлений о роли и всех остальных действующих лиц трагедии — и Марии Стюарт, и Норфолка, и Ридольфи,

и увертливом епископе Росса, и первого министра лорда Берли.

За такое переосмысливание взялись ученые отцы-иезуиты. Взялись исподволь, с характерными для них двусмысленностью предпринимаемых действий и утаиванием истинных намерений, прикрытием подлинных целей благовидными мотивами. Апологетическая работа началась почти столетие назад, а позднее к ней подключились и светские историки. В числе поднявших еще в конце XIX века вопрос о подлинности некоторых из католических заговоров времен Елизаветы был историк Д. Г. Поллен, изложивший свои сомнения в журнале «Манс». В этом его отчасти поддержал известный исследователь елизаветинской эпохи М. Юм в книге «Измена и заговоры. Борьба за католическое преобладание в последние годы королевы Елизаветы» (Лондон, 1901). Еще одним из сомневающимся стал Л. Хикс, опубликовавший в дублинском журнале «Стадиз» в 1948 году статью «Странное дело д-ра Уильяма Парри».

Конечно, историки «Общества Иисуса» отлично понимали, что их с самого начала будут подозревать в двусмысленности и в сознательном искажении истины. Поэтому они заранее парировали это недоверие ссылками на то, что речь идет об очень давнем прошлом, переставшем возбуждать враждебные страсти, особенно в нашу эпоху, когда господствует равнодушие к религии и различные христианские церкви научились терпимо относиться друг к другу. И здесь же лукавые отцы как бы мимоходом подкидывают мысль, будто успехи протестантской Англии породили два с лишним столетия религиозных раздоров, о предотвращении которых, оказывается, только и думали просвещенные умы католицизма, истинные гуманисты... вроде нашего знакомца Джона Лесли, епископа Росса! Ученые-иезуиты стремятся представить, что их работы продиктованы полным беспристрастием и бескорыстным стремлением к истине, к научной оценке традиционных исторических догм. Один из них даже сослался при этом на известное замечание философа Френсиса Бекона: «Кто начинает с уверенности, кончает сомнениями, но если он готов начать с сомнением, то кончит уверенностью». Ученые ордена отлично учитывают, что ныне уже мало кто заинтересован в отстаивании традиционной версии. Иезуиты попытались провести свое освещение известных событий под флагом характер-

ной для современной буржуазной науки тяги к перетолкованию («реинтерпретации») истории, как правило, в реакционном духе, сыграть даже на страсти к сенсации. Эта школа историков явно стремится использовать неверие, возникшее во многих общественных кругах на Западе, в реальность преступлений, которые инкриминировались обвиняемым в государственной измене. В эпоху империализма слишком часто такие процессы были лишь более или менее ловко подготовленными судебными инсценировками, при которых вымышленные обвинения в подготовке заговоров и в связи с вражескими государствами являлись предлогом для расправы с политическими противниками и сокрытия действительных преступлений самих реакционных правителей против интересов народа и страны. Вот родившееся в результате этого скептическое отношение к официальному истолкованию процессов о государственной измене и задумали использовать с присущей им изворотливостью историки-иезуиты для протаскивания своей контрабанды. «Стало своего рода модой,— отметил профессор Эдинбургского университета Г. Доналдсон,— утверждать, что все католические заговоры... были сфабрикованы английским правительством». Несомненно, что этот тезис не выдерживает критики. Изображение римского престола как жертвы таких махинаций просто противоречит здравому смыслу, особенно если учесть массу бесспорных данных о политике папства, о его ставке на перевороты и убийства, производившиеся к вящей славе божьей по всей Европе.

Тем не менее, если отбросить апологетику, иезуитские попытки возвеличивания святой церкви, основанные на привлечении материалов многочисленных архивов ряда западноевропейских стран, достигают неожиданно действительно полезного научного результата. Этими стараниями приоткрывается кое-что из истории английской разведки, являвшейся в елизаветинское время орудием тех сил, которые выступали против католической контрреформации.

При изучении истории английской секретной службы важно установить, в какой мере ее агентам удавалось проникнуть в тайное воинство контрреформации, использовать промахи и некомпетентность, тщеславие и неоправданный оптимизм его эмиссаров, чтобы не только разоблачать чужие планы, но и направить вражеские заговоры в русло интересов британского правительства.

Одним из способов достижения этих целей была засылка провокаторов и превращение в шпионов-двойников некоторых из пойманных вражеских лазутчиков. На эти мысли наводят исследования иезуита Френсиса Эдвардса, относящиеся к «заговору Ридольфи», «Опасная королева» (Лондон, 1964) и «Чудесная случайность. Томас Говард, герцог Норфолк и заговор Ридольфи, 1570—1572 гг.» (Лондон, 1968). Эдвардс делает одно правильное замечание: имея дело с источниками, освещающими историю английской разведки и тайной дипломатии XVI века, надо помнить, что авторы писем постоянно учитывали возможность перехвата их корреспонденции. Во множестве случаев эти письма сопровождаются одной и той же, хоть и по-разному редактируемой фразой, что одновременно с вручением депеши адресату привезший ее честный и верный человек сообщит то, что нельзя доверить бумаге. Кроме того, на письмах оставлялось специальное место — в нижнем правом углу, куда заносилась особо важная или опасная информация. Потом этот треугольник справа отрывался и уничтожался, даже когда остальная часть письма сохранялась. Иными словами, историку приходится в лучшем случае иметь дело с документами, из которых изъята наиболее важная часть информации. Нечего говорить о том, что угроза перехвата почты и вероятность того, что бумаги попадут в чужие руки, заведомо заставляла сообщать в оставшейся части донесений ложные, сбивающие с толку известия.

ДВУЛИКИЙ РИДОЛЬФИ

оберто Ридольфи, по имени которого назван заговор, родился в 1531 году во Флоренции и был выходцем из богатой банкирской семьи. В Англии он появляется впервые в 1562 году, а может быть, и раньше. Торговые и денежные операции ловкого флорентийца были лишь видимой частью его дел: с 1566 года он явно выполняет роль «тайного нунция» римского папы. Об этой стороне его деятельности мало что известно, возможно, что до 1569 года действия Ридольфи в качестве ватиканского разведчика не имели особого значения или он не проявлял чрезмерного рвения на

секретной службе святого престола. Однако нет и никаких данных, позволяющих заподозрить флорентийца в двойной игре до 1569 года, точнее, до зимы этого и весны следующего, 1570 года, когда он находился под домашним арестом. При этом не у себя, а в доме помощника Берли — Френсиса Уолсингема. Причиной ареста было подозрение, что итальянец поддерживал связи с руководителями католического восстания в северных графствах. Возможно, перед итальянцем была поставлена альтернатива — либо жуткая казнь, либо переход на службу к Сесилу. Около 25 марта 1571 г. Ридольфи покинул Англию, причем, по всей видимости, его вещи не были подвергнуты таможенному досмотру в Дувре. По крайней мере так обстояло дело, если верить последующим рассказам Ридольфи. Он, правда, ничего не говорил о причинах такой непонятной любезности властей, зато утверждал, что ему удалось увезти с собой инструкции Марии Стюарт и герцога Норфолка и, что особенно важно, их письма к герцогу Альбе, к Филиппу II и римскому папе. А в этих письмах содержалась не более не менее, как просьба о вторжении в Англию и низложении Елизаветы. Можно ли предполагать здесь крайнюю степень небрежности со стороны Сесила и его людей? Такое предположение не очень вероятно, хотя и в последующем для операций разведывательного ведомства Елизаветы характерно сочетание чрезвычайной ловкости, тонкой, ювелирной работы с непонятными грубыми просчетами, чтобы не сказать упущениями и промахами. Впрочем, в каждом таком случае могли действовать скрытые пружины, ускользающие от исследователя вследствие преднамеренного уничтожения тех или иных документов.

Если отбросить версию, что власти просто прозевали содержание багажа недавно освобожденного из-под ареста флорентийца, остается допустить, что они сознательно смотрели сквозь пальцы на провозимую корреспонденцию. Тогда, возможно, действиями властей руководили влияния, исходившие от противников Сесила (например, через Томаса Кобгема). Либо же, что куда более вероятно, власти действовали по инструкции Сесила. Конечно, и при таком предположении возникают недоуменные вопросы, прежде всего — каким образом английская разведка могла обеспечить верность Ридольфи, после того как он покинул британские берега и оказался вне досягаемости английских судей и палачей. Напрашива-

ющимся ответом являются, конечно, денежные операции итальянского банкира, которые он мог продолжать в Англии, только сохраняя благорасположение правительства. Если же допустить, что Ридольфи взял на себя роль шпиона-двойника, сразу же возникает сомнение в подлинности писем, которые, по его словам, ему передали шотландская королева и Норфолк.

Ридольфи не представил никаких собственноручных писем Марии Стюарт и герцога — итальянец передал по адресам лишь расшифрованные тексты. Такими же «дешифровками» были и верительные грамоты, привезенные флорентийцем от своих доверителей. Конечно, все это могло быть разумной мерой предосторожности, несоблюдение которой стоило бы головы обоим узникам (другой вопрос, что такая предосторожность не спасла авторов писем). Фактом остается, что Ридольфи не привез оригиналов своей опасной корреспонденции.

Эдвардс прав, когда утверждает, что Ридольфи, несомненно, изменил текст письма, которое он повез от имени Норфолка к Альбе. Однако как раз в этом пункте Эдвардс неоригинален. Такое же наблюдение было уже давно сделано исследователями. Писавший сто лет назад Д. Хозек, например, в двухтомной монографии «Мария королева Шотландии и ее обвинители» (Лондон, 1870) прямо заявлял: «Письмо написано целиком по-итальянски, оно не было подписано Норфолком, и он, вероятно, никогда не видел его. Смелый и уверенный тон письма совершенно несовместим с осторожной и колеблющейся позицией герцога. Нельзя также предполагать, что он мог сделать географические ошибки, поместив Харидж в графстве Норфолк и Портсмут — в Сассексе. Однако это ошибки, в которые легко мог впасть иностранец и которые можно рискнуть приписать епископу Росскому, Ридольфи и испанскому послу — все они, вероятно, приложили руку к сочинению письма». Предположение Хозека кажется значительно более правдоподобным, чем гипотеза Эдвардса. Возможно, что Ридольфи стремился как можно глубже втянуть Норфолка в заговор и таким путем не только побудить его отбросить сомнения, но и одновременно заставить испанские власти проявить большую активность. Однако делал все это Ридольфи ради успеха задуманного им предприятия и в согласии с другими заговорщиками — епископом Лесли и доном Герау, а не в качестве агента английского правительства.

Альба встретил Ридольфи весьма холодно. Прежде всего у Альбы вообще не вызвал доверия ловкий итальянец, возможно, даже имевший какие-то родственные связи с правителями его родной Флоренции и, следовательно, с представительницей этой династии Екатериной Медичи. Но главное — у испанского наместника было более чем достаточно хлопот с мятежными Нидерландами, чтобы ему могла улыбаться перспектива уделить часть своих войск для помощи противникам Елизаветы в Англии. Важно отметить, что Ридольфи не только не сообщил своим единомышленникам, включая Байи, о встреченном холодном приеме, но, напротив, уверял их, что добился поддержки Альбы. Так во всяком случае позднее утверждал Байи. Вместе с тем надо заметить, что Ф. Эдвардс преувеличивает степень неодобрения Альбой планов Ридольфи. Герцог отнюдь не был против действий флорентийца. Он только писал в Рим и Мадрид о трудностях, с которыми встретятся заговорщики. Как подчеркивал еще в прошлом веке М. Минье, герцог Альба считал, что в случае удачи заговор станет наилучшим путем для «исправления зла», но добавлял, что вначале Филиппу II не следует подавать открытую помощь — ее надо приберечь на случай, «если королева английская умрет своей естественной или какой-либо другой смертью». А это вовсе не противоречило планам заговорщиков, ведь Норфолк обещал, что он будет удерживать свои позиции 40 дней до прибытия испанской помощи, и в намерение заговорщиков входило сразу же захватить в плен Елизавету.

Л. Ранке, известный немецкий консервативный историк прошлого века, специалист по эпохе Реформации, в книге «Мария Стюарт и ее время» писал: «Если Норфолк ставил свое восстание в зависимость от высадки в Англии испанских войск, то Альба требовал вначале захвата Елизаветы, прежде чем его повелитель открыто объявит о своем вмешательстве». В планах Ридольфи была, несомненно, сильнейшая примесь фантазии, как, впрочем, и во многих других аналогичных проектах, выдвигавшихся как явными авантюристами, так и католическими политиками, которых даже Ф. Эдвардс не заподозрит в подыгрывании елизаветинской разведке.

Особенность корреспонденции, привезенной Байи, продолжает развивать свою аргументацию Ф. Эдвардс, заключалась в том, что она могла повредить шотландской королеве не только, если бы стала известной в Лондоне,

но и если бы о ней узнали в Париже. Ведь Франция была традиционной опорой Марии Стюарт. Между тем план, привезенный Ридольфи, предусматривал ставку на Испанию — главную соперницу Франции (родственники Марии — Гизы, руководившие партией крайних католиков, лишь позднее завязали связи с Мадридом). Испания, бывшая в течение нескольких поколений союзницей Лондона против Франции, в эти годы превращалась в основного противника елизаветинской Англии. Понятно, насколько важно было для правительства Елизаветы представить в глазах французского двора Марию Стюарт сторонницей ориентации на Испанию. Это признавал и сам Ридольфи, подчеркивавший в беседах с единомышленниками необходимость держать свой план в тайне от французов.

Нам не известно, встречался ли новый британский посол в Париже Уолсингем со своим недавним арестантом, когда Ридольфи в мае 1571 года прибыл из Брюсселя во французскую столицу по пути в Рим. К этому времени Ридольфи уже успел сделать один из наиболее важных ходов в своей шахматной партии — направить в Англию Байи с письмами к Марии Стюарт и Норфолку. Обстоятельства, при которых это произошло, столь существенны для понимания смысла всего заговора, что заслуживают более подробного рассмотрения.

Шарль Байи, находившийся на службе у Марии Стюарт примерно с 1564 года, после прибытия королевы в Англию в 1568 году вошел в число помощников Джона Лесли, епископа Росского. Он выполнял роль секретаря, помогал в шифровке и дешифровке корреспонденции, которая была возложена на главного сотрудника Лесли Джона Кэтберта, но главным образом исполнял роль дипломатического курьера. Весной 1571 года Байи отправился из Лондона на родину, формально по собственному желанию, чтобы повидаться с родными, с которыми не виделся более двух лет. Он не взял паспорт, рассчитывая, видимо, что сумеет с помощью золота обойти таможенные трудности. Байи не преминул посетить во Фландрии английских эмигрантов.

Совпадение по времени поездки Ридольфи и Байи вряд ли было простой случайностью, хотя фламандцу могло казаться, что только она свела его с тайным эмиссаром Марии Стюарт. Возможно, что Ридольфи заранее знал об обязанностях, которые исполнял Байи у Джона

Лесли, в частности об участии в шифровальной работе. Как бы то ни было, знание Байи кодов, использовавшихся епископом Росским, послужило Ридольфи по крайней мере удобным поводом, для того чтобы убедить молодого фламандца отвезти шифрованные письма к послу шотландской королевы. Байи в своих показаниях отметил, что Ридольфи просил его зашифровать депеши так, чтобы они были понятны епископу. По словам Ридольфи, его собственный шифровальщик не смог бы хорошо проделать эту работу. Казалось бы, осторожность должна была побудить Ридольфи предпочесть своего помощника, пусть хуже знакомого с шифром, и поручить «случайно встреченному» Байи только роль курьера. Кроме того, если встреча была все же действительно случайной, то Ридольфи мог рассчитывать лишь на услуги своего помощника, когда незадолго до этого договаривался с Лесли о шифре и средствах поддержания связи. Между тем Ридольфи, по-видимому, не был знаком с шифром и узнал его только от Байи. Ставить Байи в известность о содержании писем было явным нарушением обычно тогда соблюдавшегося элементарного правила пересылки дипломатических депеш — не сообщать курьеру ничего о шифрованной корреспонденции, которую он должен был доставить по назначению. Быть может, именно такое нарушение общепринятого порядка и заставило Байи заколебаться. Он без особой охоты принял возложенное на него поручение. Однако у Байи не было сомнений в отношении самого Ридольфи, которого он часто встречал у епископа Росса.

Узнав код, итальянец настоял на том, чтобы сам Байи зашифровал письма к «30» и «40». В показаниях Байи о том, как проводилась зашифровка, много неясностей, но, пожалуй, главное не в этом. По словам фламандца, эти письма были сложены в пакет, и ему было поручено передать их коменданту французского города Кале де Гурдану, чтобы тот с первой же оказией переслал их епископу. Оставим в стороне вопрос о целесообразности вовлечения французского коменданта в интригу, которую, по словам того же Ридольфи, следовало хранить в тайне от Франции. Допустим, что де Гурдан был с точки зрения заговорщиков совершенно надежным человеком. Интереснее другое — выполнил ли Байи указание Ридольфи передать пакет де Гурдану? В письме к испанскому послу Деспесу 10 мая 1571 г. Байи упоминает, что

оставил пакет в Кале, неясно только, имелась ли при этом в виду пачка с письмами к «30» и «40». Позднее, 12 октября, в письме к Сесилу Байи просто упоминает о полученном от Ридольфи приказе вручить корреспонденцию коменданту Кале, но не уточняет, выполнил ли это указание. Если Байи все же привез письма в Англию, остается непонятным, почему Тайный совет 19 сентября, уже зная шифр, настаивал на том, чтобы фламандец сообщил содержание писем к «30» и «40»? Ответ на основе сохранившейся документации, по-видимому, дать невозможно.

О причинах, побудивших Ридольфи решиться на столь непонятный приказ — передать письмо де Гурдану, — остается лишь гадать. Он мог, например, быть вызван и неполным доверием к Байи, и желанием доставить письма более надежным путем (если, конечно, флорентинец был тем, за кого он себя выдавал, — верным сторонником шотландской королевы). С другой стороны, если Ридольфи стал агентом Сесила, он мог в последний момент пожалеть юношу, хорошо зная, какая участь ему уготована в Англии. Во всяком случае, идея оставления пакета в Кале вряд ли могла быть заранее согласована с Сесилом, хотя и это не исключено. Если же это было самовольным действием Ридольфи, легко объяснить неясные места и несогласованности в документах, оставшихся от «дела Байи», — оно развивалось не вполне так, как планировалось английской разведкой.

Вряд ли можно сомневаться, что Сесил заранее был поставлен в известность о приезде фламандца. Даже если исключить предположение, что эта информация была получена от самого Ридольфи, ею мог снабдить своего шефа разведчик Уильям Саттон, находившийся во Фландрии для слежки за английскими эмигрантами и для пересылки донесений от остальных британских агентов. (Эта активность Саттона находилась, в свою очередь, под пристальным наблюдением шпионов других держав, часть донесений которых об этом английском лазутчике была перехвачена его коллегами и переслана в Лондон Уильяму Сесилу.) К 12 апреля — дню прибытия Байи в Англию — все было готово к его встрече, включая и таможенные власти и великомученика Герли.

Любопытный эпизод произошел за несколько дней до этого. 8 апреля в Дувр прибыл из Франции Гвидо Кавальканти, доверенный агент Екатерины Медичи и анг-

лийского правительства, которому были поручены переговоры о предполагавшемся браке Елизаветы с герцогом Анжуйским, младшим братом французского короля Карла IX и будущим королем Генрихом III. Кавальканти был сразу же взят под стражу и доставлен в дом лорда Берли, а вечером того же дня уже был принят Елизаветой. Французский посол предположил, что арест был произведен из предосторожности — чтобы итальянец не проболтался о ходе переговоров. Однако на других стадиях этих переговоров подобных мер предосторожности не предпринималось. Возможно допустить, что таможенники в Дувре приняли Кавальканти за ожидавшегося ими Байи. Правда, вскоре освобожденный Кавальканти, когда наступило время возвращаться в Париж, тоже отправился на корабль в сопровождении вооруженной охраны. Между тем он не вез никакого важного документа — Елизавета и ее тайный совет снова предпочли оттянуть решение. Остается допустить, что Кавальканти увозил другие секреты, которые он должен был передать в Париже английскому послу Френсису Уолсингему.

Нам уже известно, как, по версии Сесила, был задержан Байи, как были обнаружены при нем книги мятежного характера и письма и как Томас Кобгем убедил своего брата, губернатора южных портов Уильяма Кобгема не пересылать подлинные письма лорду Берли. Однако стоит задаться вопросом, соответствует ли эта официальная версия действительности и не призвана ли создать выгодное для Сесила убеждение, что министр лишь постепенно узнал о содержании писем к «30» и «40» и что, следовательно, сами эти письма отнюдь не являлись частью ловко задуманной провокации? Пытаюсь ответить на этот вопрос, постараемся познакомиться поближе с главными лицами, участвовавшими в изъятии подлинных писем. Тут нас сразу же поджидают неожиданности.

КОСВЕННЫЕ УЛИКИ

ервая из неожиданностей — Томас Кобгем. Этот отпрыск знатного рода, брат влиятельного дипломата, ставшего губернатором южных портов, занялся пиратством, профессией, которую елизаветинские власти терпели, пока это соответствовало их планам. Кобгем, видимо, в чем-то перешел допустимые пределы и очутился в Тауэре. В 1570 году Томасу Кобгему удалось убедить одного из приближенных Сесила — сэра Генри Невилла похлопотать за него перед всемогущим министром. В июле 1570 года Невилл неоднократно писал Сесилу, что Кобгем может стать разведчиком, весьма пригодным для использования на службе ее величества, например для наблюдения за испанским послом Деспесом или за английскими эмигрантами во Фландрии. Тогда, правда, дело застопорилось, то ли у Сесила не было вакансий, то ли он не считал кандидатуру подходящей. Томаса Кобгема освободили лишь в конце 1570 или в самом начале 1571 года, вероятно, отчасти по просьбе влиятельного военачальника графа Сассекса (сохранилось письмо Уильяма Кобгема к Сассексу с выражением благодарности за то, что тот соизволил принять Томаса на службу).

Судя по всему, Томасу Кобгему было поручено наблюдать за перепиской Норфолка, находившегося фактически уже с октября 1569 года в Тауэре. Свою работу Кобгем совмещал с одалживанием денег под поручительство Норфолка, которому и пришлось потом удовлетворить претензии кредиторов. Судя по показаниям секретаря Норфолка Хикфорда, Кобгем занимался не только переправкой писем к Норфолку и Лесли, в частности, от Ридольфи, но и выведыванием любой информации о планах и действиях противников Сесила. О причинах столь неумеренной любознательности нетрудно догадаться, хотя надо оговориться, что, по-видимому, не сохранилось письменных доносов Томаса Кобгема Сесилу.

Томас Кобгем действовал не в одиночку. В официальном рассказе о поимке Байи сообщается, что просьбу Томаса Кобгема переслать захваченные письма епископу Росскому активно поддержал присутствовавший при

этом некий Френсис Бэрти, состоявший в свите прелата. Бэрти вызвался отнести их епископу. Уильям Кобгем согласился, но запечатал пакет своей печатью и поставил условием, чтобы пакет вскрыли в его присутствии. Не лучше ли было тогда просто самому отнести их послу Марии Стюарт, не прибегая к услугам Бэрти? Между тем поведение Бэрти, в том числе и его тесная связь с Уильямом и Томасом Кобгемами, возбуждает сильное подозрение, что и он являлся соглядатаем лорда Берли.

И наконец, сам лорд Уильям Кобгем. Он совершил, если верить официальной версии, тяжкое преступление, сотрудничая с иностранным послом и изменниками (правда, еще не объявленными таковыми) против собственного правительства и обманывая главного министра королевы. Берли, бывало, прощал своих врагов, если они не были ему опасны, однако он не знал снисхождения к участникам заговоров против Елизаветы. Правда, Уильям Кобгем подвергся наказанию, но как раз такому, как если бы он совершил не действительное, а лишь видимое преступление, которое нужно было скрыть. Губернатор был арестован, но содержался под стражей в доме лорда Берли. 19 октября 1571 г. Сесил писал графу Шрюсбери (которому Елизавета приказала стать тюремщиком Марии Стюарт): «Милорд, Кобгем находится как арестант в моем доме, иначе его надо было бы заключить в Тауэр. Я очень любил его и поэтому огорчен совершенным им преступлением». Правда, позднее Уильяма Кобгема все же перевели в Тауэр, но на короткое время. Заключение могло быть совсем не суровым: в главной государственной тюрьме были самые различные помещения — от холодных темных казематов до комфортабельных дворцовых помещений, в которых временами поселялись сама королева и ее придворные. А после освобождения... Кобгем вернулся на свой пост губернатора южных портов, на котором вряд ли бы сохранили действительного сообщника Марии Стюарт и Норфолка.

Надо признать, что эти ссылки Эдвардса на благосклонность Берли к Уильяму Кобгему выглядят внешне очень убедительными, но только внешне. Дело в том, что в истории елизаветинского правительства и в действиях того же Сесила можно найти немало подобных «нелогичных» поступков, которые кажутся такими только из-за незнания обстоятельств, обычно вообще не отраженных в сохранившихся документах, но влиявших на

поведение политических деятелей. В данном случае многие факторы могли побудить Берли посмотреть сквозь пальцы на проступок Кобгема. Кто знает, может быть, причиной являлась расстановка сил при дворе или стремление хитроумного министра, имея столь сильный козырь против Кобгема, превратить в свою креатуру такое немаловажное лицо, как губернатор южных портов.

Задачей секретной службы лорда Берли, как считает Ф. Эдвардс, было подбросить опасные письма епископу Росскому, при этом таким образом, чтобы для него самого и впоследствии для всех было несомненным, что именно шотландец проявил инициативу в добывании роковой корреспонденции. С этой целью и была разыграна комедия, главными участниками которой стали трое — братья Кобгема и Френсис Бэрти. Как видно из показаний епископа Лесли, он легко попался на приманку. Что же касается происхождения самих писем, то здесь допустимы различные предположения. Это могли быть действительно письма Ридольфи, действовавшего в качестве агента Марии Стюарт. Это могли быть послания, написанные итальянцем под диктовку Сесила (если Ридольфи стал агентом английской секретной службы). Наконец, не исключено, что Байи не привез вообще никаких писем (не получив их вообще или оставив в Кале). В первых двух случаях ведомство Сесила либо скопировало письма перед отсылкой их Лесли, либо же сохранило оригиналы, а послу Марии Стюарт отослало копии. Как бы то ни было, эти письма епископ, по всей видимости, получил непосредственно из рук... агентов Берли. Правда, Лесли не был ни глупцом, ни новичком в тайной войне и мог легко заподозрить ловушку. Поэтому были приняты меры, чтобы как-то объяснить неожиданное согласие Уильяма Кобгема пойти на обман лорда Берли. Поэтому также Уильям Кобгем первоначально заявил, что готов согласиться на подмен писем, если в корреспонденции, привезенной Байи, не содержится чего-либо, направленного против интересов королевы, а лишь мало-значительные сведения, например, денежные счета. Томас Кобгем утверждал зато, что он попросту украл письма к «30» и «40», пока его брат отвернулся, допрашивая Байи (в этом брат губернатора очень старался убедить Роберта Хикфорда, секретаря герцога Норфолка).

13 апреля 1571 г. Байи был помещен в лондонскую тюрьму Маршалса, где он познакомился с Герли, кото-

рый как раз в апреле получил назначение на свой пост тюремного шпиона, и при его помощи поддерживал переписку с епископом Лесли, пока тот не был 14 мая арестован на основании данных, которые содержались в этой корреспонденции. Герли не только передавал письма Байи и ответы на них для снятия копий в ведомство лорда Берли. Герли посылал своему хозяину подробные донесения — они сохранились. Из них вряд ли можно вычитать, что Герли считал провокацией весь «заговор Ридольфи», хотя отдельные фразы как будто и наводят на мысль, что некоторые сведения ему были известны еще до того, как он их выудил у Байи. Не будет неоправданным предположение, что Герли было предписано держать язык за зубами даже в секретных донесениях. Руководители елизаветинской разведки безусловно придерживались правила, что некоторые вещи вообще не стоит заносить на бумагу. Да и Герли прямо пишет, что кое-что хотел бы сообщить Сесилу устно и просит об аудиенции. Несомненно, что Герли в своих донесениях сознательно притворяется незнающим.

Незадолго до перехода на «работу» в Маршалси Герли послал отчет о ряде лиц, использовавшихся епископом Росским для связи с его шотландскими единомышленниками. Удалось перехватить и письма, адресованные Лесли. Эту корреспонденцию Герли удалось добыть с помощью шотландца Уильяма Бартлета. Между тем, когда тот же Бартлет был направлен епископом Джоном Лесли в Маршалси для связи с Байи, Герли предпочитал описывать встречи и беседы со своим коллегой по ремеслу, как будто тот действительно был неприятельским лазутчиком. В частности, Герли сообщал с серьезным видом, что, по словам Бартлета, Томас Кобгем является «ближайшим и тайным другом епископа». Бартлет взял на себя задачу доставлять письма от Байи к Лесли и от посла к Байи, а потом и к Герли, облегчая тем самым работу «великомученика». А тот, освещая в донесениях такое вполне разумное «разделение труда», дополняет его описанием, как он, чтобы произвести впечатление на Бартлета, потрясал своими цепями и как шотландец рыдал от сочувствия, а потом, изложив эту историю епископу, рассеял его сомнения в верности «узника». Таким образом, нельзя принимать все в тайных донесениях Герли за чистую монету: что-то писалось явно не для Уильяма Сесила, а для тех, кому тот захочет

показать эти донесения, будь то члены Тайного совета или будущие участники суда над Марией Стюарт и Норфолком или сама королева.

Между прочим, эпизод с Бартлетом показывает, насколько прочной была сеть наблюдения за Байи, через которую не удавалось прорваться ни одному действительному посланцу. 16 апреля такую попытку сделали Макинсон из свиты Лесли и служащий испанского посольства Мельхиор. Оба они были арестованы. Мельхиора выпустили через 10 дней, а Макинсон отсидел два месяца. Находясь в тюрьме, Макинсон, не первый поддавшийся чарам Герли, предложил его в качестве посредника для связи между Байи и епископом. Попытки Байи наладить связь помимо Герли сразу же окончились неудачей — до Лесли просто не дошло письмо, в котором фламандец предлагал новые пути для пересылки корреспонденции. Наконец, еще одно важное обстоятельство. По признанию Байи, он в переписке с епископом использовал шифр, переданный ему Герли. Иначе говоря, Герли и его хозяин могли делать любые нужные им добавления к этим письмам (техника, впоследствии широко использовавшаяся секретной службой лорда Берли). Остальные эпизоды «дела Байи», часть из которых уже известна читателю, — неосторожность Герли, которая раскрыла глаза Байи, трюк с «доктором Стори» — можно оставить в стороне, так как они, по-видимому, не могут помочь в решении интересующей нас загадки — истинной подоплеки «заговора Ридольфи». С этой целью придется оставить фламандца и посмотреть, чем в те месяцы, когда тот томился в Маршалси и Тауэре, занимался посланный его в Англию Роберто Ридольфи.

Проездом через Францию Ридольфи добрался до Рима. Папа Пий V, ярый ненавистник Елизаветы, благосклонно встретил своего «тайного нунция» и дал убедить себя в реальности планов вторжения. При этом оставалось в тени, что оба предполагаемых главы восстания — шотландская королева и Норфолк — находились в заключении. К тому же Мария Стюарт была иностранкой и католичкой, которая могла и не найти достаточного числа приверженцев. Герцог же по своим личным качествам совсем не подходил для роли вождя, а как протестант мог отказаться от участия в выступлении католиков.

Сменив сомнительные верительные грамоты от этих лиц на не вызывающие никаких сомнений рекоменда-

тельные письма Пия V, Ридольфи покинул Вечный город и в начале июля прибыл в Мадрид. К этому времени сведения о «заговоре Ридольфи» уже достигли иностранных столиц. Тем не менее Ридольфи не поостерегся направить Марии Стюарт и Норфолку письма, хотя было очевидно, что эти послания почти наверняка будут перехвачены английской разведкой. В письмах прямо ничего не говорилось о заговоре, но содержались темные намеки. Одно то, что флорентиец отправлял эти письма, явно неспособные принести ничего, кроме вреда его адресатам, способно породить сомнение в намерениях Ридольфи.

В Мадриде флорентиец встретил теплый прием у Филиппа II, который даже не хотел прислушаться к предостережениям испанского посла в Риме Хуана Сунига и герцога Альбы. Отметим здесь, кстати, что, когда флорентиец находился в Мадриде, мысль, не является ли он шпионом лорда Берли, пришла в голову Филиппу II и его советникам (за четыре столетия до историка Ф. Эдвардса). Но это подозрение было вскоре отброшено. Со своей стороны, Ридольфи, учитывая точку зрения Альбы, что для успеха заговора необходимо убийство Елизаветы, составил план покушения, осуществление которого предлагал поручить офицеру испанской армии в Нидерландах маркизу Вителли. Поставим вопрос: поступил бы так британский агент, не будучи даже уверенным, что ему удастся известить лорда Берли о том, одобрили ли испанские власти этот план. Иначе говоря, независимо от своих намерений, этот разведчик мог оказаться организатором не мнимого, а действительного покушения на королеву. Стоит добавить, что Вителли вскоре посетил Англию и встретил любезный прием при дворе. Явных данных об участии этого офицера в заговоре, по-видимому, не существует.

Это не значит, однако, что планы Ридольфи были отвергнуты. Напротив, Филипп II в конце концов санкционировал намерение организовать убийство Елизаветы. Когда Альба попросил прислать Ридольфи снова в Брюссель, Филипп не возражал, и 11 сентября флорентиец отправился в обратный путь, снова посетив Францию. К этому времени он уже не мог не знать о полном раскрытии заговора. Новая встреча Альбы с Ридольфи в конце сентября лишь убедила герцога в правильности его крайне низкой оценки и умственных данных итальян-

янца, и возможностей заговорщиков. Как сообщал Альба, Ридольфи лишь повторял как попугай заученный урок и не мог ответить ни на один из дополнительных вопросов. Альба считал несомненным, что Норфолк даже не заводил беседы о своих планах с друзьями, которые якобы ему преданы. Альба не стал скрывать своего презрительного отношения к итальянцу, и тот в ноябре уехал из Брюсселя в более благосклонный к нему Рим, где многократно объяснял, что причиной неудачи всего предприятия была враждебность испанского наместника в Нидерландах. Бесспорно, что позицию Альбы нельзя сбрасывать со счетов при решении загадки, какую представляет «заговор Ридольфи».

Возвращаясь на английскую почву, надо ясно представить себе положение, в котором находились главные участники заговора. Содержавшиеся под стражей Мария Стюарт и Норфолк, а также епископ Росский и испанский посол Деспес по крайней мере с марта 1571 года были фактически полностью изолированы друг от друга. Вся переписка между ними находилась под строгим контролем, и это было им отлично известно. Не менее очевидной была опасность, связанная с попыткой вести секретную корреспонденцию. Связь поддерживалась лишь при посредстве тех, кто имел доступ ко всем четырем лицам. Таких людей было очень немного. Заслуживают упоминания бывший секретарь герцога Норфолка Уильям Баркер (о нем ниже) и, главное, сам Роберто Ридольфи. Иными словами, каждый из главных участников заговора мог узнать о планах других трех только из того, что об этом сообщит ему Ридольфи (или Баркер). Поэтому если Ридольфи по тем или иным соображениям излагал бы не то, что он услышал, а нечто совсем иное, все заговорщики неизбежно должны были стать жертвами ложной информации, которую они никак не могли проверить. Следовательно, в показаниях каждого заговорщика нужно четко различать две части — во-первых, то, что относится к его собственным действиям, а во-вторых, все, касающееся его сообщников. Первая часть показаний относится к тому, что участник заговора действительно знал, хотя мог либо утаивать, либо изображать в ложном свете. Что же касается второй части, то в ней речь идет лишь об узнанном из чужих (и, возможно, лживых) уст. В своих показаниях каждый заговорщик старался преуменьшить свою роль, перекладывая глав-

ную ответственность на чужие плечи. Однако такой рисуется картина, пока мы исходим из предположения, что заговорщик, например Джон Лесли, получал в основном правильную информацию о планах своих сообщников. Но из того, что мы уже узнали о Ридольфи, такое предположение кажется по меньшей мере не единственно возможным. Если же допустить, что все четверо главных заговорщиков получали ложную информацию, то картина разом меняется. В этом случае утверждение каждого из них о том, что он лично и не собирался просить об испанской интервенции для свержения Елизаветы, может означать значительно большее: заговора вообще не было, а его мнимых организаторов лишь убедил в его существовании провокатор Ридольфи. Конечно, возможно, что истина лежала посередине — велись какие-то разговоры, которые секретная служба лорда Берли превратила в форменную государственную измену.

Как же, однако, относиться к признаниям епископа Лесли, которые вначале неохотно, а потом с таким торопливым изобилием делались им в Тауэре? После недолгого запирательства Лесли стал с большой готовностью сообщать все, что ему было известно о заговоре, — а знал он об этом со слов Ридольфи. При этом Лесли настаивал, что он лично считал лишь желательным получить через посредство Ридольфи финансовую помощь от папы и других государей для борьбы с шотландскими противниками Марии Стюарт. Все же остальные планы исходили от других заговорщиков и стали известны ему через посредство того же Ридольфи. Лесли «топил» свою госпожу и Норфолка, конечно, прежде всего в страхе за собственное благополучие. Однако наряду с этим полную капитуляцию прелата ускорили утверждения допрашивавших его судей, что остальные обвиняемые, включая арестованных друзей Норфолка, уже полностью во всем признались, причем к ущербу его, епископа Лесли. Эта довольно банальная уловка в XVI веке, быть может, еще была полицейской новинкой. Не менее важно, что для Лесли стала очевидной полная осведомленность властей о заговоре, бессмысленность дальнейших отпирательств и, главное, что его показания не будут поставлены в вину самому епископу. Сесил к тому же дал обещание, что они не будут использованы против других подсудимых (понятно, что оно было сразу же нарушено). Конечно, признания Лесли весьма отли-

чаются от того, как они были изложены епископом в написанной позднее, уже после отъезда из Англии, «Апологии». Однако нет нужды особенно доверять этой «Апологии», чтобы критически подойти и к сохранившимся протоколам допроса. Часть из них не подписана Лесли и имеет только подтверждающую пометку Сесила. Один из членов Тайного совета, проводивших следствие, сэр Томас Смит впоследствии сам признавался Сесилу, что подделал подпись Норфолка на протоколе, который герцог отказался подписать. А с Лесли дело обстояло проще, и получить его подпись не составляло особого труда.

Лесли сообщил все известное о заговоре — со слов Ридольфи. Впоследствии то же сделали другие обвиняемые, так что их показания внешне казались независимыми и подтверждающими друг друга свидетельствами о подготовке этого заговора. 8 ноября 1571 г. Лесли с разрешения властей написал письмо Марии Стюарт, в котором предполагалось само собой разумеющимся активное участие королевы в заговоре и сообщалось, что ему, Лесли, пришлось признаться во всем. Мария Стюарт даже сочла, что Лесли насильно заставили написать это письмо.

Однако не следует забывать, что все эти признания Лесли относятся к осени 1571 года, а летом власти, если верить официальной версии, еще не могли ни прочесть зашифрованных писем Ридольфи, ни определить, кто скрывался под шифрами «30» и «40». Впоследствии на процессе Норфолка 16 января 1572 г. генерал-прокурор Джерард заявил: «Никому никакими усилиями не удалось обнаружить это, пока это не было раскрыто богом посредством чудесной случайности». Этой «чудесной случайностью» была посылка с купцом Томасом Брауном из Шрюсбери зашифрованных писем для передачи через управляющего северными поместьями герцога Норфолка Лоуренса Бэнистера шотландским лордам — сторонникам Марии Стюарт. Раскрытие кода, которым были написаны эти письма, показания слуг герцога позволили отождествить Норфолка с неизвестным «40». Именно обнаружение писем и привело к возвращению Норфолка в Тауэр (он содержался под домашним арестом).

В этом эпизоде бросается прежде всего в глаза, что к пересылке денег и крайне секретных писем было привлечено много людей — не менее пяти человек. Зачем было в письмах снова обозначать герцога цифрой «40», как в

корреспонденции Ридольфи, подвергая его из-за этого смертельной опасности, и притом без всякой нужды, когда можно было заранее сговориться о любом другом знаке? Вызывают недоумение и действия Брауна: он не только сразу же определил, что в мешке не 50 фунтов серебром, как сказал ему Хикфорд, а много золота (это можно объяснить опытом купца), но немедленно поспешил доставить свой груз членам Тайного совета. Хикфорд не был хорошо знаком с Брауном, и не понятно, как он мог вложить в мешок письма такой важности и столь опасные для их отправителей. Вопрос в том, действовал ли Браун по предварительному сговору с секретной службой или по собственной инициативе? Первое предположение вероятнее. (Что купец, возможно, был шпионом Берли, предполагал задолго до Ф. Эдвардса, например, в прошлом веке Ж. Готье в своей трехтомной «Истории Марии Стюарт»). Еще более правдоподобным представляется, что письма были вложены в мешок, лишь после того как он попал в руки властей, по крайней мере, часть этих писем, уличающая герцога в государственной измене. В таком случае Норфолк на деле приказал переслать лишь деньги, а не роковые письма.

Чтобы пролить дополнительный свет на эту запутанную историю, следует познакомиться еще с одним персонажем — Уильямом Баркером, уже пожилым человеком, который ранее был секретарем герцога и сохранил его доверие. Баркер проявлял в это время куда большую активность, чем Роберт Хикфорд, который был к тому же серьезно болен. Именно Баркер дал наиболее убийственные показания против Норфолка. Возможно, что это смягчило Берли в отношении самого Баркера, хотя даже самые полные и чистосердечные признания не спасли от приговора к «квалифицированной казни» ни Роберта Хикфорда, ни Лоуренса Бэнистера, несравнимо меньше (особенно Бэнистер) связанных с «заговором Ридольфи». Правда, не сохранились документы, которые позволили бы определить, был ли приведен в исполнение этот смертный приговор. В отношении же Уильяма Баркера, напротив, в данном случае существует полная ясность — признав себя на суде виновным в государственной измене и приговоренный к смерти, 2 февраля 1572 г. он получил королевское прощение. Это надо было заслужить...

Если Ридольфи несколько раз служил курьером между главными заговорщиками, то Баркер, в свою очередь,

поддерживал связь между флорентийцем и его (действительными или мнимыми) сообщниками. Из показаний Хикфорда известно, что Баркер ведал перепиской герцога с Марией Стюарт. Норфолк в своих заявлениях на следствии и суде прямо указывал на Баркера как на предателя, который, в отличие от честных людей — Хикфорда и Бэнистера, давал заведомо ложные показания (другим лжесвидетелем Норфолк назвал Лесли, но прелат, как мы уже убедились, возможно, только повторял принятые им на веру чужие слова). Подобно Ридольфи, позиция Баркера позволяла ему, если бы он того захотел, представлять в ложном свете каждому из главных заговорщиков намерения и планы его соучастников. Метод же привлечения на свою сторону путем подкупа или запугивания одного или нескольких слуг вельможи, которого хотели погубить, не раз использовался секретной службой лорда Берли уже в первые годы правления Елизаветы.

О том, что Баркер был правительственным шпионом, косвенно говорит тот факт, что в руки властей попали едва ли не все письма, которыми обменивались Норфолк и шотландская королева. Баркер доставил Норфолку по поручению Лесли присланные из-за границы письма Ридольфи и даже послание папы Пия V, добытое, конечно, тем же ловким флорентийцем. Норфолк не отрицал ни встречи с итальянцем, устроенной Баркером, ни получения писем от Ридольфи и Пия V, но придавал всем этим эпизодам совсем иной смысл. С банкиром Ридольфи он беседовал в течение часа, но по чисто денежным делам, а вовсе не о заговоре и плане вторжения испанских войск. Инструкции, которые от него получил итальянец, были такого же рода. Баркер утверждал, что было не одно, а два свидания герцога с итальянцем. Норфолк отрицал это и заявил, что он был крайне разгневан, узнав, что Баркер по наущению Ридольфи и действуя от имени Норфолка установил связь с испанским послом Деспесом. Быть может, здесь герцог приблизился к главному «нерву» сложной игры лорда Берли. Далее, говоря о принесенном Баркером расшифрованном письме Пия V, Норфолк заметил, что из этого письма следовало, будто оно является ответом на письмо герцога, которое тот и не думал посылать и которое, следовательно, было подделано и послано как бы от его имени. Нельзя исключить того, что Норфолк здесь не лгал и снова приблизился к пониманию

механизма направленной против него интриги. Наконец, когда ему много раз повторяли, что против него имеются совпадающие показания лиц, находящихся в заключении и не имевших возможности согласовать свои признания, герцог ответил: «Они не согласовали свои признания, направленные против меня, однако один из них сообщил другому, и так эти сведения переходили у них от одного к другому».

Норфолк не отрицал и получение от Баркера расшифрованного письма Ридольфи — письма к «40». Однако, по утверждению герцога, в нем речь шла о денежной помощи, которую Альба был готов оказать Марии Стюарт. На замечание прокурора, что два независимых свидетеля — Баркер и епископ Росский — независимо друг от друга засвидетельствовали изменническое содержание письма, Норфолк резонно возразил, что тот же Баркер и Кэтберт, секретарь епископа Лесли, которому удалось бежать во Францию, могли, зная шифр, написать, что им вздумается. Прокурор допытывался, почему Ридольфи вообще писал герцогу. Обвиняемый возразил, что ему это неизвестно, он получал от Баркера лишь расшифрованный текст и не видел самого письма. Норфолка упрекали, что он добровольно ничего не сообщил властям, а было ли ему что сообщать? Не стоит множить примеры, демонстрирующие, что главные доказательства, которые были представлены обвинением, по крайней мере, допускают возможность двоякого толкования и, следовательно, вовсе не являются доказательствами в собственном смысле слова. Добавим лишь, что то же можно сказать и о доводах Ф. Эдвардса! Известный английский историк и экономист начала XIX века Д. Чомерс писал в книге «Жизнь Марии, королевы Шотландии», что Норфолк «признался во многом и отрицал немного». Но это произошло не сразу. Норфолк на каждой стадии следствия отрицал все, что только можно было отрицать. На последнем этапе он отрицал то в обвинении, что нельзя было подтвердить документами, — содержание его секретных бесед с Ридольфи, и в этом нашел союзника в лице историка-иезуита.

Сам процесс над Норфолком велся с явным пристрастием, нарушением законных норм, как, впрочем, и большинство других политических процессов той эпохи, целью которых ведь было устранение противника, а не выяснение степени доказанности инкриминируемых ему дейст-

вий. Судей, которые должны были быть пэрами Англии, тщательно отобрали из числа врагов герцога, могущих выиграть от его гибели. Обвиняемому не дали времени подготовиться к защите, лишили — вопреки прецедентам — права пригласить адвоката. Показания главных свидетелей были вырваны пыткой или угрозой пытки. Елизавета разрешила подвергнуть пытке Баркера и Хикфорда. Для публики была издана специальная Декларация, оправдывавшая действия королевской комиссии, которая проводила следствие. В Декларации указывалось, что пытали только лиц, заведомо совершивших преступные деяния и не желавших сознаться, что «королевские слуги, тюремщики, обязанностью и занятием которых является управление дыбой, даже получили особое указание от тех, кто присутствовал на допросах, использовать ее настолько милосердно, насколько это возможно». Ряд протоколов следствия был явно подделан, допросы велись так, чтобы совершенно замаскировать возможную полицейскую провокацию, если таковая имела место. Старался ли Берли и его подчиненные — некоторые из которых не могли не догадываться о возможности провокации — «для потомства», как считает Ф. Эдвардс? Могли быть и более веские с точки зрения лорда Берли причины. Суд над Норфолком состоялся 16 января. Казнь была назначена на 8 февраля 1572 г., но в последний момент перенесена по указанию королевы на 28 февраля, а потом еще раз — на 12 апреля. Елизавета явно колебалась и, быть может, была готова ограничиться приговором к пожизненному тюремному заключению.

СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ЕЛИЗАВЕТЫ

ебезынтересным является вопрос, насколько сама Елизавета была в курсе махинаций Сесила и Ридольфи (если последний действительно являлся агентом английской разведки)? В ответ, видимо, следует сказать, что Сесил не считал нужным посвящать королеву в работу своего ведомства. Иначе трудно объяснить, что как раз во время ареста Байи Елизавета, которой претил шустрый Лесли, чрезмерно, по ее мнению, ревностно отстаивавший интересы Марии Стюарт,

повелела отослать епископа из Лондона к его государыне. Однако такое повеление явно путало все карты Сесила — ему было необходимо, чтобы Лесли не встретился с Марией Стюарт, о планах которой он ведь знал только со слов Ридольфи. Поэтому в сохранившемся дневнике Лесли 14 апреля (уже через день после того, как Байн был заключен в Маршалси!) сделана такая запись: «Милорд Берли сообщил мне, что, хотя королева (Елизавета. — Е. Ч.) предписала мне отправиться к королеве, моей повелительнице, он добился для меня разрешения остаться». Чтобы вырвать у Елизаветы это разрешение, Сесилу пришлось приложить немалые усилия, и, конечно, он сделал это вовсе не из благорасположения к Лесли. Дело в том, что удаление посла Марии Стюарт из Лондона в то время, когда там должен был собраться парламент, стало для Елизаветы своего рода вопросом личного престижа и торжества над содержащейся под стражей, но не покорившейся соперницей. Перед взрывом королевского гнева Сесил должен был отступить и 12 апреля составил письмо, оскорбительно разъяснившее Марии Стюарт причины высылки ее посла. Однако припадки ярости и упрямства продолжались у Елизаветы недолго, а Сесил был слишком опытным придворным, чтобы не суметь преждать бурю и добиться своего при наступившем затишье. По-видимому, уже 13 апреля ему удалось изменить королевскую волю — Лесли остался в Лондоне. Этот эпизод становится необъяснимым, если предположить знакомство Елизаветы с хитроумными планами ее главного министра.

Через несколько месяцев, 13 июля, в дневнике Лесли появляется запись о том, что за него удалось замолвить словечко перед фаворитом Елизаветы графом Лейстером, но что, однако, ничего нельзя решить до возвращения лорда Берли, который уехал в свою сельскую резиденцию и вернется только через восемь дней. На следующий день, 14 июля, французский посол просил за епископа саму королеву — Елизавета обещала допросить Лесли и отослать его к Марии Стюарт, а потом в Шотландию. По-видимому, об этом был немедленно извещен Сесил, поспешивший вернуться в Лондон по крайней мере 17 июля (запись об этом в дневнике Лесли), а не 21-го, как это предполагалось ранее. После возвращения лорда Берли всякие разговоры о высылке Лесли разом прекратились. Кроме того, надо учитывать, что, если для Сесила Нор-

фолк явно становился противником в борьбе за власть и сторонником противоположного курса во внешней политике, сама Елизавета еще далеко не решила, следует ли считать герцога человеком опасным для трона. Королева даже благосклонно отнеслась к многочисленным просьбам выпустить Норфолка на свободу, так как он перестал защищать интересы Марии Стюарт. Таким образом, трудно вообразить, что Сесил был откровенен со своей госпожой во всем, что касалось «заговора Ридольфи». Конечно, Сесил должен был считаться с тем, что Елизавета каким-то образом узнает правду, но всегда была возможность свалить ответственность на Ридольфи, в крайнем случае на находившегося в Париже Уолсингема, переждать вспышку королевского гнева, который лорду Берли много раз пришлось испытать на своем веку, и вернуть все в прежнюю колею. Однако, пока Елизавета не приняла окончательного решения о казни Норфолка, оставалась опасность, что королева передумает. Ей многократно твердили, что исключительное милосердие будет сочтено за признак исключительной слабости. Берли было особенно важно, чтобы у Елизаветы не возникло и подозрения в его личной заинтересованности. Поэтому лукавый Сесил вызвался вместе с сэром Николасом Беконем внести залог за осужденного. И тут очень кстати был раскрыт еще один заговор, на этот раз ставящий целью убийство самого лорда Берли.

Инициаторами заговора, если верить официальной версии, были некие Кинели Берни (или Верни) и Эдмунд Мэзер, оба родом из города Норвича в графстве Норфолк, где было сильно влияние герцога Норфолка. Имеются сведения, что Берни ранее совершил убийство и был связан с заведомыми преступниками. О Мэзере мы знаем кое-что из доноса его приятеля Даниэля Роджерса, который вместе с ним служил секретарем английского посла в Париже сэра Генри Норриса. Мэзер был сыном богатого купца. Ко времени его вовлечения в заговор ему было немногим более 30 лет. В Париже Мэзер с головой окунулся в политические интриги, поддерживал связи с католическими эмигрантами. Вряд ли это терпели в посольстве без особого умысла. Правда, Роджерс уверял, что Мэзер не раз употреблял во зло оказанное ему доверие, был дружен с неким Джоном Гербертом (он же Томас Дженни), несомненным агентом английской разведки. Роджерс писал в своем доносе: «Оба они сходны по ха-

рактеру. Я не знаю людей, имеющих столь одинаковые наклонности: оба богохульники, макиавеллисты, рьяные честолюбцы, стремящиеся к переменам в государстве, неисправимые моты, проживающие больше, чем это позволяют их средства, как никто погрязшие в грехе и весьма умеющие уничтожать все, что может как-то помешать осуществлению их намерений». В другом доносе в январе 1572 года Роджерс уверяет, что Мэзер собирался участвовать в католическом восстании в северных графствах, но отказался, получив дом в качестве подарка от лорда Берли. С именем Мэзера мы встречаемся и в отчетах нашего старого знакомца Уильяма Герли. Информировав в марте 1572 года Сесила об одном мошеннике, занимающемся всем — от изготовления фальшивой монеты до лжесвидетельства, Герли добавляет, что этот субъект — знакомый Эдмунда Мэзера. Таков был человек, неожиданно выразивший неумное желание оказать помощь герцогу Норфолку и делу католицизма. Мэзер определенно имел шансы стать вторым Уильямом Герли, если бы своими поступками не стал возбуждать недоверие даже у своих нанимателей, не болтал бы много лишнего, не изображал бы себя хранителем государственных тайн и центральной фигурой на политической сцене, не распространял бы опасные слухи о влиятельных людях, включая самого главного министра королевы. Подогреваемый страстью к интриге и используя опыт, приобретенный в Париже, Мэзер, установив связи со служащим испанского посольства неким доном Пасиско, проник в круг сторонников Марии Стюарт. Он поддерживал дружеские контакты и с двумя правительственными шпионами — Нэнфентом и Скидимором (правда, неясно, знал ли он об их основной профессии). Для ведомства лорда Берли вполне подходили агенты без совести, но его не устраивали люди, не умеющие держать язык за зубами. Опасным фанфаронам, бахвалам вроде Мэзера, правда, тоже иногда находилось место, но совсем не то, на которое те рассчитывали...

О заговоре Мэзера и Берни нам известно только из записей их допросов, а чего стоили эти протоколы и суммирующие их служебные бумаги, достаточно явствует из предшествующего изложения. Мэзеру явно принадлежала руководящая роль — он привлек Берни к заговору и фактически содержал своего сообщника, который в то время не имел никаких средств, а Мэзера деньгами снаб-

жал Уильям Герли. Вначале намерения заговорщиков сводились к совершенно фантастическому плану помочь Норфолку бежать из Тауэра, спустившись со стены по веревке. Потом было решено подбросить угрожающие письма в зале заседания суда, а затем — на Тауэр хилл и около собора Святого Павла. Письмо составил Мэзер, но переписал Берни. Он же подбросил бумагу. Таким образом, было создано документальное подтверждение измены. Мэзер выразил опасение, не видел ли кто-либо Берни; тот заметил, что никому об этом не будет известно, если, конечно, Мэзер ничего не сообщит Уильяму Герли! Вряд ли можно представить Мэзера действительным заговорщиком. Он явно не мог рассчитывать на вознаграждение от Норфолка, еще менее вероятно, что авантюрист действовал из каких-то бескорыстных, идейных побуждений. Очевидно, что Сесил через Уильяма Герли был в курсе всего дела. От подметного письма Мэзер перешел к планам убийства лорда Берли как главного врага герцога и Марии Стюарт. Он предлагал застрелить его на улице, быстро переправиться на лодке через Темзу, вскочить на заранее подготовленного коня и, далеко опередив погоню, укрыться у верного человека в графстве Серрей. Велся разговор и о покушении на Елизавету. Все это Мэзер собирался осуществить не сам, а поручить Берни. Он явно невысоко ставил ум своего сообщника, когда пытался рассеять страхи того перед возмездием ссылками, что удастся сделать заложниками двух сыновей лорда Берли, отослав их к герцогу Альбе. Мэзер встречался с Герли в присутствии Берни. Они совместно обсуждали планы покушения. Во время бесед с Герли Мэзер нередко переходил на итальянский язык, чтобы сделать содержание разговора непонятным для Берни. В своих показаниях Мэзер утверждал, что он неоднократно тайно посещал испанского посла Деспеса, который твердил о необходимости устранить лорда Берли. Это же повторял и секретарь посла Боргезе, позднее арестованный английскими властями.

Мэзер был, по-видимому, последним в длинном ряду агентов британской секретной службы, одурачивших посла Филиппа II и превративших его в невольное орудие компрометации главных противников Уильяма Сесила. Теперь настало удобное время, чтобы потребовать удаления дона Герау. По уверению властей, оригиналы наиболее важных писем Ридольфи находились в руках Деспе-

са. Было бы не очень удобно, если, оставаясь в Лондоне, испанец вздумал бы опровергать эти утверждения.

Из показаний Мэзера явствует, что он знал о подлинной роли Герли, знал даже о тех суммах, которые выдавались шпиону на расходы. Любопытна также официальная версия того, как властям стало известно о заговоре. Лорд Берли будто бы получил письмо, в котором какой-то раскаявшийся заговорщик сообщал, что три раза опытный убийца поджидал министра в его саду. Письмо это безусловно исходило от Мэзера. Он даже не скрыл факт его отсылки от Берни, ссылаясь на то, что оно испугает главного министра, а это поможет Норфолку. Если бы заговор не был просто провокацией, Мэзер, послав письмо, из понятной предосторожности поспешил бы на время скрыться — он не сделал такой попытки. Хотя в письме не указывался отправитель, вскоре после того, как оно было отослано Герли, Мэзер и Берни были заключены в Тауэр. Из тюрьмы Мэзер написал новое письмо Сесилу на восьми страницах, из которого явствует, что заговор был выдан Уильямом Герли. Интереснее другое. Письмо это написано человеком, отнюдь не считавшим себя на краю гибели. Напротив, оно содержит деловые советы по вопросам отношений с иностранными державами. Это не просто письмо крайне самоуверенного человека, оно раскрывает его представление и о заговоре, и о роли, которую он, Мэзер, сыграл в этом предприятии, — роли тайного слуги правительства. Иначе невозможно объяснить отсутствие в письме слов раскаяния в инкриминируемой Мэзеру государственной измене, планах убийства королевы и ее первого министра. Если исключить здесь расстройство ума, то приходится признать, что Мэзер явно считал себя исполнителем воли главного министра. Вероятно, эту иллюзию у него поддерживали до последних минут даже на эшафоте. 11 февраля 1572 г. Мэзер и Берни были подвергнуты «квалифицированной» казни, полагавшейся государственным изменникам, особенно если они не принадлежали к знатному роду.

Американский историк К. Рид, не принадлежавший к иезуитской школе и придерживавшийся традиционной версии «заговора Ридольфи», считает, что конспирация Мэзера являлась, возможно, следствием провокации Герли. Все, что нам известно об этом заговоре, в том числе и об участии в нем испанского посла, основывается на показаниях двух заговорщиков, вырванных под пыткой.

Даже если судить по этим показаниям, планы Мэзера были до крайности туманными, вероятнее всего, Герли подстрекал двух безрассудных молодых честолюбцев болтать о том, что они якобы могут, но что они не собирались делать.

Отвлекающий маневр в виде заговора против жизни лорда Берли, может быть, и произвел желаемое впечатление на Елизавету, однако он не покончил с ее колебаниями по поводу участи Норфолка, хотя за его казнь горячо ратовал собравшийся весной 1572 года парламент. Решение о казни было окончательно принято в конце мая. 2 июня, стоя на эшафоте, Норфолк в предсмертной речи снова отрицал, что он давал согласие на мятеж, на вторжение испанцев, отверг «папу и его религию».

Английская дипломатия максимально использовала раскрытие «заговора Ридольфи», чтобы ослабить поддержку Марии Стюарт парижским двором, представив ее союзницей Испании. Но эти действия должны были быть такими вне зависимости от того, какой в действительности была подоплека «заговора Ридольфи». Сам флорентиец потом неоднократно ходатайствовал о возмещении убытков, понесенных им ради святой церкви. Папа Григорий XIII отказал, а еще через три десятилетия точно так же поступил английский король Яков I, сын Марии Стюарт. Флорентиец неоднократно выполнял дипломатические поручения своего государя, великого герцога Тосканского, был его послом в Риме, Мадриде и Лиссабоне и мирно скончался 81 года от роду.

Подводя итоги, можно сказать, что нет ни одного факта, прямо свидетельствующего, что Ридольфи был шпионом лорда Берли, а не искренним, хотя и опрометчиво поступавшим, агентом католической церкви. Совокупность косвенных доказательств свидетельствует о провокаторской роли Ридольфи, хотя каждый его поступок допускает различные истолкования. Несомненно, что он снабжал доверившихся ему лиц заведомо ложной, оптимистической информацией — например, о готовности герцога Альбы немедленно послать войска на помощь восставшим английским католикам. Зачем было Ридольфи уверять Пия V и Филиппа II, что герцог Норфолк, живший и умерший протестантом, в действительности тайный католик? Эти и другие подобные утверждения Ридольфи явно вредили тем, в интересах кого якобы действовал итальянский банкир. Между тем флорентиец, как доказывают

его успехи в торговых предприятиях, был опытным дельцом, и подобного рода нелепые поступки вряд ли могли быть следствием простого недомыслия. Слабым пунктом в концепции Ф. Эдвардса является объяснение мотивов поведения Ридольфи. Арестованный в Англии итальянец мог под угрозой пытки дать какие угодно обязательства служить Берли, но какой смысл было ему соблюдать эти обещания с перспективой навлечь на себя месть папы и испанского короля? Эдвардс считал, что риск был не очень велик, а мотивом являлись деньги, которые следовало получить Ридольфи от его английских должников — 3,5 тыс. фунтов стерлингов (очень большая сумма по тем временам) — и которые иначе конфисковали бы власти. В случае смерти Елизаветы и вступления на престол шотландского короля Якова перед флорентийским банкиром тоже открывались благоприятные возможности. Удайся заговор — Ридольфи тоже не был бы, конечно, в накладе.

Как ни относиться к концепции Ф. Эдвардса, факт переговоров шотландской королевы с Альбой доказывают бумаги, захваченные еще в апреле 1571 года у сторонников Марии Стюарт, после занятия ее врагами замка Думбартон. Историк-иезуит, пытаясь доказать свой тезис, стремится затушевать, насколько планы Ридольфи точно отражали интересы Марии Стюарт и Норфолка — так точно, что одно это возбуждает сомнение в неодобрении планов флорентийца шотландской королевой и герцогом.

Вряд ли можно документально опровергнуть традиционную точку зрения, выраженную М. Минье, что Берли узнал о заговоре от Байи, но и тогда он еще не был «в состоянии доказать его и начать преследование».

Известно, что Сесил, как и сама Елизавета, и в 1571 году и много позднее были противниками открытой военной конфронтации с Испанией, на чем настаивали Лейстер и Уолсингем. Не могло ли провоцирование «заговора Ридольфи» привести к такой конфронтации, активизировать и Альбу, и Филиппа II? Сесил, если он собирался провоцировать заговор, не мог не задать себе подобный вопрос и тем самым не привести веский довод против такой игры с огнем.

Сам Ф. Эдвардс признает, что приводимые им косвенные улики виновности Уильяма Сесила, лорда Берли, в фабрикации «заговора Ридольфи» вряд ли убедили бы беспристрастный суд и тем более недостаточны для суда истории. «Но если нельзя вынести окончательное сужде-

ние о роли Ридольфи и Сесила, — пишет он, — то тем менее возможно осудить герцога Норфолка и шотландскую королеву Марию Стюарт. Если мало что доказано, говорящее в их пользу, еще менее то, что свидетельствует против них». Быть может, Эдвардс преувеличивает степень «недоказанности» участия Норфолка и Марии Стюарт в заговоре. Однако историку-иезуиту удалось по крайней мере поставить под сомнение традиционную интерпретацию «заговора Ридольфи».

При любом истолковании этого заговора не подлежит сомнению, что английская разведка в это время прибегала к провокациям крупного масштаба. Примером может служить дело Джона Хокинса, одного из «королевских пиратов», которые с фактического позволения Елизаветы вели на море необъявленную войну против Испании, захватывая нагруженные золотом и серебром испанские корабли на их пути из колоний на родину. Чтобы освободить своих матросов, попавших в плен к испанцам и томившихся в тюрьмах инквизиции, Джон Хокинс сделал вид, что решил вернуться в лоно католической церкви. Получив аудиенцию у Марии Стюарт, он послал в Мадрид своего агента Джорджа Фитцуильяма, который повез с собой рекомендательное письмо от шотландской королевы. Филипп II отдал распоряжение освободить английских моряков и выдать каждому из них по 10 дукатов. Испанский король приказал также передать Хокинсу патент на титул испанского гранда и, что важнее, большую сумму денег — целых 40 тыс. фунтов стерлингов. В свою очередь, Хокинс обещал перейти со своим флотом на сторону Испании. 4 сентября Хокинс с удовлетворением писал Берли о своих испанских партнерах по переговорам: «Я надеюсь, господь бог разрушит их планы и они сломают себе шею из-за собственных умыслов».

Берли, однако, знал, что бравый моряк завел переговоры с испанцами по собственному почину и, лишь когда о них стало известно английскому Тайному совету, начал действовать с ведома правительства Елизаветы. Но Берли не был осведомлен о том, что Хокинс сообщил далеко не все ему известное о планах испанского вторжения. Капитан пиратов оставлял себе возможность в случае успеха Альбы выполнить договор с испанцами. Впрочем, дела пошли так, что патриотизму Джона Хокинса не пришлось выдерживать сколько-нибудь серьезного испытания.

Английская секретная служба поддерживала связи с гезами-нидерландцами, воевавшими против Филиппа II. В Голландии побывал и Уильям Герли. А когда в 1576 году в Лондон прибыли послы восставших провинций, лорд Берли, разумеется, не имел с ними никакого дела. Голландцы вели переговоры с неким Уильямом Герли, и это уж их дело было, воспринимать или нет советы, подаваемые столь красноречивым джентльменом, который тоже совершенно приватным образом сообщал об этих встречах своему старому благодетелю лорду Берли.

Заметную активность проявляла английская агентура и в Шотландии, где регенты при малолетнем короле Якове начиная с Меряя один за другим погибали либо от кинжала убийцы, либо на эшафоте и где даже не раз возникала опасность победы группировки, ориентированной на католические державы.

МАСТЕР ШПИОНАЖА

середины 70-х годов руководителем елизаветинской разведки становится Френсис Уолсингем. Он родился около 1532 года в семье видного юриста. По матери Уолсингем находился в родстве, впрочем, очень отдаленном, с Марией Болейн, старшей сестрой Анны Болейн, и, следовательно, с Елизаветой. Френсис Уолсингем много учился — сначала в Кембридже, потом в качестве члена коллегии адвокатов. Годы правления Марии Тюдор он провел за границей, изучая право в Падуанском университете, где терпимо относились к протестантам. В эти годы Уолсингем нередко встречался с членами тогда еще молодого «Общества Иисуса». Интересуясь искусством государственного управления, Уолсингем изучал знаменитый труд Николо Макиавелли «Государь», пополнял свои знания в беседах с такими знатоками дела, как венецианские и флорентийские политики. Несомненно, что Уолсингем внимательно присматривался к организации разведки в итальянских государствах, считавшейся образцом для всей Европы. Молодой англичанин даже внешне напоминал смуглых, черноволосых сыновей жаркой Италии. Елизавета прозвала его «мавром». В 1560 году Уолсингем вернулся в

Англию, но несколько лет вел жизнь сельского сквайра. На королевскую службу он поступил только в 1568 году и сразу же завоевал доверие Сесила. В частности, Уолсингем стал получать донесения из-за рубежа о подготовке покушения на королеву, которую вели Гизы. В одном из таких сообщений британский посол в Париже Норрис рекомендовал в качестве ценного агента некоего капитана Франсуа. Это был псевдоним Томазо Франсиотто, протестанта из города Лукки, который 40 лет работал на французскую разведку, а позднее стал одним из лучших шпионов Уолсингема. Еще летом 1568 года Уолсингем договорился с лордом-мэром Лондона о составлении еженедельно списка иностранцев, которые снимали помещения в столице, чтобы выявить среди них возможных заговорщиков. В декабре 1568 года Уолсингем писал Сесилу, что при существующих условиях «менее чреватой угрозой излишние, чем недостаточные, опасения и что нет ничего более угрожающего, чем (мнимая) безопасность».

С 1570 по 1573 год Уолсингем занимал пост английского посла в Париже и был свидетелем Варфоломеевской ночи. Вслед за своим предшественником Николасом Трокмортонем Уолсингем завел шпионов, следивших как за действиями французского правительства, так и за интригами в Париже англичан и ирландцев, принадлежавших к лагерю врагов Елизаветы. В числе агентов посла был ирландский капитан Томас, выдававший себя за эмигранта-католика. Ему было поручено следить за попытками архиепископа Кэшела завязать связи с французским двором. Впрочем, в течение этих лет Уолсингем в основном руководил людьми, принятыми на службу лордом Берли. Однако в последующие десятилетия он создал свою разветвленную разведывательную сеть.

Ревностный кальвинист, верящий в предопределение, Уолсингем был искренне убежден, что принадлежит к числу избранных божьих. Он не брезговал услугами профессиональных преступников, авантюристов, головорезов, в которых не ощущалось недостатка ни в одном из европейских городов. Это ведь была чернь, на которую не распространялась милость господ. Не очень важно, если они обременят лишним смертным грехом свою душу, и так обреченную на вечное проклятие. Уолсингем даже сформулировал такой принцип: «Если бы не было негодаев, честные люди едва ли бы могли узнать что-либо о предпринимаемом против них». А обеспечивать верность

подобных людей нельзя иначе, как страхом и золотом. «За нужные сведения никогда нельзя платить слишком дорого», — таков был девиз Уолсингема. Он был сторонником бескомпромиссной борьбы против Филиппа II, иногда даже вступая в пререкания с более осторожным Берли. Елизавета не раз упрекала Уолсингема в стремлении ускорить войну с Испанией ради интересов его приятелей-пуритан, критиковавших государственную англиканскую церковь. Тем не менее королева полностью доверяла уму и опыту своего шефа секретной службы.

В конце 70-х и в 80-х годах план Филиппа II и его союзников — германского императора, римского папы и всех сил католической контрреформации оставался, по существу, прежним: уничтожить очаг ереси в голландских и бельгийских владениях испанской короны. Для этого необходимо было лишить Нидерланды возможности получать помощь от Англии, свергнуть с престола Елизавету, возвести на английский трон Марию Стюарт, предлагавшую свою руку испанскому королю, и, таким образом, установить полную гегемонию Испании и католицизма. Раздираемая религиозными войнами Франция не могла быть серьезным препятствием на пути осуществления этих планов. В случае если бы не удалось свергнуть Елизавету с помощью тайной войны, в резерве оставался план высадки в Англии испанской армии, считавшейся тогда лучшей в Западной Европе.

Англия стремилась сорвать эти планы прежде всего организацией непрерывной войны против испанского судоходства. Захват и ограбление испанских кораблей английскими корсарами ослабляли Испанию и заметно увеличивали ресурсы Англии, служили прямому обогащению имущих классов — от лондонских купцов до самой Елизаветы — тайного пайщика компании «королевских пиратов». В задачу английской секретной службы входили прежде всего парирование заговоров, наблюдение за подготовкой к высадке в Англии испанской армии и сбор информации, который облегчил бы английским пиратам войну на море. Разведывательная сеть Уолсингема в целом весьма успешно справилась со всеми этими заданиями.

Смиренный монах, занимавшийся в иезуитском колледже в Дуэ или Сен-Омере, английский дворянин, вернувшийся в лоно католической церкви, богатый итальянец, портовый чиновник в Малаге или путешествующий

французский купец, парижский дуэлянт или студент одного из знаменитых германских университетов — за каждым из них мог скрываться разведчик Уолсингема. У него были агенты разного профиля — «просто» шпионы, шпионы-provokatory, специалисты по дешифровке, мастера подделки писем и печатей. Так, например, в 1580 году на континент отправился некто Джон Следд. Месяцами он странствовал в компании католических священников, бежавших из Англии, побывал в Риме и вернулся в Лондон с подробнейшим отчетом о 285 англичанах, находившихся за границей, — студентах, военных, купцах, священниках. В отчете были подробно указаны семейные связи этих лиц, приметы на случай, если придется заняться их поимкой, и т. д.

Будущий знаменитый драматург Кристофер Марло еще в Кембриджском университете поступил на службу к Уолсингему. Это не был какой-то исключительный случай. Агентами секретной службы состояли и другие деятели тогдашнего литературного и театрального мира — например, шотландский поэт Энтони Мэнди (действовавший в Английском колледже в Риме), драматург и актер Меттью Ройстон, рано умерший талантливый драматург Уильям Фаулер.

В феврале 1587 года молодой Марло исчез из Кембриджа, не сообщив никому, куда он уехал, и вернулся только в июле. Когда же университетские власти вздумали было строго допросить студента о причинах его продолжительной отлучки, им из столицы наемкнули на неуместность подобного любопытства. Марло в качестве тайного агента Уолсингема или одного из его помощников посетил различные страны континентальной Европы. Он выдавал себя за перешедшего в католицизм. Марло заезжал в Реймс, где в то время находился один из центров подготовки католических священников из англичан-эмигрантов. Резко отзывавшемуся о королеве Елизавете студенту рассказали о планах католического подполья в Англии. Однако позднее отношения Марло с властями явно испортились, и, быть может, это и послужило подлинной причиной его убийства в 1593 году, внешне выглядевшего результатом ссоры со случайным знакомым. Свидетелем, возможно и соучастником, преступления был некий Роберт Пули, о котором будет еще немало рассказано на последующих страницах. А через три с половиной столетия неясность обстоятельств, при которых погиб

Марло, позволила создать весьма эксцентричную версию, что его убийство было лишь инсценировкой, что он спасся и потом долгие годы выпускал свои произведения под именем Вильяма Шекспира...

Сеть Уолсингема состояла из костяка в виде доверенных, постоянно используемых людей, число которых было, надо думать, сравнительно небольшим, и более значительного количества агентов, используемых от случая к случаю, за скромную плату. Англия еще не была той богатой страной, какой она стала впоследствии. Расчетливая Елизавета хорошо знала счет деньгам и отпускала их на секретную службу не очень-то щедро, значительно меньше, чем тратили другие крупные державы. Не раз ее послам, да и самому Уолсингему, со вздохом приходилось докладывать из своего кармана деньги, которые не удавалось никакими усилиями выудить у скуповатой королевы. И тем не менее, когда дело шло о борьбе на главных участках непрекращавшейся тайной войны, денег не жалели. В 1587 году Уолсингем получил 3300 фунтов стерлингов — самое крупное ассигнование на секретную службу за все время правления Елизаветы. Наиболее отличившимся агентам давали пенсии и мелкие придворные должности.

Уолсингем не имел еще под рукой чиновничьего аппарата, которому он мог бы передоверить руководство своей сложной машиной. Главный секретарь сам поддерживал связь со всей многочисленной агентурой. Ближайшими помощниками Уолсингема были его личные секретари — Френсис Миллс и Томас Фелиппес. Этого Фелиппеса, низкорослого человека с рыжими волосами и изуродованным оспой лицом, мы еще не раз встретим в последующем изложении. Фелиппес знал много иностранных языков. Его по праву считали непревзойденным специалистом в чтении зашифрованных текстов, а также в подделке чужих почерков, вскрытии писем без ломки печатей. В прошлом он имел какие-то столкновения с законом и был спасен Уолсингемом от наказания. Известен и другой доверенный эксперт Уолсингема — Артур Грегори. Он был специалистом по незаметному вскрытию писем и по фабрикации поддельных печатей.

Своеобразие века отразилось и в попытках совместить разведку с астрологией и даже ведьмовством. Шекспировский Макбет, ставши королем Шотландии, говорит о неверных ему баронах (танах):

Во всех домах у знати кто-нибудь
Из челяди подкуплен мною. Завтра
С рассветом я отправлюсь к вещим сестрам.
Пусть больше скажут...

(Перевод Ю. Корнеева)

При широком распространении как раз в XVI и в начале XVII столетия веры в козни сатаны и дьявольской челяди их нередко примешивали ко многим событиям тайной войны. В 1572 году граф Шрюсбери, который был назначен сторожить Марию Стюарт, поручил своим шпионам разведать, где совершают шабаш «католические ведьмы». Он заподозрил их в намерении освободить шотландскую королеву. Лорд Берли заслал своего разведчика Даути в эскадру адмирала Френсиса Дрейка. Тот не мог открыто расправиться с Даути как со шпионом всесильного министра и казнил его как чернокнижника, навлекшего бурю на английские корабли.

Нечистую силу часто подозревали в занятии шпионажем. Гадание по звездам тоже не раз переплеталось с тайной войной. Лорд Берли подослал к царю Ивану Грозному астролога Бомелия, которому царь, впрочем, поручил другое важное занятие — приготовление ядов. Однако Уолсингему, видимо, принадлежит приоритет в использовании гороскопов для нужд секретной службы. Практичный шеф разведки при этом совсем не стремился, подобно многим своим современникам, извлечь нужные сведения из астрологических прорицаний; он, напротив, хотел лишь использовать гороскопы для дезинформации, причем не только врагов, но и своей повелительницы, королевы Елизаветы. Уолсингем это делал с целью отвлечь ее от невыгодного, по его мнению, внешнеполитического курса. Известно, что Уолсингем был противником планов брака Елизаветы с герцогом Анжуйским и позднее — его младшим братом герцогом Алонсонским. Гороскопы обоих возможных женихов составлял придворный музыкант и астролог Джон Ди, который не раз выполнял важные разведывательные поручения Уолсингема. Позднее, когда на Англию вот-вот должна была двинуться «Непобедимая армада» Филиппа II, Ди «предсказывал» бури, которые рассеют вражеский флот. Это делалось с целью помешать вербовке английских и ирландских католиков в испанские войска.

КАВЕРЗЫ СЫНОВ ЛОЙОЛЫ

1580 году Рим объявил, что всякий убивший Елизавету «с благочестивым намерением свершить божье дело не повинен в грехе, а, напротив, заслуживает одобрения».

Иезуитский орден продолжал подготовку к обращению англичан в свою веру. Один за другим высаживались на английский берег иезуитские лазутчики, тайно проповедовавшие против еретички-королевы и, главное, занимавшиеся сколачиванием всех сил католической партии, подготовкой заговоров в пользу Марии Стюарт и мятежей, которые помогли бы намеченному вторжению испанской армии.

Признанным организатором заговоров был отец Роберт Парсонс, в 1580 году лично возглавлявший иезуитскую миссию, тайно посетившую Англию. Он даже ухитрился создать в окрестностях Лондона передвижную типографию, печатавшую памфлеты в защиту католицизма. Спутник Парсонса Кемпион был схвачен и повешен, Парсонсу удалось бежать. С тех пор в течение многих лет он был, по существу, главным противником Уолсингема в тайной войне, неутомимо плетя из Рима сети все новых и новых заговоров. Парсонс занялся даже составлением плана будущего государственного устройства Англии после победы Филиппа и иезуитов. Католические епископы должны были получить право назначать членов английского парламента, вводилась инквизиция.

Другими видными руководителями католических заговоров были кардинал Аллен (подобно Парсонсу, английский эмигрант) и уэльский дворянин Хью Оуэн. По слухам, он еще в 1571 году принимал участие в «заговоре Ридольфи». Его роль была, правда, скромной: он должен был обеспечить бесперебойную замену лошадей на всем протяжении пути, по которому предполагала бежать Мария Стюарт. Эмигрировав, Оуэн совместно с Парсонсом и Алленом разработал детальный план вторжения в Англию испанских войск. В течение нескольких десятилетий скупое испанское правительство аккуратно выплачивало Оуэну значительную пенсию. И не даром. Дом Оуэна в

Брюсселе, неподалеку от Рынка сыров, стал шпионским центром католических держав, враждебных Англии. Отсюда уезжали люди, чтобы в другом платье и под другим именем появиться в лондонской таверне или дворянской усадьбе где-нибудь в Шропшире или Нортумберленде и там приняться за выполнение порученного дела. Они везли с собой письма, спрятанные в изящной трости или в подошвах башмаков. Письма были написаны на тонкой бумаге — не раз агенту уже после ареста удавалось быстро сжевать и проглотить компрометирующий документ. Впрочем, случалось и так, что человек, покидавший под покровом ночи брюссельский дом около Рынка сыров, через пару дней входил в лондонскую резиденцию сэра Френсиса Уолсингема. И наоборот. Теперь, почти через четыре столетия, уже невозможно разобрать, на кого в действительности работали многие из этих агентов.

В конце 70-х годов деятельность Оуэна как руководителя разведывательного центра приобрела широкий размах. Он имел шпионов не только в Англии, но и во Франции, и в Голландии. К числу его главных сотрудников относили Ричарда Гопкинса в Париже, Хемфри Шелтона в Руане, Эдварда Берлоу и Френсиса Риджли в Брюгге. Одним из центров организации был дом помощника Оуэна Ричарда Верстегена в Амстердаме. Важную информацию Оуэну поставлял глава английских иезуитов Генри Гарнет (о нем ниже). В частности, собирались подробные сведения о католическом подполье и судах над католиками. Письма доставлялись эмигрантами, тайно покидавшими Англию, «дружественными» капитанами английских и иностранных кораблей. Донесения переводили «спрятанными в пуговицах, ботинках и других еще более потайных местах». На их основе Оуэн составлял свои отчеты в Мадрид, многие из которых сохранились в испанских архивах.

Борьба шла без пощады. Оуэн и Парсонс однажды едва не попали в руки отряда английских войск, сражавшегося во Фландрии. В этом случае их участь была бы быстро решена — выдачи Оуэна правительство Елизаветы требовало еще со времени «заговора Ридольфи». В другой раз Оуэну и его агентам удалось склонить дезертировать отряд, состоявший из солдат-уэльсцев, который вдобавок без боя сдал испанцам крепость Девентер. Командир отряда Уильям Стенли стал полковником испанской службы. Его полк, действовавший во Фландрии, попол-

нялся за счет эмигрантов-католиков, и заговорщики рассчитывали опереться на него в случае государственного переворота в Англии.

В начале 80-х годов иезуиты подготовили очередной заговор (названный ими «английское дело») с целью убийства Елизаветы и возведения на престол Марии Стюарт. А узнал об этом заговоре Уолсингем благодаря счастливой случайности: находке небольшого зеркала. Его владелец — лазутчик нового испанского посла дона Мендоса — был в 1582 году задержан английскими властями. При обыске у него и обнаружили зеркальце, за задней крышкой которого были спрятаны важные бумаги. Вскоре были получены дополнительные сведения из Шотландии. Там был арестован Джордж Дуглас, романтический поклонник Марии Стюарт, на которого она возложила выполнение различных поручений. Под пыткой в Эдинбургском замке он признался, что шотландская королева ведет переписку с католическими державами через французского посла Кастиельно де Мовисьера или людей из его свиты. После этого разведчик Уолсингема Генри Фагот сумел поступить на службу в штат французского посольства и, кроме того, подкупить Шереля — доверенного секретаря посла.

От Фагота Уолсингем узнал, что главным организатором нового заговора стал Френсис Трокмортон (родственник сэра Николаса). При его аресте были обнаружены списки участников заговора, планы вторжения. Френсис Трокмортон был человеком крепкой закалки. Из окна своей камеры в Тауэре ему удалось выбросить игральную карту с наспех написанными несколькими фразами. Он извещал своих сообщников, что будет все отрицать, несмотря ни на какие пытки. Однако Трокмортон переоценил свои силы и мужество. Он с негодованием отверг предложение о помиловании, если добровольно сообщит все подробности заговора. Уолсингем приказал подвергнуть его самым жестоким пыткам, мрачно заметив в одном из своих писем: «Я видел, как удавалось сломить людей, не менее решительных, чем Трокмортон».

В начале 1585 года был раскрыт заговор Уильяма Парри — шпиона и провокатора, засланного английской разведкой к иезуитам, который стал вести двойную игру. Осталось неясным, кого обманывал Парри, начав подготовку покушения на Елизавету, — Уолсингема или «Общество Иисуса». Власти предпочли представить Парри

незуитским шпионом, и 2 марта 1585 г. он был подвергнут мучительной казни, уготованной виновным в государственной измене.

Победы нового испанского наместника в Нидерландах Александра Пармского в 1585 году снова со всей остротой поставили вопрос о целесообразности оказания более активной помощи голландцам. Елизавета продолжала колебаться, а Берли оставался сторонником осторожного курса, который вызвал недовольство королевского фаворита Лейстера, почти неизменно выступавшего за более активную антииспанскую политику. На этот раз обнаружилось и давно тлевшие разногласия между Берли и Уолсингемом, который, так же как и Лейстер, был сторонником посылки английских войск в Нидерланды. Дело дошло до попытки Уолсингема соблазнить Берли крупной взяткой, причем используя для этой цели человека, отлично известного им обоим и не раз уже упоминавшегося в нашем рассказе,— Уильяма Герли. Бывший «мученик» стал теперь играть привычную роль агента-двойника в споре между двумя своими нанимателями. Нельзя сказать с полной ясностью, кого он предавал в этом случае. Известно только, что Сесил использовал Герли и в несколько неожиданной роли лица, опровергающего клеветнические слухи о первом министре королевы. Сохранились письма Берли с соответствующими инструкциями на сей счет и ответные донесения Герли. Очень возможно, что Герли, расписывая общественное недовольство позицией министра и утверждая, что Англию стали называть «королевством Сесила», выполнял заказ Уолсингема. Махинации Герли могли быть в такой же мере вызваны стремлением оправдать действия лорда Берли, как и попыткой убедить его в непопулярности политики выжидания.

БОЧОНОК «ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»

есмотря на свои несогласия, Берли и Уолсингем вполне единодушно считали совершенно необходимым разделаться, наконец, с «гадюкой»— Марией Стюарт. Но подвести под топор палача пленницу, которая как-никак была королевой и добровольно отда-

лась в руки своей родственницы, можно было не иначе, как добыв безусловные, неопровержимые доказательства ее участия в заговоре, и притом непременно в заговоре, ставящем целью убийство Елизаветы. А как получишь такие доказательства, если пустить этот заговор на волю волн? Завлечь Марию Стюарт в заговор собственного производства, решили Берли и Уолсингем, значительно верней и надежней. Оставалось осуществить задуманное, и за это взялся Уолсингем с присущими ему умением и знанием дела. Конечно, только замысел должен был принадлежать шефу английской секретной службы, исполнителями могли стать лишь доверенные лица Марии Стюарт. Многих из них нельзя подкупить, ну что же, тем лучше! Не ведая того, что творят, они с тем большей естественностью будут играть порученные им роли и потом не сделают каких-либо неудобных признаний на суде.

После раскрытия заговора Трокмортон Мария Стюарт была переведена в январе 1585 года в мрачный замок Татбери в Стаффордшире, а ее стражем стал суровый пуританин сэр Эмиас Паулет, одно время бывший английским послом во Франции и хорошо знакомый с приемами тайной войны. Правда, в Татбери за шотландской королевой еще сохраняли ранее предоставленное право переписки с французским послом, разумеется, под строгим контролем ее тюремщика. В марте 1585 года Мария получила по этому официальному каналу письмо из Парижа от Томаса Моргана, который был посажен французскими властями по требованию Англии в Бастилию за организацию заговоров против королевы Елизаветы. Морган предостерегал Марию в отношении Паулета — его давно знали в Париже в качестве ловкого разведчика.

Явившись 18 апреля 1585 г. впервые к пленнице, порученной его охране, Паулет попытался разыграть роль простака.

— Всегда лучше всего действовать в открытую, — заявил он.

— Я предпочитаю поступать именно так, — ответила ему в тон Мария Стюарт.

— Меня ничто не заставит нарушить мой долг — ни надежда приобрести выгоды, ни опасение потерь.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Если вы желаете посылать письма в Лондон или в любое другое место, прошу передавать их мне. Я позабочусь о том, чтобы они были доставлены по назначению

и чтобы, если вы этого пожелаете, на них были получены ответы.

— Было время, когда я искала посторонней помощи для пересылки писем. Однако теперь я нахожусь в более хороших отношениях с королевой, моей сестрой, и не нуждаюсь в такой помощи. Вам не придется жаловаться на какие-либо из моих поступков, сэр Эмиас.

Это был скорее обмен обычными вежливыми фразами, неизбежными формальностями, чем надежда ввести в заблуждение противника. Обе стороны были для этого слишком опытны и хорошо знали правила игры.

Паулет стал с каждым месяцем усиливать строгости и ограничения, вплоть до запрещения слугам Марии гулять вдоль стен замка или гонцу, доставлявшему почту, привычно извещать звуком рожка о своем прибытии. Сэр Эмиас стремился следить за каждым шагом своей подопечной. Часами вместе с женой не отходил он от окон комнаты, из которых можно было видеть каждого, кто приближался к замку. Паулет самолично каждый день инспектировал шотландцев — слуг своей пленницы, внимательно пересчитывал их за обедом и ужином, дабы никто не имел возможности ускользнуть с тайным посланием. Сэр Эмиас не обошел своей подозрительностью и окрестных католиков. Отношения между тюремщиком и королевой стали вскоре открыто враждебными. Непреклонного пуританина нельзя было пронять ни просьбами, ни слезами, ни вспышками гнева.

Единственное, пожалуй, в чем сходились сэр Эмиас и Мария, была их неприязнь к замку Татбери — холодному, сырому, лишенному самых элементарных удобств. Зимой он стал бы вовсе непригодным для жилья. На жалобы и запросы сэра Эмиаса из Лондона был получен ответ. Паулет получил разрешение подыскать неподалеку два дома — один для Марии Стюарт и ее слуг, другой — для него самого и подчиненной ему стражи. Среди зданий, которые осмотрел для этой цели сэр Эмиас, он счел подходящим дом, который принадлежал дворянину сэру Джону Джифорду, арестованному за приверженность католицизму. Паулет в своем рапорте в Лондон подробно описывал преимущества, которые отличали владения мистера Джифорда, — удобные апартаменты, отличный фруктовый сад, окруженный оградой парк, вблизи лес, из которого легко подвозить дрова. Паулет не забыл упомянуть превосходное пастбище для скота и даже голубят-

ню. В его письме не было лишь ни слова о том, что у хозяина дома — Джона Джифорда был сын по имени Джилберт, обучавшийся во Франции и находившийся в дружеских отношениях со святыми отцами из «Общества Иисуса». Впрочем, быть может, в это время Паулет был еще не в курсе походов Джифорда-младшего. Тем более что не вполне ясно, был ли осведомлен о них тогда сам сэр Френсис Уолсингем.

Нелегко выяснить, когда установились связи между королевским министром и молодым католическим джентльменом из Стаффордшира. Некоторые данные, как мы убедимся, свидетельствуют, что это произошло в самом конце декабря 1585 года. Однако, когда речь идет об Уолсингеме, не следует придавать решающего значения даже, казалось, внешне самым убедительным доказательствам, и возможно, что близкое знакомство этих лиц относится к значительно более раннему времени. Против этого, правда, говорит молодость Джифорда — в 1585 году ему исполнилось лишь 24 года. И хотя это был, как мы убедимся, очень шустрый мужчина, такие нередко становятся шпионами-двойниками уже на школьной скамье.

17 лет от роду Джилберт Джифорд отправился на континент продолжать образование. Через два года его уже можно было встретить в числе студентов Английского колледжа в Риме, где Джифорда, впрочем, не сочли достаточно заслуживающим доверия. Это не помешало ему после недолгого перерыва очутиться в иезуитской семинарии в Реймсе. Там он подружился с одним своим соотечественником Джоном Сейведжем, самодовольным бахвалом, открыто говорившим о намерении убить королеву Елизавету. Сейведж вскоре целиком подпал под влияние Джифорда, с молодых лет обнаружившего способность подчинять себе старших по возрасту и по жизненному опыту людей. Это сыграло свою роль и при встрече Джифорда с Томасом Морганом.

Томас Морган был участником многочисленных крупных и малых шпионских предприятий иезуитов — от неоднократных попыток убийства Елизаветы до подстрекательства к дезертирству офицеров английского экспедиционного корпуса во Фландрии, от слежки за лагерными проститутками, которых подозревали в передаче тайных сведений голландским бунтовщикам, до наблюдения за действиями самого наместника испанского короля и главнокомандующего испанскими войсками принца Александ-

ра Пармского, который не избежал подозрительности мадридского двора. Коротая время в антверпенских или остендских кабаках, Морган вдруг исчезал, чтобы всплыть советником испанских адмиралов в Севилье, крайне озабоченных успехами английских пиратов, а еще через некоторое время оказывался в Париже, в самом центре опасных дворцовых интриг.

Томас Морган рассчитывал превратить Джифорда — как до него других эмигрантов — в орудие своих планов, однако все обернулось совсем иначе. Вопрос лишь в том, было ли это предусмотрено заранее в Лондоне или получилось в результате случайного стечения обстоятельств... Как бы то ни было, при свидании с Морганом Джифорд выразил полную готовность содействовать планам сторонников Марии Стюарт. 15 октября 1585 г. Морган написал ей длинное письмо, где сообщал о намерении прибегнуть к помощи Джифорда и что тот взялся устроить верного человека слугой к сэру Эмиасу Паулету либо, еще лучше, лично завоевать доверие старого тюремщика. Для этого можно было бы использовать дядю Джилберта Джифорда — Роберта, тоже католика, который знал сэра Эмиаса в бытность того послом в Париже. Письмо это Джифорд взял у Моргана в Бастилии. Молодой англичанин получил также письмо от католического архиепископа Глазго, формально являвшегося послом Марии Стюарт во Франции. Только после этого, уже в декабре 1585 года, он отправился в Англию.

Если Джифорд действительно собирался вернуться на родину тайно, то он осуществил этот замысел из рук вон плохо — совсем не так, как он привык устраивать обычно свои дела. Джифорда, видимо, арестовали уже таможенные власти, конфисковали письма и отправили его самого под стражей к Уолсингему. Возможно, именно во время этой встречи он и предложил Джифорду стать шпионом-двойником или понести наказание, уготованное государственным изменникам. Впрочем, это лишь одно из возможных предположений — совсем не исключено, повторяем, что Джифорд подвизался в роли шпиона елизаветинского министра еще до того, как впервые встретился с Томасом Морганом. Тогда его арест был одной из тех мер предосторожности и устрашения, которые Уолсингем нередко практиковал против собственных агентов. Во всяком случае начиная с декабря 1585 года Джифорд, уже вне всякого сомнения, стал работать на английскую раз-

ведку. А для наблюдения за ним и для профессиональной выучки его поселили у Томаса Фелиппеса.

После недолгого инструктажа Джиффорд приступил к действиям. Он отправился на улицу Бишоп-гейт во французское посольство. Его принял секретарь, которому было поручено поддерживать контакты с Марией Стюарт. Он отлично знал, что Уолсингем пытается держать под контролем любые каналы связи. Джиффорд показался французам довольно подозрительным, несмотря на привезенные им письма Моргана и архиепископа Глазго. Посольство, кроме того, сумело установить, что Джиффорд живет под одной крышей с доверенным агентом министра Фелиппесом, что, конечно, никак не способствовало рассеиванию возникшего недоверия в отношении чересчур уж бойкого и оборотистого молодого человека. Джиффорд это быстро уразумел и решил пока не настаивать. Он использовал время, чтобы завязать связи со многими католическими домами в Лондоне. Захаживал он и во французское посольство, куда приходили для него письма на имя Николаса Корнелиуса. Вскоре Джиффорд отправился на родину, в Стаффордшир. В попутчики себе он взял Томаса Фелиппеса. К этому времени Паулет пришел к выводу, что дом отца Джилберта Джиффорда все же не подходит как место заключения Марии Стюарт. В нем не хватало помещений для многочисленной охраны. Предпочтение было отдано замку Чартли, который был обнесен рвом, заполненным водой. Туда и перевели пленную королеву в последние дни 1585 года. Чартли был расположен неподалеку от поместий дворян-католиков, и у узницы снова возникли надежды.

Фелиппес и Джиффорд точно согласовали свои действия. Кроме того, Фелиппес подробно обо всем договорился с Эмиасом Паулетом. Тюремщик подсказал и человека, который должен был стать исполнителем тонко рассчитанной интриги. Это был пивовар из городка Бартон-на-Тренте, снабжавший своим товаром обитателей замка Чартли. Бочка, полная пива, — лучшего средства для пересылки тайной корреспонденции нельзя было и придумать. Однако можно ли было надеяться на верность пивовара? Ему предстояло получать двойную плату — от Марии Стюарт и от Уолсингема. Не захочет ли он еще более увеличить эту мзду, предав сначала королеву Уолсингему, а потом Уолсингема — королеве? Поэтому пивовара — его имя осталось неизвестным, так как он в

служебной переписке английских разведчиков именовался просто «честный человек», — следовало держать под строгим контролем. С этой целью к «честному человеку» явился Джилберт Джифорд и, представившись сторонником Марии Стюарт, договорился о пересылке в пивных бочках писем к ней и от нее. После этого «честного человека» посетил Фелиппес, сообщивший, что, как ему стало известно, существует заговор о доставке в замок Чартли и из него секретных писем в пивных бочонках. Он просил пивовара на короткий срок передавать письма сэру Эмиасу Паулету, который будет снимать с них копии, после чего их можно будет передавать курьерам шотландской королевы. Разумеется, «честный человек» не останется внакладе. Фелиппес при этом сделал вид, что ему ничего не известно о визите Джифорда и о согласии пивовара послужить Марии Стюарт. Вслед за тем достойные друзья Фелиппес и Джифорд поспешили обратно в Лондон для получения дальнейших распоряжений от сэра Френсиса Уолсингема.

12 января 1586 г. Джифорд явился снова во французское посольство. К этому времени посол Шатнеф, вначале целиком разделявший подозрения в отношении Джифорда, стал склоняться к мысли, что было бы неразумным не попытаться счастья и не проверить, на что способен этот столь энергичный с виду студент Реймской семинарии. Шатнеф передал Джифорду письмо к Марии Стюарт вполне невинного содержания. Но и такое письмо было важным козырем в руках у воспитанника иезуитов, оказавшегося выкормышем разведки Уолсингема. Начало делу было положено, и Джифорд мог снова двинуться в Стаффордшир. Каким-то неизвестным образом — вероятно, через шпиона среди приближенных Марии Стюарт — ее уведомили о тайне пивных бочонков, и секретная почта начала работать. Вечером 16 января Мария Стюарт получила письма от Томаса Моргана, рекомендовавшего ей Джифорда, и от французского посла. Она обсудила их со своими верными секретарями — французом Но, еще на родине приобретшим немалый опыт в разведывательных делах, и шотландцем Джилбертом Кэрлом.

«Честный человек» мог, казалось бы, насторожить Марию Стюарт, хорошо знавшую приемы своих врагов, однако заверения Джифорда, которого, в свою очередь, столь горячо рекомендовал Морган, усыпили первоначальное недоверие.

Почта действовала безукоризненно. В бочонок, снабженный двойным дном, вкладывали флягу с письмом. Дворецкий получал бочонок, выливал из него пиво и передавал казавшуюся пустой тару одному из секретарей Марии Стюарт, который извлекал оттуда бумаги и относил их королеве. Таким же путем в бочонке на следующий день доставлялись ответные письма Марии Стюарт ее сторонникам. Письма были шифрованные, но у Уолсингема были на такой случай проверенные эксперты и среди них — мастер своего дела Томас Фелиппес.

Где-то на дороге между Чартли и Бартоном «честный человек» передавал письмо гонцу, посланному Паулетом. Вскоре курьер возвращался с письмом, и пивовар продолжал свой путь, положив в карман несколько золотых монет. Дома в Бартоне ночью его навещал Джиффорд и принимал почту, в свою очередь, передавая очередную мзду успешно потрудившемуся «честному человеку». Таким образом английская разведка старалась получить уверенность, что пивовар не ведет с ней двойную игру и не начнет неожиданно втайне от нее передавать письма сторонникам шотландской королевы. Не была предусмотрена, пожалуй, только растущая жадность «честного человека», который почувствовал свою незаменимость и старался выудить как можно больше золота у обоих своих нанимателей. Большую часть расходов приходилось волей-неволей нести очень стесненной в средствах елизаветинской разведке.

Между тем Шатнеф окончательно убедился в верности Джиффорда и начал передавать через него всю секретную корреспонденцию, поступавшую на имя Марии Стюарт из-за границы. Теперь вся переписка шотландской королевы проходила через руки Уолсингема, а если в ней чего-либо и недоставало для доказательства преступных планов узницы, то это легко можно было поправить благодаря испытанному искусству Фелиппеса.

Джиффорд так наладил дело, чтобы оно функционировало даже в его отсутствие. Для этого он договорился со своим другом, католиком Томасом Бернсом, не раскрывая, понятно, смысла своей игры, что тот будет получать пакеты от «честного человека» и спешно передавать их еще одному лицу, жившему в Уорикшире, около дороги в столицу. Этот последний разными способами доставлял письма во французское посольство (конечно, после того как бумаги побывали в ведомстве Уолсингема). Не столь

уж важно, был ли этот человек в Уорикшире посвящен в секреты предприятия или он, так же как и Бернс, являлся ничем не подозревавшим орудием Джифорда. Связь работала безупречно в оба конца, и Джифорд мог позволить себе вернуться в Париж. Важно ведь было не только наладить связь, но и обеспечить, чтобы из Парижа к Марии поступали советы, вполне отвечавшие планам Уолсингема. К этому времени о заговоре был подробно информирован Филипп II, рекомендовавший убить Уолсингема и главных советников Елизаветы.

Приехав в Париж, Джифорд до конца использовал те возможности, которые ему создавал приобретенный авторитет ловкого человека, сумевшего наладить бесперебойно действовавшую связь с шотландской королевой. Джифорд разъяснил, что было бы чрезвычайно опасно повторять попытки похищения Марии Стюарт: Эмиас Паулет получил строгую инструкцию при малейшей угрозе такого рода предать смерти свою пленницу. Единственный выход — убийство Елизаветы, после чего Мария без особой оппозиции в стране будет возведена на трон. Джифорд ухитрился использовать даже смертельную ненависть, которую питал к Елизавете влиятельный испанский посол в Париже дон Бернардино де Мендоса. Он горячо поддержал план убийства нечестивой королевы, открывавший путь к подчинению Англии власти Филиппа II.

Теперь Джифорду оставалось возвратиться в Лондон и найти подходящих людей, к чьим услугам-могла бы обратиться Мария Стюарт для исполнения замысла, который ей подскажут из Парижа. Для этой цели Джифорд присмотрел одного подходящего человека — совсем молодого и богатого католика из Дербишира Энтони Бабингтона, который выказывал пылкую преданность царственной узнице.

Бабингтон юношей служил пажом графа Шрюсбери, который долгое время выполнял роль тюремщика пленной шотландской королевы; содержавшейся тогда в Шеффилдском замке. Позднее, во время заграничного путешествия, Бабингтон познакомился в Париже с католическими эмигрантами, в том числе с Томасом Морганом. Тот заметил молодого богатого дворянина. Не ускользнуло от разведчика и то, насколько Бабингтон был падок на лесть и легко мог стать орудием чужих планов. Морган представил Бабингтона католическому архиепископу Глазго. Бабингтон вернулся в Англию горячим привер-

женцем Марии Стюарт. Он обосновался в Лондоне и, по обычаю многих представителей дворянской молодежи, поступил в одну из лондонских коллегий адвокатов — Линкольнс-инн для продолжения образования. За вихрем развлечений, которые предоставляла столица богатому и знатному студенту, отнюдь не обременявшему себя зубрежкой парламентских статутов и судебных прецедентов, парижские беседы быстро уходили в область далеких воспоминаний. Однако Морган не хотел оставить намеченную жертву. Однажды Бабингтону принесли на его лондонскую квартиру письмо из Шеффилда от некоей миссис Брей, которая пересылала тайную корреспонденцию Марии Стюарт. Действуя по совету Моргана, шотландская королева попыталась дружеским посланием превратить платонического благожелателя в активного участника своей тайной службы. Вероятно, до этого Бабингтон и не думал ни о чем, кроме сочувственных фраз, теперь же от него стали настойчиво просить действий, смертельно опасных действий, как это ему было отлично известно. Вскоре к Бабингтону явился служащий французского посольства и доставил письмо от Моргана. Тот просил найти средства доставить Марии Стюарт пакет, приложенный к письмам. Морган учитывал, что его просьба могла попросту испугать Бабингтона, куда более решительного на словах, чем на деле. Поэтому Морган для успокоения добавлял, что исполнение его небольшой просьбы принесет Бабингтону большую честь. К тому же речь идет о делах такого рода, что, даже если переписка попадет в руки властей, Бабингтону нечего опасаться какой-либо суровой кары. Бабингтон согласился и сумел доставить пакет с помощью своего друга Энтони Ролстона. В последующие пять лет Бабингтон участвовал в пересылке Марии Стюарт еще пяти пакетов. И при посредстве тех же Ролстона и миссис Брей. Это был не единственный канал связи в те годы между шотландской королевой и ее сторонниками. Морган явно держал Бабингтона в резерве, но, как вскоре выяснилось, не он один.

Дело, правда, не сразу пошло так гладко, как хотелось бы Джифорду. Бабингтон с готовностью согласился участвовать в заговоре, чтобы освободить Марию Стюарт, но вначале с ужасом отверг мысль об убийстве Елизаветы, так как сомневался, соответствовало ли это учению католической церкви. Волей-неволей Джифорду пришлось еще раз съездить во Францию и привезти с собой

католического священника Балларда, который должен был рассеять сомнения Бабингтона. Вскоре появился и еще один волонтер — давний знакомец Джифорда авантюрист Джон Сейведж, вызвавшийся убить Елизавету. Бабингтон, теперь уже активно включившийся в заговор, разъяснил своим новым друзьям, что для верности нужно, чтобы покушение совершили сразу несколько человек. Остановились на шестерых — втянуть в дело еще несколько горячих голов оказалось не столь уж трудной задачей. Одновременно нашлись люди, готовые участвовать в похищении Марии Стюарт. Итак, силки были расставлены.

Конечно, и в этих условиях не обошлось без шероховатостей. Так, Томас Морган, опытный конспиратор, сообщил, насколько опасно для Марии Стюарт быть осведомленной о планах заговорщиков и, в случае неудачи, подставить себя как соучастницу под топор палача. Морган послал ей два письма, в которых излагались эти весьма разумные соображения. Тем удивительнее, что почти в то же время от Моргана пришло послание с советом прямо противоположного характера — установить связь с заговорщиками. Итак, соблазн оказался слишком велик, и Морган пошел на компромисс — он сам составил, выбирая наиболее осторожные выражения, письмо, которое Мария Стюарт должна послать Бабингтону. Впрочем, историки давно уже поставили вопрос, было ли оно написано действительно Морганом * или же к его сочинению приложил руку Фелиппес. От кого бы ни исходило письмо, содержащее опасный совет, Мария Стюарт ему последовала. Вернее, она переписала рекомендованный ей Морганом (если не Уолсингемом) текст, который состоял из нескольких чрезвычайно осмотрительно сформулированных фраз, датированный 27 июня 1586 г. Впрочем, и здесь нет уверенности, действительно ли они написаны Марией или тем же неизменным Фелиппесом. Корреспонденция между Уолсингемом и Фелиппесом, с одной стороны, и Эмиасом Паулетом — с другой, наводит на такие мысли. По крайней мере, она свидетельствует об

* Многие английские эмигранты обвиняли Томаса Моргана в том, что он шпион Лейстера и Уолсингема. Его даже арестовали в Брюсселе в 1589 году и изгнали из испанских владений. Это был не первый его арест. Много позднее его снова отправили в тюрьму и выслали уже из Франции по подозрению в поддержке заговора маршала Бирона против короля Генриха IV.

опасениях Паулета, как бы все более наглые подлоги Фелиппеса не вызвали подозрения у заговорщиков и не испортили игру. Еще более сомнительно выглядит ответное письмо Бабингтона, в котором он прямо сообщает Марии Стюарт о намерении убить Елизавету. Причем, письмо позволяет предполагать, что шотландская королева и ранее была в курсе этих планов. Подобной нелепой и ненужной откровенности нет ни в одном из многочисленных заговоров того времени. Таким образом, перед нами (в который уже раз!) все тот же вопрос: чья же это письмо: того, чья подпись стоит в конце, — Энтони Бабингтона или Томаса Фелиппеса, командированного 7 июля 1586 г. в Стаффордшир, поближе к замку Чартли, или еще какого-нибудь сотрудника Уолсингема, тем более что сохранился не оригинал, а лишь копия этого рокового документа? Можно, наконец, предположить, что письмо было действительно написано Бабингтоном, только без вкрапленных в него нескольких фраз о замысле убить английскую королеву, тем более что эти строки выглядят слабо связанными со всем остальным текстом. К последнему предположению подводит и внутренняя противоречивость письма. В нем Бабингтон указывает, что шесть дворян, включая его, убьют Елизавету, в то же время он пишет, что в это время будет далеко от Лондона, около Чартли. Впрочем, в письме излагалось и много других планов, подходивших под понятие государственной измены, — иностранная интервенция, восстание английских католиков.

12 июля «честный человек» доставил письмо Бабингтона Марии Стюарт. Ее секретарь сообщил, что письмо получено и ответ будет послан через три дня. Во время одной из своих верховых прогулок, которые ей специально разрешили, шотландская королева встретила рыжего малого с потупленным взором, внешность которого привлекла ее внимание, о чем она и сообщила в письме Моргану. Это был Фелиппес. 17 июля Мария Стюарт ответила Бабингтону. Если верить тексту письма, представленному на процессе, она одобряла все планы заговорщиков — и содействие иностранной интервенции, и католическое восстание, и убийство Елизаветы. Последнее вызывает сомнение. По крайней мере в письмах, направленных Марией в тот же день Пейджету, Моргану и дону Мендосе, говорилось об интервенции и восстании, но совершенно умалчивалось о предстоящем покушении на английскую королеву. На другой день Фелиппес отослал

Уолсингему дешифрованную копию. Мышеловка захлопнулась...

31 июля 1586 г. Джиффорд в очередной раз отбыл в Париж. Он оставил у французского посла половину листа бумаги и просил Шатнефа передавать письма шотландской королевы своим сторонникам за границей. Только в руки человека, который сможет предъявить другую половину того же листа. Эту другую половину Джиффорд передал Уолсингему и мог после этого покинуть английские берега. Никому из заговорщиков уже не было суждено увидеть опять этого решительного и услужливого джентльмена, столь бескорыстно преданного делу святой католической веры.

Уолсингем имел возможность наблюдать за всеми действиями Бабингтона с помощью своего шпиона Бернарда Мауди, который выполнял и роль провокатора, подстрекая заговорщиков к активности. В июне 1586 года Мауди даже совершил по поручению Уолсингема вместе с Баллардом поездку в различные районы Англии с целью определить, на какие силы могут рассчитывать заговорщики в каждом графстве, и представить об этом отчет испанскому послу в Париже дону Мендосе. Разумеется, не меньший интерес представляли эти сведения для английского правительства. Правда, в августе Бабингтон разузнал, что Мауди — шпион Уолсингема, но было уже поздно...

Временами заговорщиков осеняло смутное предчувствие беды, неясное сознание того, что какая-то невидимая рука все больше запутывает незримую сеть, которая должна погубить их. Бабингтон решил съездить в Париж для переговоров с доном Мендосой. Роберт Пули, секретарь Уолсингема, представил заговорщика министру. Бабингтон обещал шпионить за эмигрантами. Уолсингем, выразив свое удовольствие по поводу такого предложения услуг, несколько раз принимал Бабингтона, все оттягивая выдачу паспорта. А Бабингтон имел неосторожность вдобавок показать Пули письмо Марии Стюарт и сообщить, что скоро последуют вторжение, убийство Елизаветы и воцарение пленной шотландской королевы.

В августе заговорщики получили известие, что слуга Балларда, знавший все их секреты, был правительственным шпионом. Бабингтон, пытаясь спастись, отправляет письмо Пули с просьбой известить от его имени Уолсингема, что существует заговор и он готов сообщить все под-

робности. С этим письмом Пули направляется к Уолсингему — на этот раз арестовывают самого посредника! Нет, Уолсингем в общем-то не сомневался в верности Пули и все же считал, что на того слишком большое впечатление производили богатство и щедрость Бабингтона. Такие превентивные аресты Уолсингем не раз практиковал в отношении своих людей. Так что Пули ненадолго был отправлен в Тауэр, а слежку за Бабингтоном продолжали другие агенты.

...Бабингтон ждал — проходили часы, а его письмо оставалось без ответа. Арестовывают Балларда и еще нескольких заговорщиков. Бабингтон пишет еще одно письмо Уолсингему. Ему сообщают, что ответ последует через день-другой. Вечером, ужиная с одним из сотрудников Уолсингема, Бабингтон заметил, что тому передали записку. Заглянув краем глаза в бумагу, глава заговора увидел, что в ней содержался приказ не выпускать его из поля зрения. Медлить более было нельзя. Он незаметно вышел из комнаты, оставив свой плащ и меч, и помчался к друзьям; переодевшись в одежду бедняков, они попытались скрыться. За ними следовала погоня, и через несколько дней их арестовали. Одновременно был произведен обыск у Марии Стюарт, захвачены секретные бумаги, взяты под стражу ее секретари. Мария была переведена в другую тюрьму, где находилась в строжайшем заключении.

Разумеется, показания заговорщиков, что их подтолкнул к государственной измене Джилберт Джиффорд, были тщательно скрыты английской полицией. Между прочим, он, находясь во Франции, получил от Фелиппеса полудружеское, полуниздевательское предупреждение, что его, Джиффорда, самого подозревают в участии в заговоре. Джиффорда охватила паника — люди Уолсингема могли донести на него французским властям, после чего ему было бы не сдобровать, а возвратясь в Англию, Джиффорд вполне мог попасть в лапы юстиции, которая, как это случалось порой, возможно, закрыла бы глаза на то, чье поручение он выполнял, провоцируя покушение на Елизавету. Опасения разведчика оказались, впрочем, необоснованными...

13 сентября Бабингтон и шесть его помощников предстали перед специально назначенной судебной комиссией. Через два дня за ними последовали остальные заговорщики. Все подсудимые признали себя виновными, поэто-

му не было нужды представлять доказательства относительно организации заговора. Елизавета не удовлетворилась приговором заговорщиков к «квалифицированной» казни и спросила, нет ли чего-нибудь пострашнее. Лорд Берли должен был разъяснить своей повелительнице, что намеченная кара более чем достаточна для любого преступника.

Многочасовая казнь первых шестерых заговорщиков приобрела настолько чудовищный характер, что сдали нервы даже у много повидавшей в те годы лондонской толпы. Поэтому остальных семерых на другой день повесили и лишь потом четвертовали и проделали все остальные процедуры, уготованные государственным изменникам. А через несколько месяцев настала очередь и Марии Стюарт. 8 февраля 1587 г. ее жизнь оборвалась под топором палача.

Паулет скончался в сентябре 1588 года. Находясь в Париже, Джилберт Джиффорд в 1587 году был арестован в публичном доме и умер через два года в тюрьме. Фелиппесу, напротив, предстояла долгая жизнь. Что же касается Роберта Пули, то его выпустили из Тауэра, снова использовали на службе, потом арестовали за «непристойные слова об Уолсингеме», и уже после этого он опять принялся за старое ремесло разведчика.

МАВР СДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО...

Испания все еще владела самым сильным военным флотом и самой сильной армией, и Филипп II, наконец, решил рискнуть ими обоими. Ведь теперь, в случае свержения Елизаветы, английский престол достанется не Марии Стюарт, тесно связанной с Францией, а самому Филиппу II, которого шотландская королева объявила своим наследником!

Задача разведывательного обеспечения намеченной высадки в Англии была возложена Филиппом II на уже известного нам дону Бернардино де Мендосу. Оказавшись замешанным в заговор Трокмортонна и вынужденный покинуть Англию, надменный испанец заявил Елизавете: «Бернардино де Мендоса рожден не возбуждать

волнение в странах, а завоевывать их». Переехав в 1584 году в Париж, Мендоса первоначально с головой окунулся в борьбу между французскими католиками и гугенотами. Однако, укрепив испанскую секретную службу во Франции, Мендоса не терял из виду Англию. Прежде всего он решил действовать испытанным способом — подкупом. Надо сказать, что разница между взяткой и «законным» получением иностранной пенсии в то время была столь неясной и тонкой, что заинтересованные стороны могли с полным основанием не особенно вдаваться в это различие. Словом, нужные люди в Англии стали получать испанские деньги. Мендоса так же усердно собирал информацию с помощью английской католической эмиграции. В 1586, 1587 и 1588 годах Филипп II получил от Мендосы первостепенной важности сведения о силах английского флота и передвижении кораблей, о строительстве новых судов и т. д. Правда, эта информация не всегда была точной, а порой успевала устареть, пока попадала в Мадрид. Мендоса организовал и засылку своих агентов в Лондон, где они всегда находили друзей, облегчавших им добывание сведений. Полученные известия часто пересылались и через французского посла в Лондоне и другими путями. Заимел Мендоса и постоянных агентов во многих портовых городах.

К этому времени относится измена английского посла в Париже лорда Стаффорда. Дон Мендоса получил от Филиппа II разрешение подкупить Стаффорда, дав ему «2 тыс. крон или брильянты». Стаффорд оставался на своем посту, хотя его связи с испанцами не удалось сохранить в абсолютной тайне. Какие-то сведения просачивались. В 1587 году Филипп II узнал, что Лонгле — французский посол в Мадриде — был осведомлен о свиданиях Стаффорда с Мендосой. Из Мадрида полетел приказ Мендосе более строго соблюдать секретность.

Получая деньги от испанцев и снабжая их информацией, Стаффорд ухитрялся выуживать и у них сведения, представлявшие интерес для Уолсингема. Стаффорд, по видимому, первым уведомил Уолсингема о подготовке армады. В июле 1586 года он доносил в Лондон: «Испанская партия здесь хвастает, что в течение трех месяцев ее величество подвергнется нападению в ее собственном королевстве и что для этого подготовлена большая армия».

Не доверяя Стаффорду, Уолсингем установил за послом тщательное наблюдение. Такое поручение получил

некий Роджерс, выяснивший, что Стаффорд связан с одним из видных эмигрантов-католиков Чарлзом Пейджетом. Позднее Роджерс известил Уолсингема, что Стаффорд подкуплен Гизами и показывает им депеши, получаемые из Лондона, что он является связующим звеном между французскими крайними католиками и английскими сторонниками Марии Стюарт. Тем не менее осторожный Уолсингем не предпринимал никаких мер против Стаффорда, знатного вельможи, родственника королевы. Возможно, что хитроумный министр стал снабжать посла ложными сведениями, с помощью которых хотел дурачить Гизов и испанцев. После возвращения Стаффорда в Англию ему не было предъявлено никаких обвинений.

Одновременно с Мендосой пытался насадить свою агентуру в Англии испанский наместник в Нидерландах принц Александр Пармский. Он был против высадки испанской армии в Англию до полного завоевания Нидерландов и поэтому пытался с помощью подкупа членов английского Тайного совета сколотить партию сторонников мира с Испанией. Английские лорды с охотой принимали все взятки, которые им давал испанский наместник, однако их переписка с ним велась под строгим контролем Берли и Уолсингема.

Уолсингем, возможно потому, что не доверял Стаффорду, стал создавать сеть своей агентуры, минуя официальных дипломатов или, во всяком случае, не только с их помощью. Позднее, в конце века, английская разведка снова вернулась к системе, при которой послы являлись одновременно и руководителями британской разведки в стране, где они были аккредитованы, а нередко и в соседних государствах, в которых не было официальных представителей королевы. Испанцы тоже предпочитали вести шпионаж под покровом дипломатии, иногда даже назначая с этой целью по несколько послов в одну столицу. Так, в Вене было одно время целых четыре официальных представителя испанского короля.

Сесил и Уолсингем пытались использовать опыт английских купцов, торговавших с Испанией. Среди них был Роджер Боуденхем, живший в Севилье по крайней мере с 1579 по 1585 год. Боуденхем представлял отчеты Сесилу, Уолсингему и Лейстеру с подробной оценкой возможностей Испании.

Очень важным агентом Уолсингема был выходец из Северной Германии фландрский купец Вэйхенхерде. Он

вел обширную торговлю хлебом, вином и английскими сукнами. Особенно важным было, что Вэйхенхерде являлся поставщиком продовольствия для армии Александра Пармского и мог под этим предлогом свободно передвигаться по занятой испанцами части Южных Нидерландов. Впрочем, свободно означает лишь без помехи со стороны испанских властей, а не английского гарнизона в Остенде или судов из гавани французских гугенотов Ля-Рошели, понятно не имевших никакого представления о тайных занятиях армейского поставщика. Не раз купец попадал в опасные переделки, например в стычку между испанским отрядом, под защитой которого он путешествовал, и сделавшими вылазку английскими солдатами из Остенде. Один раз Вэйхенхерде был до нитки ограблен лярошельскими каперами. Впрочем, разведчик ухитрялся извлекать выгоды даже из таких ситуаций, посылая, в частности, свои замечания относительно тактики, применявшейся англичанами при вылазках и организациях засад. Большую ценность представляли отчеты Вэйхенхерде о численности и состоянии армии Александра Пармского, которая осаждала в 1587 году одну из главных цитаделей голландцев город Слейс, являвшийся и важным плацдармом для подготовки испанского десанта в Англии. Отчеты, посылавшиеся Александром Пармским Филиппу II, во всем существенном подтверждают точность донесений, которые Вэйхенхерде направлял Уолсингему.

Усилия английской секретной службы все более сосредоточивались на сборе известий о подготовке Великой армады (около 800 кораблей, 30 тыс. моряков, 60 тыс. солдат), которая должна была отправиться из испанских гаваней для завоевания Британских островов. В каком бы месте Европы ни находились агенты Уолсингема, они жадно ловили вести, приходившие из Мадрида. И стекавшая по всем этим каналам информация в целом создавала достаточно полную и точную картину происходившего. Уолсингему удалось даже, используя связи между английскими купцами, ювелирами с Ломбард-стрит и североитальянскими банкирами, добиться, чтобы те отказали в кредитах Филиппу II. Это очень замедлило его военные приготовления.

Важным источником информации являлись португальцы, многие из которых были недовольны захватом их страны армией испанского короля. Родственники поселившегося в Лондоне доктора Гектора Нуньеса — Г. Пардо

и Б. Луис, совмещая шпионаж с контрабандной торговлей, привозили из Испании кроме колониальных товаров сведения о подготовке армады. Филипп II в конце концов приказал арестовать обоих шпионов-контрабандистов, но Пардо ухитрился даже из тюрьмы посылать письма в Лондон, которые доставлял капитан одного германского корабля.

Недавно один из исследователей обнаружил в английском государственном архиве составленный Уолсингемом «Заговор для получения информации из Испании». Он включал следующие главные пункты. Во-первых, получение писем от французского посла в Испании (речь, очевидно, шла о добывании Стаффордом у испанского посла в Париже перехваченной корреспонденции французского дипломата в Мадриде со своим правительством). Во-вторых, получение сведений об Испании из французских портовых городов Руана, Нанта, Гавра и Дьеппа. В-третьих, получение через Стаффорда информации от венецианского посла в Париже. В-четвертых, создание наблюдательного поста в Кракове для ознакомления с отчетами об испанских делах, которые поступали из Ватикана (главным разведчиком в Польше был королевский астролог Джон Ди, установивший тесные связи с неким Франческо Пуччи, о котором известно, что он пытался перехватить переписку между папой и Филиппом II). В-пятых, засылка лиц различных национальностей (французов, фламандцев или итальянцев) под видом купцов или путешественников на испанское побережье для установления того, какие приготовления велись в испанских гаванях. В-шестых, получение информации непосредственно от испанского двора и из Генуи (каким путем — не указывалось). В-седьмых, обеспечение доставки сведений из Брюсселя, Лейдена и из Дании. Наконец, в-восьмых, планировалось использование лорда Денсени в качестве разведчика.

Агент Уолсингема в Италии Энтони Станден — он жил там под именем Помпео Пеллегрини — отправил в Мадрид фламандца, брат которого служил в свите маркиза ди Санта-Крус, главнокомандующего Великой армадой. Фламандец посылал свои донесения через тосканского посла в Мадриде Джузеппе (или Джованни) Фильяцци. Любопытно, что опытный моряк маркиз Санта-Крус скоропостижно скончался как раз накануне отплытия эскадры и был заменен неспособным и неопытным в морском деле герцогом Медина Сидониа.

Уолсингем получил копию отчета о состоянии армады накануне отплытия, который был составлен для Филиппа II. Недаром после возвращения Фильяци из Мадрида на родину Станден обещал ему выхлопотать особое благодарственное письмо королевы. (Использование послов дружеских держав, аккредитованных при вражеских правительствах, а также вообще дипломатов, которых можно было побудить к оказанию услуг Англии, все более входило в практику секретной службы Уолсингема). Помимо фламандца Станден имел в Испании и других агентов и мог твердо сообщить, что армада не отплывет в 1587 году.

Уолсингем позаботился и о дезинформации испанского командования. В начале 1587 года англичанин Ричард Гибс, выдавая себя за шотландца — сторонника Марии Стюарт, не только многое разведал о подготовке армады, но и сообщил испанцам неправильные сведения о Темзе, доказывая, что она якобы слишком мелка для испанских кораблей.

На протяжении всего времени подготовки армады доставлялись подробные сведения о ней в Лондон. Но потом Уолсингем как будто на время потерял ее из виду. Он считал, что она рассеяна ветрами, тогда как в действительности корабли не покинули еще испанских гаваней. Однако вскоре информация снова стала поступать регулярно. Станден организовал сеть шпионов на всем протяжении Атлантического побережья Франции, вдоль которого двигалась армада. Как только агент Стандена замечал на горизонте испанские корабли, он садился на коня и мчался в одну из французских гаваней в Ла-Манше, пересекал пролив и являлся для доклада к Уолсингему. Испанские галеоны передвигались медленно, агенты Стандена — намного быстрее. И Уолсингему было точно известно, где в данный момент находятся корабли Филиппа II. Английские капитаны знали заранее, когда покажется неприятель, как лучше подходить к галеонам, чтобы оказаться вне зоны огня испанских пушек.

Сведения приходили вплоть до того дня, когда снабженные ценными разведывательными сведениями английские суда стали совершать одно нападение за другим на неповоротливую громаду вражеских кораблей. Остальное доделали неблагоприятные ветры и неумелое командование. Великая армада Филиппа II потерпела полное поражение, а вместе с этим рухнули все надежды на победу.

Но католическая контрреформация долго еще отказывалась признать неудачу своего «английского дела».

Уолсингем умер вскоре после разгрома Великой армады. Испанский агент поспешил обрадовать Филиппа II: «Министр Уолсингем только что скончался, что вызвало здесь большую горесть». Король начертал на полях донесения: «Там — конечно, но здесь это является хорошей новостью». Еще через несколько лет скончался лорд Берли. Уолсингема сменил младший сын лорда Берли Роберт Сесил, позднее лорд Солсбери, горбун, унаследовавший от отца быстрый ум и твердое следование раз избранной цели.

Анализ разведывательных донесений, часть из которых издана в известной публикации «Рукописи графа Солсбери» и в собрании государственных документов, показывает, что английская разведка стремилась получить прежде всего информацию военного характера — о подготовке в Кадисе, североиспанских гаванях, Лиссабоне новых армад против Англии (точно так же испанские шпионы старались разузнать все возможное о планируемых экспедициях из Плимута против Португалии, Андалузии и Вест-Индии).

Сохранились подробные инструкции английскому агенту Остину Халфакру, датированные ноябрем 1591 года. Ему предписывалось посетить северное побережье Испании, особенно Корунью и Эль-Ферроль, определить характер их укреплений и количество собранных там кораблей. Часто инструкции требовали установить, на помощь кого из английских католиков рассчитывают испанцы в случае своей высадки в Англии.

Роберт Сесил повел упорную борьбу против иезуитов. Старый агент Уолсингема Пули за обещание пенсии вернулся на службу и сумел разузнать тайные пути, которыми иезуиты пробирались в Англию. Испанцам, в свою очередь, удалось в 90-х годах получить доступ к секретам английского Тайного совета, отчеты о деятельности которого регулярно поступали в Мадрид.

В 90-х годах заметно активизировалась испанская контрразведка. Во главе всего испанского шпионажа был поставлен Андре Веласкес де Веласко, для которого в 1613 году даже создали пост «главного шпиона». В Мадриде тщательно составлялись списки подозрительных иностранцев, включая французов и шотландцев, занятых контрабандной торговлей. Была усилена охрана границы

Испании с Францией, губернаторам пограничных провинций посылались описания внешности английских лазутчиков, которые, по полученным сведениям, направлялись в Испанию. (Этих агентов предписывалось либо арестовывать, либо организовывать за ними слежку, чтобы выявить их связи). Такие сведения, заранее приходившие из Англии, не являлись редкостью. Так, в марте 1602 года иезуит Джозеф Кресуэлл, находившийся в Мадриде, уведомил испанские власти, что двое молодых англичан, вероятно, придут в какой-либо бискайский порт (Ирун или Фуентеррабиа) и что их следует задержать, так как, возможно, они везут материалы от иностранных шпионов. Были немедленно посланы соответствующие распоряжения губернаторам указанных городов, вскоре последовал приказ Филиппа II губернатору гавани Фуентеррабиа задерживать всех без исключения англичан как возможных шпионов. К этому прибавились и постоянные усилия инквизиции. Результат, однако, был невелик — британские агенты либо не были англичанами по национальности, либо выдавали себя за уроженцев других стран. Чаще всего провалы их были результатом предательства.

В 1597 году некто, как указывалось в официальных бумагах, «отъявленный мошенник по имени Монпалмер» предложил испанским властям открыть «все тайны Англии», а также указать «многих шпионов, находившихся в Испании, равно как и их планы». Все эти сведения Эдмонд Палмер (таково было действительное имя «отъявленного мошенника») любезно взялся предоставить за 500 эскудо. В таком деле скупиться грех, и испанские власти, хотя и со вздохом, приняли условия. Палмер успел даже оговорить, чтобы ему предоставлялась часть доходов от конфискации имущества английских купцов-шпионов, которых он выдаст испанцам. В частности, Палмер сообщил испанцам об английском агенте Томасе Мерченге, проживавшем в Сан-Себастьяне уже в течение двух лет. Мергент был связан со своим кузеном Николасом Ле Бланом, торговавшим в Бильбао и Севилье. Кроме этих двух лазутчиков Палмер сообщил еще об одном — Филиппе Скэмпсе, который, по его словам, ехал в Лиссабон и на север Испании с большой суммой денег.

О предательстве Палмера стало известно двум английским разведчикам — Томасу Прэдшо и Филиппу Хоннмену. Но Палмер, прошедший школу Уолсингема, предусмотрел такую возможность — ему легко было оправ-

даться ссылками на то, что в действительности он состоял на английской службе. Действительно, не пренебрегая доходами, которые она приносила, Палмер в течение семи лет (до 1604 г.) посылал свои отчеты в Лондон, получая положенную мзду.

Впрочем, такая игра не всегда была безопасной, как показывает пример купца Ричарда Барли, жившего с 1580 года в Сан-Себастьяне. Он донес испанским властям о другом купце, Джоне Донне, как об английском шпионе. А когда началась война Испании с Англией, Барли поступил на испанскую службу. Новый испанский чиновник усердно предлагал завербовать во флот короля Филиппа II многих англичан-католиков. Однако в Мадриде побоялись таким путем сыграть на руку английским агентам, маскировавшимся под эмигрантов-католиков, и отвергли предложение Барли, так же как и ряд других его проектов. Опасения испанцев еще более усилились, когда через некоторое время поползли слухи, что Барли — английский лазутчик. В 1593 году молва как будто подтвердилась, но испанское правительство все же продолжало держать его на службе еще два года. В 1595 году Барли был арестован и всю войну просидел в тюрьме. Только в 1603 году его освободили, объяснили, что арест был ошибочным, выдали жалованье за все годы, проведенные в заключении, и разрешили служить во флоте. Разгадку этого странного дела можно найти в мемуарах английского адмирала Уильяма Монсона. Роберт Сесил послал Барли письмо, в котором выражал благодарность за его (вымышленные английской разведкой) заслуги на службе королевы. Испанцы поверили и запрятали в тюрьму одного из своих наиболее деятельных сторонников из числа английских эмигрантов.

В 1598 году Роберт Сесил направил в Испанию восемь резидентов — троих в североиспанские порты, троих в Лиссабон и двоих в Севилью. О плане засылки новых агентов испанская разведка узнала в 1599 году от Х. Оуэна, получившего это известие от своих лазутчиков в Англии.

Все более изощренной становилась система доставки донесений. Для связи одному агенту в Лиссабоне были даны адреса в Руане и Париже, а также в Эдинбурге и других городах Шотландии и Ирландии. По-прежнему Сесил пытался опираться на купцов, которые долгие годы вели торговлю с Испанией, например, на упомянутого вы-

ше Филиппа Хонимена, через которого производилась и выплата денег группе английских агентов. Несмотря на ряд провалов, шпионская сеть Сесила в Испании функционировала до самого конца войны.

СУДЬБА ШЕЙЛОКА

в самой Англии в 90-х годах Фелиппес продолжал усердно заниматься наряду с дешифровкой писем провоцированием нужных правительству заговоров. Историк М. Юм, писавший в начале XX века, выявил, что Фелиппес сознательно вступал через своих агентов в переписку, разумеется, под вымышленными именами, с английскими эмигрантами на испанской службе. Эти письма, в которых содержались планы покушения на королеву, перехватывались и использовались как орудие политической пропаганды. А самих разведчиков при аресте после предъявления таких писем было легче склонить к откровенному признанию.

Были и другие причины организации мнимых заговоров. Прежде всего борьба фракций при дворе, каждая из которых имела свою секретную службу (иногда, как можно будет убедиться ниже, это были значительные разведывательные организации). Натыкаясь на действия шпионов-двойников, работавших на другую группировку, придворная клика немедленно пыталась использовать это разоблачение в собственных целях. А хозяева разоблаченных шпионов обычно считали более выгодным умыть руки и предоставить провалившихся агентов их собственной участи. Наконец, многое было связано и просто с самооговором; пыточных дел мастера, содержащиеся Топклифом, одним из ближайших сотрудников лорда Берли, добывали у арестованных самые немислимые признания. Стремясь умилостивить своих мучителей, узники говорили все то, что, по их мнению, тюремщики желали от них услышать.

...Страсть к «переписыванию истории» в большом и малом, охватившая ныне западных авторов, коснулась и истории взаимоотношений между Елизаветой и ее последним фаворитом графом Робертом Девере, графом Эссексом (приемным сыном Лейстера, скончавшегося после

победы над армадой). Роман между шестидесятилетней королевой и юным графом, годившимся ей во внуки, который служил в прошлом веке поводом то для пуританских нравоучений, то для слезливых лирических воздыханий, начал рассматриваться ныне историками в лишенном сентиментов стиле современной западной «революции во нравах», а то и трезвых медицинских заключений. Не обошлось и без психоаналитических аргументов на политической подкладке — Елизавета, боявшаяся надвигавшейся старости и смерти, пыталась романом с Эссексом убедить и себя, и, главное, других, что она прежняя, властная «Глориана», которой ее привыкло видеть уже не одно поколение англичан. Оставим все эти реинтерпретации на совести тех, кто их изобрел, и отметим куда более важное. Эссекс, попав, как говорится, в случай, сразу же начал принимать меры к тому, чтобы стать не просто фаворитом, а влиятельной политической фигурой, лидером определенного течения. Отсюда его стремление добыть военную славу на посту командующего войсками в Нидерландах, а потом флотом, захватившим и разграбившим испанский порт Кадис, наконец, позднее — в качестве наместника в Ирландии, от которого ждали подавления разгоравшегося там восстания. Эссекс всячески пытался добиться важных государственных постов для своих сторонников, среди которых находились первоначально Френсис Бекон, впоследствии знаменитый ученый и философ, и его старший брат Энтони. Последний заслуживает особого упоминания в нашем повествовании.

Эссекс хотел доказать Елизавете, что он не менее, чем старый лорд Берли или его сын Роберт Сесил, способен стать главным политическим советником и министром королевы. Фавориту — вернее, его окружению — пришло в голову, что путем к достижению этой цели может стать создание секретной службы, параллельной официальной разведке, подчиненной Сесилам. И здесь пригодились услуги Энтони Бекона.

Выходец из семьи елизаветинского сановника Николаса Бекона, в которой было восемь детей, Энтони мог скорее рассчитывать на связи отца и собственную ловкость, чем на фамильные богатства, пробивая себе путь к большой карьере. Смерть сэра Николаса в 1579 году застала Энтони совершавшим после окончания университета заграничное путешествие. Старый сэр Николас поручил своих сыновей заботам лорда Берли, жена которого,

Милдред, приходилась им родной теткой. Но от министра Энтони и Френсис получили лишь обещания и никакой реальной помощи. Энтони Бекон остался за границей и повел жизнь разведчика-добровольца, посылая подробные отчеты Френсису Уолсингему о внешней политике и дипломатии европейских держав. Энтони, хорошо владея несколькими иностранными языками, отлично справлялся с обязанностями секретаря. Он завязал массу полезных связей, в том числе и благодаря своим научным интересам, которые он совмещал со своими шпионскими занятиями. В начале 1592 года Энтони вернулся в Англию и вместе со своим братом Френсисом попал в ближайшие советники Эссекса. Принадлежавшее фавориту обширное здание Эссекс-хауз стало штаб-квартирой новой разведывательной службы. Трудно было найти более подходящее лицо, чем Энтони Бекон, в качестве главы такой организации, хотя он в это время уже страдал от подагры и других недугов, особенно докучала ему болезнь глаз. Энтони Бекон окружил себя группой помощников, среди них были Генри Уоттон, успевший исколесить большую часть Европы, включая Польшу и Трансильванию (впоследствии его ожидала большая карьера), Генри Каффи, опытный интриган, а также эксперты по подделке печатей и писем. Одним из близких сотрудников шефа новой разведки сделался уже знакомый нам агент Уолсингема Энтони Станден.

Станден и другой английский шпион — Энтони Ролстон в 1589 году поселились в Мадриде и даже ухитрились получать жалованье как испанские разведчики. Они снабжали Энтони Бекона ценнейшей информацией. Так, Станден в сентябре 1592 года сообщил Бекону о подготовке новой армады с возможным использованием в качестве плацдарма французской Бретани и добавил, что важно наблюдать за островами в Ла-Манше. Ролстон в конце 1593 года представил детальный список английских эмигрантов, получавших испанское жалованье. Агентами Бекона были и уже упоминавшиеся Томас Мерчент и Николас Ле Блан, выданные Э. Палмером.

Разведка Эссекса должна была не только снабжать его информацией, которую он смог бы передавать Елизавете раньше, чем она ее получала от собственной секретной службы. Фаворит пытался использовать свою разведку и для прямой дискредитации соперников. А для достижения этой цели было очень соблазнительно последовать

примеру Берли и Уолсингема в фабрикации заговоров. Так возник «заговор» португальского эмигранта врача Лопеса.

Родриго Лопес по поручению Уолсингема и Лейстера усердно доказывал королеве выгоды, которые может принести экспедиция в захваченную испанцами Португалию для возведения на престол претендента дона Антонио. Эта экспедиция, проведенная в 1589 году, окончилась полной неудачей к великому неудовольствию Елизаветы. После этого дон Антонио, у которого вдобавок истощились средства, вырученные от продажи привезенных им в Англию драгоценностей, стал превращаться из желанного союзника в докучливого просителя. Некоторые из его приверженцев, сообразив это, уже ранее стали навязывать свои услуги испанским властям, в частности дону Мендосе в Париже. Еще в 1586 году один из них, некий Вега, предложил отравить дона Антонио за 25 или 30 тыс. дукатов, но, вероятно, это предложение имело целью только выманить деньги у испанцев. Позднее Вега возобновил свое предложение, утверждая, что он договорился с доктором Лопесом, который готов дать яд дону Антонио вместо слабительного. Шпион уверял, что он переманил Лопеса на испанскую службу, но тот требует письменного подтверждения даваемых ему обещаний Филиппом II или его министрами. После поражения армады эти контакты были прерваны испанцами.

Одним из наиболее ловких испанских агентов стал португалец Мануэль де Андрада, переславший Мендосе точный отчет о состоянии английского флота и о всех действиях дона Антонио. Андрада бегло говорил по-английски и по-фламандски, и дон Антонио посылал его с важными дипломатическими поручениями в разные страны. Однако Андрада, по-видимому, не учитывал, что он уже возбудил подозрения английских властей. Часто находившегося в разъездах Андраду замещал другой испанский шпион — Родриго Маркес. В начале 1590 года оба они составили план похищения дона Антонио. Претендент собирался тайно уехать из Англии, рассчитывая получить помощь других держав в борьбе против испанцев. Он приказал Андраде зафрахтовать корабль для переезда во Францию. Но Андрада договорился со шкипером-фламандцем, что тот за 10 тыс. крон доставит претендента в Дюнкерк, находившийся в руках испанцев. Обо всем этом Андрада поспешил сообщить в зашифрованном письме до-

ну Мендосе. Письмо было перехвачено английской разведкой и расшифровано Фелиппесом. Андрада оказался за решеткой. Маркесу удалось скрыться и бежать во Францию.

Лопес приложил большие усилия, чтобы выволочь Андраду из тюрьмы. Тот уехал в Париж, где поведал Мендосе о беседе с влиятельным лекарем королевы. Лопес якобы сказал, что так как он спас жизнь Андраде, то решил довериться ему. Лекарь добавил, что он уже предлагал Мендосе устранить дона Антонио, но натолкнулся на недоверие. Лопес говорил также о своих заслугах перед Испанией, поскольку ему удалось спасти жизнь тремстам испанским морякам, попавшим после гибели армады в английский плен (это соответствовало действительности). Далее Лопес сообщил, что королева не прочь вступить в мирные переговоры. Елизавета якобы соглашалась либо выслать дона Антонио, либо держать его в заключении. Андрада должен был служить курьером между доном Мендосой и Лопесом.

Нет сомнения, что за спиной Лопеса стояла английская разведка, которая под предлогом переговоров хотела заслать своих агентов в Испанию. Интересно, что у испанцев появились аналогичные планы. Мендоса посоветовал Филиппу II, к которому он отправил Андраду, потом отрядить португальца с разведывательными целями в Англию. Андрада вез с собой в Мадрид и предложение от имени зятя Лопеса убить оскорбившего его чем-то дона Антонио и посылать разведывательные данные испанским властям.

В Мадриде последовали совету дона Мендосы. Андраде было поручено вернуться в Англию и продолжать переговоры. Испанские власти постарались убедить португальца, что они всерьез собираются через его посредство прозондировать английские условия мира. Однако на деле испанцы в это время готовили новую армаду и предполагали использовать Андраду как опытного разведчика. Португалец, впрочем, не дал себя обмануть и об этом позднее подробно сообщил лорду Берли. Надо отметить, что перед отъездом из Мадрида Андрада попросил какой-нибудь ценный подарок Лопесу. Испанская казна к этому времени была уже настолько опустошена бесконечными войнами, что вместо денег Лопесу был послан брильянт и кольцо из личной шкатулки Филиппа II. Через три года этот брильянт был сочтен судом главным доказательст-

вом согласия Лопеса отравить Елизавету. Кольцо между тем, возможно, вообще предназначалось не Лопесу, а королеве. По крайней мере Лопес подносил королеве какое-то кольцо, но она отказалась его принять, что обычно было совсем не в духе скупой Елизаветы и свидетельствовало, что она демонстративно решила не получать подарок из Мадрида.

В Англии, куда прибыл летом 1591 года после многих приключений Андрада, его снова упрятали в тюрьму. Уолсингем к тому времени умер, а Берли был, видимо, не в курсе этой комбинации главы разведки. Лорд Берли, которому его собственные шпионы много сообщали об Андраде, отказался поверить показаниям португальца, утверждавшего, что он действовал исключительно из желания спасти свою родину от испанского ига. Тем не менее Берли принял предложение Андрады служить английским шпионом. Около года ему было предписано жить в доме Лопеса. В июне 1593 года Андрада находился уже в Кале, куда вернулся из Голландии. Португалец сумел добыть много сведений, которые отослал лорду Берли, однако его труды не были оплачены, и уже в августе Андрада пишет Берли, что, если ему не вышлют денег, он «направится туда, куда повелит ему фортуна». А она повелела ему перейти на службу к испанским властям в Брюсселе. К его счастью, он не рискнул еще раз появиться на английской территории, где развивала активность разведка графа Эссекса, в задачу которой входило выявление испанских шпионов в Англии. Энтони Бекону удалось установить, что связи с Мадридом поддерживал из Лондона португальский дворянин Эстебан Феррера да Гама. Самое важное — португалец проживал в доме доктора Родриго Лопеса, личного врача королевы. Контуры «заговора» обрисовались сами собой. По приказу Эссекса Феррера был арестован. Было предписано вскрывать и просматривать всю корреспонденцию, поступавшую в английские гавани из Португалии. В результате в Сэндвиче у некоего Гомеса д'Авила были обнаружены письма к Феррере, в которых говорилось о покупке жемчуга, мускуса и янтаря. Сразу же возникло подозрение, что это зашифрованные депеши, тем более что д'Авила не мог толком объяснить смысл привезенной им корреспонденции. Д'Авила просил сообщить о его аресте доктору Лопесу. Тем временем к содержащемуся под стражей Феррере был подослан провокатор, который вызвался тайно пе-

респлатить письмо арестованного Лопеса. И письмо и ответ на него попали в руки Энтони Бекона. Если верить показаниям Бекона, Феррера просил Лопеса предотвратить приезд д'Авилы в Англию. Доктор ответил, что он уже неоднократно посылал во Фландрию просьбу не присылать д'Авилу и не пожалеет средств (готов истратить 300 фунтов стерлингов), чтобы добиться этого. Феррере не передали ответ Лопеса, а сообщили, что доктор выдал его. Тогда Феррера, в свою очередь, решил взвалить вину на Лопеса и рассказал, что они оба — участники заговора и намеревались пустить в ход яд. Однако, по словам Ферреры, отравить предполагалось вовсе не королеву, а дона Антонио. Показания д'Авилы, доставленного в Тауэр, подтверждали признание Ферреры. Д'Авила заявил, что привезенные им письма написаны агентом испанского правительства в Брюсселе Тиноко. Жемчуг, мускус и янтарь означают подарки, которые предполагали предложить сыну дона Антонио как плату за переход на сторону Испании.

Все это пока хотя и было интересно для Эссекса, тесно связанного с доном Антонио, но еще слабо служило главной цели фаворита — подрыву позиции Сесилов. Помог случай. Дело в том, что лорд Берли имел какие-то контакты с Тиноко (был ли тот шпионом-двойником и кого из своих нанимателей стремился одурачить — сейчас уже трудно определить). Известно, что Тиноко просил охранную грамоту, для того чтобы приехать в Англию и сообщить лично министру важные сведения. Берли переслал в Брюссель испрашиваемый документ... и приказал арестовать Тиноко, как только тот вступил на английскую землю. При обыске у Тиноко нашли письма, сходные с теми, которые привез в Англию д'Авила, и векселя на большую сумму. Тиноко допрашивал Роберт Сесил, которому не было известно об информации, собранной Энтони Беконем.

Теперь пришла очередь Эссекса. Он вмешался в следствие по делу Тиноко, принял участие в его допросах и вырвал признание, что арестованный прибыл в Англию с целью завербовать доктора Лопеса на испанскую службу. Это только и требовалось. Эссекс немедленно распорядился об аресте Лопеса и произведении тщательного обыска в его доме. Обыск не дал никаких результатов. Роберт Сесил насквозь видел Эссекса и счел момент подходящим для контрудара. Поспешив к Елизавете, Сесил

изложил ей суть дела и те приемы, к которым прибегнул Эссекс, сознательно скрыв уже имевшиеся у него сведения. Максимум, в чем можно было обвинить Лопеса, — это в интригах, которые велись вокруг дона Антонио. Но сам претендент давно уже наскучил Елизавете. Опыт показал, что дон Антонио не имел прочной поддержки у себя на родине. Возможность дальнейшего использования его в интересах английской политики была весьма сомнительной, а просьбы о финансовой поддержке, которыми он часто досаждал Елизавете, выводили из себя скаредную королеву. Поэтому, когда Эссекс явился к Елизавете, его встретил град упреков — как он посмел арестовать личного врача своей государыни, он действовал с поспешностью и безрассудством юноши, а попытки скрыть от министров собранные сведения говорят лишь о его дурных мотивах. Королева не желала слушать никаких извинений и объяснений.

В ярости фаворит покинул дворец и, пришпоривая усталого коня, вернулся в Эссекс-хауз. Дело казалось проигранным — но лишь казалось. Эссекс вызвал Энтони Бекона и сообщил ему: «Я раскрыл опаснейший и отчаянный заговор. Целью заговорщиков является умерщвление ее величества. Осуществить это должен был доктор Лопес посредством яда». Иными словами, Бекону предписывалось добыть признания в этом у арестованных. 18 февраля 1594 г. Феррера под угрозой дыбы показал, что «он имел намерение.., чтобы доктор отравил ее величество королеву». Тиноко, боясь пытки, дал такие же показания. Роберту Сесилу, отлично понимавшему, чего стоят эти признания, пришлось задуматься — нужно ли выступать в роли защитника лиц, которых, пусть безосновательно, но вполне в духе действий тогдашней юстиции, обвиняли в покушении на жизнь Елизаветы? Сесил счел, что выгоднее будет включиться в мрачную инсценировку, задуманную Эссексом. Когда 24 февраля Сесил и лорд-адмирал Чарлз Говард явились к Лопесу, было решено добиться признания доктора. Ему сказали, что другие подсудимые сообщили о заговоре все. Несколько недель велись бесконечные допросы. В конечном счете старик признал то, чего от него требовали. Через двое суток состоялся суд. Напрасно Лопес пытался уверять на нем, что все его признания были вырваны угрозой пытки. Он и его «сообщники» были признаны виновными и приговорены, как предписано законом, к «квалифицированной» казни.

Сторонники Эссекса умело сыграли на ненависти к иностранцам (Лопес к тому же был принявшим христианство евреем). Казнь «заговорщиков» была встречена одобрительным ревом собравшихся зрителей. Королева, как и Сесил, отлично осведомленная о сути дела, предпочла остаться в стороне, но, возможно, и ее обеспокоила способность партии Эссекса обращаться к разжиганию страстей толпы. Что же касается Сесила, то ему не надо было разъяснять, что свою следующую жертву Эссекс способен найти и повыше, например среди министров королевы, и избавиться от нее уже испробованным способом. Как бы то ни было, внешне Роберт Сесил полностью сотрудничал с Эссексом в расследовании дела и был в составе суда, вынесшего обвинительный приговор. А лорд Берли подготовил даже отчет о процессе, который был издан через несколько месяцев и в котором Филипп II был прямо назван убийцей (в испанских архивах никогда не было обнаружено доказательств вины Лопеса).

Отзвуки процесса Лопеса исследователи находят в «Венецианском купце» Шекспира. Один из друзей Антонио говорит Шейлоку: «Твой гнусный дух жил в волке, повешенном за то, что грыз людей» (IV акт, 1-я сцена). От слова «волк» (лат. *lupus*) образована испано-португальская фамилия Лопес.

Ученые, однако, расходятся, характеризуя отношение великого драматурга к нравственным проблемам, поднятым делом Лопеса, которое оставило заметный след в сознании современников.

Примерно через две недели после казни Лопеса Эссекс получил из Кале письмо от некоего Эдмунда Йорка, который просил простить ему самовольный отъезд за границу, присягу на верность Филиппу II и разрешить вернуться в Англию. К его просьбе присоединялись еще два джентльмена — Ричард Уильямс, который ранее служил под началом Эссекса, и Генри Юнг. Разрешение было дано, но сразу после возвращения все трое были арестованы. На допросе 30 июля 1594 г. Юнг начал утверждать, что Йорк приехал в Англию с целью поднять восстание на Севере, причем их действия взялся финансировать дядя Уильямса — Ролф Шелдон и богатый сквайр Рью. Под пыткой арестованные стали дружно оговаривать друг друга и самих себя, признаваясь в различных преступных планах, включая покушение на королеву. Йорк

даже сознался в намерении поджечь Лондон. Йорк и Уильямс были отправлены на эшафот как виновные в государственной измене.

«Заговор Йорка и Уильямса» — один из целого ряда аналогичных «конспираций», где в качестве доказательства преступления принимались слухи, ходившие среди английских эмигрантов во Фландрии и сделанные под пыткой признания. В 1598 году был раскрыт так называемый «заговор Сквайра». По официальной версии, Эдвард Сквайр был послан в Англию иезуитом Ричардом Уолплом, профессором колледжа в Вальдолиде, с поручением отравить Елизавету. Для этого Сквайр должен был натереть липким ртутным раствором переднюю луку седла. Предполагалось, что ядовитая смесь незаметно попадет и останется на руке королевы и смертельный яд будет принят вместе с пищей. Иезуиты обвиняли английское правительство в фабрикации этого заговора.

Во второй половине 90-х годов агентам Энтони Бекон удалось добиться известных успехов в добывании подробной информации об испанских портах, в которых велась подготовка новой армады. Испанские власти не получали аналогичных сведений, по крайней мере, для них оказалось полной неожиданностью появление в июне 1596 года перед Кадисом, крупнейшей океанской гаванью Испании, английской эскадры во главе с Эссексом. Слабо защищенный Кадис был взят приступом, испанцы должны были сжечь 36 торговых кораблей с ценными товарами, чтобы они не попали в руки неприятеля. От еще больших потерь испанцев спас только счастливый случай. На обратном пути англичане обнаружили, что гавань Лиссабона (так же как и вся Португалия присоединенного к Испании) пуста — там не было и следа груженых драгоценностями судов, которые ожидались из Америки. Пришлось, отказавшись от этой желанной добычи, направиться к берегам Англии. А через неделю в Лиссабон прибыли корабли с золотом, серебром и драгоценностями на громадную сумму в 20 млн. дукатов. Успех ускользнул от англичан потому, что там они действовали вслепую.

Несмотря на успехи своей разведки, Эссекс проиграл игру против Сесила. Он рассорился с королевой и был послан в Ирландию подавлять вспыхнувшее восстание. Успеха Эссекс не добился и, вернувшись без разрешения Елизаветы в Лондон, оказался в полной опале. Вокруг него сгруппировались люди различного толка, от недо-

вольных католиков до тех, кто считал Сесила способным предать дело протестантизма, провозгласив испанскую инфанту наследницей английского престола. Среди сторонников Эссекса было немало молодых искателей приключений и честолюбцев, считавших, что они делают верный ход в постоянной борьбе придворных группировок за влияние, власть и богатство. Многие твердо рассчитывали, что старая королева, столь часто прощавшая в прошлом самые наглые выходки своего любимца, в решающий момент предпочтет молодого красавца-графа с его репутацией героя и полководца тщедушному, горбатому и достаточно непопулярному министру Роберту Сесилу. Другой вопрос, что эти люди недооценивали его хитрость и вероломство. В феврале 1601 года Эссекс сделал попытку поднять восстание в Лондоне, не встретившую никакой поддержки среди жителей столицы. Бывший фаворит был арестован, предан суду по обвинению в государственной измене и казнен вместе с несколькими его сообщниками. Роберт Сесил победил.

В том же 1601 году посланцы шотландского короля Якова, очень неуверенного в отношении своих шансов на наследование английского престола, явились в Лондон и узнали радостную весть: всеильный Роберт Сесил, правая рука Елизаветы, встал на сторону их повелителя. На тайном свидании в доме Сесила на Стренде был согласован код для переписки между шотландским королем и елизаветинским министром. Яков обозначался цифрой «30», Елизавета — «24», Сесил — «10», все остальные видные лица также получили свои номера. Лукавый «10» быстро сумел опутать Якова, фактически подсказывая ему программу действий. Сесил ратовал за своего кандидата неспроста — таким путем он стремился обеспечить себе милости будущего короля Англии и устранить с пути других возможных претендентов (особенно испанскую принцессу Изабеллу, которой Филипп II передал свои «права» на английский трон). Однако в глазах старой, цеплявшейся за власть Елизаветы тайные переговоры за ее спиной с Яковом ничем не отличались от государственной измены. Немало людей пошло на плаху за куда меньшие преступления. Поэтому Сесил и вел переписку с Яковом в глубокой тайне. Секретная служба Елизаветы здесь действовала против самой королевы.

Однажды, когда государственный секретарь Роберт Сесил сопровождал королеву в поездке, внимание Елиза-

веты привлек звук почтового рожка. Она приказала остановить гонца и передать Сесилу пакеты, присланные из Эдинбурга. Бледный Сесил взял бумаги, не зная, на что решиться. Не распечатывать пакеты — значит заведомо навлечь подозрение Елизаветы, а открыть — кто знает, что содержит присланная корреспонденция. Министра выручила находчивость. Он взял ножик у одного из придворных, вскрыл конверт, понюхал его и объявил, что письмо следует подержать на свежем воздухе, прежде чем зачитывать в присутствии ее величества, так как оно издает скверный запах. Сесил знал отвращение королевы к плохим духам — оно оказалось сильнее подозрительности. «10» смог без посторонних глаз просмотреть корреспонденцию, прежде чем ознакомить с ней Елизавету.

Тайная связь главы английской секретной службы с иностранным монархом продолжалась вплоть до весны 1603 года, когда гонец на взмыленном коне прискакал в Эдинбург и сообщил долгожданную весть о смерти старой королевы. Яков VI шотландский становился отныне английским королем Яковом I.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ НЕВЕДЕНИЕ

ногие поколения англичан привыкли к тому, что началу парламентской сессии предшествует символическая сцена: пристав палаты лордов — «носитель черного жезла» — в сопровождении стражи из Тауэра, одетой в красочные средневековые мундиры, должен обойти подвалы Вестминстера, проверяя, не подложены ли в них бочонки с порохом. Конечно, после изобретения электричества исчезли свечи в фонарях, которые несла охрана, и процессия не замедляла шаги, чтобы внимательно осмотреть помещения, никак не рассчитывая обнаружить следы преступления.

Куда более странно, что, как выяснили исследователи, подобное же отсутствие любопытства проявили лордкамергер и его спутники в том далеком 1605 году, когда злоумышленники собирались взорвать короля Якова при открытии заседаний парламента., если только действительно существовало такое намерение. Однако, чтобы разобратся, кто прав — сторонники традиционной версии

или же скептики, число которых заметно умножилось за последнее время, надо обратиться к истории знаменитого «порохового заговора». От той или иной интерпретации его зависит и место, которое следует отвести этому заговору в истории английской разведки.

...В начале XVII века, к которому относятся описываемые события, Энфилд-Чез был далеким пригородом Лондона. Более 10 миль отделяли его от Вестминстера, центра столицы, и шум многолюдных улиц не достигал этого тихого уголка, где уютные загородные дома были окружены парками и рощами, а высокие заборы надежно укрывали обитателей от нескромного взора прохожих. Среди этих домов ничем не выделялся Уайт-Уэбс (в Англии принято давать имена домам, как присваивают названия селениям, улицам или кораблям). Однако эта приземистая, наполовину каменная, наполовину деревянная постройка лишь внешне напоминала соседние здания. Уайт-Уэбс изобиловал замаскированными дверями, тайниками, раздвигающимися стенами и полами, скрытыми от постороннего взора подвалами, из которых подземным ходом можно было выйти к небольшой речушке. Впрочем, чему удивляться — дом этот, как и весь район Энфилд-Чез, принадлежал короне, и после знакомства с бурной политической историей Англии предшествующих полутора веков легко представить, сколь часто возникала нужда в подобных укрытиях.

Еще в 70-х годах XVI в. Елизавета подарила Энфилд-Чез придворному врачу Роберту Гевику, а через некоторое время дом у него снял в аренду Роланд Уотсон, королевский клерк. Незадолго до раскрытия заговора Эссекса, в котором участвовало немало католических дворян, Роберт Гевик сдал Уайт-Уэбс новому лицу — некоему мистеру Мизу из Беркшира. Тот действовал по поручению своей сестры миссис Перкинс, которая хотела жить в достаточно уединенном месте и вместе с тем неподалеку от Лондона, чтобы ее могли навещать столичные друзья и знакомые. Условия, предложенные Мизом, оказались достаточно выгодными, и Уайт-Уэбс перешел в распоряжение миссис Перкинс. Она, правда, далеко не сразу прибыла в снятый для нее дом. Сначала ее дворецкий занялся основательным переоборудованием Уайт-Уэбса, учитывая вкусы своей хозяйки, а потом дом оставался необитаемым, если не считать поселившегося там в качестве сторожа Джеймса Джонсона, нанятого дворецким.

Когда же, наконец, прибыла в Уайт-Уэбс сама новая хозяйка, то выяснилось, что она является ревностной католичкой и не дает себе труда скрывать это. Одна из комнат Уайт-Уэбса была превращена в католическую часовню, повсюду можно было заметить книги религиозного содержания. Однако это видеть могли лишь посетители Уайт-Уэбса, а они все были католиками, что, впрочем, не могло вызывать особых подозрений — преследуемые сторонники старой веры стремились держаться друг за друга, особенно учитывая нередко враждебные отношения с протестантами. К тому же надо заметить, что это были месяцы и годы, когда казалось, что репрессивные законы против католиков не переживут старую королеву и что ее наследник Яков, сын Марии Стюарт, как об этом ходили упорные слухи, прямо обещал вскоре эти законы смягчить или даже отменить вовсе.

Относительно самой госпожи Перкинс любопытствующие соседи, если и находились такие, мало что могли сообщить. Оставалось даже неизвестным, была ли она замужем. В числе ее посетителей находился некий мистер Перкинс, часто приезжавший в Уайт-Уэбс и не раз остававшийся там на довольно длительное время. Кем он приходился хозяйке, не знали даже слуги. У госпожи Перкинс и, следовательно, мистера Миза была проживавшая вместе с ней сестра Элен, супруга лондонского купца Томаса Дженгинса, низкорослого рыжебородого человека. Он изредка навещал свою жену и вносил значительную часть арендной платы за Уайт-Уэбс. Иногда происходили неожиданные переименования. Мистер Миз, например, вдруг приказал отныне называть его Фармером, а один из гостей неосторожно назвал его отцом Валеем. Миссис Перкинс оказалась Энн Уокс, незамужней дочерью католического лорда, а ее сестра — женой богатого эсквайра Бартоломея Бруксби, фигурировавшего под именем Дженгинса. И, главное, сам благообразный мистер Миз (он же Фармер) был не кем иным, как главой английской «провинции» «Общества Иисуса» Генри Гарнетом. Иезуитами были его слуга Джон — опытный заговорщик Ник Оуэн, и священники Олдкорн, Фишер, Джерард и Гринвей, каждый из которых фигурировал под несколькими вымышленными фамилиями. Часто навещали Уайт-Уэбс и дворяне-католики — высокий энергичный Роберт Кетсби и маленький толстый человек, которого для конспирации называли просто Томом. Это был дворянин-католик То-

мас Винтер, недавно вернувшийся из поездки в Мадрид. Многие современники полагали, что заговорщический центр оказался весьма уютным гнездышком для отца Гарнета, сплетенным его двумя аристократическими поклонницами — сестрами Уокс. Элен Бруксби родила сына, и королевский прокурор Кок впоследствии издевательски вопрошал, не появился ли ребенок на свет с тонзурой — выбритой макушкой, как у католических патеров. На подозрения наводили и весьма фривольные замечания, употреблявшиеся Гарнетом в переписке со своими духовными дочерьми, не говоря уже о грехе чревоугодия, в котором упрекнул провинциала (так называли главу «провинции» иезуитов) даже специальный исследователь, присланный орденом, отец Флойд. Он даже добавил многозначительно, что им «обнаружено чересчур много» — намек, который никак не желали и до сих пор не желают понять историки-иезуиты, немало потрудившиеся для очищения репутации Генри Гарнета...

Духовные упражнения отца Гарнета подвергались нападкам не только впоследствии со стороны властей, но еще ранее из лагеря старокатоликов — той части английских католиков, которая осуждала иезуитов за стремление способствовать новой попытке испанского вторжения. Один из лидеров старокатоликов, патер Уильям Уотсон опубликовал трактат под названием «Десять щекотливых вопросов», в котором обличал честолюбие Гарнета. Ответивший ему от имени иезуитов Парсонс обвинил старокатоликов в глупости, педантизме, а также пьянстве, разврате и даже краже оловянной посуды. Одним словом, отношения между обеими католическими группами были довольно далеки от христианской любви и всепрощения. Поэтому, хотя обе стороны строили заговорщические планы, они действовали в полной тайне друг от друга. И если иезуиты стремились проникнуть в секреты старокатоликов, то, вернее всего, для того, чтобы выдать их правительству.

Лидеры старокатоликов Уильям Уотсон и Уильям Кларк составили грандиозный, но довольно нереальный план: собрать под Лондоном католическое дворянство и подать Якову петицию, в которой содержалась бы верноподданническая просьба о возвращении короля в лоно святой церкви и об... изгнании иезуитов. План этот был встречен очень холодно влиятельными католическими дворянами. В заговор удалось вовлечь всего нескольких

человек, в том числе некоего Грифина Меркема, бывшего офицера, лишенного средств и опустившегося от пьянства человека. К заговору примкнул, правда, и уже известный нам Бартоломей Бруксби, но он явно сделал это по наущению иезуитов.

Не добившись поддержки католиков, Уотсон и Кларк решились на еще более авантюрный шаг, пытаясь привлечь к заговору протестантских вельмож — соперников Роберта Сесила, выступавших против политики примирения с Испанией, которую тот начал проводить после вступления на престол Якова I.

Отцу Уотсону удалось вовлечь в свое опасное предприятие зятя Сесила — Джорджа Брука. Он был четвертым, самым младшим сыном уже знакомого нам (по «заговору Ридольфи») губернатора южных портов лорда Уильяма Кобгема. Тот умер в 1597 году, и его титул, а также должность губернатора унаследовал старший сын Генри, которого Брук также предполагал вовлечь в ряды заговорщиков. Однако и Генри Кобгем, и оппозиционные вельможи — лорд Грей, знаменитый мореплаватель Ролей и др. — отказались от участия в заговоре. Но они и не донесли о нем властям. Зато это охотно сделал Гарнет. Получив подробную информацию от Бруксби, иезуит через своего подчиненного — отца Барнеби передал ее англиканскому епископу Ричарду Банкрофту. А это было все равно, что сообщить эти сведения самому Роберту Сесилу. Суд, как обычно, вынес всем обвиняемым в заговоре смертный приговор, хотя против Ролея единственным доказательством были показания Генри Кобгема, которые тот вдобавок то подтверждал, то брал обратно в ходе предварительного судебного следствия.

29 ноября 1603 г. в Винчестере взошли на эшафот Уильям Уотсон и Уильям Кларк, а 5 декабря — Джордж Брук. Казнь сэра Грифина Меркема, лорда Грея и лорда Кобгема была назначена на утро 9 декабря, но еще 7 декабря Яков подписал помилование осужденным. Их поочередно выводили на плаху, ждали, пока они закончат последние приготовления к смерти, произнесут слова предсмертной молитвы и обратятся с исповедью к присутствующим, а потом уводили в соседнее помещение, где сообщали о королевской милости.

Сохранилось письмо Джорджа Брука к Сесилу, в котором наряду с жалобами упоминаются и услуги, оказанные заговорщиком министру, и данные тем обещания. Из

этого письма отдельные исследователи делали вывод, что Брук был агентом Сесила. На эшафоте он стал произносить какие-то «странные слова», которые стража и палачи не дали услышать толпе.

Быть может, иезуиты решили выдать заговор старо-католической партии не только из вражды к ней, но и для того, чтобы отвлечь внимание от собственных планов государственного переворота. Эти планы, как считают, возникли первоначально у богатого молодого католического сквайра Роберта Кетсби. В юности он был рьяным прожигателем жизни. Однако, получив в двадцать лет после смерти отца большое наследство, беспутный кутила как будто переродился. Вместо праздного беспечного гуляки появился надменный аристократ и религиозный фанатик с горячим сердцем и холодной головой, зрело обдумывавший свои планы и решивший использовать любые средства для достижения католической реставрации. В числе других дворян-католиков Кетсби принял участие в мятеже Эссекса, за что был приговорен к выплате огромного денежного штрафа в 2,5 тыс. фунтов стерлингов. Но неудача только укрепила его решимость. Сжигаемый жаждой действий, он не желал считаться с малоблагоприятной обстановкой: ни Испания, ни папа не проявляли прежнего рвения в борьбе за возвращение Англии в лоно католицизма.

Кетсби решил, что английские католики своими действиями должны сами ускорить ход событий — иначе заветная цель отодвинется в совсем далекое, неизвестное будущее. Он доверился нескольким лицам, которые наряду с ним и стали главными организаторами заговора. Среди них важная роль принадлежала Томасу Винтеру, родственнику Кетсби, происходившему из небогатой дворянской семьи в графстве Вустер.

В ноябре 1603 года в одном из лондонских домов Кетсби, неподалеку от набережной Темзы, собрались по приглашению хозяина Томас Винтер и еще один из друзей Кетсби — Джон Райт. На этой встрече Кетсби впервые изложил им план, как одним ударом восстановить католицизм. Для этого следовало взорвать здание парламента, когда в нем будет находиться король, а возможно, и его старший сын. В самом плане не было ничего необычного, и поэтому нет нужды особенно доверять версии, согласно которой этот проект заронил в голову Кетсби Томас Морган — бывший разведчик Марии Стюарт по

поручению уже знакомого нам католика-эмигранта, ставшего одним из руководителей испанской разведки, Хью Оуэна. От Якова I предполагалось отделаться таким же путем, как без малого сорок лет до этого избавились от его отца — Дарнлея. Еще были свежи в памяти также попытки взорвать помещение в Антверпене, где заседал испанский наместник Александр Пармский, а также государственные здания в столице восставших голландских штатов Гааге. Майкл Муди намеревался сделать то же, чтобы покончить с королевой Елизаветой.

Во времена Елизаветы уязвимым местом католиков было то, что их считали агентурой смертельного врага — Испании. Теперь же на трон вступил король, которого англичане считали иностранцем, особенно непопулярны были его шотландские фавориты. Заговорщики, вероятно, рассчитывали сыграть на уязвленном патриотическом чувстве англичан и предполагали, что неожиданность удара парализует сопротивление. А своевременно перебросенный из Фландрии эмигрантский полк во главе с полковником Стенли окажется достаточной поддержкой для нового католического правительства, которое будет образовано под видом регентства при одном из младших детей устранившего Якова. Опорой могло послужить заранее собранное ополчение католических дворян.

Сейчас эти планы кажутся фантастическими, но, быть может, заговорщики, люди решительные и деловые, лучше разбирались в обстановке, чем это могут сделать историки через три с половиной столетия? Конечно, это предполагает, что руководители заговора действительно верили в его успех — но здесь мы касаемся уже совсем другой проблемы, к которой еще придется вернуться на последующих страницах...

Кетсби удалось убедить своих друзей, а чтобы окончательно побороть их колебания, решено было лучше заручиться иностранной помощью. С этой целью Винтер отправился во Фландрию, где находился коннетабль Кастилии, который готовился к поездке в Лондон для заключения мирного договора. Понятно, что от Винтера отделались пустыми обещаниями похлопотать за английских католиков перед королем Яковом.

Во Фландрии Винтер, возможно, встретился с Хью Оуэном и иезуитами и изложил им планы заговорщиков — однако здесь исследователям приходится вступать в область предположений, потому что документы, в кото-

рых утверждается это, вызывают большое сомнение. В апреле 1604 года Винтер вернулся на родину. С ним прибыл верный человек, рекомендованный командиром эмигрантского полка полковником Стенли, Гай Фокс.

Гай Фокс — наиболее известный из заговорщиков, а по существу, лишь исполнитель планов, составленных другими. Это был эмигрант-католик родом из Йоркшира, много лет провоевавший в рядах испанских войск в Нидерландах, где он дослужился до офицерского чина. Это был высокий, угрюмый детина с рыжей бородой, суровый воин, которому полк заменил родину, а верность религии давно взяла верх над чувством патриотизма. В Англии Фокс стал называть себя Джоном Джонсоном.

Вскоре после возвращения Винтера в заговор было вовлечено еще одно лицо, также занявшее руководящее положение среди своих сообщников. Это был Томас Перси из аристократического рода, знаменитого в истории Англии. Он был двоюродным братом и управляющим именьями графа Нортумберленда, самого знатного из католических вельмож. Этому коротконогому человеку с длинным, будто растянутым телом, сутулыми плечами и багровым лицом уже минуло 45 лет, он был значительно старше большинства участников заговора. Перси, казалось, был живым воплощением непримиримых противоречий — подобно Кетсби, забияка и завсегдатай лондонских трактиров, он вдруг беспричинно в 40 лет перешел в католицизм, превратившись в кающегося грешника, изнурявшего плоть, послушного ученика иезуитов, что не мешало ему, впрочем, коснеть в «смертном грехе» двоеженства. Природная спесь рода Перси, толкавшая его к диким поступкам, к необузданному своеволию, как-то сочеталась с дальновидным расчетом и изворотливостью опытного политического интригана, а угрозы убить короля Якова — с попытками делать придворную карьеру.

Теперь число заговорщиков возросло до пяти, и они — это было через две-три недели после возвращения Томаса Винтера в доме на Стренде, в самом центре Лондона, — дали на молитвеннике клятву не отступать от своих планов и свято хранить тайну. Вслед за тем они перешли в другую комнату, где их ожидал посланец из Уайт-Уэбса иезуит Джерард. Он отслужил мессу, Кетсби и его товарищи приняли причастие. Формально отец Джерард не присутствовал на совещании заговорщиков — знал ли он, какие планы строили Кетсби и его друзья? На первый

взгляд, положительный ответ диктуется элементарным здравым смыслом. Слишком легковверным показался бы тот, кто поверил бы отрицаниям, письменным и устным, исходившим впоследствии от отца Джерарда. Чтобы ему поверить, следовало предположить, что Кетсби, Перси и Винтер действительно приняли все меры, чтобы скрыть свои намерения от иезуитов, а это очень мало вяжется с тем, что нам известно о заговоре. Но еще вопрос, известно ли нам все наиболее важное, и к этому вопросу нам предстоит вернуться ниже.

Как бы то ни было, заговорщики, получив благословение от Джерарда, ведавшего или не ведавшего, что он творит, могли приступить к делу.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

осле мессы Кетсби изложил подробно свой план. Еще ранее он навел справки о домах, примыкающих к палате лордов, в которой по традиции присутствовал король при открытии парламентской сессии. Для понимания дальнейшего надо упомянуть, что парламентские здания были расположены в виде буквы «Н». Горизонтальная линия — это палата лордов, верхняя половина левой вертикали — так называемые покои принца, а нижняя половина этой линии — дома парламентских клерков и другого обслуживающего персонала. Верхнюю половину правой вертикали составляла Живописная палата, в которой происходили совещания уполномоченных палаты лордов и палаты общин. О домах, образующих нижнюю половину правой вертикали, не стоит упоминать, так как они не играют существенной роли в нашем рассказе. Внизу от парламентских зданий, примерно в полусотне метров, протекала Темза. Под палату лордов можно было проникнуть либо из покоев принца, либо из домов парламентских служащих. Покои принца, естественно, отпадали.

Здание палаты лордов было двухэтажным. Сама палата занимала верхний этаж. А первый этаж был без особых церемоний сдан под угольный склад купцу Брайту. Следовательно, порох заговорщики должны были подвести не непосредственно под палату лордов, а под этот

склад угля. Однако прежде всего надо было найти возможность снять один из принадлежавших казне домов, которые примыкали к зданию палаты и которые, как уже отмечалось, занимали парламентские служащие. Наиболее удобно из них был расположен Винегр-хауз, который арендовал Джон Винниард, входивший в личную охрану короля. Дом сдавался Винниардом внаем некоему Генри Ферерсу, владения которого в графстве Уорик соседствовали с поместьями Кетсби. Ферерс был католиком. И тем не менее рисковать было нельзя, так как Ферерс явно сочувствовал старокатоликам — противникам иезуитов.

Единственным лицом среди заговорщиков, который мог попытаться нанять дом, не привлекая внимания к этому, был Томас Перси, аристократ и, так же как хозяин дома, служивший в королевской страже. Перси и взялся за это дело. Уговорить Ферерса, уже пожилого человека, собирателя антикварных редкостей, мало бывавшего в городе, уступить права на наем Винегр-хауза было делом несложным. Однако Ферерс сообщил, что он не может передать свои права другому лицу без согласия Винниарда, которого в то время не было в Лондоне. Перси, однако, удалось уговорить жену Винниарда принять решение до прибытия мужа. Сравнительно крупная сумма, которую Перси согласился уплатить, и его высокое положение при дворе убедили хозяйку, одинаково заботящуюся и о деньгах, и о том, чтобы ее жилец был достоин обретаться в доме Винниарда. Винегр-хауз имел маленькую пристройку, в которой проживали привратник Гедеон Гибинз и его жена; им пока Перси поручил общее наблюдение за домом. В нем постоянно поселился Гай Фокс, продолжавший фигурировать под именем Джонсона и считавшийся слугой Томаса Перси.

Винегр-хауз был в распоряжении заговорщиков, и только толстая каменная стена отделяла подвал этого дома от подвального помещения палаты лордов. Однако Винегр-хауз был слишком мал по размерам и находился на слишком видном месте. В него нельзя было незаметно свезти и хранить большой запас пороха, который требовался для того, чтобы поднять на воздух парламентское здание. Для склада был выбран один из лондонских домов Кетсби, находившийся в Ламбете, на берегу реки, неподалеку от Винегр-хауза. Хранителем склада стал Роберт Кей, сын англиканского священника, долгое время служивший у католического лорда Мордаунта и вовле-

ченный в заговор. В этом доме, стоявшем в отдалении от шумных столичных улиц, Кей и Винтер делали все необходимые приготовления, складывали мешки с порохом в укромном месте речной пристани. Стоявшую там у причала шлюпку было совершенно не видно со стороны. В зябкой темноте лондонских осенних вечеров вряд ли кто-либо обращал внимание на одинокую лодку, несколько раз причаливавшую к берегу близ Винегр-хауза. Однажды, правда, какой-то слуга, возвращаясь с работы в парламентском здании, заметил лодку и людей, что-то сгружавших и переносивших в Винегр-хауз.

Однако все планы заговорщиков строились без настоящего хозяина дома, которым являлась казна. Сдавая Винегр-хауз, она сохраняла за собой право занять его снова, когда ей это понадобится. И такая нужда, действительно, возникла. Дом показался удобным для того, чтобы в нем без шума могла заседать конференция, обсуждавшая весьма непопулярный проект слияния Шотландии и Англии, имевших одного короля, в единое государство.

Удар был ужасным. Оставалось надеяться, что высокопоставленным членам конференции вряд ли придет в голову заглядывать в темный, неуютный подвал здания и что слуги окажутся не более любопытными, чем их господа. Этот расчет оказался верным. В результате переговоры, в которых с английской стороны участвовал Френсис Бекон, возможно, происходили буквально на мешках с порохом.

Тем не менее все обошлось мирно. Конференция закончила свою работу, а заговорщики снова стали хозяевами Винегр-хауза. Фокс даже укрепил его, насколько это было возможно, чтобы в случае необходимости в нем можно было выдержать многочасовую осаду.

В течение двух недель заговорщики делали подкоп. Однажды из-за каменной кладки, которая упорно сопротивлялась ударам лома и лопат, раздался гул. Шум этот натолкнул заговорщиков на мысль — а что, если по виду заброшенный подвал парламентского здания окажется не пустым?

Пришлось отправиться на разведку. На отгороженном дворе около покоев принца несколько людей входили и выходили из небольшой двери, которая вела в заветное подземелье. Фоксу не стоило большого труда узнать, что купец Брайт, которому, как мы знаем, сдавался первый

этаж, а заодно и подвалы, продавал свои запасы угля и право на аренду помещения некоему Скинеру, купцу с Кинг-стрит. Надо было, следовательно, во что бы то ни стало убедить Скинера, в свою очередь, переуступить право аренды подвала. Тогда Перси снова отправился к миссис Винниард и разъяснил ей, что ожидает приезда жены, проживающей вне Лондона. Чтобы подготовить Винегр-хауз к ее приезду, надо закупить достаточный запас угля для отопления. Словом, не согласилась бы миссис Винниард поговорить с миссис Скинер, чтобы та посоветовала мужу уступить с выгодой аренду своего подвала ему, Перси. Конечно, миссис Винниард не останется внакладе, выполнив его просьбу. Дело было улажено. Низкое подвальное помещение, где нависшие своды создали множество темных уголков и закоулков, перешло в распоряжение заговорщиков.

Вскоре из Винегр-хауза и из дома Кетсби в Ламбете были перевезены дополнительно мешки с порохом, укрытые сверху от нескромных глаз настилом из угля, камней и битого стекла. Приготовления закончились, а время для исполнения замысла еще не пришло. Правительство без видимых причин перенесло открытие очередной парламентской сессии с 7 февраля на 3 октября 1605 г. Было, следовательно, время заняться подготовкой других частей заговора. Фокс отправился во Фландрию, чтобы условиться о плане действий с Оуэном и полковником Стенли. Кетсби и Перси взялись за организацию католического выступления, которое должно было состояться в случае удачи заговора.

Приходилось думать о привлечении к заговору новых людей, хотя бы уже потому, что приготовления требовали больших средств, до сих пор расходы покрывались Кетсби, а его ресурсы стали иссякать. Кетсби и Перси получили от других заговорщиков опасное право по своему усмотрению сообщать тайну заговора любым лицам, которых они надеялись привлечь на свою сторону. Обезжая поместья своих друзей, Кетсби постепенно вовлек в ряды участников заговора Роберта Винтера, брата Томаса, и Джона Гранта. Остальным Кетсби не открывал всех своих планов и пытался получить их согласие на вступление в добровольческий кавалерийский полк католиков, который Яков разрешил нанять на английской территории испанскому правителю Фландрии. Так, например, были втянуты в заговор двоюродные братья Стефен и

Хемфри Литлтоны, соседи Роберта Винтера по поместью в графстве Хентингтон. Одним из сообщников Кетсби стал также Амброзий Роквуд, богатый сквайр из Сеффолка, владелец конного завода.

Примерно в то же время Кетсби вел с Гарнетом беседы на темы о допустимости убийства невинных во имя праведной цели. Это происходило в июне 1605 года, и разговор формально шел о войне во Фландрии, о допустимости разрушения вражеской крепости, в которой помимо врага могли находиться правоверные католики. Однако ведь при этом не существует намерения убивать именно их, немедленно нашелся иезуит, — следовательно, католиков в таком случае убивают только благодаря случайности. Организатор заговора, весьма удовлетворенный, просил главу иезуитов сохранять в тайне этот разговор, пока он, Кетсби, будет оставаться в живых. И отец Гарнет с готовностью пообещал исполнить его желание.

Во вторую или третью неделю июля Кетсби как верующий католик рассказал о заговоре, исповедуясь иезуиту отцу Тесмонду, а тот где-то между 23 и 25 июля сообщил тоже на исповеди об этом своему начальнику Гарнету. По утверждениям, исходившим от Гарнета и вообще из иезуитских источников, глава английской «провинции» ордена был потрясен тем, что узнал, всячески осуждал заговор, о чем написал в Рим, но ничего не мог поделать, будучи скованным тайной исповеди. Подобный аргумент способен вызвать лишь улыбку у всех, знакомых с деяниями «Общества Иисуса».

Вскоре после того как Гарнет — даже по его собственному признанию — узнал о заговоре, он решил покинуть Уайт-Уэбс. Его, как и в других поездках, неизменно сопровождали и «миссис Перкинс» с сестрой. Иезуит и обе леди отправились в Хотерс, имение Эверарда Дигби, богатого католического землевладельца. Оттуда в сопровождении нескольких десятков католических помещиков они двинулись к источнику святого Уинфрида во Флинте (Уэльс), предпочитая держать путь через серединные английские графства, где значительная часть населения оставалась верной католицизму.

28 июля правительство объявило, что открытие парламентской сессии переносится с 3 октября на 5 ноября. Заговорщики, снова съехавшиеся в Лондон, делали последние приготовления. Фокс и Винтер проверили, не отсырели ли порох, и пополнили его запасы. Кетсби закупал лоша-

дей якобы для добровольческого полка. В то же время он вовлек в заговор уже известного нам Эверарда Дигби, которому было поручено возглавить католическое восстание в его предполагаемом центре — графстве Уорик, и Френсиса Трешама, кузена Кетсби и Винтера, являвшегося зятем католического лорда Монтигла. Трешам вступил в заговор после серьезных колебаний, очень поздно — 14 октября 1605 г.

Известный шекспировед Д. Хотсон опубликовал в 1937 году сохранившееся в английском государственном архиве описание ужина, на который Кетсби пригласил ряд других заговорщиков, а также католического лорда Мордаунта и знаменитого драматурга Бена Джонсона. Этот документ, хотя прямо не свидетельствует об обсуждении на ужине планов Кетсби и его помощников, поколебал мнение биографов Джонсона, что он не был посвящен в секрет заговорщиков. По-видимому, эта встреча состоялась 9 октября 1605 г., а еще на несколько приемов у Кетсби Джонсон уже не был приглашен. Однако на них почти наверняка присутствовал сэр Джон Ро — ближайший друг Бена Джонсона. Осенью 1605 года Ро был одним из информаторов Сесила. Сесил в течение нескольких лет был патроном Джонсона, и не от Джонсона ли главный министр получил сведения о заговорщиках, которые были опубликованы в правительственном заявлении еще до того, как были получены под пыткой показания Гая Фокса? Любопытно отметить, что современник драматурга Джордж Уитер в 1628 году относил литературную деятельность Джонсона к работе «клоунов, шпионов и памфлетистов». Намеки на «патриотическую роль», сыгранную Джонсоном, встречаются в сочинениях друзей и поклонников таланта драматурга...

7 ноября Джонсон получил приказ Тайного совета связаться с каким-то не названным по имени священником и обещать ему охранную грамоту для приезда с целью переговоров с лордами — членами Тайного совета. Из отчета, написанного Джонсоном Сесилу и составленного сознательно в туманных выражениях, понятных только адресату, по-видимому, следует, что усилия обнаружить этого священника не увенчались успехом, хотя для помощи и был привлечен капеллан венецианского посла. Вероятно, к этому времени Джонсон уже внутренне принял решение порвать с католицизмом.

Но вернемся к середине октября 1605 года.

ПИСЬМО К МОНТИГЛУ

ороховой заговор» был подготовлен. Мина подведена, и Фокс, которому поручалось произвести взрыв, уже присоединил к мешкам с порохом длинный фитиль. За четверть часа, пока огонь добрался бы до мины, Фокс предполагал сесть в подготовленную поблизости лодку и отъехать возможно дальше от здания парламента. На реке Фокса должно было ждать судно, которое немедля доставило бы его во Фландрию. Там он смог бы сообщить Оуэну и Уильяму Стенли, что наступила долгожданная минута действия.

До открытия парламентской сессии осталось десять дней.

...В субботу 26 октября, вечером лорд Монтигл, живший в Монтагю-клез, близ шекспировского театра «Глобус», неожиданно отправился ужинать в свой загородный замок Хокстон, который он получил в приданое за своей женой Элизабет Трешам. Монтигл вместе с другими будущими участниками «порохового заговора» принимал участие в мятеже Эссекса, за что его принудили уплатить разорительный штраф более чем в 5 тыс. фунтов стерлингов. Лорд Монтигл находился в более или менее близком родстве со многими заговорщиками, поддерживал дружеские отношения с Кетсби, Френсисом Трешамом, на сестре которого он был женат, с Томасом Винтером, который служил в его свите, и другими. Однако после вступления на престол Якова Монтигл объявил в письме к королю о своем желании принять англиканство. Вслед за этим Монтиглу были возвращены его имения, и он был сделан членом палаты лордов. Монтигл к этому времени уже пользовался доверием и поддержкой Роберта Сесила. Об этом не могли знать Кетсби и его товарищи.

Итак, вечером 26 октября Монтигл отправился ужинать в Хокстон. Его гостем был Томас Уорд, примкнувший к заговору, хотя и не принявший присяги. Когда дружеский ужин был в разгаре, в комнату вошел паж, державший в руке письмо. По словам юноши, письмо было передано ему незнакомцем с просьбой вручить его лично лорду Монтиглу. Тот сломал печать и передал бумагу Уорду с просьбой прочесть вслух.

В этом знаменитом письме, составленном очень туманно, Монтиглу советовали, если ему дорога жизнь, не присутствовать на заседании парламента, так как бог и люди решили покарать нечестие «страшным ударом». Двусмысленное, но полное тревожных намеков письмо было прочитано Уордом в присутствии пажей и слуг, которые тем более были поражены происходящим, что Монтигл не медля встал из-за стола и приказал седлать лошадей. В 10 часов вечера он на взмыленном скакуне подлетел к правительственному зданию Уайтхоллу. В нем находились Сесил и четыре лорда-католика — Ноттингем, Нортгемптон, Вустер и Сеффорд, которые были введены в состав королевского Тайного совета. Лорды пришли на ужин к Сесилу, но, несмотря на довольно поздний час, еще не сели за стол. Поспешно вошедший в зал Монтигл передал Сесилу полученное письмо. Присутствующие прочитали его и приняли решение сохранить все дело в глубокой тайне, ничего не предпринимая до возвращения короля, который охотился в Ройстоне и вскоре ожидался в столице. Монтигл, однако, не счел необходимым скрывать это решение от Уорда, который и так был уже знаком с письмом.

Поздно ночью с воскресенья 27 октября на понедельник Уорд ворвался к спящему Винтеру и рассказал о происшедшем. На рассвете Винтер ринулся в Уайт-Уэбс, где находился Кетсби. Но упрямый Кетсби и после получения рокового известия еще не считал дело проигранным. Он не верил, что тайна заговора открыта. Быть может, заявил Кетсби, это результат интриги Френсиса Трешама, который только что получил богатое наследство и еще менее, чем раньше, скрывал свое неверие в успех задуманного дела.

Необходимо было удостовериться, открыта ли тайна подвальных сводов парламентского здания, известно ли Сесилу о находившемся там порохе. Кетсби решил послать Фокса проверить, как обстоит дело. Рано утром в среду, 30 октября, Фокс направился в столицу и незаметно пробрался в подвал. Вернувшись в Уайт-Уэбс, он сообщил, что мина осталась нетронутой и необнаруженной лазутчиками Сесила.

Однако кто же послал роковое письмо? Кетсби по-прежнему подозревал Трешама. В четверг, вернувшись в Лондон, Винтер передал Трешаму приглашение Кетсби встретиться для особо важных переговоров. Кетсби ре-

шил, в случае если эта встреча выявит измену Трешам, не колеблясь, заколоть его кинжалом. 1 ноября, в пятницу, при встрече Кетсби в упор спросил двоюродного брата, не им ли было послано письмо и тем нарушена клятва. Трешам с негодованием отверг обвинение. Конечно, Трешам был учеником иезуитов, но Кетсби не был в состоянии поверить, что он мог легко отнестись к клятве, данной на молитвеннике. Трешам, правда, не скрывал своего мнения, что правительству известна тайна заговора и что Кетсби следует немедленно бежать во Францию. Но тот все еще не хотел поверить в неудачу. Он объявил, что останется в Лондоне, по крайней мере, до возвращения Томаса Перси, который должен был вернуться из поездки по северным графствам, где собирал ренту для графа Нортумберлендского.

Кетсби решил, однако, проверить искренность Трешама, попросив у него 200 фунтов для закупки оружия и лошадей. В случае, если Трешам уже находился в связи с правительством, он вряд ли посмел бы дополнительно компрометировать себя таким содействием заговорщикам. Трешам с готовностью обещал деньги (по его позднейшему объяснению, он рассчитывал, что Кетсби использует их для бегства во Францию). Ночью Трешам вручил первые 100 фунтов Томасу Винтеру и в ответ на просьбу поскорее доставить остальные обещал раздобыть их к субботе, 2 ноября. Действительно, вечером в субботу Винтер получил еще 90 фунтов; больше, как объяснил Трешам, он оказался не в состоянии достать за столь короткий срок. Трешам предлагал для бегства заговорщиков свою яхту, стоявшую на Темзе.

3 ноября Винтер получил еще более мрачные известия. Уорд сообщил ему, что король вернулся в город, прочел письмо к Монтиглу и приказал лордам — членам Тайного совета хранить все это в самом строгом секрете. Был отдан приказ не медля и незаметно обыскать подвалы под зданием палаты лордов, особенно ту часть из них, которая находилась под королевским тронем.

Кетсби и приехавший уже Перси в смятении выслушали взволнованный рассказ Винтера. Однако и на этот раз не было уверенности, что заговор открыт. Заговорщики разошлись по условленным местам. Лошадей держали наготове, чтобы в любой момент можно было быстро добраться до графств, которые должны были стать центром восстания.

Вскоре после того около здания палаты лордов появились лорд-камергер Сеффорд и Монтигл. Они зашли в подвал, где за ними внимательно наблюдал находившийся там Фокс. Лорд-камергер спросил, кто он такой и что это за груда угля. Фокс ответил, что он слуга мистера Перси, которому принадлежит сваленный здесь уголь. Сеффорд сострил что-то на тему о больших приготовлениях к рождественским праздникам, и лорды, не переставшие весело смеяться во время своего обхода, вскоре удалились. Вернувшись к королю, у которого находились Сесил и несколько других членов Тайного совета, Сеффорд сообщил о подозрительно большом количестве угля, собранном для отопления дома, в котором Томас Перси столь редко бывал. Сеффорда поразила также внешность Фокса, по его словам, «высокого парня, способного по виду на отчаянные поступки».

В темную ноябрьскую ночь заговорщики еще раз осмотрели издали дворцовые и правительственные здания. Все было спокойно. По-видимому, ни Яков, ни Сесил не знали, что их ожидает на следующий день. Фокс еще до этого отправился в подвал с часами и фонарем, свет которого был почти не виден со стороны. Подготовив шнур, который он предполагал зажечь, когда настанет срок, Фокс вышел во двор за покоями принца...

Едва Фокс показался снаружи, как к нему кинулись поджидавшие его в засаде люди во главе с мировым судьей Ниветом, посланным для нового осмотра подвала. Минуты было достаточно, чтобы пленник, которому связали руки, понял, что все пропало. На вопрос Нивета, что он здесь делает, Фокс не счел нужным скрываться: «Если бы вы меня схватили внутри,— ответил он,— я взорвал бы вас, себя и все здание». По приказанию Нивета подвал был подвергнут тщательному обыску. Бочки с порохом открыты и обезврежены...

Заговорщики начали спешно покидать столицу еще до того, как узнали о неудаче заговора. Это делалось в соответствии с их планом, который предусматривал одновременное начало восстания в ряде графств на северо-востоке Англии. Вскоре главарей заговорщиков нагнал Роквуд, который заранее расставил по дороге заставы с рысачами своего конного завода. Роквуд привез известие об аресте Фокса. Когда Кетсби и Перси прибыли в замок своего сообщника Дигби, там уже собралась группа местных дворян-католиков. Однако известие о неудаче заго-

вора лишило их мужества. Большинство поспешно ретировались. Кетсби и его друзья решили бежать в горы Уэльса и поднять восстание среди довольно многочисленного там католического населения.

Вскоре началась погоня... В Холбич-хаузе, доме Стефена Литлтона в графстве Стаффордшир, заговорщики сделали короткий привал. Кетсби и несколько его спутников пытались просушить порох, который они подмочили, переплывая реку. Искра упала на блюдо, на котором лежал порох. Кетсби и его друзья были отброшены в сторону с обожженными черными лицами. Мешок пороха силой взрыва был выброшен через пробоину в крыше. Не получившие серьезных ранений бежали, в том числе Дигби и Роберт Винтер. Остальные вскоре были окружены отрядом, собранным шерифом графства. Кетсби и Перси были смертельно поражены одним выстрелом, вслед за ними погибло несколько других заговорщиков. Раненный в руку Томас Винтер, Роквуд и еще несколько человек были взяты в плен. В течение последующих недель были схвачены в разных местах остальные участники «порохового заговора». Их ожидали казематы Тауэра, пытки и виселицы, воздвигнутые в Лондоне и других городах для примерной казни изменников.

Однако следствие, допросы и пытки не только не прояснили, а, напротив, скорее — и, быть может, сознательно — запутали историю «порохового заговора». Надо учитывать, что фактически существовало два заговора — собственно «пороховой заговор» и план восстания католиков под руководством Эверарда Дигби. О втором заговоре Сесил был извещен своими лазутчиками. Он мог подозревать Томаса Перси и Кетсби, но не знать о планах использования Винегр-хауза. В бумагах Сесила имеется немало писем, содержащих глухие указания на зреющий заговор, на возможность новой попытки католического восстания. Одно анонимное предостережение, брошенное в деревянной коробке на проезжей дороге, было написано от имени католика-слуги, желающего раскрыть заговор, в котором участвовал его господин. Письмо предостерегало, что опасность ожидает короля, лорда Солсбери и главного судью Попхема. Сесил получил прямое предостережение от английского посла в Париже сэра Томаса Парри. Тот, по-видимому, подхватив на лету намек, брошенный вполголоса венецианским послом, передавал, что следует опасаться французского посла в Лон-

доне графа де Бомона. Действительно, Бомон спешно покинул Лондон, чтобы не присутствовать на открытии парламентской сессии, и, переправившись на французский берег, сообщил королю Генриху IV, что в день возобновления работ парламента будет сделана попытка «убить Якова и всех знатных лиц». Но еще вопрос, откуда узнал об этом Бомон — от заговорщиков или от своих шпионов в правительственных канцеляриях? Как бы то ни было, Генрих IV предостерег Парри против возможных покушений на Якова.

Шпионы Сесила Джон Рейнолдс и Джордж Саутхейк в Кале и Виллиастон в Руане усердно наблюдали за активностью иезуитов, будто собиравшихся подавать петицию Якову, составленную отцом Парсонсом в Риме. Виллиастон многозначительно высказывал при этом опасения, как бы иезуиты «не затронули личность его величества или кого-либо из его детей». Виллиастон передавал также через Парри, что иезуиты собираются высадиться в Англии под видом шотландских купцов. Шпионы Сесила тщательно наблюдали за ними, но те в последний момент ускользнули, уехав на каком-то шотландском судне. Эти и подобные им сообщения могли лишь усилить стремление Сесила найти главу иезуитов Гарнета и его ближайших помощников. 8 января 1606 г. был арестован в Вустершире Стефен Литлтон, скрывавшийся после того, как он покинул Кетсби и других заговорщиков, и его двоюродный брат «рыжий Хемфри» Литлтон, а также Роберт Винтер, брат Томаса. Надеясь спасти себе жизнь, «рыжий Хемфри» выдал тайные места иезуитов.

В Средней Англии на высоком холме, с которого просматривались на много миль окрестные места, стоял замок Хиндлип-хауз, мало напоминавший приземистый, наполовину деревянный Уайт-Уэбс. Построенный в характерном «тюдоровском стиле», этот дом отличался от многочисленных рыцарских замков, которые были воздвигнуты в стране на протяжении многих столетий. Но хотя Хиндлип-хауз был выстроен совсем недавно богатым католическим землевладельцем Томасом Эбингтоном, он только внешне походил на дворцы вельмож и богатые усадьбы елизаветинского времени. Дело в том, что если Уайт-Уэбс лишь приспособили под штаб-квартиру иезуитов, то Хиндлип-хауз с самого начала был призван служить убежищем для Гарнета и его христового воинства.

Весь замок представлял сплошную загадку. Каждая

комната имела скрытые ниши, стены были полны тайников, потолки маскировали незаметные чердачные помещения. Даже печи были если не с двойным дном, то с двойным выходом — один для дыма, другой для иезуитов, когда им требовалось исчезнуть, не оставляя следов. Камин в спальне хозяйки был соединен узкой трубой с одной из ниш, куда таким образом можно было, не вызывая подозрений, доставлять пищу и вино, которое обитатели тайников явно предпочитали воде. Иезуитский архитектор работал не по шаблону, каждый тайник имел свой секрет, и раскрытие одного из них мало облегчало поиски других.

Из Лондона был получен приказ произвести обыск в Хиндлип-хаузе. Сэр Генри Бромли, которому поручили это дело, решил проявить чрезвычайную бдительность: поставить караулы у всех дверей, вести наблюдение за всеми слугами и особенно за тем, куда доставляется пища, содрать обои и обшивку со стен, промерить длину каждой из комнат, чтобы определить, сравнивая площадь на верхних и нижних этажах, где могли быть тайные ниши. Наконец, особо приказано было проверить все дымоходы.

Задача оказалась бы сэру Генри и его команде не по силам, если бы не неожиданность, с которой они нагрянули в замок. Находившиеся там Гарнет и трое его подчиненных едва успели скрыться в двух тайниках. Однако тайники не были подготовлены к длительной осаде. В них, по выражению Бромли, вместо запасов пищи находился лишь «папистский хлам». Он очень стеснял обитателей тайников, мешал им двигаться. Бромли и его команда убедились, что количество постелей явно превышало число лиц, формально проживавших в доме, и некоторые якобы неиспользуемые кровати оказались еще теплыми. Тем не менее, когда люди Бромли стали мерить стены и потолки, не удалось ничего обнаружить. Только полученное вскоре известие о показаниях Литлтона (ранее правительство действовало, очевидно, по простому подозрению) побудило приняться за обыск с удвоенной силой. В конце концов бульдожья хватка сэра Генри, не спускавшего глаз с обитателей дома, дала свои результаты. Изголодавшиеся подчиненные Гарнета, а потом и он сам сдались на милость победителя.

Их доставили в Лондон, но никак не могли добиться показаний об участии в «пороховом заговоре», а в случае

с Гарнетом Сесил не решился прибегнуть к пытке. Чтобы обойти иезуита, к нему подослали тюремщика, прикинувшегося сочувствующим католикам. Он устроил Гарнету якобы тайные свидания с другим арестованным, отцом Олдкорном (стена, разделявшая их камеры, оказалась, как нарочно, с проломом, который можно было обнаружить, слегка отогнув доску). Беседу Гарнета с Олдкорном, разумеется, слово в слово записывали агенты Сесила, сидевшие рядом в тайнике. Эти записи потом составили одно из доказательств, которые требовались суду для осуждения Гарнета и его коллег. Другим, крайне невыгодным для иезуита, обстоятельством было обнаружение трактата о двусмысленном способе выражения или о пределах дозволенной лжи, который нашли у Трешама. Чего стоили заверения Гарнета, что он ничего не знал о «пороховом заговоре», кроме того, что ему было сообщено на исповеди, если сам он теоретически обосновывал необходимость лжи в такой ситуации, в какую он попал?

Гарнет и его подчиненные, кроме тех, кому вроде Тесмонда (Гринвея) и Джерарда удалось бежать за границу, кончили свои дни на виселице.

Испанское правительство отказалось выдать Хью Оуэна. После посещения Мадрида он вернулся в Брюссель, получив уверения, что по-прежнему пользуется доверием испанского правительства. В 1608 году английский дезертир из испанской армии, некий Томас Уайлфурд намеревался похитить Оуэна и тайно увезти его в Англию. Однако старый разведчик сам раскрыл направленный против него заговор. Уайлфурд был задержан испанскими властями. Чтобы не раздражать Лондон, правительство эрцгерцога передало арестованного британскому послу в Брюсселе Т. Эдмондсу, сопровождая это сведениями о подготовленном заговоре и просьбой направить Уайлфурда в Лондон для суда. Кроме того, Эдмондсу было обещано, что Оуэн переедет из Фландрии в Рим, подальше от Англии.

В 1610 году в протестантском тогда Палантинате (на Рейне) солдаты задержали путешественника. Найденные при нем письма убедили властей в том, что арестованный — это иезуит Уильям Болдуин, который, по английской правительственной версии, был активным участником «порохового заговора» и на выдаче которого давно настаивало правительство Якова I. Его под строгим конвоем, в цепях доставили в Англию. Допрос Болдуина не

дал никаких доказательств его участия в изменнических действиях. Эрцгерцог Альберт, а потом испанский посол Гондомар неоднократно ходатайствовали за иезуита. Тем не менее Болдуина восемь лет продержали в Тауэре, а потом выслали из страны.

ПОДКОП ИЛИ ПОВОХ?

а более чем три с половиной столетия, протекших после «порохового заговора», не раз высказывались сомнения в точности правительственной версии этого знаменитого эпизода английской истории. Подозрения о причастности к организации заговора провокаторской руки возникли, собственно говоря, уже в первые дни и недели после ареста Гая Фокса и его друзей. Кто выполнял роль подстрекателя, конечно, неизвестно, но нельзя было сомневаться, что провокатор мог действовать по приказу только одного человека — Роберта Сесила, графа Солсбери. Уже 5 декабря 1605 г. один современник в письме за границу сообщил, что, без сомнения, «кое-кто из членов Тайного совета (обычное осторожное упоминание главного министра, без того чтобы прямо называть его имя. — *Е. Ч.*) сумел сплести сеть, чтобы запутать тех бедных джентльменов». Еще до этого, 25 ноября 1605 г., английский посол в Брюсселе Эдмондс доносил, что «ему стыдно сообщать графу Солсбери ежедневно изобретаемые выдумки при здешнем дворе, чтобы спасти католиков от злословия». На процессе Гарнета генеральный прокурор Кок говорил о том, что инкриминируемое подсудимому одобрение убийства короля изображают за границей «как вымысел и политику нашего государства, чтобы вызвать презрение и навлечь немилость на папистскую религию». «За границей» означало, разумеется, прежде всего в Риме. В меморандуме, составленном позднее, в 1608 году, по указанию папы, заговор представлялся делом группы мирян, не получавших совета ни от одного католического священника, отмечалось, что этот заговор был спровоцирован властями или что они по меньшей мере способствовали ему и позаботились, чтобы главные свидетели исчезли до того, как были выдвинуты обвинения против иезуитов.

4 декабря 1605 года Роберт Сесил получил анонимное письмо, в котором его обвиняли в том, что он, действуя на основании «полностью ложных обвинений», путем преследований, изгнаний и убийств стремится искоренить католическую религию, и угрожали смертью. Подобных угроз приходило немало, но Сесила явно более беспокоили слухи о том, что «пороховой заговор» был сфабрикован. По-видимому, в самом конце 1605 года Сесил даже написал памфлет под названием «Ответ на некоторые клеветнические писания, распространяемые за границей под предлогом предостережения католиков». Известно, что это министерское сочинение уже широко читали до начала февраля 1606 года. Отвергая обвинения, Сесил вместе с тем доказывал, что он, как министр, не выполнил бы своего долга «часового, защищающего жизнь короля и безопасность государства», если бы не противопоставлял «контрмины минам измены».

Подозрение против Сесила упорно сохранялось в XVII веке. Так, епископ Годфри Гудмен, которому во время раскрытия заговора было около 20 лет, писал в своих «Воспоминаниях», что «великий государственный деятель» «вначале сочинял, а потом раскрывал измену, и чем она была более гнусной и ненавистной, тем большими и более приемлемыми представлялись его услуги». Среди родственников казненных заговорщиков было распространено убеждение, что Кетсби, Фокс и другие стали жертвами «государственной интриги». В 1615 году власти даже раскрыли «заговор», в котором участвовали родные погибших участников «порохового заговора», стремившиеся отомстить за смерть невинно осужденных, по их мнению, мучеников. В 1658 году епископ Толбот писал, что Сесил «изобрел или по меньшей мере раздувал „пороховой заговор“». Споры об ответственности за события 1605 года снова стали обсуждаться в конце 70 — начале 80-х годов XVII в. во время так называемого «папистского заговора». Опять повторялись утверждения о роли, сыгранной Робертом Сесилом.

Однако все эти примеры — их число можно умножить,— по существу, доказывают лишь то, что подозрение о фабрикации Сесилом «порохового заговора» было достаточно широко распространено при жизни его современников и их ближайших потомков. Трудно предполагать, чтобы такие подозрения не высказывались, если учесть, насколько они выгодны католической партии.

Иезуиты со своей стороны тоже не раз пытались опровергнуть свое участие в заговоре. И вот в конце XIX века, когда иезуитская историография стала быстро набирать силу, некий отец Джерард (однофамилец помощника Гарнета) выпустил книгу, в которой подверг критике многие положения общепринятой истории заговора Гая Фокса. Он обратил внимание на такие явные несообразности, как бездействие властей после «расшифровки» письма к Монтиглу, неумение обнаружить далеко продвинутый подкоп из близлежащего дома. Не объясняется ли эта несообразность тем, что подкопа вовсе не было и поэтому возникла необходимость утверждать, что заговорщики уничтожили все следы проделанной работы? Еще один важный довод — при таком глубоком подкопе необходимо было вынести из дома очень большое количество земли и разбросать в прилегающем к Винегр-хаузу крохотном садике, притом не возбуждая ничего любопытства на таком многолюдном месте, как площадь перед парламентом. Далее, каким образом заговорщики раздобыли большое количество пороха, потребное для производства взрыва? Ведь порох с 1601 года был государственной монополией, его расхождением ведали близкие друзья Сесила — граф Девоншир и его заместители Кэрю и Брукнер. Не случайно судьба пороха, якобы изъятого у заговорщиков, нигде не отражена в официальных бумагах и остается неизвестной. Этот довод часто повторяли и другие католические историки. Выяснилось, например, что, когда возникла нужда в связи с финансовыми расчетами проверить расход пороха, это было разрешено сделать только за период с 1578 по 1604 год — то есть до года раскрытия «порохового заговора». Впоследствии бумаги о расходе пороха за этот год затерялись. И тем не менее, этот аргумент Джерарда не является бесспорным. Приобретение пороха все же не представляло непреодолимых трудностей, государственная монополия стала строго осуществляться лишь позднее. Незадолго до «порохового заговора» комендант Тауэра сообщал, что один лондонский купец имеет у себя на складе 40 тонн пороха. Надо учитывать также, что солдаты тогда не получали пороха и были обязаны сами покупать его, обычно у своих офицеров.

Было и много других темных мест в правительственных отчетах о заговоре, которые использовал в своей работе Джерард. Однако его книга подверглась сокруши-

тельной критике со стороны видного протестантского историка С. Гардинера, тоже написавшего специальную работу о «пороховом заговоре». Гардинер, в частности, высказал предположение, что землю заговорщики незаметно сбрасывали неподалеку в Темзу. Гардинер доказал также, что протоколы показаний Гая Фокса не несут следов подделки. Они показывают, как, преодолевая на допросах упорство арестованного, власти постепенно расширяли свои прежде скудные сведения о заговоре.

БЛУДНЫЙ СЫН

осле отпора Гардинера иезуитская литературная атака временно захлебнулась. Официальная версия сохранила преобладание. Однако еще через полвека нападки на нее возобновились. В 1951 году была опубликована книга Х. Уильямсона «Пороховой заговор», в которой автор пытался подробно обосновать католическую критику официальной версии, хотя еще не покушался на самый факт существования этого заговора. Воспроизводя многие уже высказывавшиеся ранее аргументы, Уильямсон обратился к оставшейся в тени роли в тайной войне тех лет Томаса Фелиппеса — главного помощника Уолсингема в фабрикации «заговора Бабингтона». Посмотрим, какова же была эта роль, постаравшись дополнить факты, собранные Уильямсоном, данными, разысканными после выхода в свет его книги.

Итак, Фелиппес — низкорослый уродец, специалист по расшифровке и подделке писем. После воцарения сына Марии Стюарт Фелиппеса для соблюдения приличий удалили из разведки, хотя он слезливо уверял Якова, что не имел ни малейшего отношения к казни его августейшей матери. Старому шпиону бросили кость — небезвыгодное место в управлении Лондонского порта. Однако даже после увольнения со службы Фелиппес никак не хотел отказываться от привычного занятия и даже рассчитывал снова завоевать благосклонность великих мира сего. Пока же он решил извлекать максимум возможного из своих занятий в управлении порта.

Томасу Фелиппесу, возможно, принадлежит приоритет в изобретении нового ответвления разведывательного

дела — коммерческого шпионажа. Отставной агент занялся сбором различных секретных сведений о торговле, представлявших интерес для английских купцов. К нему стекалась информация из Голландии, Дании, Швеции, даже из России. К первой половине XVII века можно отнести и налаживание промышленного шпионажа, хотя отдельные попытки в этом направлении предпринимались и ранее. Так, например, владелец железодельной мануфактуры близ Сторбриджа в графстве Вустер Ричард Фоли сумел добыть подробные сведения о производственных секретах передовой тогда шведской металлургии. Получение этой информации способствовало процветанию предприятия Фоли, он добился дворянского титула, права заседать в палате лордов — совсем необычного отличия для промышленника в первой половине XVII века. Нередко, впрочем, краже секретов предпочитали в то время сманивание опытных мастеров, владевших этими секретами.

Но мы отвлеклись от Фелиппеса. Внимательно приглядываясь к пассажирам, он наметанным взглядом нашупал, вернее, натренированным чутьем профессионального шпиона учуял назревающий заговор. А попав на след, уже не мог остановиться и решил произвести розыск на собственный страх и риск. С этой целью Фелиппес надумал завязать тайную переписку с признанным руководителем эмигрантов и многолетним организатором заговоров Хью Оуэном в Брюсселе. Переписка оказалась односторонней, так как не менее опытный интриган Оуэн заподозрил неладное в письмах, приходивших от некоего «Винсента» (так подписывал свои послания Фелиппес). Однако такое препятствие, конечно, не могло остановить старого поддельвателя писем, который великодушно взял на себя сочинение и ответных посланий Оуэна, фигурировавшего под именем «Бенсон».

Фелиппес не учел одного, что не только он, но и Роберт Сесил прошел школу Уолсингема. Сравнив перехваченные письма «Винсента» и «Бенсона», Сесил сразу же сообразил, в чем здесь дело. В январе 1605 года разгневанный министр приказал арестовать шпиона и доставить его немедленно к нему. Фелиппес недолго отпирался. Горько сетуя на свою бедность, он открыл и еще один неожиданный мотив своих действий: Фелиппес хотел через Оуэна, связанного с мадридским двором, попользоваться деньгами, которые щедро рассыпал испанский посол в Лондоне,

чтобы укрепить партию сторонников недавно заключенного мира!

Сесил приказал отправить Фелиппеса за самовольное вмешательство в государственные дела в тюрьму Гейтхауз, где тот и оставался до весны. Свой досуг он заполнял писанием покаянных писем и мольбами о прощении. Фелиппес клялся, что он «ничего так не желает, как иметь возможность сослужить Вам (т. е. Сесилу.— *Е. Ч.*) какую-либо службу». Старый шпион на этот раз не лгал. После освобождения из тюрьмы Фелиппес был совершенно разорен. Он только и мечтал поправить свои дела снова, нанявшись к Сесилу. Вместо этого в январе 1606 года, за несколько дней до суда над участниками «порохового заговора», Фелиппеса опять арестовали и посадили в Тауэр.

Предыстория этого второго ареста, всплывшая наружу в результате публикации архива Сесила, заслуживает внимания, поскольку, кроме всего прочего, характеризует приемы работы первого министра Англии. Вместе с Фелиппесом у Уолсингема трудился и другой опытный поддельватель писем и профессиональный шпион, Томас Барнс, пытавшийся, в частности, по поручению правительства втереться в доверие к Хью Оуэну и стать его агентом. В 1605 году он, в отличие от Фелиппеса, еще оставался на службе. Как раз в самом конце года Барнс, по прямому указанию Сесила, подделал письмо Фелиппеса к Оуэну. Через несколько дней Барнсу вручили заграничный паспорт, подписанный самим Сесилом. Паспорт был выдан на имя Томаса Уилсона, одного из секретарей Сесила (осталось неизвестным, не был ли Барнс этим самым «секретарем Уилсоном» и в Англии). Поставив подпись на паспорте Барнса — Уилсона, Сесил в тот же день собственноручно написал частное письмо коменданту Дувра сэру Томасу Фейну. В письме предписывалось, соблюдая строжайшую тайну, без всякого шума арестовать человека по имени Томас Уилсон, который предполагает покинуть страну. И, к великому негодованию Уилсона, он был арестован, несмотря на его клятвенные заверения, что здесь произошла какая-то ошибка и что он действует строго в соответствии с приказами Левинуса Монка, главного секретаря всемогущего министра. Фейн, согласно инструкции, поместил Уилсона в одиночную камеру, а захваченные при нем письма переслал в Лондон на имя Сесила и лорда Нортгемптона, который

занимал должность королевского наместника нескольких южных городов, включая Дувр.

Весь трюк заключался в том, что формально в первый раз Фелиппес был арестован по приказанию не Сесила, а Нортгемптона. Теперь же Нортгемптон, не подозревая интриги, отдал приказ о вторичном аресте Фелиппеса. Таким образом, хитроумный министр, с одной стороны, добился полной изоляции Фелиппеса, а с другой, — мог делать вид, что арест произведен без малейшего его, Сесила, ведома и участия. Одновременно, с точки зрения министра, арест Барнса был также не лишней остраткой для этого агента. Барнса вскоре освободили, разрешили следовать во Фландрию, куда он и отправился, многократно заверяя Сесила в своей верности ему и преданности делам службы. А Фелиппес пока что прочно сидел в Тауэре. Но свет, как это давно известно, не без добрых людей. В судьбе бывшего шпиона приняли участие два человека, обычно мало склонные к сентиментальности (и эта забота с их стороны выглядит особо многозначительной в свете уже известных нам фактов). Пожалели Фелиппеса два его, можно сказать, сослуживца — Левинус Монк и комендант Тауэра сэр Уильям Уод.

Назначенный именно в 1605 году на важный пост коменданта Тауэра, сэр Уильям Уод ранее служил разведчиком. Лорд Берли посылал его во Францию, Италию и Германию. Потом Уод стал послом в Португалии, откуда вернулся в 1580 году после занятия этой страны испанскими войсками. В 1583 году он был назначен клерком Тайного совета и сохранил этот пост на протяжении трех десятилетий — до 1613 года. Ему была знакома закулисная история всех заговоров елизаветинской эпохи. Это был человек умный, очень осторожный и вполне заслуживавший доверия начальства, тем более в случае, когда дело шло о преследовании ненавистных ему папистов. На него можно было положиться еще и потому, что он совсем не страдал излишней щепетильностью. Уод был известен как жесточайший истязатель заключенных и провокатор, уволенный позднее со своего поста за похищение брильянтов, которые принадлежали одной посаженной в Тауэр родственнице короля.

«ИСПОВЕДЬ» И ТРАКТАТ О ЛЖИ

так, Фелиппес был не только изолирован, но и попал в положение, когда единственным выходом было оказать крупную услугу Сесилу, перед которым за него уже ходатайствовали Монк и Уод. Не стоит забывать также, что до января 1606 года Сесил мог пользоваться и услугами Барнса, заботливо посланного во Фландрию, подобно тому как Фелиппес был отправлен в Тауэр. Это как раз было время, когда суду была представлена «Исповедь» Томаса Винтера.

Была ли подделкой эта исповедь? 8 ноября Винтер был захвачен в Холбич-хаузе. Он был ранен стрелой в правую руку и поэтому не мог защищаться (если верить его «Исповеди», он получил также другое ранение во время сражения, а позднее ему были нанесены дополнительно еще несколько ран). В результате Винтер перестал владеть правой рукой и после первого допроса не смог подписать свои показания. Однако через неделю, 21 ноября, Уод сообщил Сесилу, что у находившегося в Тауэре Винтера рана на руке настолько зажила, что он собирается записать все сообщенное министру в ходе состоявшегося незадолго до этого их разговора, а также все, что он, Винтер, сумеет дополнительно припомнить.

Надо полагать, что оригинал «Исповеди» — если он вообще существовал — куда-то исчез. Все попытки разыскать его в архивах пока остаются безуспешными. Этот подлинник должен был служить основанием написанного на десяти страницах текста «Исповеди», датированного 23 ноября 1605 г. и выдаваемого за оригинал. Почерк этого документа напоминает почерк Винтера, каким он был до ранения. Однако в нем имеется одна сразу жестораживающая деталь. Известно, что правописание фамилий тогда было еще очень нечетким (вспомним, что сохранилось много написаний фамилии жившего в ту же эпоху Шекспира. Это не раз давало повод к самым различным, нередко фантастическим предположениям и теориям). Хотя, вообще говоря, разное написание одной и той же фамилии было в начале XVII века скорее исключением, чем правилом. Винтер во всех его сохранившихся и не вызывающих сомнения в подлинности подписях

неизменно и очень четко писал «Wintour». В тексте «Исповеди» стоит подпись «Winter», так, как обычно писали фамилию Винтера другие, но не он сам. Сравнение подписи в «Исповеди» с другими сохранившимися автографами Винтера почти исключает предположение, будто она получилась такой вследствие того, что перо случайно скользнуло по бумаге и две буквы «ou» превратились в «e». Конечно, подделыватель тоже должен был стараться точно воспроизвести подпись Винтера. Но ошибка со стороны подделывателя все же более вероятна, чем ошибка самого Винтера.

С этого текста «Исповеди», считающегося оригиналом и хранящегося в архиве Сесилов, Левинус Монк снял копию, которая была представлена королю. Яков сделал на полях различные пометки, в частности указав на одну, показавшуюся ему неясной, фразу, которая была после этого переработана. Текст копии Монка, сохранившейся в государственном архиве Англии, и был напечатан в официальном правительственном отчете.

Возвратимся, однако, к предполагаемому оригиналу, который, может быть, является просто подделкой или более или менее переработанной копией и выдается за подлинник. На верху первой страницы характерным почерком генерального прокурора Кока дата 23 ноября почему-то заменена на 25 ноября (хотя в копии Монка осталась дата 23 ноября). Что это не случайная описка, указывает то обстоятельство, что Кок специально сделал в начале и конце «Исповеди» приписки, гласящие, что документ содержит признание Томаса Винтера перед членами комиссии по расследованию заговора, сделанное добровольно 25 ноября и написанное им собственноручно в тот же день. Хотя нет никаких свидетельств, что Винтер действительно сделал это признание перед лордами — членами комиссии, в копии Монка рукой Сесила все они заботливо упомянуты как свидетели. Их собственные подписи отсутствуют.

В копии Монка, датированной 23 ноября, находятся на полях две небольшие и маловажные вставки в текст, подобные вставкам короля, сделанным для печатного издания. Однако такие же вставки на полях мы находим и в «оригинале» и при этом написанные тем же почерком, что и остальной текст! Очевидно, что вставки в оригинал были сделаны после того, как он из Тауэра был доставлен Монку для снятия копии. Маловероятно, чтобы пос-

ле снятия копии оригинал был возвращен Винтеру с приказанием внести в него эти изменения, не имеющие никакого серьезного практического значения. Напротив, считая «оригинал» фальшивкой, легко допустить, что подделыватель сделал добавления в соответствии со вставками, внесенными в копию начальством.

Наконец, сохранился фрагмент в несколько строк из другого показания Томаса Винтера от 25 ноября, касающегося его поездки в Испанию в 1602 году. Оно подписано «Wintour». И что особенно интересно, недавно в бумагах Сесила обнаружено письмо Уода от 25 ноября, в котором он сообщает, что Винтер дал показания о своей деятельности в Испании, которые им самим изложены на бумаге. К письму приложено на двух страницах показание Винтера, подписанное «Wintour». Однако весь текст письма написан явно той же рукой, что и «оригинал» «Исповеди». Более того, в это показание включен в несколько измененной форме и фрагмент действительно собственноручно написанного Винтером текста. Иначе говоря, какое-то показание Винтера было в измененной форме переписано другим лицом, подделывавшимся под почерк арестованного заговорщика, и в конце этого документа либо Винтер был принужден поставить свою подпись, либо она также была сфальсифицирована.

Эта фабрикация показаний от 25 ноября позволяет, по крайней мере, со значительной долей вероятности сделать вывод и о подделке «Исповеди». Мы говорим «со значительной долей вероятности», так как для окончательного вывода нужно провести более тщательное исследование почерков всех упомянутых документов. Следует лишь оговориться — даже выявленные методы работы подделывателя говорят, что он не «изобретал» показания, а переделывал в соответствии с видами и намерениями Сесила подлинные слова арестованного.

Если же не верить в подлинность «Исповеди» Томаса Винтера, то многие действия участников «порохового заговора» могут быть увидены совсем в другом свете. Например, аренда Винегр-хауза могла быть просто следствием желания Томаса Перси иметь квартиру поблизости от королевского дворца. Дом был арендован 24 мая, а 9 июня Перси по ходатайству графа Нортумберленда получил придворную должность, о чем, конечно, знал заранее от своего влиятельного родственника. Даже возвращение Фокса могло иметь совсем иное значение. В меся-

цы ослабления преследований католиков значительное число эмигрантов вернулось в Англию. А принятие Фоксом имени Джонсона вполне могло быть предосторожностью, которую, между прочим, соблюдали многие эмигранты — и не без основания.

Но пойдем дальше. Большая часть того, что было известно о заговоре, основывалась на напечатанном вскоре после его раскрытия официальном правительственном отчете. Что он лжет во многих существенных вопросах — не может быть сомнения. Спорить можно лишь, в каких вопросах и в какой степени отчет искажает истину. Однако на чем основывается сам отчет? Прежде всего на показаниях арестованных, в большинстве случаев данных под пыткой или под угрозой пытки (официально пытке был подвергнут только Гай Фокс, но в переписке Сесила обнаружены доказательства, что пытали и других обвиняемых). Ученые внимательно исследовали протоколы допросов и убедились в том, что Кок нередко сам, своей рукой «исправлял» показания, вычеркивая казавшиеся почему-либо «неудобными» места и вставляя нужные ему фразы. В большинстве случаев причины этих подчисток и вставок довольно прозрачны, но в ряде немаловажных мест мотивы Кока остаются загадочными, что еще более окутывает туманом неясности, уверток и лжи сохранившиеся протоколы допросов.

Нет сомнения, что своевременное обнаружение «порохового заговора» было чрезвычайно на руку Сесилу. Оно позволяло ему резко усилить свое влияние на короля, заставить того отказаться от мысли смягчить законы против католиков, к чему стремился Яков и что полностью противоречило интересам Сесила и стоявших за ним кругов протестантского дворянства. А что в этих условиях могло быть лучше для них, чем раскрытие заговора, который ставил целью умертвить короля, наследника престола, большинства высших сановников государства и взамен создать католическое правительство?

Каким же путем Сесил, если он был организатором всего дела, мог заронить мысль о заговоре в голову Кетсби? Ответ напрашивается сам собой — через лорда Монтигла. Этот бывший мятежник был не только прощен, но и явно находился в милости и в постоянной связи с министром. Имеется одна очень важная деталь, говорящая в пользу такого предположения. Начало заседаний парламентской сессии осенью 1605 года юридически должно

было быть не открытием нового парламента, а лишь возобновлением временно прерванных заседаний старого. При таком возобновлении не предусматривается присутствие короля. В 1605 году Яков решил нарушить правило, поскольку парламенту предстояло решать вопрос чрезвычайной важности — об объединении с Шотландией. О решении короля было известно узкому кругу лиц, в том числе и Монтиглу, члену английской делегации, обсуждавшей с шотландцами условия унии. Без знания того, что король решил присутствовать при возобновлении работы парламента, не могло быть «порохового заговора». А узнал это Кетсби, вероятно, от Монтигла.

Не нужно, однако, придавать этому доводу решающего значения. Монтигл мог сообщить о королевском решении своему родственнику Кетсби и без всякой задней мысли. Кетсби, вращавшийся в кругах богатого дворянства (хотя и не в придворной среде), мог и другими, не известными нам путями получить сведения о том, что Яков намерен лично принять участие в церемонии возобновления заседаний парламента.

Все это так, однако остается фактом, что Монтигл выполнял роль шпиона Сесила и узнал о заговоре много раньше, чем была разыграна комедия с получением письма в замке Хокстон. А что это было заранее продуманное представление — сомневаться не приходится. Мы уже не говорим о том, что второй участник сцены — Томас Уорд, которого Монтигл пригласил на ужин и которого он попросил прочесть вслух полученное письмо, вероятно, также был тайным агентом Сесила. Сама сцена была явно рассчитана на то, чтобы в драматической форме показать, каким образом ни о чем не подозревавшее правительство впервые узнало о заговоре. Кроме того, недомыслие министров было призвано оттенить мгновенное разгадывание королем туманного смысла письма, создавало необходимый фон для проявления божественно вдохновляемой мудрости Якова. Подобное изображение событий весьма льстило королю.

Еще одна деталь. В первых правительственных отчетах упоминалось о внутренней двери в подвал, где лежал порох, ключ от которой находился в руках правительственных служащих. Именно через эту дверь, согласно первому отчету, сэр Томас Нивет случайно зашел в подвал и там встретил Фокса. В последующем отчете дверь исчезла, так как мало согласовывалась с утверждением, что

правительство еще ничего не знало о заговоре. Взамен появился визит лорда-камергера. В результате противоречащих друг другу известий сообщалось, что Фокса арестовали в подвале или на улице около подвала, или даже в его собственной квартире.

Характерный факт. Многоопытный министр не привык никому доверять полностью, в том числе, конечно, и Монтиглу. И вот мы узнаем, что один из его шпионов, некий Гейдж, сосед Френсиса Трешама, обратился к тому с дружеским предложением выпутаться из финансовых затруднений, в которых тот находился до получения наследства, сделавшись тайным агентом Сесила. Это была очевидная попытка создать дополнительный источник информации об отношениях между Монтиглом и его родственниками — участниками заговора.

Нет прямых доказательств того, что Френсис Трешам написал письмо к Монтиглу, в чем его подозревали Кетсби и Винтер. Однако вместе с тем роль Трешама во многом остается загадочной. Он в течение нескольких дней после ареста Фокса и бегства других заговорщиков оставался в Лондоне и, по некоторым сведениям, даже предлагал свои услуги для поисков беглецов. Хотя Фокс вскоре в своих показаниях под пыткой назвал Трешама среди других участников заговора, правительство в течение четырех дней не давало приказа о его аресте, а он, в свою очередь, вел себя как человек, не опасавшийся властей. Трешама арестовали только 12 ноября. Его поведение перед раскрытием заговора можно объяснить предположением, что он устно пытался предостеречь Монтигла (и своего другого зятя — католического лорда Стоуртона) от посещения парламента и в ходе разговоров с ним догадался, что правительство знает о заговоре. А может быть, Трешам слишком много знал о роли Монтигла и считал это гарантией своей безопасности. В свою очередь, правительство, видимо, также колебалось, арестовывать ли Трешама, но в конце концов решило, что опаснее оставить его на свободе. В показаниях Трешама чья-то заботливая рука тщательно вымарывала всякое упоминание о Монтигле. И все же Трешам был чересчур опасным заключенным, чтобы его можно было, как других заговорщиков, судить открытым судом.

При обыске, произведенном в квартире младшего брата Трешама, в которой жил также его личный секретарь, были найдены две копии трактата о двусмысленной ма-

нере выражения мыслей. Заголовок одной из копий был переделан рукой Гарнета на «Трактат против лжи и злостного лицемерия». В нем, однако, под видом «ограничения» областей, в которых следует применять ложь и лицемерие, давались практические советы, как надлежит их пускать в дело. Френсис Трешам, видимо, вполне следовал советам, содержащимся в этом иезуитском трактате, хотя и отрицал свое знакомство с ним.

Через шесть недель после ареста он был уже больным человеком. В одну из ночей — 23 декабря — он продиктовал своему секретарю письмо к Сесилу, в котором опровергал свои показания о знакомстве с Гарнетом и о том, что знал о посылке Винтера в Испанию, и поручил находившейся тут же жене передать это письмо министру. В ту же ночь Трешам скончался.

Официально его смерть была приписана удушью, «...болезни, которой он был подвержен в течение долгого времени». Однако, поскольку за шесть недель до этого Трешам выглядел вполне здоровым человеком, никто не поверил официальному объяснению. Многие современники считали, что Трешам был отравлен и что это было делом рук Монтигла. Очень вероятно, что Трешам знал о действительной роли Сесила и Монтигла и не делал особого секрета из того, что он обладает такого рода опасными знаниями. Это и решило его судьбу. Сохранилось письмо Уода Сесилу от 23 декабря 1605 г., в котором выражалось беспокойство, что не получено приказа о скорейшем погребении тела — это также могло свидетельствовать о желании скрыть действие яда.

За последние годы вышло немало специальных работ. Авторы некоторых из них придерживаются интерпретации событий 1603—1605 годов, даваемой католиками (см. Г. Гарнетт, Гай Фокс, Лондон, 1962; Р. Мэттиас, Мятеж в Троицын день, Лондон, 1963; Е. Саймонс, Черт подвала, Лондон, 1963; Р. Кэрэмен, Генри Гарнетт, Лондон, 1964, и др.). Об оживлении интереса к этой теме свидетельствует и переиздание старых книг. Лишь за 1968—1969 годы в Лондоне появилось три различных издания монографии С. Гардинера «Пороховой заговор». Английский иезуит Френсис Эдвардс, автор уже известных нам исследований, стремится прямо-таки переписать всю историю Англии периода правления Елизаветы и Якова I в интересах «Общества Иисуса». Разумеется, он не мог оставить своим вниманием и заговор Кетсби. Так

появился новый труд Эдвардса «Гай Фокс. Действительная история порохового заговора?» (Лондон, 1969). Эдвардс пытается взяться за решение своей задачи во всеоружии фактов: наряду с неопубликованными английскими документами он щедро привлекает Ватиканский архив и архив иезуитского ордена в Риме. Известный иезуитский историк секретной дипломатии конца XVI — начала XVII века. А. Луми и др. предоставили Эдвардсу материалы из ряда других европейских архивных хранилищ.

Отлично понимая, какие мысли должна вызывать и поныне у читателя книга ученого последователя Лойолы о «пороховом заговоре», Эдвардс, подобно своим коллегам, жалуется на господствовавшее прежде в Англии недоброжелательство к ордену иезуитов. К тому же официальная история «порохового заговора» давно стала частью «национальной мифологии». Эдвардс доказывает, что, по крайней мере, для него самого написанная им книга не имеет «апологетического значения» и что наступили просвещенные времена, когда могут предоставить слово даже иезуиту. Он добавляет, что при неполноте имеющихся документальных свидетельств он не считает свою точку зрения доказанной, хотя уверен, что она представляет одно из разумных истолкований, освобожденное, по крайней мере, от части абсурдных положений, которые содержатся в официальной версии, и не вносит от себя «никаких новых нелепостей». Эти слова в предисловии, явно рассчитанные на то, чтобы усыпить неминуемое недоверие, нужны Эдвардсу только для того, чтобы на последующих сотнях страниц уже без всяких оговорок навязать читателям приемлемое для иезуитов освещение той части «национальной мифологии», которая связана с событиями 1605 года.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ГАЯ ФОКСА

Инстинктивно Гай Фокс отпрянул назад — и не только из-за порыва пронзительного ветра, который временами начинал бушевать в эту хмурю пятницу, последний день января 1606 года. Сопротивление Гая не было вызвано колеблющейся под ним лестницей и той боязнью высоты, которая возникает у

большинства людей скорее при взгляде с вышины на землю, чем вверх на небо. Он стремился оттянуть мгновение, когда надежда, еще сжигавшая его, подобно пламени или лихорадке, могла уступить место страшной истине, обратиться в холодный ужас смерти и ледяное объятие отчаяния. У лестницы на эшафоте палач в маске принуждал его подниматься наверх, закрывая единственный зримый путь к возвращению в жизнь. В агонии неизвестности капитан Гай — а ведь он действительно почти был капитаном, главой других, как понял это сейчас с мучительной ясностью, — ждал голоса из толпы, смутно видневшейся вдали снизу. Это голос, который должен его спасти. Уши напряженно ловили звуки, которые должны были быть произнесены скрытым в толпе посланцем двора и короля. Ведь теперь наступил момент, когда должен прозвучать его приказ остановить казнь. Разве не настало мгновение спасти жизни тех, кто должен в эту минуту умереть в петле, подвергнуться четвертованию...»

Этой трагической сценой, в которой заложена вся его концепция событий 1605 года, начинает Ф. Эдвардс повествование о «пороховом заговоре». Не вдаваясь в оценку художественного дарования историка-иезуита, скажем только, что эта его книга представляет собой сложный сплав исторической монографии и исторического романа. И, конечно, Ф. Эдвардс вполне сознательно старается сделать возможно более размытыми границы, где кончается, пусть тенденциозно выполненная, работа историка и начинается полет воображения романиста, затруднить различение того, что в рисуемых им картинах основано на известных фактах, а что — на произвольных домыслах. Читателю предоставляется самому провести такое размежевание между наукой и беллетристикой в явном расчете, что лишь немногие смогут или пожелают взяться за это дополнительное исследование, а большинство попросту примет фантазию за живо изложенные результаты научного анализа или, по крайней мере, вполне обоснованной гипотезы.

Книга Ф. Эдвардса пестрит ссылками на источники, в том числе и на неопубликованные архивные фонды. Но извлеченные из них данные (некоторые из них несомненно представляют исторический интерес), как правило, вполне укладываются в официальную версию заговора и, следовательно, не могут служить доказательством главного тезиса автора. А этот тезис сводится к тому, что

«пороховой заговор» — заранее тщательно спланированная провокация, а все его главные участники — прямые агенты Роберта Сесила. обстоятельно сообщая о заговорщиках множество точных сведений биографического характера, иезуитский историк как бы топчет в деталях, что его рассказ о том, как заговорщики поступили на службу к Сесилу, какие они получали предписания от министра, не опирается на документальную базу, за исключением отдельных, достаточно спорных и косвенных свидетельств (о них ниже). Правда, сознавая эту слабость, Эдвардс пытается представить известные действия заговорщиков логически вытекающими из их роли правительственных шпионов.

Восхваляя иезуитских «мучеников», Эдвардс вместе с тем считает, что первоначальный порыв католической контрреформации к началу XVII века исчерпал себя, что у руководителей «порохового заговора» не было и в помине католического рвения, что, по крайней мере, некоторые из них были ренегатами, лишь для видимости объявлявшими себя приверженцами старой веры, что, следовательно, ими могло руководить только желание услужить правительству, дабы таким путем загладить свое участие в мятеже Эссекса.

Стоит обратить внимание на то, что в 1601 году будущих руководителей «порохового заговора» отнесли к числу тех, кто был «оштрафован и оставлен на случай надобности для службы ее величества». Это была категория лиц, обязанных оплатить какими-то серьезными услугами правительству свою глупость или неосторожность, приведшие их к столкновению с властями.

Френсис Трешам во время мятежа Эссекса был в числе тех, кто держал под арестом прибывших для объяснения в Эссекс-хауз членов Тайного совета. Елизавета была крайне разгневана на Трешама, и попытки спасти его от эшафота первое время были безуспешными. Все же один из друзей семьи — Джон Трокмортон сумел устроить дело, обратившись к трем важным лицам и использовав некий «особый инструмент», который уже некогда принес ему благо. Речь шла об обычной взятке, только очень крупной — 2100 фунтов, которые должны были быть выплачены в течение трех месяцев. «Инструмент» был использован вовремя — в 11 часов вечера был отменен приказ о предании Френсиса суду, который на другой день состоялся над главными участниками мятежа.

Среди заговорщиков, прощенных при условии уплаты больших штрафов, были также Роберт Кетсби и Уильям Паркер, позднее ставший лордом Монтиглом. Получили тогда прощение также Джон и Кристофер Райты. Впрочем, в списках прощенных можно найти и лиц вроде Генри Бломли, позднее активно участвовавших в розыске и поимке заговорщиков 1605 года.

Иным был путь Гая Фокса. Его судьба сложилась неудачно. Мать вторично вышла замуж, и небольшая собственность, которую он оставил на родине, была растрчена отчимом. На испанской службе Фокс также не достиг успеха — у него не было покровителя, который смог бы ему помочь хотя бы на первых порах. Приходилось вести полуголодное, необеспеченное существование младшего офицера. Однажды — дело было в сентябре 1599 года — Фоксу взялся оказать поддержку его кузен, иезуит Каулинг. Но его письма в Рим генералу ордена, а также отцу Парсонсу, в которых рекомендовалось оказать покровительство Фоксу, были перехвачены английской разведкой и попали в Лондон. Фокс, конечно, не знавший об этом, мог сделать только один вывод — в Риме остались глухими к его просьбам. В конечном счете разочаровавшийся и в вере, и в своих испанских хозяевах Гай должен был, по мнению Эдвардса, завидовать людям, в которых он подозревал шпионов или полушпионов английского правительства. У них не переводились деньги и была надежда вернуться на родину. Таким образом, из факта рекомендации Каулингом своему иезуитскому начальству Фокса как верного человека Ф. Эдвардс делает вывод, что тот был готов пойти на службу к Сесилу.

Томас Винтер тоже должен был испытать разочарование, какое пережил Фокс. Поездка в Мадрид не оправдала ни расчетов на испанскую помощь, ни надежд, которые англичанин, вероятно, связывал с возможной карьерой на службе короля Филиппа III (вступившего на престол после смерти в 1598 г. Филиппа II). Поэтому по возвращении в Англию в начале декабря 1602 года Винтер был уже готов принять любое сделанное ему предложение.

Иезуитский историк здесь, как и во множестве других случаев, ничего не приводит в подтверждение своих слов. Зато ему кажется, что такое доказательство имеется, по крайней мере, в отношении Френсиса Трешама. Он публикует письма его отца — Томаса Трешама. Сэр Томас обвинял сына в мотовстве, нечестных поступках, которы-

ми тот опозорил его в глазах короля. Томас Трешам лишь для крепкого словца упрекал сына в шпионстве — а это было самой доподлинной правдой. Интересно отметить, что его младший брат Уильям с 1596 года служил капитаном в эмигрантском полку. В 1599 году он обратился к английскому послу в Париже Генри Невилу с просьбой передать королеве его прошение о помиловании. Сесил ответил отказом.

Френсис Трешам, по словам отца, оказывается, поссорил его с их соседом Гейджем. Речь, вероятно, шла о Джоне Гейдже из Сассекса, который явно был правительственным шпионом. Френсис Трешам исполнял роль шпиона, наблюдающего за другим шпионом. Сохранилось письмо Френсиса Трешама к Сесилу, которое звучит как попытка оправдаться перед хозяином — он, Трешам, мол, не сообщил некоторые вещи, которые узнал от Гейджа, полагая, что они и так известны лорду Бэкхерсту, а через него — графу Дорсету, который, в свою очередь, уведомил об этом лорда Сесила. Возможно, Трешам и многие ему подобные считали службу правительству способом оставаться католиком и вместе с тем не уплачивать таких разорительных штрафов, какие приходилось вносить его отцу за право не принадлежать к англиканской церкви.

Елизаветинская Англия кишела энергичными людьми, искавшими приложения своей бьющей через край энергии и дарованиям. А к числу качеств Роберта Сесила бесспорно относились не только способность правильно оценивать меняющуюся внутреннюю и внешнюю обстановку, но и точно наметить стратегическую цель и двигаться к ней с хладнокровием и смелостью опытного охотника, преследующего дичь. Средством же для достижения цели почти всегда был умелый отбор нужных исполнителей. Сесилу заранее были известны все подходящие кандидатуры, и ему очень редко изменяло знание людей, почти безошибочное определение того, как они выполняют порученное им дело. Особенно эти качества помогали «маленькой гончей», как с обидной фамильярностью называл король своего главного, но совсем не любимого министра, в тайной войне. Государственная ищейка не только успешно преследовала зверя, но и ловко подставляла под выстрелы сопровождавшую ее гончую стаю.

Сесил сознательно помиловал большинство участников и заговора 1603 года. Гриффин Меркем уехал во Фландрию с согласия правительства. Тем самым давалось по-

нять будущим агентам, что им также нечего опасаться суда и смертного приговора, поскольку за этим последует королевское помилование. Правда, помилованными оказались не все агенты Сесила. Джордж Брук был казнен, но он «нарушил доверие» правительства, произнося какие-то странные речи на эшафоте. Заметим, однако, что одновременно с Меркемом были в последний момент помилованы лорд Генри Кобгем и лорд Грей и что подобные театральные представления были вполне в духе Якова I.

Главой «порохового заговора» стал Томас Перси. Ему удалось добиться для себя очень многого благодаря связям с графом Нортумберлендом — и места в придворном штате, и, что имело особое значение, поста управляющего обширными поместьями своего богатейшего родственника. При этом Томас Перси не проявлял особой щепетильности. В одном из местных судов в 1602 году арендаторы возбудили и добились удовлетворения не менее чем 34 исков против управляющего, обвиняя его в нечестном ведении дел, во взимании незаконных поборов. Оказывавших сопротивление он подвергал аресту, держал под стражей. В одном случае было доказано, что Перси подделал письмо графа. Будь Нортумберленд более практичным человеком, Томасу Перси вряд ли удалось бы отделаться только временным смещением с должности. Сохранилось письмо графа Нортумберленда к королю от ноября 1603 года с просьбой об аудиенции для его кузена Томаса Перси. Конечно, Томас Перси был принят также Сесилом, который должен был сразу определить, насколько его собеседник подходит к роли главного агента-provokатора.

Епископ Гудмен в своих мемуарах со слов близкого знакомого графа Нортумберленда и Томаса Перси — сэра Френсиса Мура сообщает многозначительную деталь. Возвращаясь от лорда-хранителя печати Эгертона, с которым он разбирал до поздней ночи бумаги, Мур неоднократно встречал Перси, выходявшего из резиденции Сесила, и удивлялся, что привело его знакомого в дом главного министра, вдобавок в столь необычное время.

Историк-иезуит придает особое значение этому показанию о встречах Перси с Сесилом — одному из немногих прямых документальных данных в пользу его версии. Однако полная бездоказательность этого показания была убедительно выяснена С. Гардинером в уже упоминав-

шейся книге «Чем же был пороховой заговор». В Лондоне в начале XVII века не было никакого уличного освещения. Единственным источником света помимо луны мог быть только ручной фонарь — трудно ли в таких условиях обознаться и принять за Перси другого человека? А если даже Перси и посещал Солсбери, это еще отнюдь не значит, что он был его агентом. Он, возможно, использовал свое положение приближенного графа Нортумберленда, чтобы поддерживать связи с министром. Ведь, демонстрируя свою близость к Сесилу, Перси мог избежать неудобных вопросов о том, что побудило его арендовать дом рядом с парламентским зданием. Точно так же допускают различное объяснение и другие факты, якобы свидетельствующие, что Перси играл роль правительственного шпиона.

Согласно официальной версии, Томас Винтер ездил в Испанию будто бы по поручению Кетсби и Трешама — между тем совсем неправдоподобно, чтобы они, столь недавно спасшиеся после крушения заговора Эссекса, готовы были по собственной воле вступить в переговоры с главой государства, еще находившегося в войне с Англией. Кетсби и Трешам могли действовать так только по поручению правительства. Возвратившись в декабре 1602 года, Винтер, как он сам вспоминал, «передал отчет о всем, что произошло, милорду, мистеру Кетсби и мистеру Трешаму». «Милордом» в этом контексте может быть только Сесил, так как никакой другой лорд не упоминается. К этому времени Винтер решил последовать примеру своих друзей и стать агентом Сесила. 2 февраля 1603 г. он отправился во Фландрию для встречи с находившимся там коннетаблем Кастилии. Винтера сопровождал Кристофер Райт, который, прихватив с собой лишившегося всех прежних иллюзий Фокса, двинулся дальше, в Испанию. Там они поняли, что стремление Мадрида к окончанию войны с Англией побуждает испанцев отказаться от прежнего условия о предоставлении равноправия британским католикам. Яков I и Сесил узнали об этом по различным каналам, но, возможно, дополнительно через посредство Райта и Винтера, вероятно, совместно вернувшихся из Фландрии.

Продолжая выстраивать цепь своих предположений, историк-иезуит пишет, что Томаса Винтера раздражала неумелость его старшего брата Роберта, унаследовавшего имение и плохо управлявшего им. Быть может, вовле-

кая Роберта в заговор, Томас рассчитывал отделаться таким образом от брата?

К этому времени стало очевидно, что Гай Фокс тоже «созрел» для вербовки. Весной 1604 года, вероятно, по поручению Томаса Перси Винтер еще раз съездил во Фландрию, чтобы привезти Фокса, призванного сыграть главную роль в мнимом заговоре. Гай Фокс не отличался особым умом, но он уже не верил обещанию испанских властей предоставить ему пост капитана в эмигрантском полку и польстился на столь же нереальные посулы Винтера и Перси.

По мнению Ф. Эдвардса, некоторые из подстрекателей и руководителей заговора, нанимаясь на службу к Сесилу, возможно, успокаивали свою совесть тем, что они действуют в интересах своих единомышленников. Английские католики, считали они, могут ожидать улучшения своего правового положения только от правительства и поэтому должны на деле доказать свою лояльность, решительно порвав с эмигрантами, а также иезуитами, которые все еще строили расчеты на иноземное вторжение и свержение с престола еретического монарха. Не будет, следовательно, никакого вреда для католиков, рассуждали Перси и его единомышленники, если эти иезуиты будут дискредитированы как вдохновители «порохового заговора».

Конечно, напрашивается вопрос, стоило ли Сесилу затевать столь рискованное дело, как провоцирование «порохового заговора»? Сесил — как думает Ф. Эдвардс — должен был исходить из того, что, если использовать только правила честной игры, победу одержат католики, а он может достигнуть цели лишь с помощью бесчестных приемов. Почему же министр так мрачно оценивал ситуацию? Ф. Эдвардс приводит пессимистическое письмо англиканского архиепископа Йорка Тоби Мэтью, жаловавшегося Сесилу на ослабление репрессивного законодательства против католиков, а также на оптимистический отчет Роберта Парсона королю Филиппу III, заверявшего, что после этого ослабления число католиков почти удвоилось. Развивая свою аргументацию, Ф. Эдвардс, кажется, совсем забывает, что он писал на других страницах о разочаровании и потере иллюзий в католическом лагере в первые годы XVII века.

...Кетсби — самодовольный хлыщ, Перси — помешанный, Томас Винтер — драчливый хвостун, Роберт Винтер — дурак, которому улыбнулась судьба, наградив со-

стоянием, Райты — головорезы, к тому же полнейшие ничтожества. Лишь Трешам среди них самый умный, и на верность его можно рассчитывать как на человека, которому приставлен нож к горлу. Он наиболее подходит, чтобы держать под наблюдением всю эту пеструю банду. Так должен был размышлять Сесил, расставляя фигуры в своей сложной игре. Эдвардс, в свою очередь, пытается разделить эти фигуры на обманутых «простаков» и «злодеев» — шпионов Сесила, которые тоже в конечном счете были обмануты и преданы своим хозяином. Однако, как правило, невозможно обосновать зачисление в ту или иную категорию. А. Роквуд или Э. Дигби оказываются в числе «простаков», хотя их, следуя методике Эдвардса, можно было с равным основанием занести в число вдохновителей заговора, действующих чужими руками.

Для вовлечения в заговор «простаков» Кетсби использовал ловкий прием. Он предлагал им принять участие во вполне законном деле — вступить в полк, формировавшийся для эрцгерцога Альберта. Так, в частности, был завербован А. Роквуд. Некоторые из «простаков» до конца были уверены, что они не совершают ничего, не дозволенного правительством.

Выполняя приказ Сесила, Кетсби пытался сделать Гарнета сопричастным к мнимому заговору. Но почему же молчал сам глава английских иезуитов? Потому что, вынужденный сохранять тайну исповеди, он имел лишь одну возможность — пытаться переубедить энтузиастов, какими он считал Кетсби и его друзей, а, конечно, не предавать их властям на верную смерть. Вместе с тем «провокатор» Кетсби сообщал руководителю английской организации иезуитов лишь кое-что из планов лжезаговорщиков, чтобы не побудить того с отчаяния выдать все раньше времени правительству.

Эдвардс широко использует факты, доказывающие объективно провокаторскую роль, сыгранную лордом Эранделом и Грифином Меркемом, ставшими командирами английской части на испанской службе, для обоснования своей версии «порохового заговора».

Аренда Томасом Перси дома Винниарда, подкуп, перевозка пороха, дополнительная аренда подвала под палатой лордов были отчасти комедией, разыгрывавшейся для «простаков», отчасти фабрикацией необходимых улик, а во многом — просто последующими измышлениями, не имевшими даже видимого основания. «Пороховой

заговор» можно считать почти что семейным делом. С одной стороны, Сесил и род Говардов — организаторы, а впоследствии судьи, с другой стороны, Кетсби и Трешам с их сторонниками.

Заслуживает специального упоминания сэр Томас Нивет, шурин Томаса Говарда, лорда Сеффолка. В феврале 1604 года Нивет был назначен смотрителем Вестминстерского дворца, включающего и здание, где происходили заседания парламента. Именно этот смотритель оказался слепым к тому, что на протяжении полутора лет группа дворян, которых нельзя было не узнать, часто носила визиты в район дворца и сумела уложить полтонны пороха под зданием палаты лордов — причем дважды, сначала в одном месте, а потом — перенеся его в другое. Надо напомнить, что все это проделывалось в очень людном месте, почти на глазах у публики. А вдобавок так называемый сарай Фокса, из которого будто был начат подкоп, фактически был полуподвальным помещением с окнами и, по крайней мере, девятью дверями, пробитыми в трех стенах. Томас Перси целый год снимал помещение рядом с палатой лордов. В марте 1605 года он решил расширить арендуемое им жилище — Нивет должен был знать об этом, но не вмешался (между прочим, вызывает удивление, каким образом мог не отсыреть порох, хранившийся в течение многих месяцев в подвале, совсем недалеко от реки).

За свою слепоту Нивет не только не лишился доверия короля, но еще был объявлен лицом, способствовавшим раскрытию заговора и арестовавшим главного злоумышленника — Гая Фокса. Несколько позднее Нивет был сделан бароном. В 1607 году ему было поручено воспитание дочери короля, и даже после ее смерти в августе того же года Нивет не лишился расположения монарха. Но вернемся к событиям, предшествовавшим раскрытию заговора.

Фокс, принявший имя Джона Джонсона, чтобы можно было утверждать, будто он пытался скрываться от властей, беспрекословно выполнял порученную ему роль. Весной 1605 года он отправился во Фландрию; вряд ли у него были чисто шпионские задания — Сесил и так имел самую подробную информацию об английской эмиграции. Цель была иная — скомпрометировать возможно большее число влиятельных католиков, особенно иезуитов, связью с будущим «главным злодеем» в спектакле, име-

нуемом «пороховой заговор». Фокс бывал в иезуитских колледжах в Сен-Омере и Дуэ, в Брюсселе, где встречался с полковником Уильямом Стенли (бывшим командиром эмигрантского полка), с Хью Оуэном, со своим школьным товарищем иезуитом Освальдом Тесмондом или Гринвеем. Вероятно, сам Фокс не очень-то понимал подлинный смысл своих действий. В сентябре он вернулся в Англию. Между тем попытки Гарнета отговорить заговорщиков к успеху, естественно, не привели. План Сесила приводился в исполнение.

Письмо к Монтиглу было, вероятно, написано самим Сесилом, слегка изменившим почерк — тогда ведь еще не существовало экспертизы, которая могла бы определить руку главного министра. Почерк, каким написано письмо, если не считать отдельных, сознательно измененных букв, очень напоминает почерк Сесила. Вероятно, в тот же вечер Левинус Монк отвез письмо в Хокстон. Любопытно отметить, что Монтигл почти год до знаменательного вечера не бывал в этом замке. Для чего же он неожиданно переехал туда из своего дома на Стренде, в самом центре Лондона? Не для того ли, чтобы в такое сравнительно уединенное место, как Хокстон, можно было доставить письмо, не опасаясь постороннего взгляда?

По официальной версии, оно было вручено на улице каким-то незнакомцем одному из слуг Монтигла, и лорд попросил прочитать его Томаса Уорда, вероятно, тоже агента Сесила. Томас Уорд был родственником Мермедьюка Уорда, приходившегося родней и Монтиглу, и братьям Райт. М. Уорд явно имел отношение к заговору, но не был арестован. Томас Уорд сообщил руководителям заговора о письме, тем самым давая им основание объявить, что пора действовать. У них уже давно не было другого выхода — посмей они послушаться приказа, их все равно арестовали бы и осудили за их планы.

Отметим здесь, что история с письмом к Монтиглу, как показал еще С. Гардинер, допускает различные объяснения. Вполне возможно, что это был заранее подготовленный спектакль — только его автором был не Роберт Сесил, а Трешам вместе с Монтиглом, пытавшиеся в последний момент побудить заговорщиков отказаться от их планов — ведь именно так истолковал письмо сам Роберт Кетсби.

Для подтверждения своей концепции Ф. Эдвардс, рассказывая о действиях заговорщиков в конце октября и

первых числах ноября 1605 года, приводит обнаруженные им в архивах документы. Первый из них гласит: «Бартлет, слуга Кетсби, на смертном одре сделал признание, что его хозяин до раскрытия заговора несколько раз ночью посещал Солсбери-хауз и его всегда впускали секретно через заднюю дверь». Что и говорить — свидетельство первостепенного значения, если... если только ему можно верить. А Ф. Эдвардс, сообщая, из какого рукописного фонда Бодлеаны, библиотеки Оксфордского университета, извлечен этот документ, почему-то умалчивает, кому принадлежит цитированное показание, мог ли этот человек сам знать то, что он утверждает, или лишь передавать — быть может, через многие десятилетия — какие-то ходившие слухи. Второй документ содержит свидетельство — тоже не названного Эдвардсом лица, — что за заговорщиками по поручению властей два года шпионил некий Райт — по-видимому, некий Генри Райт (однофамилец братьев-заговорщиков), пытавшийся таким путем получить деньги для продолжения своих опытов. Но и это свидетельство, если оно верно, доказывает лишь, что власти знали о заговоре, а не провоцировали его.

По мысли Эдвардса, незадолго до раскрытия заговора сэр Ричард Уэлш, шериф графства Вустер, был вызван к Сесилу, и ему поручили устроить так, чтобы, по крайней мере, руководители заговора были уничтожены при аресте. Конечно, при этом Сесилу не было нужды раскрывать карты перед Уэлшем. Он просто объяснил, что правительство не арестует заранее заговорщиков, дабы показать воочию всю чудовищность их планов. А покончить со злодеями при аресте нужно, чтобы они не избегли справедливого наказания — ведь известно, насколько безгранично милостив и великодушен король Яков, он может помиловать даже самых заклятых своих врагов. Уэлшу было указано место, где он сумеет настигнуть заговорщиков. И, конечно, Уэлш помимо лучшей награды — сознания выполненного долга — не будет обойден и знаками благодарности со стороны правительства (судя по последующим ходатайствам вдовы сэра Ричарда, ему была обещана ежегодная пенсия в 200 фунтов стерлингов на протяжении пятнадцати лет).

Предположение Ф. Эдвардса, что Солсбери дал секретный приказ шерифу не брать Перси живым, не выглядит, однако, правдоподобным. Если Перси был прави-

тельствственным агентом, неужели он был настолько наивным, чтобы, спасаясь бегством, присоединиться к другим заговорщикам и дать властям удобную возможность застрелить его? Кроме того, это предполагает, что Солсбери заранее точно знал, в каком графстве будут настигнуты и захвачены заговорщики. Все это лишь примеры обоснованных сомнений, которые порождает данная часть концепции Ф. Эдвардса.

Для Сесила, пишет далее историк-иезуит, было, вероятно, очень трудно объяснить — не Уэлшу, а Англии — причину долгого, десятидневного, бездействия властей после получения сообщения Монтиглом. Ведь из-за этой пассивности подвергались огромному риску парламентское здание и окружающие дома. Все помнили, что сравнительно недавно, в 1597 году, случайный взрыв пороха нанес большой ущерб городу. Было очевидно, что методы хранения пороха заговорщиками не могли быть настолько тщательными, чтобы предотвратить возможное несчастье. И поскольку Сесил явно не мог рисковать таким случайным взрывом, он и не разрешил заговорщикам для видимости принести в подвал сколько-нибудь значительное количество пороха — не потому ли его так мало (по ходившим в ноябре 1605 г. в Лондоне слухам) было обнаружено в подвале?

КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

последние, самые напряженные дни Сесил держал руководителей заговора под наблюдением целого отряда своих шпионов. Были заранее поставлены под контроль или перекрыты возможные пути бегства заговорщиков из столицы (сохранились донесения некоего Джона Лептона, который был послан наблюдать за дорогой на Север утром 5 ноября, сразу после ареста Фокса).

Уильям Юдел стал слугой сэра Эвергарда Дигби, Ричард Йорк следил за Амброзием Роквудом, Томас Уилсон держал под наблюдением Уайт-Уэбс и Анну Вокс, поклонницу Гарнета. Недаром все эти люди, хотя они формально имели отношение к заговору, не подвергались преследованию. Посещение лордом-камергером Сеффол-

ком подвала только доказывает, насколько неуклюже тот, будучи очень плохим актером, старался до времени ничего не обнаружить. Нивет, конечно, расставил часовых и не допустил, чтобы кто-либо из посторонних присутствовал при аресте Фокса, который произвели для еще большей гарантии в полночь. Мешки с порохом удаляли люди Уода — коменданта Тауэра. Интересно отметить, что важный свидетель — Винниард неожиданно скончался утром того же рокового дня — 5 ноября 1605 г.

Дальнейшее — бегство руководителей заговора — уже известно. На деле взрыв пороха произошел не в подвале Вестминстера, а в доме, где решили переночевать заговорщики после краха попытки мятежа. Порох взорвался, конечно, не случайно — его явно поджег Перси, поскольку было решено избавиться от неудобных свидетелей, включая Кетсби и Томаса Винтера. Однако и этот взрыв удался только частично, вероятно, вследствие того, что промок верхний бочонок пороха. У Перси не было времени скрыться от своих оставшихся в живых соучастников, вероятно, заподозривших измену. Кетсби должно было, конечно, прийти в голову, что от него пытаются отделаться. Вскоре заговорщики были окружены. У Кетсби могла теплиться надежда, что их, если верить обещанию Сесила, захватят живыми и позволят спастись. На деле же Кетсби и его друзья, хотя они не сопротивлялись, были убиты на месте двумя опытными стрелками по приказу шерифа Уэлша. Он, однако, не мог, не раскрывая карт перед своими людьми, приказать им прикончить раненого Томаса Винтера и еще нескольких пленных. В Тауэре ни Гая Фокса, ни Винтера не подвергали пыткам — составлялись лишь соответствующие протоколы допросов для отвода глаз. Заключенных буквально до последней минуты манили надеждой на помилование, вероятно, ссылались на пример сэра Грифина Меркема, чтобы они не раскрыли правду в своих предсмертных заявлениях на эшафоте.

Техника добывания документов, содержащих признания злоумышленников, была разработана еще со времени «заговора Ридольфи». Как правило, заключенным не позволяли самим писать собственные признания — они создавались на основе их показаний, которые сокращались или дополнялись, делались более ясными или, напротив, двусмысленными, в зависимости от планов властей. Именно такова была процедура фабрикации призна-

ний Роберта Винтера, Дигби и Роквуда. Исключение было сделано только для лиц, на которых можно было положиться, — для Гая Фокса, Томаса Винтера и Френсиса Трешама.

Фокс написал собственноручное признание 8 ноября. Интересно, что 9 ноября Уод письменно просил Солсбери посетить Тауэр «для инспекции», а в действительности, вероятно, чтобы уговорить Фокса и дальше играть отведенную ему роль. Уод сообщил, что Фокс выразил готовность раскрыть душу только перед главным министром. Поэтому следовало поднять настроение Фокса, которому предстояло узнать, что руководители заговора, известные ему как люди Сесила, погибли при аресте, и уверить его, что такой же «несчастный случай» не случится с ним самим. При посещении Тауэра 9 ноября Сесил обратил внимание, что Фокс неправдоподобно легко делает свои признания — поэтому в протоколах появляются записи, что показания даны под пыткой. Подписывая их, Фокс сделал вид, что у него не слушается рука после дыбы. Очень трудно подделать чужую подпись. Однако читатель может сам легко убедиться, сколь несложно сделать собственную подпись так, как если бы отказала рука после пытки. Достаточно необычно нажимать, легко вибрировать рукой и в конце провести прерывистую линию, как если бы не было сил удержать перо.

«Исповедь» же Томаса Винтера была, вероятно, написана Монком и отредактирована Сесилом. Задачей Винтера было слово в слово скопировать черновик, который ему, очевидно, передали 21 ноября (именно в этот день Уод писал Сесилу, что рука у Винтера действует лучше и он напишет то, что уже изложил министру устно, а также то, что удастся еще вспомнить). Интересно отметить, что эта длинная исповедь написана очень живо, к тому же с множеством подробностей, которые подтверждают показания Фокса (в том числе и об Оуэне) и которые как будто только для этого и удержались в памяти. Эти подробности не упоминались никем другим из заговорщиков. «Исповедь» имела очень мало общего с обычными признаниями обвиняемых, зато идеально подходила для обнародования. Маловероятно, что все это составил тяжело раненный Винтер, который еще совсем недавно почти не мог владеть рукой.

Что Винтер просто записывал текст, явствует также из сравнения его «оригинала» с копией (на деле копии с

копии, снятой немедленно Монком). Винтер местами механически повторял чужие фразы, делал ошибки, которые Монк исправлял в своей копии. На третьей странице оставлено пустое место, где должно было стоять название гавани, в которой высадился Винтер, — очевидно, он не сумел разобрать это слово в бумаге, с которой списывал «исповедь», а Монк предпочел выбросить всю фразу, включая пропущенное название. В свою очередь, Монк при списывании тоже допустил неточности. Потом прокурор Кок добавил имя иезуита Джерарда. Конечно, «черновик» Сесила был сразу же уничтожен. Остались мнимый «оригинал» Винтера и копия Монка. Оба они были составлены 23 ноября 1605 г. Но потом дата «оригинала» Винтера была изменена — возможно, для того, чтобы можно было смешивать его с другим, более аутентичным признанием Винтера от 25 ноября, а также чтобы в служебной переписке отличить от копии Монка, датированной 23 ноября. Интересно отметить, что Солсбери в письме английскому послу во Фландрии Эдмондсу 24 июня 1606 г. «цитирует» из «исповеди» Винтера от 25 ноября абзац, изменив в нем все — от первого до последнего слова...

Суд над заговорщиками был комедией с заранее распределенными ролями. Подсудимые были доставлены по реке из Тауэра в Вестминстер и до начала суда, как сообщает отчет, находились полчаса или более в Звездной палате. Здесь они получили последние инструкции. (Между прочим, в числе подсудимых находились как «провокаторы» Томас Винтер, Гай Фокс и др., так и «простаки» вроде Амброзия Роквуда и Эвергарда Дигби. Неясно, как же их можно было вместе инструктировать перед судом?)

Английское правительство настаивало перед правительством эрцгерцога Альберта на выдаче своих врагов, особенно Хью Оуэна, но отказалось представить документальные доказательства их участия в заговоре, требуя, чтобы поверили на слово Якову I, что такие бесспорные доказательства существуют. А потом были представлены фальшивки — «признание» Фокса и «исповедь» Томаса Винтера.

КОМЕДИЯ В ТАУЭРЕ

еперь о Трешаме. К нему была допущена жена — совершенно необычная милость в отношении государственного преступника, соучастника планов покушения на короля. По мнению Ф. Эдвардса, при содействии Уода легко было обеспечить бегство Трешама в женском наряде под видом служанки его жены. (Более строгие правила контроля над свиданиями заключенных с их родными были введены в 1607 г.) Дело, вероятно, обстояло так: две женщины — Анна Трешам и ее служанка — пришли в Тауэр, потом одна из них покинула тюрьму, а после смены караула вечером снова две женские фигуры выскользнули за ворота крепости и сели в лодку, которая доставила их на корабль, отправлявшийся во Францию. Бегство произошло около 30 ноября, а письма Уода, упоминающие о Трешаме, о развитии его болезни и о его смерти 23 декабря, датированные декабрем, — таким образом, сознательная фальшивка. Взамен этого Анна Трешам написала якобы под диктовку больного мужа, а в действительности по указанию властей признание Трешама об участии Гарнета в заговоре. Хотя признание явно написано Анной (это становится очевидным при сравнении признания с ее сохранившимися письмами), в бумаге имеется постскрипtum, что оно собственноручно написано доверенным человеком Трешама, его управляющим Уильямом Вейвейсуром. Очевидно, это было сделано, чтобы не привлекать внимание к Анне Трешам. Правда, по получении 23 декабря 1605 г. известия о смерти Трешама Солсбери письменно приказал, чтобы голова преступника была отделена от туловища, которое следует похоронить внутри Тауэра. Впоследствии отрезанная голова была послана в графство Нортгемптон и выставлена там для устрашения изменников. Однако к этому времени ее не узнала бы даже родная мать преступника, и поэтому здесь могла быть использована отрубленная голова одного из изуродованных перед смертью заговорщиков, после того как их трупы уже продемонстрировали в Лондоне. В служебных регистрах Тауэра, впрочем, не очень аккуратно составлявшихся, не отмечено захоронение тела Трешама.

Такова точка зрения Эдвардса, повторяющего в данном случае своих предшественников из числа католических историков. Однако снисходительное отношение к Трешаму находит куда более правдоподобное объяснение, если допустить, что за него ходатайствовал муж его сестры — лорд Монтигл и что тот осведомил Сесила, кто является автором письма, разоблачавшего намерения заговорщиков. Напротив, если предположить вместе с Ф. Эдвардсом, что Трешам был правительственным шпионом, то становится непонятной такая мягкость Сесила. Ведь, разрешая Трешаму свидания с женой, министр должен был считаться с опасностью, что ожесточенный неблагодарностью арестовавших его властей узник мог рассказать о своей действительной роли в заговоре и тем самым разоблачить всю игру лорда Солсбери.

Мнимая смерть Трешама решала сразу несколько проблем: во-первых, пресекались опасные слухи, что Трешам по каким-то мотивам получит пощаду. С другой стороны, остальные агенты министра, понимая, что скрывается за этой «смертью», могли видеть в ней залог и своего собственного спасения, если они останутся до конца верными Сесилу. Уод в письме Сесилу 23 декабря довольно искусно выразил эту мысль, конечно, завуалированно, во фразе, столь долго ставившей в тупик историков: «Я обнаружил, что его друзья непостижимо убеждены, будто он излечится от этой болезни, и здесь говорят, что им нечего опасаться действий правосудия».

В рукописях Британского музея сохранилось письмо, опубликованное в «Хронике» Стоу в 1631 году. Оно было написано 1 декабря 1605 г. в Кале секретарем графа Нортумберленда Дадли Карлтоном и адресовано британскому послу сэру Томасу Эдмондсу. Карлтон писал, что между Кале и Булонью на почтовой станции он повстречал двух англичан, которые явно старались скрыться от него. «Один из них походил на Френсиса Трешама, но тот, говорят, находится в Тауэре». Трешам и ранее бывал в этих краях и теперь, используя старые знакомства, отправлялся дальше на юг.

Английский посол в Испании сэр Чарлз Корнуоллис 22 февраля 1606 г. писал: «Пример такого рода и заботливая присылка из Франции лица, подозреваемого в недавней измене, подействовали здесь лучше, чем любой довод или авторитет». Надо заметить, что у сэра Чарлза вообще проживали в посольстве самые различные по-

стояльцы, например осужденный в Англии некий Джон Джуд (вероятно, псевдоним), который был помилован благодаря заступничеству Томаса Уилсона, секретаря Роберта Сесила. Джуд был другом еще одного лица — некоего Мэтью Брюниджа. Сохранились письма Брюниджа начиная с сентября 1607 года к Томасу Уилсону (более ранние четыре письма исчезли). Он пишет, что отец его умер и он зависит в денежном отношении от матери. (Лишь очень небольшая часть имущества Трешама была конфискована. Остальными владениями управляла его мать как собственностью ее покойного мужа.) Джуд писал о Брюнидже как о резко выделяющемся человеке среди сотрудников посольства. Почерк Брюниджа напоминает почерк Трешама. Брюнидж писал о намерении вернуться в Англию в 1607 году — этого не произошло. Возможно, позднее он совершил поездку в Италию. Роберт Парсонс в письме из Рима от 22 июля 1610 г. упоминает о каком-то Трешаме, но, возможно, иезуит имел в виду эмигранта капитана Уильяма Трешама.

«ЗА» И «ПРОТИВ»

ля обоснования своей концепции Ф. Эдвардс должен доказывать целый ряд малоправдоподобных тезисов. Во-первых, что вся официальная переписка с самого начала фальсифицировалась, чтобы свидетельствовать в пользу правительственной версии. При этом, поскольку Сесил и его подручные (включая и заговорщиков вроде Кетсби) вряд ли могли так поступать из опасения, что их самые секретные бумаги попадут в чужие руки, приходится выдвигать новую гипотезу, что они стремились обмануть главным образом потомство. При такой предусмотрительности в отношении того, чтобы влияние «порохового заговора» испытали и будущие поколения, странно выглядит неосторожность Сесила, фактически раскрывшего свои карты перед членами Тайного совета, пусть в данный момент дружественными к нему, но которые завтра могли использовать это признание против самого министра. Во-вторых, крайне нелогичным выглядит и поведение многих заговорщиков из числа агентов Сесила. У них не было мотивов начинать эту

смертельно опасную игру. Ведь те же Кетсби и Трешам были оштрафованы, но прощены после мятежа Эссекса. Участие в мнимом заговоре явно не было путем ни к большим деньгам, ни к блестящей карьере, которые, быть может, оправдывали бы в их глазах такой риск. Ведь было известно, что по крайней мере часть участников заговора кончала страшной смертью на эшафоте.

Многочисленные размышления, которые Ф. Эдвардс совершенно произвольно приписывает заговорщикам, несколько не делают более убедительными мотивы их согласия стать орудием провокации. Более того, для объяснения некоторых их действий, особенно после раскрытия заговора, Эдвардс должен вводить новый мотив — недоверие к тому, выполнит ли Сесил свои обещания пощадить их жизнь (например, у Перси, желающего сбежать незадолго до ареста Фокса, у Кетсби перед взрывом пороха в Холбич-хаузе и т. д.). Почему эта мысль не возникла у них раньше, когда еще было время сойти с опасного пути? И мог ли Сесил считать, что Фокс или Винтер будут продолжать верить ему и играть его игру, даже стоя перед виселицей? И как в таком случае Сесил считал возможным допустить отъезд за границу столь убийственного для него свидетеля, как Френсис Трешам, который мог подпасть там под влияние иезуитов, и т. п.?

Сторонники версии, что Сесил сфабриковал заговор, доказывают, будто он чуть ли не сфальсифицировал все следствие. Однако в числе лордов — членов комиссии, допрашивавших заговорщиков, было несколько явных врагов и соперников Сесила, которые никак не согласились бы стать орудием в руках честолюбивого министра. Напротив, они постарались бы сразу разоблачить перед Яковом I игру Сесила. Комиссия, расследовавшая заговор, состояла из лордов Ноттингема, Сеффолка, Девоншира, Вустера, Нортгемптона, Солсбери, Мара, верховного судьи Попхема и генерал-прокурора Кока. С. Гардинер обратил внимание на то, что из них Вустер был всегда по религиозным убеждениям католиком, так же как Нортгемптон, хотя тот посещал англиканскую службу. Сеффолк был дружественно настроен к католикам. Ноттингем ранее был католиком и принадлежал к партии сторонников союза с Испанией и политики терпимости в отношении своих бывших единоверцев. Немыслимо, чтобы Сесил мог привлечь этих вельмож к фабрикации католического заговора.

Наконец, в-третьих, концепция Ф. Эдвардса предполагает, что не было вообще никаких попыток организации католических заговоров, что дым, вопреки пословице, был совсем без огня. Все это сопровождается некритическим восхвалением Гарнета и его коллег. Такая апологетика способна только усилить скептицизм в отношении всего построения, сконструированного историком-иезуитом.

Как доказал С. Гардинер, к весне 1605 года для Солсбери не было никакой нужды прибегать к провоцированию заговора, чтобы побудить Якова продолжать гонения католиков, — король и сам уже был убежден в целесообразности такого политического курса. Что же касается приводимых Эдвардсом документальных свидетельств, в том числе и впервые вводимых в научный оборот, то среди них нет ни одного, который бы имел характер доказательства. Все они (о контактах Томаса Перси и Кетсби с Сесилом, о встрече Карлтона с человеком, похожим на Френсиса Трешама, в Кале) могут быть объяснены как повторение непроверенных слухов, следствие ошибок и сознательных вымыслов.

Ф. Эдвардс не доверяет ни одному официальному документу, будь то печатные правительственные публикации или секретная служебная переписка Сесила с его подчиненными, придавая им прямо противоположный смысл. Поступать так всегда — значит подгонять факты под предвзятую теорию. В некоторых же случаях это, однако, оборачивается... чрезмерным доверием к официальной версии. Так, Ф. Эдвардс немало пишет о поездке в 1603 году одного из заговорщиков — Кристофера Райта вместе с Гаем Фоксом в Мадрид, домысливая, что первый по поручению Сесила вербовал будущего «дьявола подвала» и дурачил испанские власти. Оказывается, однако, включенные в «закон об осуждении» 1606 года сведения о поездке К. Райта, убитого во время ареста заговорщиков в Холбич-хаузе, не соответствуют действительности. Вместо него ездил в Мадрид нигде в английских источниках не упоминаемый Энтони Даттон. Об этом свидетельствуют испанские архивы, которые были изучены коллегой Ф. Эдвардса иезуитским историком А. Луми, опубликовавшим исследование «Гай Фокс в Испании. Испанская измена по испанским документам» (Лондон, 1971).

Ранее отрицание «испанской измены» концентрировалось вокруг доказательств, что в Мадриде (и Риме) не

думали о новой армаде против Англии. Ф. Эдвардс из утверждения, что Испания отказалась от планов Филиппа II, делал вывод, что разочарование Кетсби, Винтера и их друзей в поддержке извне побудило их принять предложение стать тайными слугами английского правительства и орудиями в осуществлении провокации крупного масштаба — «порохового заговора». А. Луми уклоняется от разбора концепции своего собрата по ордену, ставя более скромные, но зато более реальные цели.

О чем же говорят испанские документы?

После смерти Филиппа II в 1598 году его преемник должен был решать, стоит ли продолжать подготовку нового «английского дела» — экспедицию против Англии. Сторонники ее стремились доказать, что удобный момент наступит сразу после смерти старой королевы, которая так и не назначила себе преемника. Однако предшествующий опыт научил испанский двор осторожно относиться к обещаниям, что английские католики поднимут восстание при первом появлении испанской армии. Летом 1599 года расширение восстания в Ирландии побудило Мадрид направить новую армаду не в Англию, а для поддержания ирландских повстанцев. Испанская эскадра была задержана неблагоприятными ветрами и должна была вернуться в Галисию. В августе 1601 года в Ирландии, в Кинсале, высадился испанский отряд, который, однако, вынужден был уже в декабре капитулировать перед английскими войсками. Выявилось, насколько сложной задачей была координация действий экспедиционной армии и восставших — даже в Ирландии, где католики составляли, в отличие от Англии, подавляющее большинство населения. Кроме того, на испанский двор стала оказывать воздействие и перспектива заключения мира с Лондоном, ставшая реальной после предварительного дипломатического зондажа. Можно было опасаться также сопротивления французского короля Генриха IV любой попытке возвести дочь Филиппа II на английский престол. Сама инфанта и ее муж, эрцгерцог Альберт, являвшиеся полунезависимыми правителями Южных Нидерландов, тоже склонялись к миру с Англией. Вдобавок в Мадриде опасались чрезмерного усиления правительства в Брюсселе, которое было бы следствием возведения инфанты на английский трон.

Тем не менее, когда в 1602 году в Испанию прибыл Томас Винтер, ему был оказан — вопреки тому, что пи-

шет Ф. Эдвардс, — самый теплый прием. Ему посулили субсидию в 100 тыс. дукатов (около 25 тыс. фунтов стерлингов) и дали обещание, что экспедиция в Англию состоится весной следующего года. Однако ее сначала отложили, а потом окончательно отказались от посылки еще одной армады. Мирное занятие Яковом I английского престола лишь утвердило испанское правительство в правильности такой позиции. В этом могли убедиться новые посланники английских католиков Энтони Даттон и Гай Фокс, которые находились в Испании с мая по август 1603 года. За ними было установлено строжайшее наблюдение, чтобы своими действиями они не препятствовали успеху начавшихся мирных переговоров.

Какой свет бросают эти документы на концепцию Ф. Эдвардса? Они, ничего не доказывая, делают еще более неправдоподобной гипотезу, будто переговоры Винтера, Даттона и Фокса были началом тонко задуманной провокации. Трудно представить себе, что Роберт Сесил еще в последние годы правления Елизаветы, при неопределенности вопроса о престолонаследии, счел выгодным подталкивать Испанию к новому нападению, исход которого было невозможно предсказать заранее. Если же исключить провокацию, то приходится признать, что политически активные круги испанских католиков — будущие участники «порохового заговора» довольно высоко оценивали свои силы и шансы, даже если и сознательно несколько преувеличивали их в материалах, посланных в Мадрид. Во всяком случае, в этих кругах считалась реальной возможность одержать победу с помощью испанского экспедиционного корпуса. Тем самым испанские документы подтверждают существование таких планов и настроений, о которых говорили в своих показаниях арестованные участники «порохового заговора» и которые историки школы Ф. Эдвардса готовы также отнести к числу сказок, сочиненных под диктовку Роберта Сесила.

Выше говорилось, что Ф. Эдвардс оставляет без доказательства свой главный тезис. А вторым «китом» его концепции является допущение, что все сохранившиеся источники фальсифицированы, и присвоение на этом основании права делать из любого документа выводы, прямо противоположные тем, которые напрашивались бы без этого допущения.

Примерно так же, заметим мы, Ф. Эдвардс мог бы «обосновать» и утверждение, что шпионом Сесила являл-

ся отец Гарнет и что именно через него министр привел в действие весь механизм «порохового заговора».

С помощью такого метода можно доказать все, что угодно, даже то, что сам Роберт Сесил был агентом испанского двора. Есть и «доказательства» — ведь Сесила обвинял в этом Эссекс, кроме того, главный министр получал испанскую пенсию. Известно, что Яков I не любил Сесила, а лишь терпел его по необходимости и выражал свои истинные чувства в обидных кличках («маленькая гончая» и др.), которые так бесили главного министра. При возведении же на престол испанской инфанты, не имевшей корней в стране, Сесил стал бы действительно всемогущим. Министр до последней минуты щадил католических фанатиков — участников «порохового заговора», хотя превосходно знал об их действиях, он установил контакты с Томасом Перси, Кетсби, Трешамом, разумеется, из осторожности не раскрывая своих карт и окружая их своими соглядатаями, чтобы помешать в любом случае раньше времени разоблачить себя. Поскольку руководители «порохового заговора» догадывались, что Сесил — агент Мадрида, ему после неуспеха этого заговора пришлось «убрать» их руками шерифа Уэлша и его людей, а тех, кто спасся от взрыва в Холбич-хаузе, — до последней минуты тешить надеждами на спасение (Френсису Трешаму даже действительно позволили ускользнуть из Тауэра и уехать за границу)...

Мы не будем продолжать цепь этих домыслов, приведенных с единственной целью проиллюстрировать, чего стоит метод историка-иезуита Ф. Эдвардса.

Таким образом, не существует прямых доказательств, что Сесил спровоцировал заговор, да и вряд ли такие доказательства могли сохраниться. Зато очень вероятно, что министр узнал о заговоре вскоре после того, как конспираторы приступили к действиям, и при этом узнал сразу из нескольких источников, хотя неизвестно, насколько подробной была полученная им информация. Одним из возможных источников сведений мог быть Монтигл, другим — Томас Эллисон, вращавшийся среди эмигрантов во Фландрии. Правительство получило также сведения от упоминавшегося Генри Райта, занимавшего какой-то пост при дворе. Еще в апреле 1604 года Райт сообщил о заговоре сэру Томасу Чэлонеру, доверенному лицу Сесила, и, как жаловался Райт, не получил никакого вознаграждения за свои труды, продолжавшиеся

почти два года, вплоть до получения письма лордом Монтиглом. Райт апеллировал к самому королю, который, как это становится ясным, не только знал о «службе» Райта, но и прямо ее одобрял.

Фокс после ареста даже под пыткой не назвал никаких имен. Он признался только, что его собственная фамилия не Джонсон, а Фокс. Таким образом, до 8 ноября, когда под более жестокой пыткой он назвал имена других заговорщиков, правительство официально знало об участии в заговоре лишь Фокса и Томаса Перси, который арендовал подвал под палатой лордов. Тем более показательно, что уже 7 ноября была издана официальная декларация, предписывающая арестовать Кетсби, Винтера, Роквуда, Гранта и других заговорщиков. Следовательно, правительство имело какую-то информацию, может быть, не очень определенную и точную. У него были данные, чтобы начать действовать, и если оно долго медлило, то, очевидно, потому, что ожидало момента, когда будет выгоднее всего «раскрыть» заговор.

БЕСПОЛЕЗНЫЕ УДАЧИ

Кетсби и его сообщники пытались взорвать короля вместе с парламентом. Прошло три-четыре десятилетия, и сам парламент восстал против короля, и прологом этого конфликта послужило царствование Якова I. Уже в первые годы его правления выявилось, что английский абсолютизм перестал играть прогрессивную роль; он вступал во все большее противоречие с интересами буржуазии и нового дворянства. Абсолютизм начинает искать поддержку у своих недавних врагов — тех слоев дворянства, которые не были затронуты новым, капиталистическим развитием страны и тяготели к старым, феодальным порядкам, делает шаги к примирению с католической церковью. Меняется и внешняя политика Англии — заключается мир с Мадридом. Испанский посол Хуан де Таксис стал щедро сыпать золотом в Лондоне. Испанские пенсии стали получать наиболее влиятельные члены Тайного совета: графы Дорсет, Ноттингем, Нортгемптон и Сеффолк — по 4 тыс. дукатов (т. е. около тысячи фунтов стерлингов), Маунт-

джой, граф Девоншир, — 3 тыс., министр по делам Шотландии Джордж Юм — 2 тыс., а сам Солсбери — не менее 6 тыс. Однако, когда какой-то наивный джентльмен сообщил Якову I о том, что его министры подкуплены испанцами, король философски ответил, что ему это отлично известно и что Испания тем самым производит ненужные расходы, уменьшая имеющиеся у нее ресурсы для ведения войны. Впрочем, в 1607 году пенсии перестали выплачиваться; выяснилось, что, охотно принимая золото, англичане, по существу, ничего не давали взамен и поэтому действительно могли рассматривать свое согласие принимать подачки из Мадрида как исполнение патриотического долга, повелевающего истощать ресурсы неприятеля.

Преемнику де Таксиса, опытному и умелому дипломату Гондомару, удалось быстро приобрести большой вес при дворе Якова I. Гондомар создал в Англии шпионскую сеть, состоявшую из профессиональных разведчиков. Он не брезговал покупать новости и «поштучно». В его бумагах можно прочесть такие записи: «Г. Ла Форесту и другим лицам во французском посольстве за ценные новости — 4533 реала; слуге министра Лейка за изложение важных депеш — 300 реалов; лицу, которое дало мне копии договоров из английских архивов, — 1200 реалов». Гондомар вкрался в доверие к Якову и под видом дружеских расспросов выведывал его планы. Однако коронованный приятель испанского посла оказался натурой на редкость капризной и склонной к надувательству, причем по прихоти, а не ради каких-либо определенных целей. После встречи с Яковом испанцу всякий раз приходилось ломать голову над тем, что из выуженных им сведений соответствовало действительности, а что было только порождением причудливой королевской фантазии.

Значительную часть черновой работы аристократ Гондомар оставлял на долю посла эрцгерцога Альберта, тогдашнего формально суверенного правителя испанских Нидерландов Жана Баптиста Ван Мале. Этот выбившийся из писцов дипломат занимался вербовкой на испанскую службу всякой мелкой сошки. Так, например, в августе 1620 года он усердно пытался подкупить правительственного шифровальщика некоего Винсентио, который еще до этого отсидел шесть лет в Тауэре за связи с испанской разведкой. Ван Мале хотел побудить Винсентио отказаться расшифровывать важные письма ис-

панского посла в Вене к эрцгерцогу Альберту, перехваченные английскими разведчиками. Винсентио предлагались деньги — разумеется, с прямо противоположной целью — также и от имени голландского посла. Все договаривающиеся стороны торговались при этом, как на рынке. Вдобавок, прежде чем платить, Ван Мале хотел убедиться в качестве товара, которым в данном случае была способность Винсентио раскрыть испанский шифр. От продавца потребовали принести образчик его изделия. А тем временем английские власти спохватились и предложили Винсентио поторопиться с расшифровкой, если он не желает познакомиться с пыточной камерой...

Словом, опытные шифровальщики были в цене. Долгое время историки не знали, что приключилось с Томасом Фелиппесом после событий, связанных с «пороховым заговором». След отыскался в переписке Гондомара. В 1621 году испанец сообщал о намерении подкупить и отправить во Фландрию этого «бесстыдного старика, которому перевалило за семьдесят». Недаром уже известный нам епископ Гудмен писал, что послы «служат в качестве часовых и шпионов и они из всех людей сослужили самую скверную службу христианскому миру. Эти люди являлись подстрекателями к мятежу, и порой, беря на себя улаживание разногласий, они скорее их подогревали и усиливали».

Английская разведка приходила в упадок уже при Роберте Сесиле, который сам согласился получать крупную пенсию от испанского двора и не был намерен особенно усердно разыскивать своих сообщников. Некоторые из агентов Сесила были шпионами-двойниками, работая и на Англию, и на Испанию. Иногда, впрочем, это устраивало обе стороны, как это было в случае с неким Шато Мартенем, снабжавшим и Сесила, и Филиппа III сведениями о действиях французского короля Генриха IV.

Сменившие Сесила руководители секретной службы больше использовали ее не для борьбы против враждебных держав, а для наблюдения за своими соперниками при дворе. Они не могли соперничать с Гондомаром, приобретшим к тому же влияние на самого Якова I.

Тем не менее случались неудачи и у ловкого испанского посла. Особенно странным было то, что происходило с депешами Гондомара, которые он направлял в Мадрид. Там копии с них каким-то неведомым путем добывал английский посол сэра Джон Дигби, расшифровывал

места, написанные кодом, и пересылал свою добычу в Лондон Якову I. Это происходило в течение многих лет, вопреки гневу Гондомара и к удовольствию немногих посвященных. Правда, в Лондоне верные люди немедленно ставили в известность посла, что его очередная депеша в Мадрид доставлена английскому королю. Обычно эту новость сообщал Гондомару подкупленный придворный (Калверт или кто-либо другой). Тщетно Гондомар менял шифры и курьеров, просил, чтобы в Мадриде его донесения попадали только в руки абсолютно доверенных лиц. Тщетно «главный шпион» дон Андре Веласкес де Веласко засылал все новых и особенно доверенных лазутчиков в английское посольство. Напрасно испанский министр герцог Лерма расставлял ловушки членам Государственного совета и их клеркам, пытаясь обнаружить предателя.

Источник информации так и не был обнаружен. Гондомар решил, что это все же кто-то из членов Государственного совета. Через много лет, уже вернувшись из Испании, Дигби, уступая настойчивым просьбам Гондомара, раскрыл секрет. Депеша перехватывалась и копировалась, пока курьер отдыхал на последней почтовой станции неподалеку от испанской столицы. Остается неизвестным, сообщил ли Дигби правду или и в этом случае пытался провести своего удачливого испанского коллегу.

Джону Дигби удалось вызвать подозрение у испанских властей против отца Кресуэлла, который десятилетиями был при испанском дворе выразителем взглядов английских эмигрантов-католиков. Основой для слухов послужили беседы, которые лукавый дипломат вел, соблюдая видимость тайны, с Кресуэллом по вопросу о дозволении молодым англичанам поступать в иезуитские семинарии. В феврале 1613 года испанский главный министр герцог Лерма даже приказал провести полное расследование деятельности Кресуэлла, окончившееся, впрочем, благополучно для одураченного иезуита. Тем не менее генерал ордена счел за благо удалить Кресуэлла из Мадрида.

Между прочим, Дигби имел возможность на основе донесений Гондомара составить полный список лиц, которым выплачивались пенсии из Мадрида. Среди них было много приближенных Якова. Однако сэр Джон Дигби имел достаточно такта, чтобы не включить в этот список самого короля, также получавшего немалую испанскую субсидию.

Одним из удачливых разведчиков стал английский посол в Венеции сэр Генри Уоттон. Это ему принадлежит известное определение обязанностей посла: «Муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там лгать на пользу своей страны». Тому же Уоттону приписывают и такой совет молодому дипломату: «Всегда говорите правду, так как вам никогда не будут верить. Таким способом только вы будете знать правду, а ваши противники окажутся в невыгодном положении». Другим видным дипломатам эта идея пришла в голову лишь со столетним запозданием.

Уоттон прошел длительную выучку участника придворных интриг, одно время он был секретарем графа Эссекса, но оставил эту службу, прежде чем фаворит впал в немилость. В 1602 году Уоттон тайно прибыл в Венецию, именуя себя Октавио Бальди. Герцог Тосканский послал его в Шотландию предупредить Якова о подготовлявшемся против него очередном заговоре. Подобное поручение снискало Уоттону расположение шотландского короля, который после вступления на английский престол отправил сэра Генри послом в республику Святого Марка. На этом посту и развернулись способности Уоттона как руководителя секретной службы.

Обстановка в Венеции мало благоприятствовала проявлению талантов иностранных разведчиков. Чиновников, просто замеченных в беседе с иностранными дипломатами, без долгих слов приговаривали к пожизненному тюремному заключению. Приходилось действовать с крайней осторожностью, к тому же мешал недостаток средств — Уоттону давали всего 400 фунтов стерлингов в год, большую часть из которых надо было тратить на содержание посольства и оплату курьеров. Для пополнения этой суммы Уоттон принял пенсию герцога Савойского, продавая добытую им информацию правительствам, находившимся в дружеских отношениях с Англией. Венецианцы получали от него за соответствующую мзду сведения об иезуитском ордене, с которым республика находилась в то время в крайне враждебных отношениях. Уоттон имел своих лазутчиков не только в самой Венеции, что было, как уже отмечалось, вовсе не простым делом, но также в Риме, Милане, даже в отдаленной Турции. Агенты Уоттона перехватывали в дороге чужую дипломатическую корреспонденцию, уделяя особое внимание почте иезуитов. «Должен признаться, что имею особую

склонность к пакетам, которые посылают или которые адресованы этим святым отцам», — иронически сообщал Уоттон. Корреспонденция «Общества Иисуса» после снятия с нее копий отправлялась строго по назначению.

Английские разведчики неоднократно прямо выступали глашатаями и проводниками британской внешней торговой и политической экспансии. В этом убеждает история русско-английских отношений, которые приобрели регулярный характер во второй половине XVI века. В инструкции английскому послу Рэндолфу в 1568 году лорд Берли («боярин Бурлы», как называли его в русских официальных документах) рекомендовал добиваться привилегий британским купцам, уклоняться от переговоров о союзе, на котором настаивал Иван Грозный. Царь был осведомлен уже в это время о заговорах против Елизаветы и предлагал ей даже заключить договор о предоставлении друг другу права убежища. Убедившись в нежелании английского правительства, московский самодержец в известной своей грамоте от 24 октября 1570 г. писал: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня.., ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица...»

После смерти Грозного английские «торговые мужики» стали усердно ходатайствовать о британском вмешательстве в русские дела. Во время социально-политического кризиса, переживавшегося русским государством в начале XVII века, агенты британской «Московской компании» Джон Меррик и Уильям Рассел пытались предложить боярам не более не менее, как установление английского протектората над Россией. Английские разведчики и дипломаты даже обсуждали при этом планы занятия и укрепления Архангельска, захвата русского Севера. Одним из авторов подобных проектов был шотландец капитан Чемберлен, который служил в шведских войсках, захвативших Новгород. Эта политика получила одобрение короля Якова, но вскоре потерпела неудачу вследствие разгрома русским народом армий иностранных интервентов. Авантюристам пришлось умерить свои аппетиты.

Если при Елизавете разведчики порой маскировались под астрологов и колдунов, то теперь король, считавший себя великим знатоком наилучших способов укрощения нечистой силы, поручил своей секретной службе... отслеживание ведьм и оборотней. Разве не пыталась эта че-

лядь сатаны умертвить его еще в Шотландии? Впрочем, и здесь традиции Берли и Уолсингема оказались очень живучими. В 1621 году в Москву был послан врач Артур Ди, сын уже знакомого нам астролога и разведчика Елизаветы. Артур Ди стал лекарем царя Михаила Федоровича, объявлял себя также специалистом по магии и алхимии. Очевидно, у него, как и у его отца, была и другая, неафишируемая специализация. В 1634 году Ди лишился царского расположения и вернулся в Англию, где получил завидную должность личного врача короля Карла I.

ПУРИТАНСКОЕ ОКО

падок секретной службы при Якове I и особенно при его сыне Карле I, унаследовавшем престол в 1625 году, не был случайностью. Главный противник переместился в саму Англию. Это были пуритане — буржуазная оппозиция Стюартам. И в борьбе с этой оппозицией, выражавшей в то время народное недовольство существовавшими общественными и политическими порядками, правительство прибегало преимущественно к иным приемам, чем методы тайной войны. Для подавления массовых выступлений укреплялась административная машина, усовершенствовался механизм судебной и несудебной расправы с противниками режима, вводилось репрессивное законодательство и, главное, делались попытки явочным порядком расширить prerogatives короны за счет парламента — столь послушного в тудоровские времена, а теперь ставшего выразителем усилившегося брожения в стране. Борьба за ограничение полномочий парламента приобрела тем более острый характер, что, только присвоив себе его традиционное право устанавливать налоги, Карл I мог рассчитывать приобрести достаточные ресурсы для создания большой постоянной армии. А без такой армии трудно было рассчитывать на успех политики подавления оппозиции и утверждения полного королевского абсолютизма по континентальному образцу.

Но, после того как конфликт принял открытый характер и перерос весной 1642 года в гражданскую войну

между королем и парламентом, снова потребовались услуги секретной службы, причем в равной мере обеим враждующим сторонам: и «кавалерам» — сторонникам Карла и их противникам — «круглоголовым». Ход тайной войны отражал в общем соотношение сил, которое складывалось в войне явной, а оно зависело во многом от внутренней борьбы в парламентском лагере между пресвитерианами, стремившимися к компромиссу с королем, и индепендентами, требовавшими ведения военных действий вплоть до полной победы над Карлом I. Когда преобладание перешло к индепендентам, возглавляемым Оливером Кромвелем, когда его армия стала одерживать успех за успехом, заметно улучшилась и разведка «круглоголовых».

Секретная служба короля тщетно пыталась изменить ход событий в пользу «кавалеров», а после того, как король попал в руки неприятеля, помочь ему вырваться из плена. В ноябре и декабре 1647 года Карл I содержался под стражей во дворце Хемптон-корт. Заключение не было строгим, и «кавалерам» удалось увести короля на остров Уайт, но там его снова взяли под арест. Шифрованные письма, которые направлял Карл своим сторонникам, без труда прочитывались парламентской секретной службой. Поэтому все попытки «кавалеров» снова организовать бегство Карла окончились провалом.

В 1649 году король Карл I был казнен. Англия стала республикой. Однако победившие классы — буржуазия и обуржуазившаяся часть дворянства — боялись народных масс, с помощью которых они одержали победу над королем. Они мечтали о твердой власти, которая гарантировала бы их завоевания от опасности как слева — со стороны трудящихся масс, так и справа — со стороны побежденных, но мечтавших вернуть утерянное роялистами («кавалеры» сплотились вокруг находившегося в эмиграции Карла II, сына казненного короля).

В стране была установлена диктатура генерала Оливера Кромвеля, объявившего себя лордом-протектором Англии. Кромвель должен был бороться с деятельным роялистским подпольем. «Кавалеры» пытались поднять восстания, вести переговоры со всеми группировками, недовольными режимом протектората, готовили покушения на лорда-протектора. В борьбе против «кавалеров» не меньшее значение, чем армия — знаменитые «железнобокие», — имела кромвелевская разведка. Кром-

вель лично разработал некоторые принципы построения своей разведывательной службы, например, ввел правило, что ни один агент не должен знать ничего сверх того, что ему необходимо для его действия, и в особенности не быть посвященным без крайней необходимости в работу других агентов. Лорд-протектор любил порой приглашать к себе за стол друзей и лиц, казавшихся ему подозрительными, чтобы изумлять первых и ужасать вторых степенью своей осведомленности о связях и действиях каждого из них.

Еще в 1649 году руководство разведкой было возложено на Томаса Скотта — одного из «цареубийц», голосовавших за вынесение смертного приговора королю Карлу I. Роялист Клемент Уокер, вспоминая библейский миф о египетском пленении, жаловался, что агентами Скотта «вся Англия кишела, как Египет кишел вшами и лягушками». Скотт использовал не только шпионов, но и агентов, провоцировавших плохо организованные выступления «кавалеров».

Энергичным помощником Скотта вскоре стал капитан Джордж Бишоп, занявшийся организацией шпионажа внутри страны. Другим сотрудником начальника кромвелевской разведки был профессор геометрии Оксфордского университета Джон Уоллис, достойный наследник Фелиппеса, утверждавший, что он является основателем новой науки — криптографии. Уоллис расшифровал многие коды роялистов. Утверждали, что не было шифра, который ему не удалось бы раскрыть. При этом, в отличие от Бишопа, ярого сторонника Кромвеля, Уоллис изображал человека не от мира сего, ученого, готового лишь в интересах науки разгадывать передаваемые ему шифры. Гайд, канцлер жившего в эмиграции Карла II, долгое время не мог поверить, что Уоллис раскрывает роялистские шифры. Гайд считал, что ключи к шифрам были выданы кем-то из «кавалеров». Лишь после Реставрации, получив в свои руки образцы работы Уоллиса, Гайд должен был сознаться, что недооценил таланты оксфордского геометра. Наряду с Уоллисом опытным криптографом зарекомендовал себя Джон Уилкинс, епископ Честера, который впоследствии раскрыл свой метод Карлу II.

Роялисты скоро почувствовали эффективность системы, созданной Скоттом. Приближенный короля маркиз Ньюкасл признал это в разговоре с одним из «кавалере-

ров», который, между прочим, тоже был агентом Бишопа. Тот писал своим начальникам: «Они думают, что вы в сговоре с дьяволом. Стоит им только подумать о чем-нибудь, как вы уже узнаете об этом».

В 1653 году общее управление разведкой перешло от Скотта и Бишопа к Джону Терло. Этот до революции скромный адвокат из графства Эссекс стал при Кромвеле государственным министром, министром внутренних дел, министром иностранных дел, военным министром, членом Государственного совета и, наконец, главой полиции и разведки, что едва ли не более всего способствовало его влиянию. В период после смерти Кромвеля Скотт на некоторое время опять стал во главе разведывательного ведомства.

Терло был, несомненно, самым способным руководителем секретной службы, которого Англия имела со времен Уолсингема. Подобно Уолсингему, Терло предпочитал создавать свою сеть, нередко минуя английские миссии и посольства. Среди агентов Терло были роялисты, готовые перебежать в лагерь Кромвеля, и экзальтированные проповедники наступления «царства божьего» на земле, мужчины и женщины, старики и молодежь. Глава тайной службы спасал от виселицы приговоренных к смерти, при условии что они станут шпионами лорда-протектора. Недавно были проданы с аукциона и стали известны ученым донесения агентов Терло из Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Португалии, составившие целый том. Даже такой мастер тайной войны, как фактический правитель Франции кардинал Мазарини, жаловался, что его секреты похищены людьми Терло. Кстати, Кромвель пытался использовать Фронду, острую внутривластную борьбу во Франции. Осенью 1650 года он тайно послал в Париж в качестве своего представителя Генри Вэна-младшего для тайных переговоров с Рецом — одним из лидеров Фронды, в те месяцы временно помирившимся с Мазарини. Однако попытки сговориться с Рецом, по крайней мере, если верить его знаменитым «Мемуарам», не удалась, так как он опасался быть обвиненным в связи с английскими «цареубийцами».

Английская разведка старалась установить контакты и с Фрондой в Бордо. Интересно, что здесь одним из их противников был д'Артаньян — прототип знаменитого героя «Трех мушкетеров» А. Дюма. По поручению Мазарини д'Артаньян прибыл в армию, осаждавшую Бордо, ко-

торый находился в руках фрондеров. Д'Артаньян переодетым посетил город и завязал связи с лицами, готовыми перейти на сторону правительства.

Во время первой англо-голландской войны (1652—1654 гг.) Терло узнавал о секретных решениях Генеральных штатов Голландии чуть ли не на следующий день после их принятия.

Английские путешественники, даже симпатизировавшие роялистам, боялись встречаться с находившимся в Париже в 1654 году Карлом II, так как об этих посещениях немедленно узнавали в Лондоне. Один аристократ, державший в годы войны сторону парламента, попросил у Кромвеля разрешения съездить за границу. Лорд-протектор дал согласие при условии не видеться с Карлом, в это время переехавшим в Кёльн. После возвращения этот дворянин был вызван к Кромвелю:

— Точно ли вы соблюдали мой приказ?

— Да.

— Это верно, — заметил, усмехнувшись, протектор, — вы не видели Карла Стюарта, чтобы сдержать обещание, данное мне. Вы встретились с ним в темноте, для этого из комнаты были вынесены свечи.

И Кромвель точно изложил остолбеневшему от изумления и страха собеседнику содержание его переговоров с Карлом II.

Терло имел своих людей в ближайшем окружении Карла II: новый государственный секретарь любил получать секретные новости из первоисточников. Впрочем, немало полезного сообщали Терло и его агенты, не принадлежавшие к числу доверенных лиц короля, но вращавшиеся среди «кавалеров», которые часто не умели держать язык за зубами. В числе шпионов Терло был Джо-зеф Бэмфилд, которому роялисты поручали выполнение многих секретных миссий. Агенты шефа кромвелевской разведки сообщили ему о всех подробностях подготовки роялистского восстания весной 1655 года. Это было одной из причин, почему действительно начавшееся в марте восстание было без труда подавлено «железнобокими».

Широко применял Терло и старую уловку, подсылая к арестованным своих людей. Немалое число роялистов, постепенно отчаявшись в возможности успеха, стали предлагать свои услуги Терло. Один из них, сэр Джон Гендерсон, был в 1654 году послан в Кёльн, где находился двор Карла. Гендерсон сумел выудить много важных

сведений у королевского министра Питера Мессонетта. Однако еще большее значение имел другой агент Терло — Генри Меннинг, в прошлом активный роялист, вкравшийся в доверие к Карлу. Меннинг был разоблачен и казнен приближенными короля.

На службе Терло находились и женщины-разведчицы. В мае 1655 года в роялистских кругах Антверпена появилась молодая, красивая Диана Дженнингс. Она выдавала себя за вдову недавно убитого на дуэли роялиста. Диана произвела сильное впечатление на полковника Роберта Фелипса, который с готовностью взял на себя заботы об интересной леди. Немало смеялись приятели Фелипса, когда вскоре выяснилось, что мнимая вдова была явной обманщицей. Однако они зубоскалили бы значительно меньше, узнав, что Диана Дженнингс за время своего флирта с Фелипсом сумела узнать у него все детали подготовлявшегося им и несколькими другими «кавалерами» покушения на Кромвеля. Заговорщики намеревались застрелить лорда-протектора и бежать под прикрытием вооруженного отряда в 50 человек. Диана Дженнингс быстро села в Дюнкерке на корабль, идущий в Англию, и вскоре передала Терло список участников заговора, а также адрес «почтового ящика», через который они вели переписку со своими сообщниками.

Некоторые честолюбцы из партии «кавалеров», потерпевшие неудачу в интригах, кипевших вокруг Карла II, решались отомстить, нанимаясь на службу к Терло. Так поступил сэр Джон Марлей, бывший роялистский губернатор Ньюкасла. Ричард Палмер, служивший при дворе Карла II, сам принес в ведомство Терло письма, которые ему было поручено доставить роялистам в Англию из Кёльна, предложив свои услуги и на будущее. Палмер явно руководствовался желанием получить побольше денег. Терло позднее послал его в Голландию в качестве разведчика при английском поселе в Гааге.

Не менее ценными агентами были для Терло подкупленные им слуги видных «кавалеров». Так, например, лакей роялиста Джейма Холсолла Уильям Мастен помог разоблачить подготовку еще одной попытки убийства Кромвеля. Слуга роялиста Арморера Томас Пирс после ареста не только разоблачил планы своего хозяина, но и по поручению Терло поехал в Кёльн провоцировать новое покушение на протектора. Однако Пирс, видимо, был агентом-двойником. По возвращении в Англию он был

снова отправлен в тюрьму и, несмотря на все уверения в преданности, оставался под стражей вплоть до смерти Кромвеля. Карл II предлагал 5 тыс. фунтов стерлингов и дворянское звание за убийство Кромвеля. Однако все покушения терпели неудачу.

Поток перебежчиков из лагеря «кавалеров» в последние годы протектората все увеличивался. Немалое число из них становились деятельными агентами Терло. Шпионом стал Джон Уолтерс, направленный в 1656 году в Антверпен и снабдивший кромвелевскую секретную службу важной информацией о роялистских эмигрантах. Еще более деятельно подвизался в роли разведчика священник англиканской церкви Френсис Коркер. О значении добывавшихся им известий о лондонских роялистах можно судить по тому, что Терло, по некоторым сведениям, платил ему 400 фунтов стерлингов в год — очень крупные деньги по тому времени.

Были случаи, когда отдельные роялисты нанимались на службу к Терло исключительно с целью сообщать ложные сведения. А бывало и еще сложнее. Некоторые «кавалеры», получая жалованье от Терло, уверяли своих единомышленников, что делают это лишь с целью одурачить секретную службу лорда-протектора. Однако в действительности они снабжали Терло вполне доброкачественной информацией. Так, например, сумел устроить свои дела Джилберт Талбот, участник одного из неудавшихся покушений на Кромвеля в 1655 году. И это был далеко не единственный казус.

Однако самым большим успехом секретной службы Терло в борьбе против роялистов явилось проникновение в так называемый «Запечатанный узел». Это был верховный орган партии «кавалеров» в Англии, состоявший всего из нескольких влиятельных вельмож. Хотя авторитет «Запечатанного узла» временами оспаривали другие роялистские центры, недовольные его выжидательной политикой, он оставался самой важной организацией «кавалеров». Тем большее значение имела измена сэра Ричарда Уиллиса, одного из членов «Запечатанного узла». Когда после Реставрации Уиллису надо было оправдываться, он ловко напирал на то, что не выдал роялистские секреты, а свои связи с Терло объяснял желанием перетянуть главу кромвелевской секретной службы на сторону короля! Архивные документы, однако, показывают, что Уиллис продолжал доставлять за солидные деньги ин-

формацию властям протектората и в 1659 году, когда Терло был уволен в отставку и главой секретной службы стал опять Томас Скотт.

Интересно отметить, что особых успехов разведка протектората достигла в борьбе против роялистского подполья как раз за немногие месяцы до Реставрации, хотя окончательно разгромить «Запечатанный узел» так и не удалось. После возвращения Карла II горевшие жаждой мщения роялисты требовали расправы с Терло. Однако тот предупредил, что, если ему нанесут ущерб, он опубликует «черную книгу», которая приведет на виселицу половину «кавалеров». Эта угроза подействовала, хотя в ней имелся сильный элемент блефа. Стоит добавить, что Карл II не раз спрашивал советов у Терло как у признанного специалиста по делам разведки.

Разумеется, Терло активно действовал не только против «кавалеров», но и против врагов протектора слева — партии левеллеров. А левеллеры отвечали организацией покушений на Кромвеля. Некоторые из бывших лидеров левеллеров, особенно Уальдмен и Сексби, даже вступали с этой целью в соглашения с роялистами. В 1657 году заговорщики твердо решили взорвать Кромвеля в его резиденции в Уайтхолле. В заговоре участвовало несколько солдат; часовой Туп разрешил пронести порох, но в последний момент раскрыл весь замысел Кромвелю. Явившиеся на другой день заговорщики были арестованы. Между прочим, Джон Уальдмен, который более полувека вел жизнь неутомимого организатора заговоров, во время Реставрации написал сочинение «Краткий трактат о разведывательном деле». Основываясь на опыте Терло, Уальдмен советовал правительству иметь своих агентов во всех партиях, контролировать почтовую переписку, особенно корреспонденцию послов — «великих шпионов», приставлять наблюдателей ко всем подозрительным иностранцам и т. д.

Терло создал обширную сеть наблюдения не только за противниками Кромвеля, но и за иностранными правительствами. Александр Дюма в своем романе «Десять лет спустя» очень просто объясняет реставрацию Стюартов в Англии, которая произошла в 1660 году. Д'Артаньян незаметно похитил бывшего кромвелевского генерала Монка (как он ранее проделал это с кардиналом Мазарини). Потом мушкетер освободил увезенного им генерала, но Монк уже решил перейти на сторону Карла II

и восстановить его на престоле. Это приключенческий роман. А вот что сказать, когда представления многих буржуазных историков не поднимаются над подобным пониманием событий? Это скольжение по поверхности политических событий без серьезного анализа глубинных процессов нередко и приводит к тому, что разведку награждают чудесной способностью оказывать решающее влияние на ход важнейших событий, направлять курс корабля истории.

В действительности подлинная история протектората Кромвеля и последовавшей реставрации Стюартов показывает, насколько решающие события определяются главной движущей силой общественного развития — классовой борьбой. Успехи или неуспехи тайной войны, как бы они ни были порой важны сами по себе, в конечном счете всегда зависят от расстановки сил и борьбы классов. Пример истории протектората и Реставрации тем более показателен, что это было время, когда народные массы после их появления как активной политической силы во время гражданской войны и Республики были подавлены и обезглавлены, а борьба велась в основном между различными группами господствующих классов. В Англии на протяжении всего времени правления Кромвеля действовала очень энергичная роялистская партия, широко применявшая оружие тайной войны. Однако все ее действия оказались совершенно бесплодными, пока — уже после смерти Оливера Кромвеля — господствующие классы в целом не почувствовали новую угрозу снизу, со стороны народных масс, и не решились защитить себя реставрацией монархии. В конце 50-х годов «кавалеры» стали проникать в разведывательную организацию Терло. Резидент Терло в Голландии Джордж Даунинг при правлении Ричарда Кромвеля переметнулся в лагерь «кавалеров» и сообщил им об измене Ричарда Уиллиса. Генерал Монк, долго колебавшийся, только ощутив давление этих настроений, решил перейти на сторону Стюартов. Не менее важно, что его армия, из которой давно выветрился старый революционный дух, в которой тон задавали офицеры, награбившие земли в недавно снова покоренной Ирландии, согласилась стать послушным орудием Реставрации.

СКАНДАЛЬНАЯ ХРОНИКА И ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

осле реставрации Стюартов в 1660 году политический маятник качнулся далеко за те пределы, которые ему первоначально были установлены победившими во время английской революции классами — буржуазией и в значительной степени обуржуазившимся дворянством. В страхе перед новым вступлением на политическую арену народа эти классы фактически на время предоставили королю Карлу II свободу рук, поскольку речь не шла об основных, социальных результатах революции. На эти завоевания буржуазии у Карла хватало ума не покушаться, и это удержало его на престоле, вопреки той, обычно крайне непопулярной, политике, которую он проводил.

Собственно, политика короля тяготела к одной цели — максимальной независимости от парламента. Но без согласия парламента нельзя было получить денег (отец Карла II поплатился головой за попытку собирать налоги в обход парламента). Нельзя, конечно, внутри страны — вовне, оказывается, было можно. Людовик XIV был готов ежегодно давать Карлу II крупные субсидии, чтобы укрепить его положение по отношению к парламента, а главное, обеспечить поддержку или, по крайней мере, нейтралитет Англии в тех войнах, которые вел французский король для утверждения своей гегемонии в Европе. Понятно, что французская дипломатия и французская разведка прилагали значительные усилия, чтобы сохранить под своим контролем внешнюю политику Англии. С этой целью помимо «официальной» тайной субсидии, которая выплачивалась Карлу II, агенты Людовика установили личные контакты и постоянно делали крупные денежные подарки английским министрам и даже их секретарям. Например, секретный агент английского министра герцога Бэкингема (сына фаворита Карла I) лондонский купец Лейтон, через которого тот вел переговоры с французским двором, получил в 1668 году подарок в 400 пистолетов.

Карл II не представлял себе жизни без нескольких, так сказать, официальных фавориток, не считая множества временных любовниц. Чем дальше, тем больше на-

ряду с открытой политикой английского правительства и тайной дипломатией Карла устанавливались прямые контакты между его фаворитками и иностранными дворами. Если сам Карл заключил тайный альянс с Францией, то его главная метресса Барбара Вильерс, леди Кастлмейн (позднее, с 1670 г., герцогиня Кливлендская), находилась в союзе с Испанией.

В новом Сент-Джемском дворце происходили настоящие сатурналии, в которых участвовали разом леди Кастлмейн, Френсис Стюарт, Нелли Гвини, другие королевские наложницы. К огорчению дипломатов, контроль над увлечениями короля стал невозможным. Карл волочился за каждой юбкой. Его называли не иначе, как «старина Роули», это была кличка одного из лучших жеребцов в королевской конюшне. Сам король был даже польщен прозвищем. По крайней мере, когда король ночью ломился в дверь комнаты очередной фрейлины, он в ответ на негодующий вопрос, кто стучит, неизменно отвечал:

— Мадам, это сам старина Роули.

Все же известный консервативный историк К. Фейлинг предостерегал против преувеличения влияния фавориток, а некоторые авторы (Ч. Хартмен, А. Брайант) считают монаршее сластолюбие лишь ловкой маской. Разврат, оказывается, служил для сокрытия дальновидной патриотической программы... На деле же, мало озабоченный необходимостью поддержания равновесия сил в Европе (о котором много говорилось в парламенте), Карл значительное внимание уделял уравниванию отношений между своими главными содержанками.

Унижало Карла в глазах его благочестивых верно-подданных вовсе не само распутство, а то, что оно было очень уж неприкрытым и даже демонстративным, нарушая добрые традиции, которые восходили к Генриху VIII с его шестью женами. Шокировали несерьезность короля, полное пренебрежение к важным делам, интересовавшим его порой только как повод позубоскалить. Пусть Карл, как постарались показать новейшие историки, и не растрачивал на любовниц и фавориток без остатка все отпущенные ему парламентом деньги, достаточно было и того, что на них уходила все же значительная часть этих средств. Другую съедали казнокрадство, а также вопиющая некомпетентность лиц, назначавшихся веселым монархом на ответственные посты. В резуль-

тате резко упал и престиж Англии за границей. Однажды голландский посол сделал Карлу II оскорбительное по своей невыгодности предложение:

— О, боже,— воскликнул Карл,— вы никогда не сделали бы такого предложения Оливеру Кромвелю.

— Разумеется, нет,— ответил посол,— но вы ведь совершенно другой человек, чем Оливер Кромвель.

Во время войны голландский флот мог ворваться в Темзу и бомбардировать форты, не подготовленные к обороне из-за коррупции и бездарности правительственных чиновников, тогда как Карл в это самое время продолжал коротать время у леди Кастрмейн. Тем не менее выбора не было, и богобоязненные буржуа-пуритане, ужасавшиеся безнравственностью двора, в то же время ревниво следили за тем, чтобы в этом «чертоге сатаны» особым фавором пользовалась угодная им содержанка, а не ее соперницы.

Однажды возмущенная толпа лондонцев остановила экипаж. В нем, как они думали, ехала француженка Луиза де Керуаль, которую подозревали в намерении побудить Карла перейти в католическую веру. Однако в карете сидела другая королевская любовница, Нелли Гвини. Актриса по профессии, она-то знала, как обратить угрожающие возгласы толпы в восторженный гул одобрения.

— Успокойтесь, люди добрые, — воскликнула Нелли Гвини. — Все в порядке. Я — протестантская шлюха!

Луиза де Керуаль, против которой негодовала толпа, вначале Карлу не понравилась: француженка переигрывала, изображая из себя недотрогу. Хотя королю было отлично известно, что она — агент Версальского двора, он охотно полез в ловушку, возможно, считая, что тем самым он окончательно рассеет беспокойство Людовика XIV насчет своих планов и обеспечит бесперебойное поступление французской субсидии. Кто мог лучше успокоить французского короля, чем его платная шпионка, сделавшаяся любовницей Карла? И одной из главных задач послов французского короля стала охрана прав Луизы от посягательств других «заинтересованных сторон». На сводничество и интриги, связанные с попытками примирения Луизы де Керуаль с другими фаворитками, и уходили усилия официальных и тайных представителей Людовика XIV. Они имели для этого тем больше оснований, что французские субсидии, выплачи-

вавшиеся Карлу II, превращались в деньги английской секретной службы, а те, в свою очередь, имели теперь одно главное назначение — оплату королевских любовниц. Так что волей-неволей Людовику приходилось содержать за собственный счет и главных соперниц Луизы де Керуаль. Что и говорить, сложная штука дипломатия!

ТРОЙНОЕ ДНО ДУВРСКОГО ДОГОВОРА

алантность Карла проявлялась и в том, что он вообще не терпел откровенных отзывов о предметах своих увлечений. Немаловажным поводом для смещения в 1667 году канцлера Эдварда Гайда, графа-канцлера Кларендона, старого, верного слуги, были его недвусмысленные отзывы о леди Кастрлмейн. Его величество в этой связи разъяснил, что всем «благовоспитанным людям нельзя клеймить позорными именами и прозвищами достойную леди, посвящающую себя только тому, чтобы сделать приятное королю, а, напротив, надлежит всегда считать ее заслуживающей уважения».

Кларендон давно уже вызвал своей политикой недовольство в стране, но оппозиция только усилилась, после того как власть перешла к победившим его придворным интриганам.

В начале 70-х годов в Лондоне из уст в уста переходило крылатое четверостишие:

Как может государство процветать,
Когда им управляют эти пять:
Английский дог, тупой баран,
Крот, дьявол и кабан?

Речь шла о знаменитой Cabal. Это слово по-английски означает «интрига», «группа заговорщиков», «политическая клика». Оно весьма подошло к группе министров Карла II, стоявшей у власти примерно с середины 60 — до середины 70-х годов. Причем, подошло не только по существу, но и потому, что начальные буквы фамилий королевских советников «дога» — Клиффорда, «барана» — Арлингтона, «кабана» — Бэкингема, «кро-

та» — Ашли и «дьявола» — Лодердейла случайно образовали роковое слово. А непочтительные прозвища четко отражали представления, сложившиеся в народе о склонностях и дарованиях этих столпов престола.

Из этой пятиглавой гидры министр иностранных дел Генри Беннет, граф Арлингтон, возбуждал едва ли не самую жгучую ненависть. Вылощенный придворный, знаток церемоний, Арлингтон был известен своей готовностью удовлетворять все прихоти монарха. Недаром Арлингтон вместе с герцогом Бэкингемом входили в пресловутую «комиссию по доставлению мисс Стюарт королю».

Впрочем, современники ошибались, считая Арлингтона церемонным бараном. Он даже имел кое-какие собственные убеждения в отношении лучшего внешнеполитического курса, который, по его мнению, должен был включать сотрудничество с ослабевшей Испанией и с Голландией, опасавшимися завоевательных планов Людовика XIV. Однако эта политика встречала два совершенно различных препятствия. Одно из них — растущее англо-голландское торговое соперничество, уже неоднократно приводившее к войнам. Другое — намерения Карла II использовать французскую помощь, пусть даже жертвуя государственными интересами Англии, чтобы освободиться от опеки парламента и возродить абсолютизм. Действовали и связанные с этим вторичные мотивы: неостывшая вражда Испании (тогда еще не вполне осознали степень ее ослабления), стремление к союзу протестантов против папистов и наоборот, очевидные, хотя и отрицаемые публично, симпатии Карла II к католицизму как удобному орудию его политических планов (короля считали деистом, но он если и был им, то скорее просто от безразличия к религии, как и ко всему, не имеющему прямого отношения к его удовольствиям). Действие всех этих и других факторов приводило к частым изменениям во взаимоотношениях между Англией и другими державами.

В январе 1668 года Арлингтону и английскому послу в Голландии Уильяму Темплу удалось добиться подписания договора о тройственном союзе между Англией, Голландией и Швецией. Одним из условий успеха было сохранение тайны переговоров, что было немалым достижением, если учесть, что английский двор был постоянным источником сплетен, к которым прислушивались французские агенты. На этот раз Рювиньи, посол Людовика

XIV, был застигнут врасплох известием о договоре. Английская дипломатия заняла более жесткую позицию и в торговых переговорах с Францией. В августе 1668 года в Лондон прибыл новый французский посол Шарль Кольбер де Круасси, брат знаменитого министра Кольбера, с инструкцией разрушить тройственный союз, предложив, в частности, Арлингтону огромную взятку в 25 тыс. фунтов стерлингов и ежегодную пенсию.

Однако вскоре стало очевидным, что подкупать надо самого Карла II. В конце 1668 года Карл решил круто изменить внешнюю политику, взяв курс на заключение союза с Людовиком XIV. Правда, учитывая быстрое усиление антифранцузских настроений, такая смена курса должна была быть осуществлена в глубокой тайне. Обычные дипломатические каналы поэтому не годились. 19 декабря 1668 г. Карл II послал письмо своей сестре Генриетте, бывшей замужем за братом Людовика XIV, что будет передан шифр, с помощью которого они смогут вести свою переписку. Карл был уверен, что Арлингтона в конечном счете можно будет заставить согласиться с политикой, угодной королю, а замещать его явным сторонником союза с Францией — значило раскрыть карты.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что нельзя слишком буквально принимать жалобы на упадок разведки в годы Реставрации (и позднее в некоторые другие периоды истории Англии). Даже если подобные утверждения и соответствовали действительности, как в годы правления Карла II, это вовсе не было равнозначно ослаблению тайной войны, особенно секретной дипломатии. Просто функции секретной службы в этих случаях могли отличаться от обычных, и выполнять эти функции могли самые неожиданные учреждения и люди. А когда, как при Карле II, речь шла о тайной запродаже правительством государственных интересов своей страны, оно могло вполне прибегать при этом к услугам чужой разведки, в данном случае секретной службы и дипломатии Людовика XIV. Чтобы получше осуществить эту запродажу, Карл II дал понять в Версаль, что готов (конечно, келейно, дабы не возбудить взрыва недовольства) принять католичество. Обрадованный Людовик XIV весной 1669 года прислал в Англию своего секретного агента, который должен был сыграть на довольно-таки неожиданном обращении Карла II в истинную веру. Это был итальянский аббат Преньяни, совмещавший духовный

сан с занятиями астрологией. Однако как астролог Преньяни сразу же опростоволосился, так как не сумел предсказать по звездам лошадей-победителей в нью-маркитских рысистых состязаниях. Вдобавок прелат оказался весьма беспутного нрава. Возможно, именно этим он вызвал симпатии Карла II, который счел неудачливого астролога подходящим для роли тайного агента. Стоит добавить, что как раз во время конфиденциальных переговоров во Франции арестовали некоего «слугу» Эсташа Доже, которого десятилетиями содержали в строжайшем заключении. Новейшие исследователи считают, что он-то и был таинственным узником с железной маской на лице и раскрытие псевдонима «Эсташ Доже» должно быть ключом к решению вековой исторической тайны. Ученые задались вопросом, не скрывался ли под этим именем сам Преньяни, тем более что впоследствии преемники Людовика XIV говорили любопытствующим придворным, что загадочный заключенный — итальянец. Сохранился подписанный Карлом II заграничный паспорт на имя Преньяни, датированный 15 июля. На другой день аббат покинул Англию и 17 июля прибыл в Кале. А 19 июля французский военный министр Лувуа подписал приказ о направлении в темницу арестованного поблизости от Дюнкерка (в 15 милях от Кале) «слуги» Эсташа Доже. Однако это не мог быть сам аббат. Еще в 1912 году историкам удалось выяснить, что Преньяни с 1674 года и до смерти в 1697 году жил в Риме, тогда как Доже в это время наверняка находился в тюрьме. Но не был ли Доже «слугой» Преньяни? Конечно, в этом случае Доже мог знать какие-то секреты, побудившие французское правительство бросить его за решетку. Однако вряд ли это могли быть только сведения о переговорах, которые велись между Карлом II и Людовиком XIV в 1669 году. Любые секреты, связанные с этими переговорами, должны были потерять значение после смерти Карла II в 1685 году и особенно после «Славной революции» 1688 года. А «маску» продолжали держать в тюрьме и в 1698 году даже перевели в Бастилию. Так что тайна «маски» должна найти объяснение в истории каких-то других эпизодов секретной войны, по всей вероятности не связанных прямо с английской разведкой, и рассказу о «маске» не место в этой книге.

Участникам переговоров 1669 года было, однако, что скрывать и без секрета «маски». Главное, конечно, обе-

шание английского короля перейти в католицизм, которое, получи оно гласность, могло стоить Карлу короны. Впрочем, веселый монарх, давая слово, собирался надуть своего партнера. По мнению Карла, Людовик XIV должен был убедиться в том, что английский король бесповоротно связал себя с Францией и, следовательно, заслуживает всяческой поддержки. Сам же Карл считал, что его обещание может послужить поводом бесконечно откладывать выполнение других обязательств, принятых в отношении французского союзника. Ведь время публичного объявления Карлом о решении перейти в католичество было оставлено на полное усмотрение английского короля, а до такого объявления тайный союзный договор должен был оставаться мертвой буквой — кроме статьи о выплате французских субсидий. Но здесь Карл и Арлингтон перехитрили самих себя. Это выявилося, правда, не сразу, но уже в ходе переговоров Людовик соглашался дать лишь 300 тыс. фунтов стерлингов вместо 800 тыс., запрашиваемых Арлингтоном. Да и эти деньги давались на приведение в готовность флота для войны против Голландии, с которой Англия еще столь недавно заключила договор о союзе. К тому же французская дипломатия и разведка приняли меры, чтобы слухи о переменах в английской политике достигли голландцев. Напротив, Арлингтон делал вид, что ничего не изменилось, для того чтобы обмануть как голландское правительство, так и влиятельные силы в Англии, которые подняли бы голос против изменения политики. В конце мая 1670 года во время визита принцессы Генриетты, через посредство которой велись переговоры, в Дувр тайный договор был подписан.

К этому времени Людовик XIV уже во всем разобрался. Он понял, что предложение Карла II о переходе в католичество не более чем дипломатический маневр и что французскую армию не придется отвлекать для участия в новой гражданской войне, которая могла бы вспыхнуть в Англии, если бы Карл открыто порвал с протестантизмом. В то же время обещание Карла, закрепленное в Дуврском договоре, давало Людовику XIV множество возможностей для шантажа; ведь французский король мог теперь, допустив утечку информации, вызвать серьезный внутривластный кризис в Англии.

Но это еще не все. Дуврский договор невозможно было ввести в действие, поскольку нечего было и думать

представить его парламенту. Карл и Арлингтон не рискнули сообщить о нем даже остальным членам Cabal — и Ашли, и Лодердейл, и Бэкингом были яркими протестантами или, во всяком случае, считали выгодным, чтобы их принимали за таковых. То же самое следует сказать и о других высших сановниках.

Поэтому возникла необходимость подписать другой, мнимый договор с Францией, который включал бы некоторые статьи действительного, но, разумеется, ни словом не упоминал об обещании Карла принять католичество. Мнимый договор обосновывался ссылками на голландское соперничество и выгоды от торговли с Францией. Чтобы усыпить подозрения Бэкингема, ему было поручено вести переговоры о заключении этого договора. Вскоре Бэкингом торжествуяще уведомил Арлингтона об успешном преодолении всех препятствий. А тот мог публично выражать свои антифранцузские убеждения, высказывая сомнения и колебания. Вероятно, Арлингтону доставляло немалое удовлетворение втайне потешаться над своим соперником. Однако имел ли он для этого основания? Ведь исключение статьи об обязательстве Карла стать католиком отнимало у английского правительства право определения времени выполнения других обязательств — иначе говоря, даты начала войны против Голландии. Бэкингом договорился, что срок наступит весной 1672 года. Спыхватившись, Арлингтон стал требовать, чтобы Людовик заплатил за так и не состоявшееся обращение Карла в католичество, в надежде, что столь наглое требование приведет к срыву переговоров. Но французский король разгадал этот ход и уступил. Деньги, следуемые — вернее, не следуемые — по этой ультра-секретной статье, были подключены к военной субсидии, которую Франция обязалась уплатить Англии. Кроме того, Людовик согласился увеличить английскую долю в шкуре неубитого медведя — увеличить размеры голландской территории, которую он был готов отдать Карлу. Одновременно с тайными переговорами Бэкингема происходили еще более секретные переговоры за его спиной. Карл должен был с крайней неохотой передать французам специальную письменную декларацию, что мнимый договор никак не отменяет обещание короля принять католичество, когда наступит подходящее время. После этого мнимый договор был подписан в декабре 1670 года. Он явно противоречил интересам и настроениям влия-

тельных буржуазных кругов Англии, втянул страну в непопулярную войну. Чтобы убедить парламент в отсутствии у Карла планов реставрации католицизма, пришлось продемонстрировать мнимый договор и постараться побыстрее подписать мир с голландцами (он был заключен в феврале 1674 г.). Склонный к демагогии Бэкингом решил подставить ножку Арлингтону. Склока могла привести к опасным разоблачениям, и друзья Арлингтона в палате лордов обвинили распутного герцога в незаконной связи с графиней Шрюсбери. Это помогло избежать нового политического скандала.

Схватка «барана» и «кабана» была одним из признаков распада Cabal. На смену ей пришло министерство Томаса Осборна, графа Данби, который был явным, хотя и осторожным, противником французского союза. Тогда Людовик решил обессилить правительство Карла, поддерживая парламентскую оппозицию. Французское золото шло теперь и в карманы лидеров оппозиции, громивших правительство за раболепие перед Людовиком XIV и отказ от противодействия его завоевательским планам. Иногда субсидии были платой за молчание. Например, такое молчание обошлось Людовику XIV в феврале 1677 года в 2950 фунтов стерлингов, а во время более короткой сессии в июне — только в 450 фунтов. В других случаях деньги уплачивались не за молчание, а за более ожесточенные нападки на политику «короля-солнца». Так действовали агенты французского посла Баррийона в 1678 году. В том же году французский двор подкупил английского посланника в Париже Р. Монтегю. За 100 тыс. крон посол написал донос парламенту, что Данби участвовал в тайных переговорах о получении Карлом субсидии от Версальского двора. Данби, заблаговременно извещенный об этом коварном плане, попытался нанести ответный удар, наложив арест на бумаги Монтегю, которого обвинили в поддержании секретной переписки с папским нунцием. Но среди захваченной корреспонденции не было письма, уличавшего министра. Письмо это было представлено парламенту, и палата общин приняла решение о привлечении Данби к ответственности. Падение Данби внешне было следствием продажи им английских интересов Людовику XIV, а в действительности тем, что он решил противодействовать планам французского монарха. Это был поистине ловкий ход в тайной войне.

...В 1968 году на аукционе в Лондоне было продано значительное число неизвестных документов, характеризовавших секретную службу в годы правления Карла II. Выяснилось — это уже подозревали и современники, — что деньги, ассигновавшиеся на разведку, король попросту тратил на своих фавориток, некоторые из них, впрочем, как уже говорилось, параллельно несли службу в качестве агентов либо самого Карла, либо Людовика XIV.

Министр Моррис жаловался, что ему дают на разведку только 700 фунтов стерлингов, а Кромвель тратил в 100 раз больше и поэтому держал у себя в кармане секреты всех монархов Европы. Однако и после этих жалоб скупая «кавалерская» палата общин увеличила ассигнования по графе «секретная служба» всего на 50 фунтов стерлингов!

К тому же во время Реставрации секретная служба перестала быть централизованной, как при Кромвеле, разделилась на различные ветви, нередко соперничавшие друг с другом. Так что в правление Карла трудно вообще говорить об английской разведке в единственном числе. Политические партии, придворные клики, отдельные честолюбивые министры и послы обзаводились собственной секретной службой. Из них политическое значение приобрела, в частности, разведка английского посла в Гааге сэра Уильяма Темпла. Это был осторожный, самовлюбленный, трусливый оппортунист, больше всего заботившийся о собственном спокойствии и благополучии и неизменно удалявшийся в свое имение, к своему саду и к писанию мелкотравчатых этических «опытов», как только надо было делать небезопасный шаг. Так Темпл поступал во время острых политических кризисов в последнее десятилетие правления Стюартов. Еще остался в памяти потомков осторожный и тщеславный сэр Уильям тем, что при нем служил секретарем молчаливый, мрачноватый юноша по имени Джонатан Свифт. Но это было потом, много позднее, а в 1667 году Темпл был еще инициативным дипломатом, энергично делавшим карьеру и благодаря почти идолопоклоннической лести сумевшим добиться благосклонности Арлингтона и должности посла в Гааге. Понимая, насколько непопулярно прислужничество перед Людовиком XIV, Темпл активно содействовал временной переориентации политики Карла II на союз с Голландией. Секретная служба Темпла

при этом работала против его шефа Арлингтона и шпионов этого министра. Темплу удалось использовать опытных людей, ранее служивших разным партиям. Среди них наиболее важными были Томас Корни и бывший активный участник секретной службы «кавалеров» в годы революции Николас Аударт, который, впрочем, скоро принял сторону Арлингтона.

А в числе противников секретной службы Темпла оказался бывший глава разведки в годы гражданской войны и протектората Томас Скотт. «Цареубийца» пошел теперь на службу к Арлингтону. Тот принял и ряд других агентов, ранее работавших на Кромвеля, в частности Уильяма Левинга. В борьбе разведок соперничавших клик не приходилось брезговать средствами — так, Левинг попал в тюрьму стараниями другого шпиона — Фосета. Основательную шпионскую организацию, наблюдавшую за разведкой Арлингтона, создал и Ашли, получивший к тому времени титул графа Шефтсбери. Он пытался при этом даже заручиться поддержкой Луизы де Керуаль и Барбары Кастрлмейн. В результате Ашли имел от своих агентов подробные сведения о секретных французских субсидиях, доставлявшихся Карлу II. В тайную войну включились, наконец, иезуиты, которым покровительствовал младший брат короля Яков, герцог Йоркский, принявший католичество.

Среди немногих способных разведчиков времен Реставрации был упоминавшийся выше Джордж Даунинг, бывший тайный агент Терло в Голландии. После Реставрации Даунинг остался британским резидентом в Гааге. В 1668 году он хвастал, что его агенты регулярно вытаскивали ключи из камзола де Вита, правителя Голландской республики, когда он спал, списывали извлеченные из-под замка тайные бумаги и возвращали ключи обратно.

В числе английских разведчиков в Голландии подвизалась также Афра Бен — известная писательница, которая, впрочем, не добилась успеха на поприще шпионажа. По возвращении в Англию она попала в долговую тюрьму, откуда ее с трудом вызволил драматург Киллигрю, пользовавшийся влиянием при дворе.

ИСКУССТВО ДОНОСА

последние годы правления Карла II резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка, и тут, в несколько неожиданной роли, на авансцену снова выдвинулись иезуиты.

С развитием политической борьбы в Англии прогрессировало и искусство доноса. До середины XVII века доносчики работали в основном на монарха и его правительство, которые уже сами решали, что из поступившей к ним информации доводить до общего сведения. В годы реставрации Стюартов доносчики в числе первых учли новую обстановку и попытались использовать преимущества парламентаризма. Они решили снабдить оппозицию нужными ей фактами и аргументами в споре с правительством. Неизменным при этом оставалось только то, что доносы оказывались связанными с тайной войной.

13 августа 1678 г. к королю на прогулке приблизились надоедливый англиканский священник Израэль Тондж и некий Титус Отс, иезуит, порвавший с «Обществом Иисуса». Они сообщили, что им известно о католическом заговоре с целью убийства короля. Карл, не раз слышавший подобные рассказы и отлично понимавший, что у ордена не могло быть подобного нелепого плана — католики могли только проиграть от умерщвления тайно благосклонного к ним короля, отмахнулся от доноса и направил Тонджа и Отса к одному из министров. Там достойная пара повторила свои показания. Вкратце они сводились к утверждению, что французский король, иезуитский орден и ирландские католические епископы создали заговор с целью убить Карла и его брата, герцога Йоркского, вызвать восстание католиков в Ирландии и истребить там всех протестантов. Уже будто бы наняты ирландские убийцы для осуществления покушения в королевском замке в Виндзоре, найдены в Ланкашире злодеи, согласившиеся поджечь столицу, подготовлены 3 тысячи головорезов, готовых предать мечу спящих лондонцев. Заговорщики, понятное дело, собирались использовать яд, прибегнуть к которому поручалось врачу королевы Уэйкмену и секретарю герцогини Йоркской Эдварду Коулмену. И королева, и герцогиня

Йоркская были католичками, однако католиком был и брат короля, якобы являвшийся одной из намеченных жертв! Надо отдать должное Карлу — он быстро определил, что Тондж, Отс и их подручные — отъявленные лжецы. Король уличил Отса в том, что тот не представляет себе внешности, а следовательно, в глаза не видел во Франции и Англии знатных заговорщиков, с которыми, по его словам, был знаком. Вместе с тем у Отса все же была такая информация об этих лицах, какую трудно получить, не имея определенных связей, и которая придавала видимость достоверности его доносу. Поэтому Карл решил, что не следует отвергать показания Отса. Они, как перчатка к руке, подходили к образу мыслей протестантов, для которых боязнь и разоблачение католических козней стало столь же символом веры, сколь и привычным оружием политической борьбы.

Вымышленные сведения Отса оказались похожими на некоторые действительные факты, о которых тому ничего не было известно. Так, в частности, Коулмен несомненно совмещал должность секретаря герцогини Йоркской с обязанностями французского шпиона. Несколько последовательно сменявших друг друга послов Людовика XIV не только получали от Коулмена информацию о прениях в парламенте (тогда и даже много позднее отчетов о них не публиковалось), но и распределяли через него взятки среди членов обеих палат. Одно время Коулмен возбудил подозрение и должен был временно покинуть Лондон, об этом, возможно, Отс что-то пронюхал и поэтому счел его особо удобной мишенью для своих нападок. Но Отс явно не мог знать о связях Коулмена с иезуитами, а тот действительно поддерживал переписку с «Обществом Иисуса» и с духовником Людовика XIV относительно осуществления все того же «великого проекта» — химерических планов реставрации католицизма в Англии.

После доноса Коулмен имел вполне достаточно времени, чтобы сжечь опасные бумаги. Однако он обладал очень опасным для разведчика пороком — непомерным тщеславием, побудившим сохранить доказательства той роли, которую он играл в европейской политике. Короче говоря, Коулмен уничтожил много писем — но не все; оставшиеся были спрятаны не очень искусно и обнаружены, когда он был арестован по приказу Тайного совета, принужденного к этому шагу растущим возбуждением в

стране. В найденных письмах не было ничего относительно планов убийства короля, но много говорилось о переговорах с иезуитами и изменении государственной религии, а этого было вполне достаточно для осуждения. По всей видимости, Коулмен надеялся на помилование, даже находясь на эшафоте, но Карл побоялся, что прощение сообщника иезуитов может только подлить масла в огонь. Коулмен не дал никаких показаний против герцога Йоркского, но обнаруженные письма сильно компрометировали брата короля, являвшегося наследником престола (Карл II не имел законных детей).

Переписка Коулмена свидетельствовала о существовании заговора, о котором Отс не имел ни малейшего представления и который, естественно, не имел никакой связи с заговором, измышленным этим авантюристом. Более того, письма Коулмена относились ко времени, предшествовавшему тому, когда, по утверждению Отса, был организован заговор. Однако широкая публика увидела в письмах Коулмена безусловное подтверждение утверждений Отса. Другим таким подтверждением было сочтено убийство сэра Эдмунда Берри Годфри, которое сразу же инкриминировали католическим заговорщикам. Годфри был известным лондонским судьей. 12 декабря 1678 г. он не вернулся домой; через пять дней, 17 декабря, тело Годфри, пронзенное его собственным мечом, было найдено в трех милях от центра столицы. Убийцы не взяли ни денег, ни ценностей, что было сочтено доказательством политического характера преступления.

Годфри дважды встречался с Отсом, Тонджем и еще одним доносчиком — Кирком, которые засвидетельствовали у него под присягой истинность сделанных ими разоблачений «папистского заговора». Последняя беседа судьи с ними состоялась 28 сентября. Тогда же Годфри имел еще одну встречу — со своим другом Коулменом, который был арестован через двое суток после этого. Слух об убийстве судьи распространился сразу после его исчезновения. В предшествовавшие дни Годфри явно считал, что подвергается смертельной угрозе вследствие того, как он сказал одному знакомому, что стал обладателем опасного секрета и что Отс солгал, давая показания под присягой. Врачи считали, что Годфри был удушен, что мечом поразили его мертвое тело и что жертве двое суток до смерти не давали никакой пищи. Если это так, то Годфри убили вскоре после того, как он исчез

12 декабря, и почти одновременно был распространен слух о его убийстве католиками.

Главным звеном в показаниях Отса было утверждение, что он присутствовал на собрании заговорщиков-иезуитов 24 апреля 1678 г. в таверне «Белая лошадь», в Стренде. Позднее было установлено, что Отс не мог быть ни на каком собрании в английской столице, так как в это время находился за границей, в иезуитской семинарии в Сен-Омере. Доказательство этого могло стать козырной картой в руках католиков. Однако сложность заключалась в том, что как раз в этот самый день, 24 апреля 1678 г., действительно происходило собрание английских иезуитов, только не в таверне «Белая лошадь», а в резиденции самого герцога Йоркского, и понятно, что оно не обсуждало планов убийства своего покровителя или же его брата — короля Карла II. Но как раз последнее было бы недоказуемым, если бы стало известно о действительном совещании иезуитов, как будто нарочно подтверждавшем вымысел Отса. Возможно, что Коулмен 28 сентября, советуясь с Годфри, как опровергнуть донос Отса, упомянул, что тот не знал подлинного места заседания. Эта неосторожность Коулмена, он еще два дня после беседы с Годфри оставался на свободе, могла стать известной его друзьям-иезуитам, и те решили исправить такую опасную оплошность, благодаря которой судье была доверена столь важная тайна. Такова, примерно, аргументация английского историка Поллока, считавшего, что Годфри был убит иезуитами. Но она не лишена слабых пунктов. В литературе высказывалось и предположение о виновности сообщников Отса.

Утверждения Титуса Отса, обрастая домыслами, опасениями и страхами, породили дикие панические слухи об оружии, спрятанном в лондонских подвалах, о приближении к Лондону целой папистской армии, о готовящихся к высадке французских войсках, даже о прибытии из Иерусалима специального отряда монахов, чтобы петь благодарственные молитвы после успешного завершения заговора. Возбужденные толпы на улицах чинили самосуд или отправляли католиков в тюрьмы. Парламентская оппозиция поспешила использовать популярность Отса, которого прославляли как спасителя страны. Ему предоставили апартаменты в Уайтхолле, большую ежегодную пенсию, снабдили вооруженными телохранителями. По всей стране продолжались поиски оружия и

скрывавшихся католических священников. В Лондоне день и ночь под ружьем находилось 2 тысячи горожан. Обе палаты парламента считали, что, как в дни Гая Фокса, Вестминстер вот-вот может быть взорван папистскими агентами. На деле власти парламента угрожала совсем другая опасность — со стороны короля, якобы являвшегося главной мишенью заговорщиков.

Мнимый «папистский заговор» стал прологом к острому политическому кризису, имевшему глубокие социальные причины. Именно к этому времени относится образование партий вигов и тори. Вигские лорды Шефтсбери, Эссекс, Рассел, возглавлявшие оппозицию Карлу, не случайно ухватились за Отса и его разоблачения. Выражая интересы буржуазии и нового обуржуазившегося дворянства, виги стремились помешать восстановлению абсолютизма, к которому тяготел Карл II и которому на-верняка попытался бы, заняв престол, осуществить его брат Яков. Но еще более виги боялись народной революции. Они видели в монархии необходимую узду для удержания в покорности широких масс. Для вигов было удобно говорить о папистском заговоре против короля, а не о стремлении Карла вернуть себе неограниченную власть. Используя возбуждение, вызванное заявлениями Отса, виги стали добиваться принятия закона, запрещающего католикам занимать английский трон, тем самым стараясь преградить герцогу Йоркскому путь к престолу.

Пытаясь укрепить свое положение, виги не раз обращались к жупелу «папистского заговора». 27 октября 1679 г. в кадке из-под муки был обнаружен целый пакет фальшивых писем. Некий капитан Денджерфилд объявил, что ему было поручено вместе с несколькими католиками инсценировать протестантский заговор с целью дискредитировать Титуса Отса и других лиц, разоблачивших католические козни. Это было вымыслом, но от оппозиции через некоторое время действительно попытались отделаться с помощью заговора, состряпанного не без участия провокаторов. Этому предшествовала острая борьба. Карл II перенес заседания парламента из Лондона в Оксфорд. Казалось, назревала новая гражданская война, но Карлу временно удалось одержать победу. Тогда в ход было пущено испытанное оружие — фабрикация мнимого заговора. На этот раз в подготовке покушения на жизнь короля обвинили вигов, часть из них была отправлена на эшафот.

ПРОТЕСТАНТСКИЙ ВЕТЕР И УГРЮМЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ

последние годы своего царствования Карл II поручил руководство секретной службой новому министру — сэру Леолайну Дженкинсу. Тот умер в сентябре 1685 года, через полгода после кончины Карла II, и вместе с ним фактически распалась секретная служба короны. Время правления было для короля Карла II годами праздника, прерываемого порядком ради краткими вылазками в область политики и дипломатии. Незадолго до смерти Карл заметил: — Я устал путешествовать и решил более не отправляться за границу. Но когда я скончаюсь, не знаю, что станет делать мой брат. Очень опасаясь, что, когда настанет его очередь носить корону, ему придется снова странствовать за рубежом.

После смерти Карла на престол вступил узколобый фанатик Яков II, поставивший целью восстановление абсолютизма и католическую реставрацию. В начале правления Якова, летом 1685 года, вспыхнуло восстание во главе с незаконным сыном Карла II герцогом Монмаутом, которое поддержала часть партии вигов. Восстание было жестоко подавлено, а Монмаут обезглавлен. Казнь «протестантского герцога» была явной политической ошибкой Якова. Пока живой Монмаут содержался в Тауэре, вигам было сложно переориентироваться на голландского штатгальтера Вильгельма III Оранского (женатого на дочери Якова Марии) — куда более опасного потенциального претендента на престол. Тем не менее Яков с характерной для него тупой мстительностью приказал прикончить своего племянника как мятежника, покусившегося на власть законного монарха. Существует версия, что на казни настоял лорд Сандерленд; его люди перехватили письмо Монмаута, в котором тот уведомлял Якова о предательстве этого королевского министра. Как бы то ни было, предать Якова лорду Сандерленду довелось только через три года, в 1688 году.

Буржуазия и обуржуазившееся дворянство много прощали реставрированной монархии Стюартов, опасаясь повторения бурных революционных событий середины

века. Но теперь политика Якова начала затрагивать коренные интересы главных собственнических классов. В стремлении избавиться от короля-католика обе партии — и виги и тори — стали прочить на престол Марию и ее мужа Вильгельма Оранского.

Политический вакуум, постепенно создававшийся вокруг последнего короля из династии Стюартов, наложил отпечаток и на тайную войну между Яковом II и Вильгельмом Оранским. Секретная служба оставалась при Якове II в полном упадке. Было утрачено даже искусство раскрытия неприятельских шифров. Во время восстания Монмаута правительству лишь случайно удалось выяснить смысл захваченных у повстанцев секретных бумаг. Правда, король содержал шпионов в Голландии, в Риме, а английский посол во Франции лорд Престон создал осведомительную сеть в Париже. Но Яков II умел выбирать на редкость неподходящих людей не только на государственные посты, но и на роль своих тайных агентов. Они не сообщили ему о переговорах, которые вели влиятельные политики с Вильгельмом Оранским, о том, как адмирал Герберт в одежде простого матроса отправлялся в Гаагу.

Вильгельм III, дальновидный политик и опытный полководец, посвятивший жизнь борьбе против гегемонистских планов Людовика XIV, отлично понимал, какую роль в создавшейся обстановке была призвана сыграть его секретная служба. Во главе ее он поставил близкого друга и самого доверенного советника Виллема Бентинка, впоследствии графа Портленда. А главным представителем этой секретной службы в Англии стал Генри Сидни, в прошлом британский посланник в Гааге, сам предложивший свои услуги Вильгельму. Осенью 1687 года Сидни вернулся в Англию. Еще до этого туда направились агенты Бентинка Джон Хаттон, Джеймс Джонсон и др. с заданием держать Вильгельма в курсе всех закулисных событий, вызванных быстро нарастающим политическим кризисом.

Сидни имел обширные связи в правительственных и придворных сферах Лондона. В юности он был очень близок со своим племянником Робертом Спенсером, графом Сандерлендом, предавшим всех своих бывших союзников и ставшим главным исполнителем планов Якова II. Те разведывательные донесения, которыми снабжали Генри Сидни и его помощники Вильгельма и которые

сохранились в архивах, содержат настолько подробную и достоверную информацию, что в последнее время стали широко использоваться исследователями для освещения истории «Славной революции». В результате этого переворота Яков II был свергнут и на престол вступил Вильгельм Оранский со своей женой Марией.

После 1688 года международная обстановка разом круто изменилась. У Англии и Голландии появился общий глава, опытный политик и полководец, поставивший целью сломить могущество Франции. Правда, в годы, непосредственно следовавшие за «Славной революцией», английский трон Вильгельма Оранского казался очень непрочным. Угрюмый, неразговорчивый голландец, окруженный фаворитами, которые вместе с ним приехали в Англию, не пользовался популярностью. Многие из влиятельных деятелей партии тори, которые, опасаясь восстановления католицизма, согласились на удаление Якова, теперь, когда перевес получили их противники — виги, стали подумывать о призвании обратно изгнанного короля. Эту часть тори стали называть якобитами.

Якобитство превращалось в удобное политическое знамя для жестоко угнетавшихся ирландских католиков, а также для значительной части населения в Шотландии, которые выступали против унии с Англией и поэтому особенно подчеркивали свою лояльность по отношению к «национальной» шотландской династии Стюартов. В Англии якобитскими стали круги крайней дворянской реакции. Однако в отдельные моменты в якобитские тона окрашивались недовольство джентри засильем в правительстве вигской земельной и денежной аристократии, увеличением налогов в связи с длительными войнами, а также некоторые формы социального протеста самых различных слоев населения.

Неправильно смешивать, как это нередко делается в исторической литературе, два вопроса — возможность реставрации абсолютизма и католицизма и вероятность возвращения Стюартов. Первое было попросту невозможно — процесс буржуазного развития Англии носил необратимый характер. Напротив, второе не было полностью исключено, но при одном неременном условии — политической капитуляции Якова II, а потом его наследника перед силами нового строя. Даже Вильгельм III подумывал о компромиссе после смерти сына принцессы Анны — последнего из «законных» протестантских пре-

столонаследников мужского пола. Вильгельм намекал, что его преемником мог бы стать сын Якова II в случае его обращения в протестантство. Однако Стюарты стремились к невозможному — восстановлению абсолютизма и католицизма и в конечном счете не использовали единственного оставшегося у них шанса. Но этого нельзя было с уверенностью предсказать заранее. К тому же надо учесть, что на протяжении ряда лет (особенно до мая 1692 г.) сохранялась возможность высадки крупной французской армии в Англии, где обычно имелось мало регулярных войск, или в еще совсем недавно снова завоеванной Ирландии и в Шотландии.

Демонстративное выражение «королем-солнцем» сочувствия изгнанному Якову II, предоставление в его распоряжение пышного Сен-Жерменского дворца и даже ежегодной пенсии в 600 тыс. ливров, правда, еще далеко не означали безоговорочную поддержку Людовиком планов якобитов. Во время своего короткого правления Яков II вовсе не проявил себя другом Франции, и его реставрация вряд ли многое обещала для Версальского двора. Людовика скорее устроило бы восстановление Якова на престоле в Шотландии или Ирландии, что создало бы противовес для Англии. И, во всяком случае, якобиты были полезным орудием для французской дипломатии как угроза для Англии, а в военное время — как средство отвлечения части английских военных сил с континента, где они были важной составной частью войск коалиции, противостоявшей Людовику XIV. В этой борьбе снова активизировалась английская секретная служба.

Наряду с Бентинком и Генри Сидни ее руководителем стал Даниель Финч, граф Ноттингем, занимавший посты министра иностранных дел и, позднее, лорда-председателя Тайного совета. Анализ его переписки показывает, что он пытался использовать все средства добывания информации — перехват корреспонденции иностранных дипломатов, допрос подозрительных лиц, а также тех, кто добровольно сообщал становившиеся известными ему сведения о военных приготовлениях французов.

В 1692 году лорд Ноттингем поручил гугенотскому пастору Пьеру Жюрье наладить шпионаж во французских портах. Бюро, созданное Жюрье в Роттердаме, получало от своих агентов и пересылало в Лондон сведения о французском флоте и береговых укреплениях. Автор известных мемуаров епископ Барнет дает низкую оценку

шпионской сети Ноттингема. Барнет писал, что Ноттингем получал мало известий о противнике, тогда как в Париже, казалось, все знали об английских планах.

Главные задачи, которые в эти годы стояли перед секретной службой Вильгельма, носили контрразведывательный характер. И прежде всего это была борьба против якобитства. Здесь недоверчивый король не вполне полагался даже на преданного Бентинка, по крайней мере, считая излишним посвящать его в некоторые государственные тайны. Так, Бентинку разрешалось читать переписку Вильгельма с голландским великим пенсионарием Хейнсиусом, но часть содержащейся в ней информации король желал скрыть от фаворита. Это было нелегко сделать — ведь Бентинк точно знал, что великий пенсионарий неизменно посылал свои донесения дважды в неделю. Тогда Вильгельм в июне 1689 года приказал Хейнсиусу особо конфиденциальные вещи писать на листе бумаги, который король не показывал Бентинку, разрешая ему читать «обычное» донесение. Никогда Бентинк не имел и доли той самостоятельности, которой обладал лорд Берли во времена Елизаветы. После 1695 и особенно 1697 года влияние Бентинка резко уменьшилось. Отчасти это объяснялось смертью благоволившей к нему королевы Марии, а также тем, что лорд Портленд слишком близко сошелся с вигами и не мог выполнять свою прежнюю роль представителя короля в переговорах с руководителями обеих партий. Вильгельм III считал, что даже самый доверенный советник должен быть в курсе только части государственных секретов, всю совокупность которых подлежало знать лишь самому монарху.

...Якобитская агентура плела сети все новых заговоров. В ответ английская секретная служба в эти годы не раз прибегала к испытанному тактическому приему — не располагая прямыми уликами против тех или иных лиц, подозреваемых в качестве активных участников якобитского подполья, она старалась скомпрометировать их с помощью агентов-provokаторов, а если и это не удавалось, добиться осуждения на основании ложных показаний этих агентов. Поэтому не раз случалось, что действительных якобитов, активно действовавших против Вильгельма Оранского, судили за участие в заговорах, вымышленных provokаторами, в чьих показаниях обрывки подлинной информации сочетались с причудливыми фантазиями, иногда, впрочем, тоже случайно совпадавшими

с действительностью. Словом, возникала ситуация, хорошо знакомая по истории «папистского заговора», якобы раскрытого Титусом Отсом. Именно такой характер носил мнимый заговор, сфабрикованный в 1691 и последующие годы правительственным агентом Джоном Лэнтон, который не раз ездил ко двору Якова II и, якобы по его указанию, вовлек в свою тайную организацию ряд влиятельных якобитов в графствах Ланкашир и Стаффордшир. Особенно активно Лэнтон орудовал в конце 1693 года, а уже весной следующего года, будто бы вследствие угрызений совести, выдал планы заговорщиков властям. Впрочем, на суде было вскрыто, что рассказы Лэнтон о его поездках и встречах совершенно неправдоподобны даже с хронологической точки зрения и что, кроме того, главный свидетель обвинения — лицо с весьма сомнительной репутацией. Присяжные признали подсудимых невиновными. А между тем они действительно участвовали в заговоре, о котором Лэнтон имел лишь скудные, обрывочные сведения. Его рассказы о намерении совершить убийство Вильгельма лишь на несколько месяцев предвосхитили подлинные планы якобитов.

Двор Якова II в Сен-Жермене кишел английскими шпионами. Современники считали, что одной из них была леди Стрикленд, которая выкрадывала секретные письма буквально из карманов жены Якова и посылала копии этой корреспонденции в Лондон. Английское правительство благодаря разведывательным донесениям было осведомлено обо всем, что происходило в окружении Якова. Напротив, якобитские агенты снабжали Якова II весьма тенденциозной информацией, утверждая, будто вся страна ждет не дождется возвращения «законного короля».

ЗАСАДА ОКОЛО ТЕРНХЕМ-ГРИНА

рудно определить, кто кого дурачил в сложной игре — якобитская разведка графа Джона Мелфорта, установившая связи с министрами и генералами Вильгельма, или служба Бентинка, взиравшая сквозь пальцы на такие связи и даже пытавшаяся, используя эти контакты, снабжать фальшивой информацией двор Якова II. Вероятно, истина лежит посередине.

Однако попытки якобитов привлечь на свою сторону наиболее влиятельных политиков сопровождались и планами свергнуть новое правительство путем организации покушения на Вильгельма III (тем более что умерла его жена королева Мария, дочь Якова II, и «узурпатора» можно было представлять иностранцем, не имеющим никакого права на английский престол). В феврале 1696 года в Англию по поручению Якова II тайно прибыл его сын (от Арабеллы Черчилль) — Джеймс Фитцджеральд, герцог Бервик, впоследствии получивший широкую известность как французский маршал. В какой-то мере Бервик, по своим личным качествам — холодной храбрости и безупречной верности избранному знамени — совсем не похожий на своего тупоголового, жестокого и трусливого отца, ярко отражал сущность якобизма. Для Бервика не существовало ни страны, ни нации — дворянский космополитизм и преданность католической церкви заменяли ему патриотическое чувство, родину, позволяли без всякого внутреннего надлома, без угрызений совести сражаться против своей родины, служить планам фактического превращения ее в вассала французского короля.

Для соблюдения тайны в Париже было объявлено, что Бервик отправился инспектировать ирландские полки французской армии. На деле он, переодетым, на шхуне контрабандистов пересек пролив и высадился на английском побережье. Разведка Вильгельма сразу обнаружила прибытие Бервика. Было издано правительственное заявление, обещавшее 1 тыс. фунтов стерлингов за его поимку.

Главной задачей Бервика было убедить лидеров якобитов начать восстание, без чего Людовик XIV не соглашался предпринять попытку высадки французских войск в Англии. Однако, как рассказывает Бервик в своих «Мемуарах», он натолкнулся на отказ. Якобитские лидеры указывали, что, как только правительство обнаружит приготовления к вооруженному выступлению, оно немедленно пошлет флот блокировать французские гавани; это воспрепятствует отправке десанта и обречет восстание на неудачу.

Находясь в Лондоне, Бервик получил известие о подготовке якобитами покушения на Вильгельма и решил, чтобы не оказаться прямо замешанным в заговоре, немедленно покинуть Англию. Добравшись до побережья, он, полумертвый от усталости, задремал в таверне, расположившись у камина. Через два часа раздался громкий

стук в дверь. В комнату ворвалась группа вооруженных людей, казалось, все было кончено, но при мерцающем свете фонаря Бервик узнал капитана шхуны контрабандистов, разыскивавшего своего пассажира. Вскоре корабль доставил Бервика в Кале. По дороге в Париж он видел заполненные солдатами гавани — готовилось вторжение в Англию.

Заговор, о котором узнал Бервик, был подготовлен другим посланцем Якова II — сэром Джорджем Беркли. Он имел при себе собственноручно написанную Яковом II инструкцию, предписывающую совершить против Вильгельма III любые действия, которые Беркли сочтет правильными и осуществимыми. Одновременно якобитская разведка переправила поодиночке в Англию около двадцати телохранителей Якова II, на решимость которых можно было положиться. Среди них был и бригадир Амброзий Роквуд — потомок одного из участников «порохового заговора». Еще 20 человек Беркли и его сообщники постарались нанять на месте. План сводился к нападению на Вильгельма, когда он, возвращаясь с охоты около Тернхем-грин, будет переплывать на лодке реку. 15 февраля 1696 г. 40 вооруженных до зубов всадников поджидали возле Тернхем-грин короля и его небольшую свиту. Близ Дувра было все подготовлено, чтобы зажечь большой костер — условный сигнал, который был бы виден на французском берегу. Но король не появился. Разведка лорда Портленда узнала о заговоре, если верить официальной версии, благодаря добровольному покаянию одного из злоумышленников. Бен-тинк был предупрежден одним из заговорщиков, а потом к нему явился молодой католик Пендерграс, который тоже советовал отложить королевскую охоту. Пендерграс, однако, отказывался называть имена заговорщиков, несмотря на личное обещание Вильгельма, что эти сведения будут использованы только для предотвращения преступления. Но правительство знало уже достаточно. Заговор выдал и еще один его участник — капитан Фишер. Вечером в субботу, 18 февраля, многие заговорщики были арестованы в таверне «Блю постс», но Беркли успел скрыться. Один из конспираторов, Портер, сразу же, спасая себя, вызвался стать свидетелем обвинения. А Портер был как раз тем лицом, которого не хотел выдавать Пендерграс. Теперь у того тоже исчезли причины молчать. Руководители покушения были казнены.

Известие о раскрытии заговора вызвало большое возбуждение. Парламент временно приостановил действие акта о неприкосновенности личности. В одном только Лондоне было арестовано 330 человек. Было решено, что, в случае кончины монарха, парламент не будет считаться распущенным и должен обеспечить установленный после 1688 года порядок престолонаследия.

Однако заговор вызвал потрясения в правительственном лагере, на которые вряд ли первоначально рассчитывали в Сен-Жермене. Наряду с арестами участников покушения были произведены аресты среди лиц, оказывавших содействие заговорщикам. В их числе был и Томас Брюс, граф Эйлсбери. Якобиты пытались подкупить свидетелей — двух ирландцев, являвшихся агентами секретной службы, и уже упоминавшегося Портера. Тот, уже войдя во вкус своей новой профессии, с готовностью принял 300 гиней, но не скрылся, как обещал, а вызвал стражу, арестовавшую агента, через которого он вел переговоры с якобитами, — цирюльника Кленси.

В своих показаниях арестованные заговорщики назвали генерала Джона Фенвика. Тот бежал и надеялся добраться до побережья, где его ждал французский корабль. Однако генерала случайно опознали при аресте двух контрабандистов. Фенвику снова удалось скрыться. Власти организовали настоящую облаву и, наконец, нашли его, спрятавшегося в какой-то лачуге. В Таузере Фенвик неосторожно написал записку своей жене (это она пыталась убрать неудобных свидетелей против Эйлсбери) с просьбой подкупить присяжных. Одновременно Фенвик сообщил, что готов открыть все известное ему о заговорщиках. В своем «признании» он обвинил важнейших министров и сановников — Мальборо, Рассела, Годолфина и Шрюсбери. Сознательно или нет, арестованный генерал начал большую и, как выяснилось, смертельно опасную для него игру. Он не выдал никого из подлинных якобитов, а показал лишь на влиятельных политиков, дававших на всякий случай обещания Якову II. Фенвик, по-видимому, рассчитывал вызвать смятение в правительственных кругах, заставить Вильгельма III расправиться с лицами, влияние которых было крайне важно для упрочения его трона. Однако Вильгельм сразу же понял смысл игры. Не то, чтобы король считал ложными показания Фенвика — наоборот, они содержали зерно истины, впрочем, давно уже известной развед-

ке лорда Портленда. Но нельзя было признавать их истинными, чтобы не вызвать серьезных потрясений. И Вильгельм, находившийся в Голландии, отправил обратно присланные ему показания Фенвика, сообщив, что содержащиеся в них обвинения — бессмыслица и несколько не могут поколебать его доверие к членам Тайного совета, ставших жертвами таких обвинений. Все же разоблачения Фенвика вызвали большое возбуждение в парламенте, тем более что они касались не только тори, связи которых с якобитами были известны, но и вигов. Палата общин вызвала Фенвика для дачи показаний. Якобит был также доставлен к королю. В обоих случаях Фенвик отказался представить какие-либо доказательства своих утверждений. Возможно, что он и не располагал ими, лишь повторяя слухи, ходившие среди якобитов. Своими обвинениями Фенвик не достиг цели и вместе с тем возбудил против себя ненависть влиятельных лиц. Однако для вынесения приговора Фенвику как виновному в измене требовались, по закону, показания не менее двух лиц. Вначале власти располагали двумя такими свидетелями, но якобитскому подполью удалось подкупить (или запугать) одного из них, и тот поспешно покинул страну. Тогда палата общин прибегла к последнему оружию — приняла направленный против Фенвика акт об осуждении. После жарких прений акт был одобрен также палатой лордов и получил подпись Вильгельма III. Джон Фенвик был обезглавлен на Тауэр-хилле.

Стоит отметить, что якобиты, с волнением наблюдавшие за парламентскими дебатами по делу Фенвика, не захотели или не имели возможности представить документы, подтверждавшие его слова. Но это еще далеко не значит, что таких документов не имелось в природе. Интересно отметить, что Эйлсбери не подтвердил показаний Фенвика. После этого Эйлсбери еще некоторое время продержали в Тауэре, пока не утихли страсти, вызванные делом Фенвика, и выпустили на свободу.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

оэзия глупа!» В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом, —
Он может быть и просто дураком!

(Перевод С. Маршака)

Когда английский поэт Мэтью Прайор обращался с этим язвительным четверостишием к литературным критикам, кто знает, не думал ли он о куда более многочисленных и злобных критиках его действительно извилистого политического пути или о патронах, мешавших ему, прирожденному мастеру тайной дипломатии, преуспеть на этом далеком от литературы поприще.

Мэтью Прайор занял сравнительно молодым свое особое, хотя и скромное, место на современном ему литературном Олимпе. Видный представитель английского классицизма, близкий к признанному главе этого направления Александру Поупу, Прайор не менее известен и произведениями, написанными в различных жанрах легкой светской поэзии, — эпиграммами, шутливыми посланиями, веселыми песенками, остроумными пародиями. Несмотря на раннее признание его таланта, для Прайора путь наверх, в ряды правящей знати, был долгим и нелегким. Помогали аристократические связи, приобретенные еще на студенческой скамье в Кембридже, подкрепленные потом умением вовремя, в нужной форме откликнуться и на победы короля Вильгельма, и на успехи своих друзей студенческих лет, унаследовавших отцовские титулы и богатства, а вместе с ними — нередко министерские посты, руководство сложившимися тогда партиями тори и вигов. Все же Прайору, выбившемуся в люди сыну столяра, «человеку низкого происхождения», как презрительно заметила королева Анна, не имевшему собственного состояния и зависевшему целиком от неверного и нерегулярного жалованья, путь к главным источникам власти и богатства оказался закрытым. Но до второстепенных государственных должностей — помощника влия-

тельного министра или временного главы посольства — Прайору удалось добраться, правда, ценой не только унижения, ластивых излияний в прозе и стихах в адрес своих покровителей, но и разрыва с ними в нужный момент, квалифицировавшегося современниками как предательство. Главное, что Прайор доказал свою большую полезность, был не только удобным и послушным «пером», но и зарекомендовал себя как опытный и удачливый мастер секретных дипломатических переговоров, как умелый организатор шпионажа.

В 1690 году, когда Прайору было 25 лет, он начал службу секретарем английской миссии в Гааге. Голландская столица была местом, где на протяжении последующих семи лет проходили встречи монархов и министров — участников антифранцузской коалиции — так называемой Аугсбургской лиги. В обязанности Прайора входила выдача паспортов для желающих посетить Англию. Это было вовсе не простое дело, поскольку паспорта разрешалось выписывать лишь лицам, не имевшим, с точки зрения английских властей, предосудительных намерений. Прайору было поручено также наблюдение за французскими шпионами, пытавшимися через Голландию пробраться в Англию. Прайор должен был ставить в известность о результатах этой слежки портовые власти в Харидже и Лондоне. Подозрение молодого дипломата вызвал, в частности, некий Клерк, объявивший себя итальянцем, но, по мнению Прайора, вероятно, француз. Прайор сообщил о своих сомнениях портовому начальству в Бриле и Харидже, а также заместителю министра иностранных дел Ричарду Уорри на случай, если подозреваемый, обманув таможенных чиновников, все же доберется до Лондона. Выяснилось, что в поле зрения Прайора попал не кто иной, как известный иезуит-шотландец Кларк (или отец Космо), поддерживавший связи между Сен-Жерменом и руководителями якобитов в Англии. Прайор даже предложил новую систему выдачи паспортов, одобренную в Лондоне, которая облегчала бы обнаружение вражеских агентов.

Наряду с охотой на якобитских лазутчиков Прайору надлежало два раза в неделю направлять в Уайтхолл сведения, которые содержались в письмах, прибывавших от нанятых англичанами лиц из различных стратегически важных городов. Информация носила политический и военный характер, сообщалось немало и придворных

сплетен, которые тоже имели известное значение для ориентации английской дипломатии.

В январе 1699 года Прайор был включен в состав английского посольства в Париже, возглавлявшегося лордом Портлендом. Официально посольство воздерживалось от любых контактов с Яковом II и его окружением и домогалось высылки бывшего английского короля из Франции. Британские дипломаты старались не появляться на придворных празднествах и церемониях, на которых можно было ожидать присутствия Якова II. Тот самодовольно разъяснял, что мятежники не осмеливаются встречаться с ним лицом к лицу и что он видел только одного или двух из шайки Бентинка. Прайор был менее осторожным, присматриваясь к изгнанной королевской семье. Сам Яков II на него произвел впечатление «старого хвастуна.., тощего, потертого и сгорбленного».

Через несколько месяцев Портленд вернулся в Англию, и Прайор был назначен временным поверенным в делах до приезда нового посла — лорда Джерси. Функции Прайора, впрочем, не претерпели особых изменений. Покидая Париж, Прайор составил отчет об использованных им шпионах. Среди них фигурировал некий Браконье, уже проводший четыре года в Бастилии, какой-то ирландец, выдававший себя за купца. В числе агентов значились англичанин Бейли — под этим именем скрывался священник и, как сообщалось в отчете, «совершенный развратник» Джонстон, — и старуха Ланглуа, «хитрейшая шлюха» с двумя дочерьми...

После 1688 года разведка пыталась использовать и уже полузабытый опыт прежних времен. В 1699 году король Вильгельм III Оранский вызвал знакомого нам шифровальщика времен Кромвеля и Терло — Джона Уоллиса, достигшего в то время весьма почтенных лет, и просил его обучить молодых людей столь важному искусству, «чтобы оно не умерло с вами», — добавил король. Впрочем, доктор Уоллис не забыл и других приемов своего ремесла и пытался с помощью их оказать сильное содействие правительству. Так, в 1702 году профессор распространял слух, что, как ему доподлинно известно, «молодой претендент», считавшийся сыном Якова II, вовсе не является таковым (и, следовательно, уж ни в каком случае не может претендовать на роль «законного монарха»).

«ПИСЬМО О ЗАЛИВЕ КАМАРЕ»

тайной войне конца XVII — начала XVIII века большое место принадлежит герцогу Мальборо.

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо («Мальбрук», как его в старину именовали на Руси), родился в 1650 году. Он был сыном мелкопоместного дворянина. Начало карьеры Черчилля было положено, когда его старшая сестра Арабелла стала любовницей герцога Йоркского, будущего Якова II. Принятый ко двору Черчилль вскоре был взят на содержание королевской фавориткой Барбарой Вильерс, герцогиней Кливлендской. Саму Барбару пристроил на это место ее родственник Джордж Вильерс, герцог Бэкингем, но она скоро успела подставить ему ножку. Герцог не остался в долгу и привел Карла II к его любовнице, когда она принимала молодого Черчилля. К счастью для того, королю успела порядком надоесть властная, сварливая и, главное, начавшая стареть герцогиня. Поэтому, обращаясь к Черчиллю, король лишь сказал: «Ты прохвост, но я тебя прощаю, таким путем ты зарабатываешь себе на хлеб».

Карл был недалек от истины. Практичный молодой человек, выудив у герцогини 4500 фунтов стерлингов, поспешил вложить их в ценные бумаги. Поднакопив таким путем изрядный капитал, молодой офицер женился на придворной красавице Саре Дженнингс. Благодаря Арабелле Джон Черчилль стал приближенным герцога Йоркского, а его жена — наперсницей принцессы Анны, дочери герцога. Черчилль быстро продвигался по службе, тем более что вскоре успели отчасти выявиться его несомненные полководческие дарования.

После 1685 года, когда герцог Йоркский стал королем Яковом II, награды и почести посыпались на Черчилля, как из рога изобилия. Именно Черчилля Яков II назначил главнокомандующим своей армией, высланной против войск Вильгельма Оранского, высадившихся в Англии в 1688 году. Именно Черчилль поспешил перейти на сторону Вильгельма, что быстро решило исход борьбы. (Черчилль пытался даже похитить Якова и выдать его Вильгельму Оранскому, но этот план не удался.)

В первые годы правления Вильгельм, как уже упоминалось, чувствовал себя на престоле далеко не прочно. Угроза якобитской реставрации была или, вернее, казалась вполне реальной. Тогда Черчилль решил на всякий случай «помириться» с Яковом II. Впрочем, не все якобиты были склонны принимать всерьез авансы Черчилля. Часть из них начала догадываться, что у того могут быть совсем другие планы, чем восстановление на престоле Якова II. Стали просачиваться сведения, что властная Сара Мальборо совсем подчинила себе свою недалекую подругу принцессу Анну, дочь Якова II и сестру королевы Марии, жены Вильгельма III. У Анны был тогда жив сын (он умер еще ребенком через несколько лет). Если бы супругам Мальборо удалось возвести на престол Анну вместо Вильгельма, было бы обеспечено наследование трона протестантами и сведены на нет шансы возвращения Якова II.

Агенты якобитов явились к Портленду и сообщили о плане, составленном Мальборо в пользу принцессы Анны. У якобитов не было никаких весомых доказательств. Тем не менее Вильгельм был встревожен: он получил некоторые подтверждения информации, сообщенной ему одной из фрейлин принцессы Анны. Вильгельм отлично понимал, что попытка реставрации Якова II была маловероятна и должна была натолкнуться на сильное сопротивление. Напротив, замена непопулярного короля-иностранца английской принцессой, дочерью «законного» короля и протестанткой, могла быть осуществлена с куда большими шансами на успех. Поэтому Мальборо, имевший немалый вес в палате лордов и в армии, стал казаться Вильгельму фигурой более опасной, чем якобитское подполье. В январе 1692 года Мальборо было предписано подать в отставку со всех занимаемых им постов, хотя это вызвало протесты Шрюсбери, Годолфина, Рассела и других влиятельных членов правительства.

В это время стала реальной угрозой французского вторжения. Вильгельм уехал на континент, взяв с собой почти все войска, содержание которых было разрешено парламентом. Людовик XIV решил тогда, что упущенные в 1688 и 1689 годах возможности французского десанта в Ирландии и Шотландии (только после борьбы подчинившихся Вильгельму) теперь можно будет компенсировать переброской большой армии в Англию. Около Шербура было собрано 20 тыс. солдат, половину из

которых составляли ирландцы, ненавидевшие английских завоевателей. В середине апреля 1692 года был перехвачен небольшой французский корабль, он вез бумаги, раскрывавшие тайны французского двора. Начались лихорадочная переброска полков из Ирландии и Фландрии, приведение в боевую готовность флота.

Якобитская агентура пыталась всячески привлечь на свою сторону адмирала Рассела, так как от его позиции зависели шансы на успех вторжения. Однако, не прекращая своего флирта с якобитами, Рассел однажды откровенно заявил их представителю, что он, при всей его преданности изгнанному законному монарху, встретив французский флот, уничтожит его, «даже если на борту будет находиться король Яков». Королева Мария (Вильгельм был в отъезде) подозревала Рассела, но и не решалась сместить его, что никак не способствовало ослаблению панических настроений. И как раз в эти недели Тайный совет получил сведения об очередном опасном заговоре. Трудно сказать, были ли эти разоблачения сознательно спровоцированы якобитской агентурой, чтобы парализовать правительство, или они явились результатом личной инициативы профессиональных доносчиков — достойных преемников Тита Отса, расплодившихся в те бурные годы.

Некий Роберт Юнг, по его собственному признанию, специалист по подделке документов, находясь в тюрьме, решил сделать карьеру, обвиняя видных политиков в заговоре против Вильгельма III. Юнг написал какое-то письмо Мальборо и ухитрился получить ответ. Имея теперь в распоряжении образец подписи Мальборо, Юнг составил фальшивку, в которой Джон Черчилль и еще несколько видных лиц, включая недалекого епископа Рочестерского, связывали себя обязательством подготовить армию в 30 тыс. человек для помощи Якову и выдать ему «принцессу Оранскую», то есть королеву Марию, жену Вильгельма III. После этого Юнг направил своего подручного Стефана Блейкхеда спрятать фальшивку в цветочный горшок в доме епископа Рочестерского. Теперь Юнгу оставалось только донести об измене, а также сообщить, где можно найти ее доказательства: надо хорошенько поискать в цветочных горшках в епископском доме. Мальборо и еще несколько важных лиц были арестованы и посажены в Тауэр. Это произошло в начале мая 1692 года, а уже через две недели обстановка претерпела резкое изменение. 29 мая англий-

ская и голландская эскадры под командой Рассела разбили главные силы французского флота при мысе Ля-Ог. После этого англичане на протяжении пяти дней преследовали и старались уничтожить укрывшиеся в гаванях французские корабли. В этом преследовании отличились несколько адмиралов — помощников Рассела, которые в яcobитских списках числились как преданные сторонники короля Якова... Паника улеглась. 11 июня вызванный на допрос в Тайный совет Блейкхед признался в подлоге. Юнг пытался отстаивать свои обвинения, но ему уже никто не верил. Обвиняемые были освобождены, хотя Мальборо — под большой залог и предоставление поручительства. За него поручились Годолфин и Галифакс, которых королева Мария в наказание исключила из числа членов Тайного совета. Мальборо оставался в большой немилости у двора. Быть может, поэтому он решил повысить свои акции у Якова II. К этому времени относится и печально известное «письмо о заливе Камаре», которое опальный генерал послал (если послал!) в Сен-Жермен.

В XVIII веке про британские войска говорили: это армия львов, предводительствуемая ослиами. Усилия английских историков поколебать этот нелестный вывод — в той части, которая относилась к британскому генералитету, — не увенчались особым успехом. Но эта оценка не подходит для времени, когда во главе английской армии находился герцог Мальборо (хотя к нам в Россию из Франции и пришла малоблагосклонная к нему песенка о собравшемся в поход Мальбруке).

Трудно найти более удачливого военачальника. Мальборо не испытал ни одного серьезного поражения. Некоторые из данных им сражений принадлежат к числу самых крупных военных побед в английской истории. Военские успехи Мальборо были следствием не только его крупного полководческого дарования, редкого хладнокровия, предприимчивости, осторожности, способности к осуществлению оригинальных и сложных стратегических планов, иногда полностью противоречивших общепринятым тогда принципам военного искусства. Способности выдающегося полководца соединялись в нем с качествами пронизательного дипломата, проявлявшего нередко исключительную изворотливость и умение с помощью то обволакивающей любезности, то путем головоломного маневра обойти противника, привлечь на свою сторону

нужных союзников и добиться успешного исхода самых трудных переговоров. Он умел льстить бездарным союзным генералам, улаживать несговорчивых и подозрительных комиссаров голландских Генеральных штатов, как умелый царедворец обхаживал тщеславных германских князей, терпеливо сносил их капризы, льстил, приписывал шестидесятилетним матронам прелести Венеры, а их не видевшим поле боя мужьям — таланты Александра Македонского. Еще важнее, что Мальборо не раз удавалось, объезжая союзные дворы, мирить разногласия и раздоры между главными участниками антифранцузской коалиции. А после каждой летней кампании он отправлялся в Англию, где сочетал политические речи в палате лордов с участием в придворных интригах, которые плелись вокруг недалекой королевы Анны и от которых немало зависело в судьбе вигского министерства, выступавшего за продолжение войны против Франции.

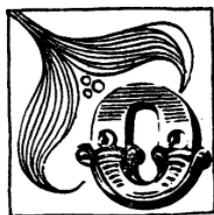
О Мальборо написано множество книг. Однако несколько поколений англичан привыкли представлять себе образ Мальборо, каким он встает со страниц красочной «Истории Англии от восшествия на престол Якова II» знаменитого либерального историка Т. Б. Маколей, вышедшей в свет в 1858 году и искажившей историю для восхваления вигов. Маколей, однако, был неблагосклонен к Мальборо, который после своих побед в войне за испанское наследство стал кумиром вигской партии. Отчасти это объясняется тем, что написанные Маколеем тома обрываются как раз на времени, когда развернулась полководческая деятельность Мальборо, контрастом к которой Маколей решил сделать неблагоприятное начало карьеры Джона Черчилля.

Маколей не скрывает двусмысленных способов обогащения молодого Мальборо. По мнению этого историка, Джон Черчилль принадлежал к числу государственных деятелей, считавших верность убеждениям признаком тупоумия, честность — вздором, патриотизм — пустым звуком. Целью таких людей являлась лишь защита низких, эгоистических интересов, а наиболее пригодными средствами ее достижения почитались измена, вероломство, продажность, готовность сегодня служить любому делу, чтобы завтра оставить его, если это сулило личную выгоду. Мальборо превосходил в этом отношении всех политиков своего времени. Он был равно способен с холодной невозмутимостью совершить и поступок, требую-

ший исключительной отваги, и мелкую гнусность, если она только вела к его пользе.

Считалось, что Черчилль, нанеся своей изменой страшный вред Якову и ненавистный для всех якобитов, будет верно служить Вильгельму из чувства самосохранения. Но те, кто так думал, плохо знали Мальборо. Почувствовав непрочность, как тогда казалось, трона Вильгельма, Черчилль решил устроить так, чтобы при возможном возвращении Якова сохранить свое высокое положение и богатства. Не прошло и двух лет после того, как он покинул лагерь Якова и бежал к Вильгельму, и в Сен-Жермен, где жил изгнанный король, стали приходить письма, выражающие самое глубокое раскаяние. «Мои преступления,— говорилось в одном из этих писем, — являются мне теперь в их настоящем виде, и я содрогаюсь от ужаса при их созерцании. Мысль о них живет со мной днем и ночью. Я сажусь за стол, но кусок не идет в мое горло; я кидаюсь на кровать, но сон бежит от меня. Я готов пожертвовать всем возможным, пренебречь всем дорогим, обратить в прах мои богатства, лишь бы только избавиться от гнета больной души». При этом, уверяя Якова, что сознание вины мешает ему, Черчиллю, есть пищу днем и отдыхать ночью, он втайне насмеялся над своим бывшим повелителем. Потеря полгиinei куда более была способна испортить его аппетит и расстроить его сон, чем все ужасы встревоженной совести. Целью Мальборо было исторгнуть у Якова документ, в котором содержалось бы прощение за измену. Однако наученный опытом Яков соглашался помиловать Мальборо, только если он загладит свое предательство какой-то исключительно важной услугой делу Стюартов. «Прежняя его измена, снабженная всем, что могло сделать ее неподражаемой,— пишет Маколей,— поставила его в то неловкое и затруднительное положение, в котором находится всякий артист, после того как создаст свой шедевр. Мальборо теперь нужно было превзойти себя самого, затмить прежний блеск новым, еще более ярким. И действительно, второе его мастерское дело в искусстве измены могло возбудить удивление даже в тех, кто вполне оценил достоинство первого. Чтобы почитатели его талантов не могли сказать, что во время революции он изменил своему королю по каким-то другим, а не по эгоистическим, мотивам, Мальборо решил теперь изменить своему отечеству. Он послал в Сен-Жермен

план тайной экспедиции, подготовленной Вильгельмом против Бреста, и Яков передал этот план Людовику XIV. В результате экспедиция окончилась провалом, и более тысячи английских солдат сложили свои головы на французском берегу, для того чтобы удостоверить Якова в раскаянии лорда Мальборо». Такую оценку давал вигский историк характеру Мальборо, основывая ее прежде всего на тайном послании Черчилля в Сен-Жермен, получившем название по месту неудачной высадки английского десанта «письмо о заливе Камаре». Маколей, как и почти все современные ему историки, не сомневался в подлинности этого письма, занимающего важное место в летописях разведки. С конца XIX века вопрос о подлинности письма Мальборо стал предметом ожесточенных споров в английской историографии. Споры, от исхода которых зависит наше представление о многих событиях тайной войны в десятилетия после «Славной революции» 1688 года.

«КОЛЮЧИЕ БУМАГИ» НЭРНА

сновной вопрос — откуда французы получили сведения о подготовке английской экспедиции? Примерно через полвека после рассказанных событий, в 1741 году, в библиотеку Шотландского колледжа в Париже поступили бумаги Дэвида Нэрна, начальника канцелярии якобитских министров Мелфорта и Мидлтона, — около дюжины томов оригиналов и копий переписки претендента (сына Якова II) и его приближенных со своими сторонниками, в том числе и письмо Мальборо.

Уже через несколько месяцев, в начале 1742 года, к бумагам проявил повышенный интерес ученый историк и одновременно разведчик Джон Кэрт (английский министр Уолпол подсылал его с тайными поручениями к претенденту, явно пытаясь одурачить главу якобитов). Путем подкупа или просто кражи Кэрт сумел заполучить бумаги Нэрна. Это все происходило за несколько лет до последней попытки восстания якобитов в 1745 году, и добыть их архивы было немаловажно отнюдь не только в интересах исторической науки. Через много

лет, уже после смерти Кэрта, якобитская корреспонденция была передана его вдовой в Бодлеану — библиотеку Оксфордского университета, но предварительно часть бумаг была опубликована в Лондоне под названием «Подлинные документы, содержащие историю Великобритании от Реставрации до перехода престола Ганноверской династии». Издателем этих материалов был не кто иной, как Джеймс Макферсон, прославившийся публикацией поддельных древнекельтских сказаний — знаменитого «Оссиана». Доказательства его подложности были приведены много позже, но сомнения в подлинности были высказаны вскоре после появления первого издания мнимого кельтского эпоса, причем таким крупным литературным авторитетом, как известный критик Самуэль Джонсон. В ответ Макферсон представил копии древнекельтских оригиналов, которые являются несомненно мастерской поэтической стилизацией. Таков был издатель бумаг Нэрна. Репутация Макферсона как виртуозного мистификатора, конечно, была принята в расчет теми историками, которые пытались подорвать доверие к опубликованным им документам. Маколей, как уже говорилось выше, не сомневался в аутентичности «письма о заливе Камаре». Но ему возражал Д. Пейджет. Всемирно известный историк не удостоил ответом эти возражения, возможно, считая, что годы предадут забвению старания его оппонента. Так в начале и случилось. Однако, как не без ехидства заметил вмешавшийся в следующем веке в эту дискуссию Уинстон Черчилль, время — вещь долгая. Доводы Пейджета были еще в конце XIX столетия подхвачены другими исследователями.

В 1894 году, ровно через два века после отправления «письма о заливе Камаре», им занялся историк Е. Ллойд. Это письмо, дошедшее до нас только в копии, являлось зашифрованным сообщением, посланным генералом Эдвардом Сэквилем якобитскому министру Мелфорту и содержащим план высадки отряда генерала Толмэша. Сэквил же будто бы получил эти сведения от Мальборо. Е. Ллойд доказывал, что французы узнали о подготовке экспедиции из других источников (в частности, от лорда Годолфина) и начали оборонительные работы задолго до получения письма от Сэквила. Иначе говоря, Мальборо сообщал якобитам и французам лишь то, что было им и так известно.

Через три года, в 1897 году, А. Парнел уже повел атаку на самую подлинность письма, доказывая, что сохранившаяся копия была сочинена или, во всяком случае, сильно изменена по сравнению с оригиналом и что это было проделано Д. Макферсоном, человеком с якобитскими симпатиями. Парнел пытался отрицать связь с якобитами не только Мальборо, но и других лиц из окружения Вильгельма III. В 1920 году Д. Дэвис убедительно показал несостоятельность доводов Парнела. И, наконец, в спор ввязался не кто иной, как Уинстон Черчилль — дальний потомок Мальборо.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ О ДЖОНЕ ЧЕРЧИЛЛЕ

Уинстон Черчилль приступил к составлению жизнеописания Мальборо в годы вынужденного удаления от государственных дел. Позади остались разрыв с торийской традицией семьи, участие в либеральных правительствах, возвращение — в 20-х годах XX в. — в ряды консерваторов. Однако часть руководителей тори не прощали У. Черчиллю ни его прежнего либерального отступничества, ни умения более пронизательно, чем они, оценивать политическую ситуацию. Время руководства страной во второй мировой войне еще было впереди, но и в начале 30-х годов У. Черчилль мог во взлетах и падениях собственной политической карьеры усматривать аналогию с перипетиями жизненного пути своего прославленного предка. Для Уинстона Черчилля Мальборо — полководец, закрепивший своими победами буржуазный политический строй в Англии, заложивший своей борьбой против притязаний Людовика XIV на европейскую гегемонию основы для осуществления Великобританией ее «исторической миссии» — создания Британской империи. Недаром в предисловии к своему многотомному «Мальборо» Черчилль пишет о том, что угроза, которая олицетворялась «королем-солнцем», была такой же или даже большей, чем опасность, исходившая от Наполеона или кайзера Вильгельма II (и Гитлера — добавлялось в трудах, вышедших из-под пера Черчилля в последующие десятилетия).

Реабилитация Мальборо была тем нужнее, что его сурово обличали люди, носящие самые прославленные имена в английской литературе и историографии — Свифт и Поуп, а через столетие — Теккерей и Маколей. «Я колебался, следует ли предпринимать этот труд,— пишет Черчилль. — Однако двое из наиболее одаренных людей, которых мне довелось знать, настойчиво советовали мне взяться за работу. Лорд Балфур со всей редкой утонченностью его большого ума, холодного, критического и склонного подвергать все исследованию, убеждал меня в этом с покоряющим воодушевлением. Лорд Розбери сказал: «Конечно, вы должны написать о герцоге Джоне (как он всегда называл его). Это был потрясающий человек». Я ответил, что с детства читал все, что мне попадалось на глаза, о нем, но рассказанная Маколеем история предательства экспедиции против Бреста является препятствием, которое я не мог преодолеть». Тогда старый, уже с трудом передвигавшийся государственный деятель поднялся из-за обеденного стола и направился вдоль полки прямо в один из уголков его обширной рабочей библиотеки, твердо зная место, где стояло исследование Пейджета. „Здесь,— сказал он, беря в руки этот неизвестный теперь, трудно добываемый шедевр,— здесь содержится ответ Маколею”».

Два премьер-министра — один консервативный, другой либеральный, — подталкивающие министра, который был членом и либерального и консервативного правительств, а впоследствии стал главой консервативных и коалиционных кабинетов, к восхвалению Мальборо, ухитрявшегося не раз занимать место и среди тори, и в рядах вигов! Картина достаточно красочная и сама по себе и, тем более, когда этот социальный заказ на апологию сопровождается прощением предательства, вовсе не опровергнутого Пейджетом.

Разумеется, Уинстон Черчилль пытается отвергнуть как клевету все пятнающее доброе имя Мальборо, утверждая, что наветы позаимствованы Маколем и другими историками у авторов скандальной хроники тех лет. Это действительно так, но трудно было ожидать, чтобы сомнительные похождения молодого офицера были отражены в протоколах Тайного совета или в других правительственных бумагах. Впрочем, в некоторых случаях такие официальные свидетельства все же имеются — например, нотариальные документы о различных приобре-

тениях Мальборо явно за счет подарков его поклонниц. В таких случаях Уинстон Черчилль строит свою защиту, ссылаясь на нравы эпохи и на то, что ведь даже в XX веке в Англии часто женятся на деньгах. Впрочем, защита не достигает цели. «В двадцать лет он делал деньги из своей красоты и силы, в шестьдесят — из своего гения и славы» — эта уничтожающая фраза Маколея о Мальборо так и остается, по существу, непровергнутой.

Уинстон Черчилль использует для атаки против традиционной истории «письма о заливе Камаре» и другое оружие — новую интерпретацию событий тайной войны XVII века. Впрочем, эта тема имеет для него и самодовлеющее значение. Вернее будет сказать, что сам вопрос о роковом письме рассматривается для апологетического жизнеописания Мальборо и для возвеличивания современных ему английских политиков — путем нового объяснения их связей с якобитством. Ведь обычно их портреты, жалуется У. Черчилль, «скорее напоминают китайских мандаринов, чем европейских государственных деятелей». Это касается Мальборо, Шрюсбери, адмирала Рассела, Годолфина, Сандерленда, Галифакса, позднее Сомерса и других менее крупных фигур. Их обвиняют в том, что они вступили в связь с изгнанным королем и предательски выдавали ему государственные секреты, военные планы, обещали отвести армию от исполнения ее долга, распахнуть двери страны перед иностранным вторжением и обеспечить реставрацию с помощью французских штыков.

Отметим, между прочим, что ни сам Вильгельм Оранский, ни королева Мария отнюдь не были лестного мнения о деятелях 1688 года. Вильгельм в доверительных разговорах с маркизом Галифаксом именовал чуть ли не всех их «умалишенными», «слабоумными», «болванами» и даже своего собеседника окрестил хамелеоном. А считавшаяся мягкосердечной королева Мария называла графа Девоншира слабовольным упрямым, графа Дорсета — лентяем, Пемброка — сумасшедшим, а Мальборо — «никогда не заслуживавшим ни доверия, ни уважения» и т. д. (подборку этих комплиментов приводит английский историк Д. Уэстерн в своей книге «Монархия и революция», изданной в 1972 г. в Лондоне).

Как уже говорилось, Уинстону Черчиллю не раз приходилось извинять Мальборо за те или иные поступки ссылками на нравы эпохи. Теперь же для защиты Маль-

боро подобного рода ссылки подвергаются осмеянию как самодовольное морализирование потомков на счет греховности предшествующих поколений. Черчиллю кажется невероятным, чтобы обладавшие столь громкими именами знаменитые государственные деятели оказались способными на приписываемую им низость. В том числе, конечно, и Мальборо. Следовательно, нужно проверить документальные доказательства выдвинутых обвинений и установить, не являются ли они клеветой. Оказывается, что, если отбросить ходившие тогда слухи, отразившиеся в корреспонденции и мемуарах современников, эти обвинения основываются на том, что писали о министрах и генералах Вильгельма III якобиты из окружения Якова II. Не имеется ни оригиналов, ни даже достоверных копий писем лиц, прославивших изменниками (за исключением «письма о заливе Камаре», о котором еще пойдет речь ниже). Это настораживает — ведь в архиве Вильгельма III сохранились оригиналы многих писем, посланных незадолго до «Славной революции» 1688 года, включая письмо Мальборо от 4 августа, которые, пока правил Яков II, являлись несомненной государственной изменой. Таким образом, Мальборо не боялся риска, связанного с посылкой таких писем. Тем более странным является отсутствие подобных оригиналов в якобитском архиве. Ведь они являлись бы известной гарантией верности приславших их лиц. Для Якова II, отлично знавшего, с кем он имеет дело, было бы естественно потребовать в обмен на свое прощение хотя бы письменных заверений лояльности. И если бы они были получены, для якобитов было чрезвычайно важно тщательно хранить их как нужное оружие в политической борьбе. Существуют письма такого рода, они наверняка дошли бы до нас, подобно другим, значительно менее важным бумагам. Поскольку же их нет, тем большее значение приобретает единственный источник, свидетельство которого может иметь серьезный вес в интересующем нас деле. Речь идет о мемуарах самого Якова II. После его смерти они сохранялись в Шотландском иезуитском колледже в Париже (этому имеются бесспорные документальные доказательства). Во время французской революции в 1793 году некий Шарпантье попытался вывезти рукопись в Англию, но по дороге был арестован. Жена Шарпантье, опасаясь, что королевский герб на переплетах может скомпрометировать ее мужа

в глазах революционных властей, сначала зарыла рукопись в саду, а потом, для верности, выкопала и сожгла.

Однако еще в начале XVIII века сын Якова II, так называемый «старый претендент», приказал на основе мемуаров и других материалов составить биографию отца. Она была написана неким Диконсоном в Сен-Жермене и хранилась в том же Шотландском колледже, где ее уже в XVIII веке просматривали английские путешественники. В начале XIX века манускрипт после долгих странствий попал в Англию и был опубликован в 1816 году. Хотя в биографии несомненно широко цитируются и излагаются мемуары Якова II, Диконсон дополняет их другими данными, освещаемыми так, как это считалось нужным с точки зрения якобитов в первые годы XVIII века. Неясно, читал ли историк и разведчик Кэрт — тот самый, который купил и привез часть якобитских архивов в Англию, — сами мемуары Якова II или биографию, написанную Диконсоном. Что же касается привезенных Кэртом бумаг Нэрна, изданных Джеймсом Макферсоном, то они представляют собой явно один из источников, которым ранее пользовался Диконсон. Однако, самое главное, мемуары Якова II оканчиваются описанием реставрации Стюартов в 1660 году. Об этом свидетельствует впервые опубликованное У. Черчиллем письмо Томаса Айнеса, брата и потом преемника главы Шотландского колледжа, от 10 января 1741 г. Следовательно, все, что говорится в написанной Диконсоном биографии Якова II о событиях после 1660 года, основано не на мемуарах короля, а на других материалах, главным образом на уже упоминавшихся документах и, возможно, еще каких-то не известных нам бумагах Нэрна. По существу, бумаги Нэрна и их пересказ Диконсоном — один и тот же источник, и это — единственный источник, на основании которого последующие историки, и в первую очередь Маколей, строили свои обвинения против Мальборо и других приближенных Вильгельма III. Следовательно, весь вопрос в том, сообщают ли правду якобитские бумаги. Чтобы ответить на него, надо, во-первых, выяснить, не были ли у якобитских министров и разведчиков (нередко это — два названия для одних и тех же лиц) мотивов исказить истину; и, во-вторых, известна ли была им эта истина, не находились ли они по каким-то причинам в заблуждении относительно подлинного положения вещей.

Яков II, его семья, придворные, немногочисленный отряд его гвардейцев — все они жили за счет Людовика XIV. А милости «короля-солнца» и особенно их масштабы (если не считать отдельных сентиментальных порывов, определяемых сочувствием изгнанному брату) целиком определялись интересами французской внешней политики. Единственным способом побудить Версальский двор к щедрости было доказать, что якобы могут рассчитывать на поддержку целого ряда влиятельных людей в Лондоне и что оказываемая помощь может оказаться наилучшим способом нанесения удара по Вильгельму III. Якобитам было выгодно изображать Англию готовой к восстанию против Вильгельма, как только на британской земле высадятся французские войска. Это стало главной задачей якобитского министра и главы секретной службы лорда Мелфорта и его помощника Дэвида Нэрна. Однако правительство Людовика XIV имело свои собственные источники информации о политической ситуации в Англии и воспринимало передававшиеся ему якобитами сведения с большой долей скептицизма. О предательстве Мальборо и других политических лидеров говорят отчеты якобитских агентов Балкли, Ллойда (или Флойда) и полковника (потом генерала) Сэквила, посланные в 1691 году, или даже только их пересказ Диконсоном. Однако из этих отчетов явствует лишь, что и Мальборо, и адмирал Рассел, и Годолфин, и Галифакс ограничивались неопределенными обещаниями и благими пожеланиями. Неизвестно к тому же, в какой мере эти весьма туманные обязательства были результатом «редактирования» Мелфортом и Нэрном отчетов своих агентов.

Конечно, нельзя отрицать, что Мальборо и другие приближенные Вильгельма III поддерживали связь с Сен-Жерменом. Мальборо не прекращал эти контакты на протяжении целой четверти века, хотя при жизни Вильгельма избегал вести переписку. Поэтому в самом факте переговоров якобитских агентов с Мальборо вряд ли придется сомневаться, другое дело, что содержание некоторых их бесед могло быть искажено или даже придумано от начала до конца.

В годы правления Вильгельма целью Мальборо и других министров было застраховать себя на случай совсем не исключенной реставрации Стюартов и получить письменное прощение Якова за свою измену в

1688 году. Якобит Томас Брюс, граф Эйлсбери, знавший Мальборо с молодых лет и оставшийся с ним в дружеских отношениях, писал в своих мемуарах, что Вильгельм III разрешил Мальборо, Годолфину и Шрюсбери, а также лорду Сандерленду поддерживать связь с Сен-Жерменом. Они уверили Вильгельма, что таким образом смогут снабжать Мидлтона (министра Якова II и соперника Мелфорта) ложной информацией и выведывать тайные намерения якобитов. По мнению Эйлсбери, так и случилось на деле. Вероятно, утверждения Эйлсбери можно считать преувеличением, но Вильгельм III явно смотрел сквозь пальцы на старания многих его придворных «помириться» с Сен-Жерменом: Что побуждало Вильгельма III к такой позиции? Он понимал, что не может править Англией без помощи этих влиятельных людей, и мудро рассудил, что, как бы ни пытались они перестраховаться на случай реставрации, они никак не будут ей содействовать, а, напротив, приложат усилия к тому, чтобы ее предотвратить. Поэтому он спокойно слушал признания своих министров о предложениях, которые им делались якобитской агентурой, и о том, что они сообщали в ответ для дезинформации Сен-Жерменского двора. Вильгельм знал или подозревал о связях Шрюсбери с якобитами и неоднократно назначал его на высшие государственные посты. Вильгельму было известно о переговорах Рассела с якобитами — и он сохранял его командующим флотом, причем это доверие было оправдано победой адмирала над французской эскадрой у мыса Ля-Ог. Точно так же для Вильгельма не было секретом, что Мальборо сохранял связи со своими родственниками, последовавшими за Яковом II во Францию, и получил от того прощение (вероятно, по просьбе принцессы Анны, подруги леди Мальборо).

Мальборо не порвал контакты с якобитами на протяжении правления королевы Анны, то есть всех лет войны за испанское наследство, когда он возглавлял английские и союзные войска, сражавшиеся против французов в Бельгии и германских государствах. Но это уже был просто военный камуфляж. Так, в 1702 году Мальборо хочет навязать французам решительное сражение — и принимает у себя в лагере якобитского эмиссара, давая ему очередные загадочные обещания. Или в 1708 году, осаждая город Лилль, он завязывает активную переписку со своим племянником, французским

маршалом герцогом Бервиком, возможно, с ведома главы голландского правительства Хейнсиуса, о мирных переговорах. Цепь интриг, обещаний, намеков, хитросплетений, слухов — а затем быстрый, сокрушительный удар. Такова была система Мальборо. Якобиты жаловались, что они никогда не могли получить от него что-либо определенное. Он не предавал ничего, но питал их надеждами, что когда-нибудь предаст им все. Якобиты поэтому имели все основания клеветать на Мальборо и пытаться очернить его память. Враждебно настроенные историки приписывают Мальборо исключительно своекорыстные, узкоэгоистические мотивы, но именно из личных интересов он должен был всячески препятствовать реставрации Стюартов. Они могли, скрепя сердце, простить «архипредавателя», но его политической и военной карьере наверняка пришел бы конец. Какой же смысл было ему при жизни Вильгельма желать новой реставрации, когда наследницей престола явилась принцесса Анна, находившаяся целиком под влиянием Сары Мальборо? Это последнее обстоятельство все же дошло до сознания некоторых якобитов, которые без санкции Сен-Жермена пытались скомпрометировать Мальборо в глазах Вильгельма в 1691 году, обвиняя его в заговоре с целью возведения на престол принцессы Анны.

«Письмо о заливе Камаре» датируется 3 мая 1694 г. К этому времени острота конфликта Мальборо с Вильгельмом прошла, но он по-прежнему был исключен из состава Тайного совета и не занимал никаких официальных постов. В письме, сохранившемся только во французском переводе, выполненном в Сен-Жермене (к нему приложена сопроводительная записка якобитского агента генерала Сэквила), Мальборо сообщает, что целью английской экспедиции является Брест. Уже во второй половине XIX века ряд авторов привели доказательства, что французы еще ранее из других источников получили сведения о намеченном нападении на Брест и что они начали приготовления к отражению атаки еще в апреле. Таким образом, по мнению У. Черчилля, Мальборо, даже если он и написал свое письмо с целью добиться расположения Якова II, не сообщил Людовику XIV ничего, что уже не было известно французской разведке. Вместе с тем Мальборо не могла быть известна степень осведомленности Парижа. Поэтому, посылая свое письмо, Мальборо умышленно шел на изменническое разглаше-

ние военной тайны, даже если она на деле была выдана кем-то другим. Подобный поступок, каковы бы ни были нравы эпохи, в конце XVII века считался для военного таким же черным предательством, как и в последующие времена.

Однако могут ли совмещаться в одном человеке величайшая воинская доблесть с подлейшим воинским преступлением — в уравновешенном, нормальном человеке, а не маньяке или чудовище? Мог ли он обречь на смерть сотни своих товарищей и притом в обмен на весьма неверную и небольшую выгоду? Уже говорилось, что Мальборо мог только потерять от реставрации. В 1693—1694 годах у власти находились его друзья и союзники. Наряду с Шрюсбери и Годолфином он приобрел на крупную сумму — 10 тыс. фунтов стерлингов — акции только что основанного Английского банка — детища нового режима, возникшего после «Славной революции». Так что финансовые интересы, единственно дорогие, по мнению Маколея, сердцу Мальборо, тоже заставляли его противиться реставрации.

Якобит Джон Дэлримпл, автор мемуаров, изданных в 1773 году, утверждает, что видел в Шотландском колледже написанные рукой Якова II мемуары, в которых утверждалось, что тот получил письмо от Джона Черчилля о предполагаемой английской атаке против Бреста. Дэлримпл утверждает, что во время острой внутриполитической борьбы в конце правления королевы Анны один из лидеров тори Роберт Харли, граф Оксфорд, добыл у якобитов оригинал письма Мальборо и герцог должен был в 1712 году в страхе за свою жизнь уехать в изгнание в Брюссель. После его смерти герцогиня Мальборо ухитрилась добыть и уничтожить документ, столь губительный для репутации покойного генерала. Уинстон Черчилль иронически замечает, что, по этой версии, если оригинал существовал, он доказывал виновность герцога Мальборо, если же он отсутствовал, то это доказывает виновность герцогини. По другой версии, Роберт Харли, который после воцарения Ганноверской династии попал в Тауэр, получил от якобитов роковое письмо и сообщил об этом Мальборо, который добился снятия обвинений в измене, выдвинутых против вождя тори. Разумеется, эти две версии противоречат друг другу. Вероятно, они являются искаженной передачей одного и того же слуха, ходившего в полити-

ческих кругах Лондона или среди эмигрантов-якобитов. Впрочем, слухов было много: еще, например, утверждали, что Мальборо требовал сурового наказания Харли, а когда вигские лидеры Уолпол и Таунсенд выступили против этого, герцога от ярости хватил удар, от которого он так и не оправился. На деле, хотя Мальборо в 1715 году был восстановлен в должности главнокомандующего, которой он лишился в годы временного торжества тори, герцог не восстановил своего бывшего влияния и не мог определять судьбу заключенного в Тауэре Харли.

Сохранившийся французский перевод «письма о заливе Камаре» (он написан почерком Нэрна), как уже отмечалось, объединен с сопроводительным письмом генерала Сэквила. Его заголовок гласит, что это перевод зашифрованного донесения Сэквила. Иначе говоря, даже если Сэквил имел оригинал письма, в Сен-Жермен был доставлен не собственноручно написанный Мальборо текст, а шифровка Сэквила. Маловероятно, чтобы столь опытный конспиратор, как Мальборо, понимая, что речь идет о его голове, согласился передать написанное собственной рукой письмо и тем самым поставить свою судьбу в зависимость от ловкости какого-либо из якобитских лазутчиков, доставлявших секретную корреспонденцию из Англии. Так что, даже если бы оригинал письма существовал, он наверняка был бы уничтожен Мальборо и Сэквиллом ночью 3 мая 1694 г. На деле же каждое звено в доказательстве «предательства» Мальборо было подделано его врагами-якобитами.

В переводе письма Сэквила имеется вставка, написанная рукой лорда Мелфорта, о том, что содержание депеши следует держать в тайне «даже от лорда Мидлтона». Мелфорт был представителем крайнего католического крыла якобитов. Протестант Мидлтон считался сторонником компромисса, который бы выразился в согласии Якова в случае реставрации сохранить полномочия парламента и позиции англиканской церкви. В 1694 году Яков II стал явно поддерживать линию Мидлтона, Мелфарту грозила полная отставка, и он решил доказать свою незаменимость в качестве главы якобитской разведки, сфабриковав для этой цели письмо Мальборо. Действительно, зачем было Мальборо стремиться поддерживать связь только с Мелфортом в обход Мидлтона, который был наиболее подходящим партнером в случае переговоров с якобитами? Доказано, что

Мелфорт не раз изменял содержание получаемых писем. Еще одним свидетельством фабрикации является заголовок «письма о заливе Камаре» — «Перевод письма лорда Черчилля от того же числа на имя короля Англии». Мальборо никогда не использовал бы столь бесцеремонное обращение и не писал бы, обращаясь к королю, «Вы», а не «Ваше величество»; королевские титулы аккуратно воспроизводились якобитскими агентами даже в их зашифрованной переписке. В письме упоминается его «податель» — это явно не Сэквил, который написал особое сопроводительное письмо. Мальборо, находясь в Англии, не мог быть уверен в том, кто будет «подателем» письма в Сен-Жермене. Некоторые фразы писем Мальборо и Сэквила почти буквально совпадают, поэтому трудно представить себе, что они были написаны независимо друг от друга. Вероятно, их написали совместно не Мальборо и Сэквил в Лондоне, а Мелфорт и Нэрн в Сен-Жермене. Мелфорт знал все, что излагалось в «письме о заливе Камаре», — ему уже несколько недель было известно о плане атаки против Бреста, его агент Флойд известил о беседах с Расселом и Годолфином. Детали, якобы сообщенные Мальборо, могли быть получены от рядового шпиона, посетившего портсмутские доки и наблюдавшего подготовку к отплытию флота. Следовательно, в содержании письма не было ничего, что не могло быть написано Мелфортом и Нэрном без участия Мальборо.

Такова аргументация, выдвинутая У. Черчиллем в его биографии Мальборо и в значительной части воспринятая рядом новейших исследователей. Однако даже М. Ашли, участвовавший в сборе архивных материалов для книги Уинстона Черчилля и через много лет, в 1968 году, опубликовавший монографию «Черчилль как историк», считает, что адвокат Мальборо попытался доказать слишком многое.

Не будем останавливаться на доводах о «чести» — она слишком часто оказывалась очень гибкой у английских придворных, генералов и министров, чтобы подобные доводы могли иметь какой-либо вес. Что Мальборо не желал реставрации ни в 1693—1694 годах, ни позднее — об этом никто и не спорит. Он хотел лишь обеспечить свои интересы на случай возвращения Якова II, и из его жизненного пути никак не следует, чтобы он считал чужую кровь слишком дорогой ценой за такую

перестраховку. Другой вопрос, что Мальборо, возможно, хотел обезопасить себя и отправил в Сен-Жермен зашифрованный Сэквилом текст своего письма, а не собственноручно написанный оригинал (и поэтому слухи, что герцога шантажировали угрозой представить автограф, были вымышленными). Поэтому само по себе отсутствие автографа не является серьезным доводом против виновности Мальборо. Те же аргументы, которые выдвигает У. Черчилль против подлинности письма путем критики его текста, отпадают, поскольку известен лишь французский перевод и к тому же сделанный с зашифрованной депеши Сэквила. Сокращения и искажения при шифровке и расшифровке письма, при его несколько вольном переводе на французский язык и исправлениях этого перевода могут легко объяснить появление вызывающих недоумение слов и выражений. Кроме того, У. Черчилль игнорирует, что часть из них, включая просьбу держать содержание депеши в тайне от лорда Мидлтона, находится не в письме Мальборо, а в сопроводительном письме генерала Сэквила. А у этого якобитского резидента могли быть свои, не известные нам причины не доверять Мидлтону. Возможны даже «приписки» Мелфорта и Нэрна, но и они не являются абсолютным свидетельством против подлинности.

Конечно, при отсутствии оригинала нельзя доказать и того, что письмо не является подделкой Мелфорта и Нэрна. В значительной своей части аргументация Уинстона Черчилля повторяет доводы, которые еще в 1896 году были высказаны (в статье в «Английском историческом обозрении») А. Парнелом. Уинстон Черчилль упоминает в подстрочном примечании об этой статье, но не о своих заимствованиях из нее. Он приводит также в сноске статью на эту же тему Д. Дэвиса («Английское историческое обозрение», 1920 г.), но не сообщает читателю, что в ней подвергнуты уничтожающей критике выводы Парнела. Правда, У. Черчилль молчаливо признает неотразимость части критики Дэвиса, опуская в своем изложении явно несостоятельные утверждения Парнела. Ведь тот считал возможным, что бумаги Нэрна вообще были подделаны первым издателем Макферсоном. Эта точка зрения опровергается тем фактом, что до Макферсона бумаги Нэрна видели еще несколько человек, использовавших их для своих исторических сочинений (граф Хардуик, Д. Дэлримпл и др.). Все они

были живы в 1775 году, и никто из них не обвинил Макферсона в подлоге. Остается лишь предположение, что бумаги подделаны самими Нэрном и Мелфортом. В бумагах встречаются противоречия, явно неправдоподобные сведения, легко объяснимые лишь в том случае, если в них пересказаны по-французски отчеты якобитских шпионов. Уверения графа Эйлсбери, что Вильгельм III разрешил Мальборо, Расселу и другим министрам переписку с Сен-Жерменом, не выдерживают критики. Эйлсбери, который писал свои мемуары после тридцати лет изгнания, мог знать о том, что было известно в якобитских кругах, но он явно не был посвящен в тайны двора Вильгельма III. После обвинений, выдвинутых Фенвиком, Шрюсбери специально оправдывался перед Вильгельмом — какой смысл это имело бы, если переговоры с якобитами велись с согласия короля? Герцогиня Мальборо, когда она в старости выпустила печатное оправдание своих поступков, также не ссылается на подобное разрешение Вильгельма III. Утверждения Эйлсбери явно находятся в противоречии и с тем фактом, что Мальборо даже угодил в Тауэр по оказавшимся в данном случае ложными обвинениям в соотрудничестве с якобитами. Есть прямое указание о возмущении Вильгельма флиртом Мальборо с якобитами.

К этим доводам Д. Дэвиса, которые сознательно игнорировал У. Черчилль, можно добавить и другие. Утверждение У. Черчилля, что слова Якова II о выдаче Мальборо планов экспедиции не были написаны свергнутым королем, может быть опровергнуто. Скептически относящийся к «неудобным» якобитским источникам, У. Черчилль безоговорочно принимает на веру свидетельство ректора Шотландского иезуитского колледжа, что мемуары Якова II были доведены до 1660 года. Бросается в глаза, что ректор заявлял это только о тексте мемуаров, который находился в колледже и который вовсе не обязательно был полным текстом. В 1695 году Яков II сообщил кардиналу Бульонскому, который готовил тогда биографию маршала Тюренна, что он, Яков, год за годом описывает свою жизнь. Это свидетельствует А. М. Рамсей в книге «История Тюренна», напечатанной в 1735 году в Париже (эта книга Рамсея осталась неизвестной У. Черчиллю). Наконец, нужно учесть мнение такого крупного историка, как К. Фейлинг, считавшего, что биография Якова II, написанная Диконсо-

ном, основана если не на мемуарах низложенного короля, то на каких-то его записях и бумагах. Так что отвергнуть свидетельство Якова II возможно, если и его считать обманутым Мелфортом и Нэрном.

ИСПАНСКОЕ И АНГЛИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВА

1700—1714 годах происходила война за испанское наследство, в которой Англия и ее союзники — Голландия и германский император — выступили против Франции. В начале войны умер Вильгельм III, его преемницей стала младшая дочь Якова II Анна.

Война привела к расширению деятельности английской разведки. Как правило, британские агенты без особого труда даже во время войны находили способы, тайно отправляясь из французских портов, достигать Англии, другие предпочитали более далекий путь — через Голландию. Многие сведения удавалось добывать в самой Голландии. В 1710 году министр Роберт Харли писал: «Гаага — центр деловых переговоров и получения разведывательных сведений».

Шпионские функции неизменно составляли часть обязанностей британских послов. Однако иногда разведывательные задания составляли главное в их миссии, а дипломатические поручения представляли собой лишь благовидное прикрытие. Речь могла идти и о сборе информации — такова, например, была основная обязанность полковника Митфорда Кроу, назначенного в 1705 году в Геную. Как прямо было сказано в его инструкциях, формально он посылался для обсуждения вопросов развития торговли между Англией и Генуей, а в действительности — для наблюдения за ходом восстания в Каталонии и передвижениями неприятельского флота. Однако нередко, как и в прошлые времена, основной целью могли быть попытки организации дворцовых переворотов, устранение министров, проводивших неугодную Лондону политику, и т. п.

Часть английских разведчиков подозревали в том, что они являются шпионами-двойниками. Так, адмирал Рук в 1709 году переслал герцогу Шрюсбери сообщения

некоего Джона Сорена. Министр ответил, что они, видимо, являются выдумкой, цель которой — добыть взамен информацию о планах английского командования. Поэтому Сорена и его корабль следует продержать длительное время под стражей, пока сведения, которыми он располагает об английском флоте, не потеряют ценности для врага.

Шпионажем от случая к случаю занимались по обычаю или по представившейся нужде различные ведомства, причем разведывательные организации имели тенденцию превращаться в наполовину или целиком личную разведку лиц, которые являлись главой таких ведомств — военного, морского, иностранных дел и др. Чаще всего это происходило, когда во главе министерств стояли люди, разделенные острым соперничеством в борьбе за власть. Разумеется, в результате получаемая информация не сообщалась другим министрам и могла использоваться в целях, резко отличавшихся от тех, к достижению которых стремилось правительство в целом. Эффективность такой организации в большой мере определялась способностями ее главы. Так, действенность разведки Мальборо целиком была следствием его личного умения и почти безошибочного выбора подходящих помощников. А что в этом отношении мог сделать, допустим, супруг королевы Анны Георг принц датский, которого королева после восшествия на престол поспешила сделать лордом-адмиралом? Некогда Карл II в сердцах говорил: «Я испытывал его трезвым, я испытывал его пьяным и ничего не нашел в нем». Карл поэтому рекомендовал принцу как средство против тучности «гулять со мной, ездить верхом с моим братом и выполнять свои обязанности в отношении моей племянницы». Георг последовал доброму совету — они имели с Анной семнадцать детей, которые все умерли в самом раннем возрасте. Если не считать еще охоты, обычным занятием Георга было стоять у окна и отпускать нелестные замечания о прохожих. Подобная наблюдательность была еще явно недостаточной для шефа секретной службы Адмиралтейства.

...В 1704 году distinguished Роберт Харли, спикер палаты общин и позднее министр, получил со специальным курьером увесистый пакет. В нем находились 23 страницы, исписанные ровным, разборчивым почерком. Харли ждал этого документа, содержание которого ему было уже сообщено, и, конечно, знал автора — Да-

ниеля Дефо, известного романиста, которому еще предстояло создать «Робинзона Крузо». Роберт Харли, получивший титул графа Оксфорда, был выходцем из пресвитерианской семьи, активно державшей сторону парламента во время революции середины XVII века. Это был не совсем обычный лидер тори, ревностных защитников государственной англиканской церкви и сильной королевской власти. Про сэра Роберта говорили, что он имеет пристрастие лишь к бутылке, не увлекаясь ни дамами полусвета, ни картами, ни конскими состязаниями, к которым обычно обнаруживали склонность британские министры. Кроме того, он умел принимать вид человека, олицетворяющего политическую мудрость, которой, конечно же, должно было быть известно многое, не сообщаемое непосвященным. Харли пытался представить себя сторонником умеренного курса, трезво взвешивающим все «за» и «против» и чуждым крайних решений. За всем этим скрывалась нередко лень, которая побуждала Харли коротать дома за бутылкой часы, когда парламент обсуждал важнейшие меры. Она покидала его лишь, когда он занимался своим излюбленным занятием — тайными кознями. Роберт Харли был умным, честолюбивым и абсолютно беспринципным политиком, готовым любыми средствами бороться за сохранение и усиление своей власти. Как заметил один современник (Уильям Каупер), Харли по своему характеру «любил заниматься обманом и интригами, даже когда в этом не было нужды, дабы испытать удовольствие от своего хитроумия. Если кому-либо от рождения было предопределено стать мошенником, так это ему». Современники называли его «арлекином», «Робином-обманщиком».

Понятно, что Харли с большим вниманием прочел послание Дефо, содержащее проект организации всеобъемлющей шпионской сети как внутри Англии для борьбы с врагами правительства, так и за ее пределами (и, что не менее важно, эта секретная служба должна была вести также слежку за противниками Харли среди министров и сделать его полновластным главой правительства). «Если бы я был министром,— писал 2 ноября 1704 г. Дефо Харли,— я постарался бы по возможности знать, что каждый говорит обо мне». Для начала Дефо предлагал создать подобную организацию в Юго-Восточной Англии. Учитывая плохое состояние тогдашних до-

рог, приводившее к изоляции отдельных районов, он рекомендовал ввести регулярную посылку в каждый район секретных агентов, которые должны были доносить о малейших признаках антиправительственных настроений.

Хотя предложение Дефо централизовать всю систему правительственного шпионажа не было осуществлено, им была создана эффективная разведывательная организация. В самой Англии одно время у него было 63 агента, часть из которых постоянно разъезжала по стране. За границей Дефо имел надежных резидентов, как, например, Джона Дрэмонта в Голландии. Впоследствии Дрэмонт сообщал Харли много дополнительной информации об английских делегатах, участвовавших в мирных переговорах с французами. Информацию доставляли через служанок в гостиницах, через матросов. Специальные агенты наблюдали за гаванями. Была установлена слежка за подозрительными французами, по документам являвшимся священниками или преподавателями иностранных языков. Центрами сбора информации стали Дюнкерк, Брест и Тулон. Дефо старался посылать своих людей в Версаль и Сен-Жермен. Его агентами были, в частности, некий капитан Джон Огилви (ранее якобитский лазутчик, спасенный от петли благодаря вмешательству Харли) и его жена; судя по всему, они успешно выполнили свою миссию, поскольку по возвращении в Англию получили от Харли 40 фунтов стерлингов. Это была немалая сумма, особенно если учесть, что Харли принципиально не торопился оплачивать своих людей, нередко подолгу не отвечал на их настойчивые просьбы о присылке денег. Таким путем министр рассчитывал держать агентов в полной зависимости от себя.

Харли любил создавать атмосферу секретности. Письма своим шпионам он подписывал именем купца «Роберта Брайдана», и часть его корреспондентов не подозревала, что работает на правительство. Позднее Харли стал даже свои записи делать по-гречески, шифруя их лично изобретенным кодом.

Еще в 1704 году Харли не без кокетства объявлял в парламенте, что он знает о Шотландии не более, чем о неведомой тогда Японии. А через два года министр стал уже едва ли не самым компетентным экспертом по шотландским делам. Этому способствовала в немалой степени засылка агентов Харли в Шотландию. Одним из

них был некий Уильям Грег, о котором ниже. В 1706 году в Шотландию отправился Д. Дефо с заданием определить отношение населения к намеченному тогда объединению с Англией. Ему предписывалось также ликвидировать в зародыше тайные заговоры против унии.

Дефо был главой секретной службы в течение примерно десяти лет, оставаясь на этой должности при сменяющих друг друга торийских и вигских правительствах. Эффективную разведку, как уже отмечалось, создал и Мальборо, командовавший английской армией в Голландии. «Нельзя, — говорил он, — успешно вести войну без заблаговременно получаемых точных данных разведки».

В годы войны за испанское наследство (1700—1714) у французского двора появились серьезные причины способствовать якобитскому восстанию в Шотландии. Оно должно было заставить английское правительство отозвать с континента значительную часть своих войск. При этом восстание вовсе не обязательно — с французской точки зрения — должно было увенчаться успехом: довольно было бы и того, чтобы оно вспыхнуло и было сочтено в Лондоне достаточно серьезной угрозой.

Для подготовки десанта французский министр де Торси еще в 1705 году направил в Шотландию Натаниеля Хука, представлявшего одновременно и якобитский двор. Однако английская разведка добыла точные сведения о миссии Хука — его выдал уже упоминавшийся выше Джон Огилви, агент Роберта Харли. Через Огилви в Лондоне заранее узнали о намеченной на 1708 год высадке французских войск в Шотландии. Эти сведения были дополнены разведывательной информацией, которую переслал в Лондон английский посол в Голландии Дейрол.

Элемент неожиданности полностью отсутствовал в этом якобитском предприятии. В течение ряда месяцев британские разведчики сообщали о таинственных передвижениях якобитских лидеров и их курьерах, о тайных совещаниях сторонников «претендента». Английская разведка в январе и феврале 1708 года была вполне осведомлена о всем ходе подготовки к отплытию французской эскадры из Дюнкерка. Однако достаточных мер не было принято вследствие борьбы внутри правительства — виги как раз в это время стремились свести счеты с Харли.

Штормовая погода помогла французам ускользнуть от подстерегавшей их более сильной английской эскадры адмирала Бинга и, после того как выяснилось, что восстание в Шотландии не произошло, с трудом снова уйти от преследования и вернуться в Дюнкерк.

В правление королевы Анны борьба тори и вигов отражала обострение классовых антагонизмов в стране, но отражала в форме, осложненной личным соперничеством лидеров, искажаемой дракой из-за дележа доходных государственных постов, во время которой отбрасывались в сторону и принципы, и партийные различия. Вместе с тем вследствие связи части торийских лидеров с двором «старого претендента», лишённого парламентом права престолонаследия, партийная борьба в большой степени приняла форму тайной войны, соперничества разведок столкнувшихся политических сил. В годы войны за испанское наследство усилилась борьба и за английское наследство.

После акта о престолонаследии (1701 г.), по которому после Анны трон должен был перейти к Ганноверской династии, парламентом был принят против «претендента» закон об обвинении его в государственной измене. Однако многие в Англии считали, что акт о престолонаследии останется мертвой буквой, особенно если «претендент» согласится порвать с католичеством и принять англиканство.

Тори с неудовольствием видели, что быстро растущие налоги служили обогащению лондонских дельцов, что золотой дождь обходит сельское дворянство. По мнению тори, это происходило потому, что король превратился в орудие вигов. Так не стоило ли вернуть на престол сильного «законного» короля, договорившись с ним по поводу имевшихся прежде разногласий с династией Стюартов?

Конечно, острота внутривнутриполитической борьбы не менее, чем война, способствовала усилению деятельности разведки (точнее, разведок) в Англии. Однако, в свою очередь, не раз разведка в различных ситуациях служила детонатором дальнейшего обострения политических конфликтов. 31 декабря 1707 г. в резиденции Харли неожиданно был арестован Уильям Грег. Его обвиняли в шпионаже в пользу Франции.

Арест Грега произвел большое впечатление. Министров и других важнейших государственных сановников,

включая Мальборо, спешно вызвали для участия в допросе Грега. Тот, впрочем, не стал запираяться и сразу же во всем сознался... Харли пришлось 13 февраля 1708 г. подать в отставку, хотя она оказалась лишь перерывом в его карьере. Он тогда сохранял благорасположение королевы.

Королеву Анну, дочь Якова II, часто изображали как бесцветную и слабовольную, хотя и полную добрых намерений женщину. Однако при внимательном чтении ее писем встает совсем другой образ — вульгарная, ядовитая сплетница, отличавшаяся злобным упрямством, да еще склонностью к притворству и мелким интригам. Тупая, ничтожная ханжа на троне ненавидела вигов, считая их республиканцами и преемниками цареубийц, покровителями диссентеров (протестантов, не принадлежавших к государственной церкви), ополчившимися будто бы против государственной англиканской церкви — опоры престола. Королева не могла переносить ганноверского курфюрста Георга («германского медведя»), навязанного ей в наследники взамен ее брата — «претендента». Само имя Георга раздражало ее как напоминание о скорой смерти, которую, подобно какой-то статье бюджета, обсуждали в парламенте. Пока королева подчинялась твердой воле своей властной фаворитки Сары Мальборо, она терпела правительство вигов. Когда влияние герцогини было постепенно подточено тучной красноносой фрейлиной Эбигейл Мэшем, подстрекаемой Робертом Харли, Анна взбунтовалась против вигов. Это не имело бы больших последствий, если бы назначенные королевой в 1710 году новые выборы не принесли убедительной победы тори. Она была связана с усталостью от войны. К власти пришло правительство, наиболее влиятельными членами которого стали Харли и Болинброк.

Вольтер, хорошо знавший Болинброка, рассказывает, что, когда среди лондонских дам полусвета распространилось известие о назначении Болинброка, они радостно объявляли одна другой: «8 тысяч гиней дохода, сестры, и все это для нас». Известный писатель Голдсмит передает услышанный им рассказ, как веселая пьяная компания во главе с Болинброком, скинув одежды, носилась по Сен-Джемскому парку. Таких историй про Болинброка рассказывалось множество — и он сам бравировал ими. Несомненно, что только часть из них

соответствовала истине, иначе, даже учитывая завидное здоровье нового министра, неясно, как он успевал что-то делать помимо пьянства и разврата и к тому же ухитрился дожить до 72 лет.

Болинброк был талантливым оратором, политиком с сильным душком авантюризма, выдвигавшим смелую, хотя и крайне противоречивую, программу. Свободолюбивый атеист, он ради карьеры и власти был готов поддерживать преследование диссентеров, только чтобы угодить торийским сквайрам и влиятельному англиканскому духовенству. Болинброк в конце правления Вильгельма поддерживал акт, объявлявший «Якова III» виновным в измене и требовавший от всех принимаемых на государственную службу клятвенного отказа признавать его права на престол. А в 1711 году Болинброк думал, чтобы не допустить возвращения к власти вигов, о призвании «претендента», разумеется, на его, Болинброка, условиях.

В начале 1711 года расширилась трещина между умеренными тори, готовыми, хотя и с колебаниями в вопросах престолонаследия, придерживаться закона 1701 года и на этой основе договориться с вигами и крайним крылом торийской партии, среди которого было немало скрытых якобитов. Разногласия приняли форму личного соперничества Харли и Болинброка. Применяя испытанное орудие — воздействие на Анну, в том числе и через ее фавориток, Болинброк пытался оттеснить от власти своего бывшего покровителя Харли, который еще недавно сам использовал этот козырь, когда сумел сбросить вигское министерство.

Как и в 1708 году, политический кризис обострился отчасти под влиянием событий тайной войны. В феврале 1711 года разведка Харли перехватила письма, адресованные во Францию, которые говорили о намерении Болинброка включить в свою игру и «претендента».

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

оролева Анна колебалась между преданностью протестантской церкви и желанием сделать своим преемником «претендента», своего

младшего брата, а не «германского медведя». Агентом якобитов, обеспечивавшим поддержание контактов между королевой и «претендентом», был француз — аббат Франсуа Голтье, который ранее был священником французского посольства в Лондоне, а после начала войны за испанское наследство стал капелланом императорского посла. Голтье осведомлял Париж и «претендента» обо всем, что происходило в правительственных кругах Англии. Другой вопрос, получал ли Голтье эту информацию от самого Болинброка (тот впоследствии категорически это отрицал).

Голтье имел связи с английскими католиками, посещавшими часовню в посольстве. Среди них были графиня Джерси и ее муж, которые в декабре 1710 года передали Голтье от имени Харли поручение отправиться в Париж и известить французского министра иностранных дел де Торси о согласии Англии приступить к мирным переговорам. Ведение переговоров взял в свои руки Болинброк. Весной 1711 года Голтье вернулся в Англию. В это время умер император Иосиф. Ему наследовал эрцгерцог Карл, которого союзники прочили на испанский престол вместо Филиппа V, внука Людовика XIV. Иначе говоря, вместо объединения французской и испанской короны замаячило возрождение империи Карла V, еще менее устраивавшее Лондон. В июле 1711 года Голтье снова отправился во французскую столицу. На этот раз в сопровождении нашего знакомого — поэта Мэтью Прайора. Оба путешествовали с паспортами, выписанными на вымышленные имена, и пересекли пролив на рыболовном судне. Однако их отъезд был замечен таможенным чиновником Джоном Маки, ведавшим также почтовыми пакетботами, который сообщил об этом Болинброку. Министр порекомендовал непрошенному следопыту держать свое открытие в секрете и немедленно известить его, когда эти лица возвратятся в Англию.

Начались секретные переговоры. Англия была готова заключить сепаратный мир, если будут удовлетворены ее требования. Назад из Парижа Прайор и Голтье отправились уже в компании французского уполномоченного Менажера... и сразу же попали в руки усердного Маки; тот жаждал выполнить приказ Болинброка и давно уже со своими людьми поджидал подозрительных путешественников. Маки узнал Прайора, имевшего фальшивый паспорт, и вся троица была взята под стражу.

Более того, Маки поспешил уведомить об этом инциденте Мальборо и другого лидера вигов — Сандерленда (сына министра Якова II и Вильгельма III). А Сандерленд немедленно известил обо всем голландского и австрийского послов. В ярости Болинброк грозил повесить акцизного, вмешавшегося не в свое дело. Из Уайтхолла пришло предписание немедленно освободить Прайора и его спутников, но секретные переговоры с Францией стали уже темой, обсуждавшейся в газетах и памфлетах. Свифт даже опубликовал целиком вымышленный отчет о поездке Прайора во Францию.

Для заключения мира в Париж теперь поехал сам Болинброк. Вместе с ним туда снова прибыл и Прайор. Несомненно, что не кто иной, как Прайор, свел тогда Болинброка с обольстительной мадам де Тансен, агентом французского министра де Торси. Но об этом ниже.

Болинброк вскоре вернулся в Лондон, а английским представителем остался Прайор. Виги подозрительно следили за его действиями, считая, что через Прайора правительство ведет переговоры с якобитами, и даже послали своего человека — Джейкоба Тонсона — шпионить за Прайором. В переписке Прайора нельзя найти подтверждения выдвигаемому вигами обвинению. Поэт-дипломат отлично понимал, что в такой игре можно не сносить головы.

...27 июля 1714 г. Анна дала отставку Харли, назвав его «пьяницей и бездельником». Второе обвинение не соответствовало истине. Освободившись от соперника, Болинброк сформировал правительство крайних тори и якобитов. А еще через четыре дня — 1 августа — королева скончалась. Виги быстро стали хозяевами положения и объявили о вступлении на трон, согласно закону о протестантском престолонаследии, короля Георга I. Карточный домик якобитских планов рухнул в двадцать четыре часа, хотя они это осознали не сразу. Болинброк стал опасаться, что раскроются его тайные связи с якобитами. Он явился за советом к Мальборо, отставке которого он столь недавно активно способствовал. Болинброк не знал, что новые министры не располагали доказательствами его измены. Виги рассчитывали, что признанием Болинбромом своей вины станет его бегство из страны. Мальборо с холодной учтивостью принял Болинброка и намекнул, что его жизнь в опасности. Тот поддался панике. Чтобы замести следы, Болинброк ве-

чером явился в театр и заказал билеты на завтрашний спектакль, а в антракте, переодетый, в черном парике, бежал за границу.

Прайор был отозван из Франции. На его место в январе 1715 года прибыл лорд Стейр, вскоре приступивший к созданию секретной службы для слежки за якобитами.

В Англии Прайор угодил в тюрьму. Победившие виги хотели добыть у него признания, которые могли бы привести к осуждению Роберта Харли, тоже посаженного в Тауэр. Однако Прайор уничтожил письма Харли, а переговоры, которые тот вел через Голтье с «претендентом», были отражены только в бумагах, хранившихся в архиве французского министерства иностранных дел. Английский парламентский комитет, члены которого допрашивали Прайора, так и не нашел доказательств государственной измены. Прайор был освобожден, проведя более года в заключении. Позднее правительство отказалось от мысли о суде над Харли, и его пришлось выпустить из Тауэра.

После провозглашения королем Георга I якобиты предприняли отдельные выступления. В Бате у них был склад с оружием, восстание планировалось начать на Западе, захватить Бристоль и Плимут, в котором, как утверждал якобит Джон Маклик, ему удалось завербовать на сторону «Якова III» офицеров местного гарнизона. Здесь намечалась высадка самого «претендента». Якобитам удалось вызвать беспорядки в ряде городов — Питерборо, Лике, Бартон-он-Тренте. Центром якобитства был Оксфорд. Вооруженное восстание повсеместно потерпело неудачу в самом начале. Планы этого восстания не остались тайной для правительства, которое в сентябре 1714 года произвело аресты лидеров якобитов, включая членов парламента, послало войска в районы предполагавшихся выступлений. А в Плимуте Д. Маклин самолично выдал заговор властям.

В 1715 году осторожное вигское правительство не поручало никакого ответственного поста Мальборо — командование войсками было передано его помощнику генералу Кадогену. В феврале 1716 года якобитский агент Дэвид Флойд добился приема у Мальборо. Герцог со слезами на глазах разъяснил, призывая в свидетели небо, что в намерения его, Мальборо, всегда входило служить королю Якову и что об этом отлично осведомлен

маршал Бервик. Эта театральная сцена была слишком сильна даже для самого Мальборо — 28 мая 1716 г. герцога хватил удар, который превратил его в инвалида. Он прожил еще шесть лет, но не вернулся на свои прежние посты, которые хотел в любом случае сохранить за собой и ради этого вел свою длительную игру с якобитской разведкой. Впрочем, ее провалы в 1715 году не имели отношения к герцогу. Ими она была обязана прежде всего упомянутой выше мадам де Тансен.

Клодин де Тансен, родом из Гренобля, была младшей дочерью и по установившемуся в семье обычаю должна была поступить в монастырь. Отец Клодин настоял на соблюдении этой традиции, но молодая особа ухитрилась не принять обет, а не очень строгие нравы монастыря способствовали приобретению ею уже в юные годы достаточно сомнительной репутации. После смерти отца Клодин сразу же покинула свою келью и поселилась в Париже у старшей сестры. Здесь Мэтью Прайор познакомил ее с Болинброком, который вел в Париже переговоры о мире. Вероятно, уже в это время, став любовницей Болинброка, Клодин добыла у него немало информации, в которой нуждался французский министр иностранных дел де Торси. Интересно отметить, что через год или два Клодин попыталась выпытывать сведения и у регента — герцога Филиппа Орлеанского, однако тот никогда не нарушал, по его словам, «твердого решения не разрешать, чтобы его расспрашивали о политике между двумя простынями». В чью пользу в этом случае действовала мадам де Тансен, можно только догадываться.

Когда Болинброк бежал из Англии и стал министром Якова III, он сразу же возобновил близкое знакомство с Клодин, не учитывая, что за это время она успела побывать в любовницах у аббата, позже кардинала и министра Дюбуа, взявшего на себя руководство французской разведкой. Дюбуа был сторонником сближения с Англией и готов был оказать любые разумные услуги вигскому правительству короля Георга I.

Является фактом, что с момента назначения Болинброка главным министром «претендента» все планы якобитов становились известными английскому правительству. План восстания в западных графствах, создание складов оружия в Оксфорде и Бате, захват Бристоля и Плимута для последующей высадки там десанта из

Франции потерпели неудачу с самого начала из-за того, что лондонское правительство было осведомлено о них. Единственной осуществленной попыткой было восстание графа Мара в Шотландии, о котором Болинброку не было известно. Каким образом информация достигала Лондона? Прямо через агентуру Дюбуа в Лондоне, а может быть, и через лорда Стейра, британского посла во Франции, или, наконец, по обоим этим каналам? Стейр, имевший свою собственную секретную службу, сообщил (уже в марте 1716 г.), что Болинброк скорее выбалтывает, чем предает секреты «претендента» и растраниживает совсем не обильные средства своего повелителя на собственную любовницу. Впрочем, средства на содержание мадам де Тансен шли и от ее другого возлюбленного, который, правда, имел основания тратить на нее деньги французской секретной службы. Стоит добавить, что Болинброк сам попросил лорда Стейра осведомиться об условиях, на которых правительство разрешит ему вернуться в Англию. За самой мадам-де Тансен следила некая Оливия Трент, не то как агент якобитов, не то в качестве соперницы, также претендующей на внимание регента Франции Филиппа Орлеанского. Вероятно, «претендент» от своих людей в Англии узнал, что лондонскому правительству было известно о планах якобитов, а от мисс Трент — о причине этой осведомленности. «Претендент» уволил Болинброка, обвинив в пренебрежении своими обязанностями. Болинброку оставалось только добиваться официального прощения Лондона, которое последовало лишь в 1723 году, и пытаться ускорить его нападка на «претендента».

Якобиты еще долго не складывали оружие. В 1719 и 1745 годах они предприняли попытки снова разжечь пламя мятежа в Шотландии, организовали ряд заговоров — последний уже в начале 50-х годов. Но шансы на успех уменьшались с каждым годом, хотя и английской разведке не удалось, несмотря на все ее старания, устранить «претендента» и его сыновей.

СЛЕДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ачиная с середины «века просвещения», как нередко именуют XVIII столетие, деятельность английской разведки уже не преследует династических целей, которые, впрочем, были всегда связаны с важными вопросами классовой и внутриклассовой борьбы. Политические конфликты в Англии отныне уже не облакаются в форму династических споров. Вместе с тем секретная служба в последующие периоды новой истории также перестает быть серьезным орудием в борьбе внутри господствующих классов Великобритании и лишь sporadически используется в этой борьбе. Зато разведку значительно более широко, чем прежде, стали применять против народных движений в самой Англии. Долгое время шпионаж и провокации были неизменным оружием властей против нарождавшихся тред-юнионов, первых политических организаций пролетариата, но это совсем особая тема.

Освободившись от династических забот и от прежних внутривластных обязанностей в борьбе за власть в Англии, британская секретная служба получила большую свободу рук в действиях за рубежом. Отнюдь не ограничиваясь задачами сбора информации, вмешиваясь в борьбу за власть в других странах, английская агентура участвует в подготовке дворцовых переворотов — к вящей выгоде британского капитала.

Одной из предпосылок успешной деятельности английского посла в качестве главы разведывательной организации было влияние, которым располагал этот дипломат у себя на родине. Без этого, как правило, не удавалось получить достаточной степени независимости в действиях — ждать по каждому поводу инструкций из Лондона при тогдашней медленности средств связи и бюрократической рутине, царившей в канцеляриях Уайтхолла, значило обрекать на неудачу любое дело, где требовались быстрые решения. К тому же влияние нужно было, и чтобы получить достаточные средства для ведения разведки — на них нередко в Лондоне скупались даже в тех случаях, когда посла прямо посылали на его пост прежде всего как представителя секретной службы.

Иногда дипломатические должности давались в награду за успешное выполнение шпионских заданий. Так, например, капитан Джеймс Дефриз, поступивший волонтером в армию Карла XII, чтобы сообщать в Лондон о русском походе шведского короля, был потом назначен британским представителем в России, а затем в Данциге.

Нередко, напротив, в функции дипломатов входило только обеспечение быстрой пересылки донесений шпионов, над которыми послы не имели никакой власти и могли даже не знать их подлинных фамилий. Каналами связи служили также английские торговые дома. При пересылке по почте шпионский текст писали невидимыми чернилами, иногда по краям газетного листа.

Английские министры и послы не раз стремились превратить в своих агентов дипломатов других стран. Так, Болинброк пользовался для этой цели услугами саксонского посланника в Лондоне — «тщеславного и лживого гасконца», который получил за свои услуги 300 фунтов стерлингов. Задачей саксонского дипломата было разведывать намерения и интриги «немцев и других» во время переговоров о заключении Утрехтского мирного договора. Через несколько десятилетий другой саксонский посланник — Флемминг сослужил аналогичную службу герцогу Ньюкаслу. В 30-х годах XVIII в. английский посол в Париже граф Джеймс Уолдгрейв в числе многих своих агентов имел также шведского посланника, передававшего все услышанное от французских министров, и бывшего представителя саксонского курфюрста.

Нередко в задачу британского посла входил шпионаж не только против страны, при правительстве которой он был аккредитован, но и против соседних государств. Так, лорд Стейр, будучи послом в Париже, имел шпионов в ряде стран (например, в Испании в 1720 г. некоего Уилкинса). Английский посланник в ганзейских городах Уич нанял шпиона в Дрездене Якоба Дейлинга, которому платил по 60 фунтов стерлингов в год. Английские контакты с государствами Северной Африки (включая алжирских пиратов) во многом были связаны со стремлением получать информацию о передвижениях французского флота в Средиземном море. Поскольку речь шла о шпионаже, проводившемся дипломатическими ведомствами, роль резидентов, как правило, брали на себя послы. Лишь в редких случаях разведчики поддерживали прямые связи с министерством иностранных дел в Лондоне.

Когда, особенно в недружественных столицах, в деятельности британских послов главным становилось их участие в тайной войне, они приобретали репутацию разведчиков, прикрывавшихся дипломатическим иммунитетом. Подполковник Роберт Кэмпбелл, отправленный в 1757 году в Стокгольм с целью дипломатического зондажа, должен был доложить начальству, что шведы рассматривали его как «шпиона с верительными грамотами». Бывали и еще более досадные казусы. Британский посол в Петербурге во время семилетней войны (1756—1763 гг.) Чарлз Хенбери Уильямс считался ходатаем по делам союзника Англии — прусского короля Фридриха II, и считался с полным на то основанием, так как настойчиво пытался подкупить всех способных помочь ему в этом лиц, начиная с супруги наследника престола — будущей Екатерины II. Поэтому Уильямс совсем напрасно жаловался в письме в Лондон, что злые языки советовали императрице Елизавете Петровне смотреть на него «более как на прусского шпиона, чем на английского посла».

Нервом тайной войны было золото. Подкупы, как подчеркивал анонимный автор трактата «Замечания об обязанностях посла» (1730 г.), крайне важно производить таким образом, чтобы скрыть источник происхождения денег. Это в интересах и того, кто подкупает, и того, кого подкупают. Английские разведчики очень хорошо усвоили мысль, что значительно проще и (при прочих равных условиях) дешевле давать взятки вельможам и министрам, которые и сами склонялись к внешнеполитическому курсу, устраивавшему Лондон, чем подкупом привлекать на свою сторону противников такого курса. Это правило, правда, не касалось тех государственных деятелей, чьи симпатии и антипатии целиком определялись количеством золота, которое они получали из иностранных столиц. В этих случаях, как англичане убедились на горьком опыте, волей-неволей приходилось перекупать этих достойных мужей, что было обычно дорогостоящей операцией и не давало никакой гарантии, поскольку для них могли возникнуть новые соблазны.

В практику британской разведки входил и подкуп чужих шпионов. Так, Хенбери Уильямс, когда он в 1750 году был послом в Берлине, старался переманить на английскую службу ирландца, бывшего прусским шпионом в России и давно не получавшего жалованья от своих прежних нанимателей.

Средства связи не претерпели существенных изменений в эту эпоху, предшествовавшую эре железных дорог. Доставка даже официальной корреспонденции по почте занимала из Парижа и Гааги 3 дня, из Мадрида — 18, из Рима и Стокгольма — 21, а из Константинополя — даже 40 дней. Пересылка наиболее важных донесений курьерами редко приводила к значительному сокращению этих сроков.

По-прежнему острой проблемой являлась сохранность депеш. Посылка их почтой была почти равносильна молчаливому согласию на ознакомление с ними иностранных властей. Чтобы как-то воспрепятствовать этой чрезмерной любознательности, английская дипломатия пыталась иметь альтернативные пути пересылки своей деловой переписки — через Францию и Голландию, иногда только морским путем (несколько путей важно было сохранять и на случай войны, когда некоторые из них, проходившие через вражескую территорию, естественно, оказывались недоступными). Шифр не спасал дело. Было очевидно, что большое количество зашифрованных сообщений создает дополнительные возможности иностранцам раскрыть код. Каждое посольство имело целый набор различных шифров, хотя они стоили дорого — около 150 фунтов стерлингов каждый. Многие депешы посылались одновременно несколькими путями. Отправление депеш со специальными дипломатическими курьерами обходилось настолько дорого, что к такому способу можно было прибегать только при особой необходимости. Иногда не рисковали посылать письменных депеш и с курьерами. Некоторые важные сведения, особенно относящиеся к области тайной войны, сообщались устно доверенным лицам, которых отряжали в Лондон. Так, например, поступили, когда бывший испанский министр Рипперда получил убежище в английском посольстве в Мадриде и обещал раскрыть все секреты своего правительства.

Почтовые пакетботы, появившиеся еще в XVII веке, обычно доставляли корреспонденцию лишь в ближайшие портовые города Франции и Голландии, далее ее перевозили по суше. Во время войны команды пакетботов увлекались пиратством в ущерб своим прямым обязанностям. Власти стали даже предпочитать для почтовой службы небольшие быстроходные суда, не имевшие серьезного вооружения на борту. Однако это не могло помешать

пакетботам перевозить контрабанду и в мирное, и в военное время. Впрочем, сама контрабанда нередко при этом становилась прикрытием для шпионажа. В 1695 году министра иностранных дел Шрюсбери запросили, стоят ли разведывательные сведения, доставляемые неким капитаном Питерсоном, того, чтобы не препятствовать контрабандному провозу им небольшого количества французских изделий. В том же 1695 году лазутчик, состоявший на службе известного дипломата сэра Уильяма Трамбула, предложил, чтобы английские власти разрешили нескольким лондонским купцам купить датский корабль, который мог бы совершать ежегодно 7—8 рейсов в различные французские гавани за контрабандным товаром, доставляя в каждую поездку по два шпиона. Автор проекта особо подчеркивал, что таможенники не должны подвергать этот корабль никакому досмотру. Один из разведчиков графа Ноттингема сообщал, что по специальному заказу английских купцов построена яхта с тайниками, «где можно кое-что запрятать», и сейчас подыскивают капитана, хорошо знакомого с побережьем Франции.

XVIII век развил унаследованную от прошлого практику перлюстрации писем. Под контролем находились все возможные каналы связи с границей. На протяжении XVIII века корреспонденция (с 1765 г. фактически вся корреспонденция) иностранных дипломатов подвергалась тщательному просмотру. Депеши расшифровывались, и копии их передавались министру иностранных дел. Кроме того, прочитывались и другие письма, если предполагалось, что они могут содержать разведывательную информацию (в частности, из-за того, что они направлялись по подозрительным адресам). Первым официальным дешифровальщиком был Уильям Бленкоу. Он был внуком уже известного нам Джона Уоллиса и получил назначение после смерти деда в 1703 году. Бленкоу покончил самоубийством через девять лет, его преемник Джон Кейл оказался неспособным к выполнению порученных ему непростых обязанностей. В 1716 году пост дешифровальщика занял священник Эдуард Уиллес, и эта должность передавалась в его семье по наследству вплоть до ее ликвидации в 1812 году. Почему-то она считалась особенно подходящей для духовных лиц, принадлежащих к государственной англиканской церкви, и полагавшееся дешифровальщику скромное жалованье до-

полнялось щедрым пожалованием доходных постов декана и даже епископа.

Для «обработки» перехваченной корреспонденции была создана организация, которую обычно называли секретным бюро, а официально именовали иностранным секретариатом. По мере роста секретного бюро в его составе был создан особый дешифровальный отдел, включавший не только экспертов по кодам, но и переводчиков, специалистов по вскрытию писем без повреждения пакетов, граверов, умевших делать печати, химиков, знакомых с невидимыми чернилами, различных мастеров по подделке писем и документов. Секретное бюро непосредственно подчинялось министрам иностранных дел. Перлюстрация официально была прекращена лишь в 1844 году, но на деле не исчезла и получила дальнейшее развитие в XX веке.

Важным центром перехвата иностранной дипломатической документации была ганноверская почта, через которую, в частности, проходила переписка между Парижем и Стокгольмом. (Напомним, что с 1714 г. английский король был и ганноверским курфюрстом.) Перлюстрация была доведена в Лондоне и Ганновере до совершенства — удавалось не оставлять никаких следов тайного вскрытия пакетов. Тем не менее о существовании секретного бюро было известно французскому послу в Лондоне, в 1771 году жаловавшемуся на сокращение числа прикомандированных к нему курьеров и на необходимость использовать почту для перевозки важных депеш. Возможно, что посол был осведомлен о работе аналогичного «черного кабинета» в Париже (и в других столицах). Не исключено, что в 80-х годах XVIII в. некоторые шифрованные депеши, которые направлялись из французского посольства в Англии в Париж, содержали дезинформацию в расчете, что их прочитают в Лондоне.

Английские разведчики подкупали почтмейстеров в различных странах для получения доступа к письмам. Так, в начале 20-х годов XVIII в., когда отношения между Англией и Россией были прерваны, английский тайный агент в Данциге Джошуа Кенуорзи организовал снятие копий с донесений французских представителей в Петербурге. В 1772 году Кенуорзи предложил своим лондонским хозяевам устроить просмотр всей дипломатической корреспонденции, проходившей через Данциг. Подкуп почтовых служащих, по его расчетам, должен был стоить

1590 фунтов стерлингов в год (в Лондоне сочли, что это слишком дорогая затея). Известный английский шпион Джон Маки, автор опубликованных в 1733 году «Секретных мемуаров», служил посредником в переговорах между британским премьер-министром Робертом Уолполом и директором почты в Брюсселе Жупейном, обязавшимся посылать в Лондон копии писем из всех стран Европы, которые могли представлять интерес для британского правительства. Подобного же рода тайные соглашения заключались и с почтмейстерами других стран.

Большинство пойманных британских разведчиков оставались безнаказанными или отделялись легкими карами. Имелись, впрочем, и исключения. В 1747 году один из британских шпионов, время от времени появлявшийся в Швеции, Александр Блейкуэлл был схвачен и казнен; вдобавок возможно, что обвинение, по которому его формально осудили, было сфабриковано шведскими властями. В самой Англии придавали значение обезвреживанию вражеских лазутчиков.

Как и разведкой, контршпионажем занимались многие ведомства — и военное, и морское, и почтовое, и иностранных дел. В сферу контрразведки время от времени вторгались также и другие министерства, таможенники, полицейские власти городов, отдельные магистраты, мировые судьи, наделенные не только судебными, но и административными полномочиями. Одним словом — самые различные звенья постепенно формировавшегося, плохо слаженного и неуклюжего государственного аппарата, структура которого отражала и традиции, и традиционные предрассудки, и, особенно, конечно, сложный баланс интересов господствующих классов, а также партийных, локальных, семейных выгод и влияний. Важным средством контршпионажа была перлюстрация писем, позволявшая контролировать и английских дипломатов за рубежом.

На протяжении всего периода, начиная с конца XVII столетия, борьба с Францией за колониальное и торговое преобладание не только сосредоточила внимание британской разведки на «исконном враге», но и побуждала смотреть на каждого француза как на потенциального или действующего шпиона. Это прямо утверждал, например, граф Ноттингем в конце XVII века и почти через сто лет после него британский посланник в Париже Даниель Хейлс, который обвинял в шпионаже гер-

цога Лианкура, побывавшего в Англии, и других важных лиц. Эти страхи, возможно, были связаны с тем, что французское правительство получало отчеты о парламентских заседаниях, хотя они тогда были закрытыми (журналисты, пытавшиеся опубликовать в газетах сведения о прениях в парламенте, должны были печатать отчеты якобы о дебатах в «сенате лилипутов» и прибегать к другим аналогичным уловкам). Но источником сведений для французского посольства чаще была не его агентура, а оппозиционные члены английского парламента, на которых, естественно, не распространялись строгие запрещения не допускать посторонних лиц на заседания обеих палат.

Французские агенты (в 60-е годы среди них наиболее важным был шотландский якобит полковник Грант оф Блерфайнди) определили состояние береговой обороны и подготовили планы французского десанта в Англию. Некоторые французские шпионы действовали, не возбуждая подозрений, особенно если они собирали информацию не чисто военного, а экономического характера. Так, например, некий Габриэль Жар вскоре после семилетней войны составил отчет о положении английской промышленности.

Одной из контрразведывательных задач, возлагавшихся на дипломатов, было выявление шпионов-двойников. В 1738 году барон Гораций Уолпол (брат премьер-министра Роберта Уолпола), не раз занимавший важные дипломатические посты, предостерегал посланника в Гааге, что письмо, которое тот переслал с одним из его секретных агентов британскому посланнику в Швейцарии, оказалось на столе французского первого министра.

Контрразведка старалась не допустить проникновения неприятельских агентов в штат британских посольств и миссий. Это удалось в июле 1755 года английскому послу в Петербурге Уильямсу, который получил своевременное предупреждение из Вены от своего коллеги Р. Кейта. Тот, выудив информацию у самого императора Франца I, послал специального курьера в Петербург с известием, что некий Месонье, которого Уильямс был готов принять на службу, был французским шпионом. Джон Мэррей, бывший с 1766 по 1775 год английским послом в Константинополе, оказался менее удачливым — среди его служащих находился французский разведчик, годами сообщавший в Париж содержание всей коррес-

понденции британского дипломата и ключи к использованному им шифрам.

Английское правительство прибегало и к помощи такой своеобразной организации, как частная разведка двух предприимчивых сицилианских аббатов Карачоло и Платания, обосновавшихся в 30-х годах XVIII в. в Париже. Потребителями их «товара» были и другие правительства, включая французское. Английский историк Б. Уильямс считает, что информация, поступившая из этого источника, серьезно повлияла на решение Уолпола не вмешиваться активно в войну за польское наследство (1733—1735 гг.).

Из английских послов в Париже особую активность проявлял в 30-х годах лорд Уолдгрейв. Он получил у правительственного служащего 10 шифров, заплатив по 100 луидоров за каждый из них. Уолдгрейв подкупил также директора департамента французского министерства иностранных дел Бюсси, которого потом послали с дипломатической миссией в Англию и Ганновер. За пять лет Бюсси было выплачено 15,5 тыс. фунтов стерлингов, но информация, которую он поставлял, не стоила таких крупных денег.

К периоду войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и позднее семилетней войны (1756—1763 гг.) относится активность английского разведчика Джорджа Креснера, «неутомимого мистера Креснера», как с легкой иронией называл его лорд Кейт, посол в Вене. Фигура Креснера является особо красочной иллюстрацией того типа британских дипломатов, для которых их официальный статус служил лишь удобной вывеской для шпионажа. По крайней мере, с 1745 года Креснер пересылал разведывательные донесения из Голландии. В 1747 году он получил назначение на пост английского представителя в Льеже, а через восемь лет был переведен в Кёльн, откуда в 1759 году его изгнали наступавшие французы. После этого Креснера снова перебросили в Нидерланды, причем в переписке указывалось, что в создавшейся обстановке наилучшим прикрытием будет аккредитование его при голландском правительстве. В 1763 году Креснер — уже посланник при имперском сейме в Регенсбурге, позднее он занимает такую же должность в Кёльне и Майнце. Однако, по крайней мере, до конца 60-х годов все эти посты были лишь прикрытием подлинной деятельности Креснера, который был руководителем крупной

шпионской организации, собиравшей информацию о Франции, ее армии, флоте и финансах. В числе агентов, которых Креснер использовал еще в 40-х годах, были некий шевалье Гильом Этзлер и доктор Фоконе.

РОТТЕРДАМСКИЙ ЦЕНТР

актический глава английского правительства во время семилетней войны Уильям Питт Старший говорил, что нигде не должен в мире быть произведен выстрел, без того чтобы британский кабинет не знал, для какой цели. Питт принял меры к повышению активности секретной службы, к большому привлечению дипломатии к осуществлению различных разведывательных акций. При этом, следуя традициям, восходившим еще к Уолсингему, английская разведка стремилась максимально использовать информацию, которую получали во вражеских государствах дипломаты нейтральных стран. Франция в эти годы стремилась добиться союза со Швецией. Поэтому шведского посла держали в курсе планов войны на море, разработанных в Париже. Эти планы посол пересылал в Стокгольм, а оттуда они аккуратно доставлялись в Лондон. Из шведской столицы поступали и копии дипломатической корреспонденции между версальским и мадридским дворами. Вдобавок надо учесть, что два десятилетия — с 1746 по 1766 год, следовательно, включая и все время семилетней войны, — Англия даже не имела дипломатических отношений со Швецией. После окончания семилетней войны, в 1767 году, Питт организовал похищение нового французского плана вторжения в Англию, составленного при помощи шотландца полковника Гранта оф Блерфайнди.

Английская разведка во время семилетней войны перехватывала секретную переписку французского министра иностранных дел с испанскими послами в Париже и Лондоне, получала от своих агентов в Мадриде сведения о планах Версальского двора. Это помогло Питту Старшему выбрать правильный момент для нанесения удара по французским владениям в Вест-Индии. Напротив, французская разведка делала промах за промахом. Посол Людовика XV в Голландии Боннак, которому король

поручил организацию французского шпионажа в Англии, направил в Лондон некоего Мобера, лишенного сана священника, ставшего уголовным преступником. Под фамилией Ботteman Мобер посылал отчеты в Гаагу на имя одного голландца — владельца типографии. Часть из его донесений попала в руки английского посла в Гааге, но тот не сумел раскрыть трудный шифр. Впрочем, он потерял от этого немного. Ботteman пытался подкупить члена парламента Селвинса, чтобы получить сведения о намерениях английского кабинета. Но почтенный парламентарий заломил за свои услуги такую цену, что Ботtemanу было предписано оставить это намерение. В остальном же Ботteman, отработывая высокое жалованье, забрасывал Боннака всяческими прожеками вроде идеи массовой подделки банкнот Английского банка (новаторская мысль для того времени). Ботteman благополучно получил немалые деньги. Хуже пришлось другому шпиону, засланному Боннаком, некоему Робинзону. Тот попал в Тауэр, откуда его через полгода освободили. Подобная снисходительность, впрочем, была признана властями помехой в борьбе с иностранным шпионажем. Поэтому, когда в 1758 году был арестован единственный французский резидент в Англии врач Флоренс Хэнси, его неожиданно приговорили к повешению. Кажется, на суде Хэнси спросил, можно ли обращаться с разведчиком как с обыкновенным вором. Был ли приговор приведен в исполнение, остается неизвестным.

Итальянец Филипп (по всей видимости, тоже представитель французской секретной службы), направленный в Лондон для тайного увоза некоего Пишона, взамен прислал план похищения... короля Георга II и захвата Тауэра.

Граф д'Афри, сменивший осенью 1756 года Боннака на посту французского посла в Гааге, стал жертвой авантюристов и английских разведчиков. Шпион-двойник Фальконе обещал представить список английских агентов во Франции и снабдил графа д'Афри мнимыми военными планами британского кабинета.

Выпущенный из Тауэра уже известный нам Робинзон прибыл в Гаагу и потребовал возмещения убытков. Когда д'Афри отказал, Робинзон подделал два векселя французского посла и получил по ним 1200 фунтов стерлингов. Швейцарец Вотрав, направленный в Лондон с целью разведать цели подготовлявшейся экспедиции британско-

го военного флота, порекомендовал д'Афри... заключить мир с Англией и предложил себя в качестве посредника!

XVIII век — время процветания различных тайных клубов и союзов, иногда довольно эксцентричных. Достаточно напомнить быстрое распространение масонских лож, ордена иллюминатов в Баварии, секретного общества розенкрейцеров и др. В Англии шумную известность приобрел в 60-е годы XVIII в. клуб «Рыцарей Святого Френсиса Уайкомбского», который называли еще «Клубом адского огня». Клуб этот был учрежден сэром Френсисом Дэшвудом, помещиком из Уэст-Уайкомба, одно время занимавшим пост канцлера казначейства. Члены клуба встречались в пещерах, вырытых под зданием старинного аббатства. Среди участников сборищ, обычно приходивших в масках, были сам глава правительства лорд Бьют, первый лорд Адмиралтейства лорд Сэндвич и другие министры, члены парламента, включая и лидера радикалов Джона Уилкса, а также светские дамы. Повидимому, главным занятием членов клуба были различные взаимные довольно грубые подшучивания, розыгрыши, мистификации и маскарады, но молва приписывала им увлечение черной магией и глумление над христианской религией. В числе завсегдатаев клуба был и французский разведчик кавалер д'Эон. Он выдавал себя за девицу и был 24 мая 1771 г. подвергнут знатными леди «тщательному обследованию» для выяснения пола. Авторитетная комиссия так и не смогла вынести окончательного суждения относительно бывшего драгунского офицера. Что же касается д'Эона, то он согласился на обследование совсем недаром. Ему было поручено втереться в члены клуба, чтобы разузнать, не является ли он тайной якобитской организацией. На этот счет шевалье пришлось разочаровать своих нанимателей в Версале, которым он, однако, взамен переслал некоторые небезытересные сведения, полученные во время полуночных бдений в пещере под Медменхемским аббатством. Впоследствии, рассорившись со своим двором, д'Эон часть своих секретов запродавал английской разведке. В клубе бывали и сотрудники британской секретной службы. К их числу относился и его основатель Френсис Дэшвуд (он побывал как разведчик в России в годы правления царицы Елизаветы Петровны)...

Георг III был первым королем из Ганноверской династии, который родился в Англии. Он попытался не только

царствовать, но и править. Нет, конечно, Георг III не мог и помыслить о возрождении стюартовских планов утверждения абсолютизма. Но он мог поспорить со Стюартами по части религиозного ханжества и политического обскурантизма. Учитывая сложную перегруппировку политических сил, происходившую тогда в Англии, Георг III стремился через своих ставленников использовать в интересах короны систему парламентских подкупов, созданную и отшлифованную вигской олигархией. И тогда, и впоследствии, в XIX веке, буржуазно-либеральным политикам и публицистам это новое вторжение монарха в политическую жизнь казалось нарушением процесса развития английского парламентарного строя. В остроумной стихотворной эпитафии, сочиненной Э. Бентли, говорилось:

Георг Третий
Не должен был существовать на свете,
В истории английской
Он кажется ошибкой иль опиской.
Осталось от него, когда он помер,
Одно лишь имя громкое да номер!

(Перевод С. Маршака)

Однако до того, как это случилось, Георг III целых 60 лет (с 1760 по 1820 г.) занимал английский престол, правда, из них около десяти приходится на время, когда он официально считался умалишенным и его обязанности возлагались на принца-регента. На оставшиеся полстолетия приходились годы острых внешнеполитических кризисов, борьбы против восставших колоний в Северной Америке, против революционной и наполеоновской Франции, во время которых личное участие в руководстве секретной службой Георг III считал несомненной частью столь ревниво охраняемой им королевской прерогативы.

Третья четверть XVIII века — время, когда происходил заметный количественный рост секретных служб Англии и ее главной соперницы Франции. Частичное осознание этого вызвало и в Лондоне, и в Париже такую показательную меру предосторожности, как запрещение клеркам министерства иностранных дел принимать в служебные часы посетителей. Это не помешало, впрочем, сэру Роберту Эйнсли в 70-х годах получить копии с важ-

ных дипломатических депеш, посланных французским министром иностранных дел в Мадрид во время конфликта между Англией и Испанией из-за Фолклендских островов. Ознакомление с этой корреспонденцией позволило Лондону сделать вывод, что можно без особого риска занять в споре более жесткую позицию.

Секретная служба английского военно-морского ведомства подчинялась в те годы секретарю Адмиралтейства. Секретарь осуществлял приказы первого лорда Адмиралтейства и его коллег. В течение десятилетий этот пост занимал Филипп Стефенс. Разведка военно-морского ведомства, ранее действовавшая только в военное время или от случая к случаю, превратилась во второй половине XVIII века в постоянно функционировавшую организацию.

Военно-морская разведка имела внутренний и внешний отделы. Внутренний отдел занимался сбором информации от частных лиц, англичан и иностранцев. Эти сведения приобретались у капитанов и матросов кораблей, прибывших из дальнего плавания, у вернувшихся из-за границы купцов. Подробную информацию агенты Адмиралтейства получали, непосредственно расспрашивая этих людей, подслушивая разговоры в отелях, кофейнях или трактирах. Все эти сведения суммировались и перепроверялись путем сличения с известиями, добытыми в результате перлюстрации писем. Внешнему отделу был поручен шпионаж за рубежом, преимущественно во Франции и Испании — в двух связанных союзом державах, которые являлись наиболее опасными соперницами Англии на море и в колониях. Немаловажную информацию удавалось извлекать из французских и испанских газет, памфлетной литературы, из слухов, которые ходили в парижских и мадридских салонах.

Однако наиболее важные известия добывались другим путем: опытные агенты направлялись для наблюдения за главными французскими и испанскими гаванями и в столицы. Подкупив того или иного служащего военного или морского министерства, они получали доступ к секретным бумагам. Собранная информация направлялась в разведывательный центр, находившийся в Голландии, которая и в ту пору оставалась центром международного шпионажа. Здесь материалы сортировались сводились воедино и пересылались в Лондон. Тем самым Адмиралтейство избегало непосредственного контакта

со своими агентами, провал которых мог бы поставить его в неудобное положение. Более того, разведывательный центр, находившийся в 70-х годах XVIII в. в Роттердаме, создал отделения в Париже и Мадриде, осуществляя, в свою очередь, связи с нанятыми агентами только через руководителей этих филиалов.

В 1770 году умер Ричард Уолтерс, четверть века возглавлявший роттердамский центр. Формально он был представителем английского почтового ведомства. Руководство центром было поручено его вдове Маргарите Уолтерс. Ей удалось завести шпиона среди служащих канцелярии французского министра иностранных дел герцога Шуазеля. В результате британское Адмиралтейство было во всех деталях осведомлено о состоянии французского флота. Были созданы шпионские ячейки в Бресте, Дюнкерке, Рошфоре и Тулоне. Не менее искусными оказались руководитель мадридского отделения и его агенты. Имена их никогда не упоминались даже в секретной переписке, и поэтому о них, видимо, нельзя найти никаких сведений в архивах. Когда через несколько лет Голландия вступила в войну против Англии, шпионская информация стала пересылаться в Лондон через австрийские Нидерланды (Бельгию).

Помимо этой постоянной сети шпионов Адмиралтейство посылало и особых агентов, поручая им специальные, обычно весьма «деликатные», миссии. Так, некий Ирвин еще в начале семилетней войны руководил из Фландрии группой шпионов, направленной в Дюнкерк и другие гавани для определения, насколько интенсивно ведется подготовка к французскому десанту в Англию. Постепенно значение роттердамского центра падало, и в 1785 году он был ликвидирован.

Зато росла активность разведки Форин оффиса. Английский шпион Александр Скотт, как утверждают, сумел получить из кабинета французского министра иностранных дел Шуазеля копию брачного договора дофина (будущего Людовика XVI) и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты. Это считалось большим успехом — подобные сведения в это время сохраняли серьезное политическое и дипломатическое значение. Однако даже в 80-х годах Форин оффис был сравнительно небольшим учреждением. Помимо самого министра — единственного лица, решавшего все дела политического характера, — имелся один заместитель министра, десять клерков и не-

сколько других чиновников, включая хранителя архивов, латинского переводчика, двух дешифровальщиков и т. д.

Напротив, французское министерство иностранных дел имело более многочисленный штат — около 80 человек. Оно включало два политических департамента, отдел переводов, географический отдел, архивный отдел и др. Директора политических департаментов нередко вели свою линию, лишь прикрываясь именем министра иностранных дел.

Главная роль в разведке Форин оффиса принадлежала британским послам. Далеко не все из них справлялись с этой ролью. Бездарность, волокита, нерадивость, легкомыслие были частыми гостями и британского министерства иностранных дел, подолгу не отвечавшего ни на обычные, ни на секретные депеши своих представителей за рубежом. Но этими же качествами часто страдали главы английских посольств и миссий. Некомпетентность аристократических недорослей и бонвиванов, назначавшихся на ответственные дипломатические посты, порой достигала анекдотических размеров. Британский посол в Париже в 80-х годах герцог Дорсет был озабочен прежде всего тем, чтобы сохранить благосклонность актрисы Бачелли — агента французской разведки. Бессодержательные депеши Дорсета приводили в отчаяние Форин оффис. Секретарь посла Даниель Хейлс получил умоляющее письмо из Лондона: «Ради бога, сжальтесь над министерством и либо убедите нашего друга, герцога, писать о чем-то заслуживающем прочтения нашим повелителем, либо считайте вашего начальника отсутствующим и предоставьте возможность проявиться вашему усердию и способностям». Хейлс выполнил это указание, что, однако, помешало его карьере. Немногим лучше были посланник в Брюсселе виконт Торрингтон или посланник в Берлине Дэлримпл (позднее граф Стейр), который не унаследовал ума своего предка, руководившего в начале века английской разведкой в борьбе против якобитов. Секретарь посольства Эварт доносил, что невозможно вывести посланника из состояния пассивности и заинтересовать чем-либо серьезным. А из Мадрида Энтони Мерри писал о своем шефе — британском после графе Бьюте: «Этот человек так же способен быть послом, как я — римским папой». Историки не склонны считать такой отзыв пристрастным.

Д. Хорн, автор специальной работы «Британская дипломатическая служба. 1689—1789» (Оксфорд, 1961), считает, что сохранившиеся материалы никак не позволяют сделать в целом вывод о высоком качестве поступавшей в Лондон разведывательной информации. Одним из очевидных недостатков была неспособность постоянно поддерживать эффективность секретной службы. Если не существовало опасной внутренней оппозиции (как якобитство), то в мирное время была тенденция к резкому ограничению расходов на разведку, в результате обычно оказывавшейся неподготовленной к новой войне. Так, английский посол в Париже лорд Стормонт писал Георгу III в 1779 году, что «в настоящее время ощущается недостаток в регулярной и быстро поступающей секретной информации, и это приносит крайний вред интересам службы Вашего величества». В этих условиях порой приходилось спешно набирать агентов, от которых было очень мало толку. В 80-х годах, например, некий Хейк, в прошлом связанный с разведывательной организацией Уолтерса в Роттердаме, а также его сын выполняли какие-то особые задания английской разведки. Известный дипломат Д. Гаррис негодуяюще писал об их тупости и о том, что они «заинтересованы не в добывании и передаче информации, а в добывании денег». Другой английский шпион — Сен-Марк был нанят на три месяца с окладом в 60 гиней в месяц, позднее его рассчитали, так как английское посольство в Париже сочло нового агента не заслуживающим доверия.

Подавляющее большинство материалов, связанных с секретной службой в XVIII веке, уничтожено. Часть из них считалась личными бумагами министра и забиралась им с собой из архива после ухода в отставку. По расчетам проф. А. Коббена, затраты на секретную службу только министерства иностранных дел колебались в 80-х годах от 15 тыс. до 35 тыс. фунтов стерлингов, то есть составляли примерно четверть всех расходов внешнеполитического ведомства.

ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ействия британской секретной службы приобрели особо важное значение во время войны против восставших колоний в Северной Америке (1775—1783 гг.). Английской разведке удалось установить связи с комендантом главной военной базы колонистов Вест-Пойнта генералом Арнольдом. За крупную сумму Арнольд был готов сдать Вест-Пойнт и перейти на сторону англичан. Адьютант английского командующего майор Андре, посланный для окончательных переговоров с Арнольдом, на обратном пути был задержан американскими ополченцами. Опасаясь разоблачения, Арнольд бежал в английский лагерь; Андре был повешен по приговору американского военного трибунала.

В Европе британская секретная служба установила тщательное наблюдение за представителями молодой американской республики. Целая сеть осведомителей следила за американскими дипломатами. Доктор Банкрофт — ближайший друг американского посла во Франции, знаменитого ученого Бенджемена Франклина — был платным британским шпионом, об этом стало известно только спустя три четверти века. Английская разведка была в курсе всех деталей переговоров между Франклином и французским правительством о заключении союза, но не смогла вмешаться в ход событий.

Бумаги главы английской разведки Уильяма Идена стали доступны ученым только через сто лет после событий; в 1889 году. Из 25 томов донесений, полученных Иденом, можно составить довольно ясное представление о масштабах, которых достигла деятельность британской секретной службы в годы войны колоний за независимость. Достаточно сказать, что в эти годы десятая часть резко возросшего военного бюджета шла на покрытие расходов разведки. Открытие архива Идена нанесло непоправимый ущерб репутации немалого числа американских буржуазных политиков, которые целое столетие почитались в качестве преданных патриотов, основателей Соединенных Штатов. Нельзя не упомянуть, что в последние годы отдельные западные историки, кто намеками, а кто прямо, стали выдвигать подозрения и против

самого Франклина. Однако эти подозрения не подкреплены никакими документальными свидетельствами, безосновательны (если не считать воспроизведения клеветнических утверждений его врагов о растрате денег) и оскорбляют память этого выдающегося государственного деятеля и передового мыслителя. Но это, правда, не значит, что в поведении Франклина на посту американского посла в Париже все получило удовлетворительное объяснение. Бенджамен Франклин ко времени, когда он занял эту должность, имел большой жизненный и, в частности, административный опыт. Поэтому непонятно, почему он с порога отверг обвинения против Банкрофта, которые выдвигал другой американский представитель — Артур Ли, прямо инкриминировавший тому занятие шпионажем, встречи с членами британского Тайного совета. Конечно, Артуру Ли были свойственны шпиономания и выдвижение ложных обвинений, но, поскольку не было тайной, что американские дипломаты опутаны со всех сторон сетью британского шпионажа, простая осторожность, казалось бы, требовала проверки подозрений о виновности Банкрофта. Тем более что, по крайней мере, часть информации, которую доктор привозил из Лондона для Франклина, явно не соответствовала действительности. Лишь отчасти объяснение может быть найдено во взаимной неприязни, которая разделяла Бенджамена Франклина и Артура Ли.

В годы войны против североамериканских колоний шпионажем при случае занимались даже самые высокопоставленные лица. Летом 1777 года английский посол в Берлине Хью Эллиот подкупил слугу в гостинице, где остановился Артур Ли, и получил ключи от номера американца. Эллиот в отсутствие Ли побывал в его комнате, похитил находившиеся там бумаги и поспешил в посольство. Там несколько человек принялись лихорадочно переписывать похищенные документы, а Эллиот тем временем вернулся в гостиницу и, изображая из себя путешественника, сочувствующего делу колонистов, встретил возвратившегося Ли и втянул в длинную двухчасовую беседу. Лишь в 10 часов вечера Ли поднялся к себе в комнату. Вскоре оттуда раздались вопли: «Разбой! Ограбление!» Между тем англичанин покинул отель, наскоро переоделся в посольстве и, прихватив документы, с которых уже были сняты копии, опять появился в гостинице. Он передал бумаги портье, сказал, что они были

вручены ему каким-то незнакомцем, который после этого немедля исчез. Атташе английского посольства Листон, загоня лошадей, помчался в Гамбург, чтобы оттуда с первым кораблем добраться до Лондона. Подозрения в краже бумаг, естественно, пали на Эллиота. А тот даже не отрицал этого, небрежно объяснив, что, мол, один из его слуг из чрезмерного усердия похитил бумаги, но он, как только узнал об этом, поспешил вернуть их законному владельцу.

Прусский король Фридрих II воспользовался случаем, чтобы выразить свое неудовольствие, мягко говоря, бесцеремонностью английского дипломата. В Лондоне казус обсуждался министрами в присутствии самого Георга III. Тот с привычным ханжеством выразил «неудовольствие поведением посла, рвение которого при исполнении служебного долга столь же несомненно, как и его способности, но который проявил склонность отклоняться от благоразумного принятия во внимание его собственного положения и достойных принципов двора, чьим представителем он является». Вскоре буря улеглась, и Эллиот получил награду в 500 фунтов стерлингов.

Известный адмирал сэр Джордж Родней при посещении Франции в 1778 году, как он сам сообщал одному из английских министров, собирал сведения о планах использования различных соединений французского военного флота и обещал пересылать информацию в Лондон, как только будет представляться тому возможность. Мобилизовывались даже резервы. После дипломатической карьеры редко переходили на службу в разведку. Тем не менее Ричард Окс, бывший английский поверенный в делах в Петербурге и посланник в Варшаве, во время войны против колоний и их союзников поставлял разведывательные данные из Парижа, Остенде и Бреста, особенно о состоянии французского и голландского военно-морских флотов.

Джозеф Йорк, 20 лет бывший послом в Голландии, создал сеть шпионажа, независимую от разведки Адмиралтейства. Георг III писал о сэре Джозефе в 1778 году, что он «замурован на посту внешнеполитического часового в Гааге». Сбор информации о Голландии или сведений, поступавших в распоряжение голландского правительства, был при этом самой несложной частью дела. Законодательство Нидерландов предусматривало, что информация, которой располагало центральное прави-

тельство в Гааге, должна доводиться до сведения властей провинций и даже отдельных городов. В результате к британскому посольству многократно обращались различные лица с предложением о поставке информации по сходной цене.

В 1780 году британская секретная служба подслала своего агента, именовавшего себя Монтегю Фоксом, к французскому послу в Голландии герцогу Лавогюйону. Выдавая себя за представителя вигских лидеров, выступавших против войны с колонистами, Фокс пытался через Лавогюйона подбросить французскому командованию отлично сработанные фальшивки — мнимые приказы британского военно-морского министерства, прямо противоположные тем, которые на деле были посланы английским адмиралам*.

Во второй половине 80-х годов XVIII в. английской дипломатии удалось добиться крупных успехов. Был положен конец одиночеству, в котором очутилась Великобритания после войны против восставших североамериканских колоний и присоединившихся к ним европейских держав. Франция, недавно возглавлявшая антианглийскую коалицию, в которую входили Испания, Голландия и молодые Соединенные Штаты Америки, напротив, оказалась изолированной на международной арене. Главной причиной этих успехов Лондона было быстрое возрастание экономического могущества Англии, в которой происходил промышленный переворот, создавалось крупное машинное производство, и кризис феодально-абсолютистского строя во Франции, стоявшей накануне революции. Это ярко отразилось в первой из дипломатических побед, одержанных Великобританией в те годы, — заключении в 1786 году англо-французского торгового договора, который распахнул двери Франции для британских промышленных товаров. Между прочим, английским уполномоченным, проводившим переговоры о подписании мира, был Уильям Иден — руководитель английской секретной службы.

Во второй дипломатической победе Англии большая роль принадлежала самой секретной службе. В Лондоне поставили целью уничтожить преобладающее француз-

* О борьбе разведок в годы североамериканской буржуазной революции XVIII века см. Е. Черняк, Пять столетий тайной войны, изд. 2-е, М., 1972.

ское влияние в Голландии. Оно опиралось на республиканскую буржуазно-демократическую оппозицию, выступавшую против власти штатгальтера Вильгельма V. В ноябре 1785 года между Францией и Голландией был заключен союз, по которому Париж должен был воспрепятствовать попыткам штатгальтера восстановить свою почти не ограниченную власть с помощью иностранных держав. Этот договор подготовил уже упоминавшийся герцог Лавогюйон и его преемник маркиз де Верак.

Как раз в самый разгар переговоров о франко-голландском договоре в Гаагу прибыл новый британский посол сэр Джеймс Гаррис, позднее известный под именем лорда Мэлзбери. Ему в это время было около сорока лет. Гаррис родился в 1746 году в Оксфорде. Он учился вместе с Чарлзом Фоксом, позднее знаменитым лидером вигов, поддержка которого немало способствовала карьере Гарриса. Другим приятелем Гарриса был Уильям Иден, впрочем, далеко не дружественно относившийся к нему в последующие годы. Он даже называл Гарриса ханжой и хвастуном, хотя, по мнению известного историка А. Коббена, автора специального исследования о голландской миссии Гарриса, эти обвинения были несправедливыми. Однако при этом Коббен ссылается лишь на то, что Гаррис вел себя совсем не по-ханжески ни в Оксфорде, ни в Лейдене, где он изучал голландский язык и заканчивал свое образование, и что, наконец, когда после начала дипломатической карьеры в Берлине Гарриса переводили в Петербург, он успел жениться на шестнадцатилетней девушке. Однако Уильям Иден, вероятно, давая оценку Гаррису, менее всего думал о его супружеских добродетелях.

Красивый молодой дипломат рано обнаружил умение соединять способность быть любезным хозяином или желанным гостем на светских приемах с качествами прирожденного политического интригана. Непринужденность в разговоре, сдержанность, остроумие сочетались у него с тонкостью анализа дипломатической ситуации, ловкость в споре — с купеческой прижимистостью в переговорах, он был самоуверен, решителен, холодно беспощаден, не привык брезговать никакими средствами и явно испытывал удовлетворение от собственных хитроумных маневров, продуманного, рассчитанного коварства. Впрочем, продемонстрировав недюжинную ловкость еще будучи секретарем посольства в Мадриде, Гаррис

куда менее преуспел в сумеречной прусской столице. Он сам признавался, что нашел берлинских дам куда более податливыми на убеждения, чем престарелый Фридрих II. Небольшими были и плоды усилий Гарриса при дворе Екатерины II. Светские успехи несколько не приближали его к цели — заключению союза с Россией, столь желанного для Англии в годы войны против североамериканских колонистов и коалиции европейских держав. Гаррис был умным человеком и вскоре понял, что Екатерина ведет с ним сложную игру, время от времени завлекая его надеждой на подписание союзного договора. Как саркастически писал Гаррис, его образ действий очень напоминал поведение одной знакомой ему супруги испанского гранда, десять лет считавшей себя беременной и каждые четыре или пять месяцев вызывавшей акушерку. Не желая следовать этому примеру, Гаррис стал жаловаться на плохое здоровье и в августе 1783 года добился, чтобы его отозвали из Петербурга. Заняв в декабре 1784 года пост посла в Гааге, Гаррис с помощью щедрых денежных субсидий сумел укрепить проанглийскую партию сторонников штатгальтера, ослабить республиканцев, ориентированных на союз с Францией, и подготовить почву для прусской вооруженной интервенции. В сентябре — октябре 1787 года прусская армия оккупировала Голландию. Версальский двор до последней минуты тешил республиканцев надеждами на французскую помощь, а потом, отступив перед угрозой войны, предоставил их собственной судьбе. Голландия вернулась в сферу английского влияния. Были созданы предпосылки для тройственного союза Англии, Пруссии и Голландии против Франции. Капитуляция Версаля, выявившая неспособность абсолютизма защищать международные позиции страны, вызвала возмущение среди французской буржуазии, способствовала падению престижа монархии и в этом смысле была фактором, приблизившим революционную бурю.

Победа Англии была тесно связана с пониманием того, насколько внутривластные (прежде всего финансовые) трудности связывали руки правительства Людовика XVI. Успех миссии Гарриса был достигнут в большой степени благодаря применению в широких масштабах методов тайной войны, которая велась для достижения четко поставленной дипломатической цели. Однако главным инструментом, обеспечившим победу, стала

прусская армия, вмешательства которой Лондону удалось добиться умелой игрой на противоречиях между европейскими державами.

ЛЕГЕНДА О ГИНЕЯХ

етом и осенью 1789 года во Франции как среди роялистов, так и в широких кругах буржуазии были широко распространены слухи о том, что Англия тратит крупные суммы денег на разжигание «беспорядков». Из переписки французского министра иностранных дел Монморена с французским послом в Лондоне Лялюзерной явствует, что, хотя оба дипломата признавали отсутствие доказательств английского участия в подстрекательстве к «анархии», оно казалось им более чем вероятным. Обоим сановникам, видимо, не приходила в голову мысль о том, насколько не подходил британский посол лорд Дорсет к роли вдохновителя революций («адских козней», по выражению Лялюзерны). Монморен рекомендовал Лялюзерне следить за подозрительными лицами в Лондоне, особенно за Дантоном и его секретарем Паре. (Это письмо Монморена широко использовал знаменитый историк А. Матъез, считавший, что Дантон был подкуплен британской разведкой.)

Почти через два года, 24 и 27 апреля 1791 г., французское министерство направило Лялюзерне два письма, в которых перечислялись действия английской агентуры во Франции. Посол на этот раз был более осторожен, подчеркивая в своем ответе, что, хотя английское правительство, по его убеждению, использует все доступные ему средства, чтобы поддерживать внутренние беспорядки во Франции, оно вряд ли открыто оказывает помощь недоброжелателям. Посол далее подверг анализу присланную ему информацию. Во-первых, писал он, сведения о том, что известный английский разведчик времен войны против колонистов Пол Уэнтворт действовал на юге Франции, неверны. Лялюзерна считал, что Уэнтворт находится в Голландии, так как если бы он действительно проник во Францию, то, конечно, не остался бы без дела. Дипломат, вероятно, был прав — нет сведений, что Уэнтворт в

1791 году был во Франции. Во-вторых, подвергались сомнению утверждения, что английские заводчики посылают во Францию ружья, пушки и порох — посол не смог обнаружить никаких доказательств этих поставок. Аналогично обстояло дело и с другой подобной информацией. Представитель Версальского двора добавлял, что ему уже передал такие же сведения некий Браун-Дигнем; возможно, он не сообщил эти сведения в Париж. Браун-Дигнем ранее служил шпионом в Голландии и был расчитан своими нанимателями.

После смерти Лялюзерны временным поверенным в делах Франции в Лондоне стал известный французский дипломат и разведчик Франсуа Бартеlemi (впоследствии член правительства Директории, крупный сановник в эпоху Первой империи и Реставрации). В депешах, посылавшихся в Париж, а потом в своих известных мемуарах Бартеlemi обвинял британский кабинет в «вероломнейшем макиавеллизме», в стремлении любой ценой не допустить восстановления «порядка» во Франции. С другой стороны, Камилл Демулен в разгар французской революции утверждал, что Уильям Питт играет в ней такую же роль, какую кардинал Ришелье (добавим, конечно, по распространенной легенде, а не в действительности. — *Е. Ч.*) — в революции английской. Кроме того, Питт якобы решил взять реванш за помощь, оказанную французами колонистам в Северной Америке. Демулен добавлял: «Наша революция в 1789 году была делом, устроенным британским правительством и частью меньшинства дворянства». Если так мог писать один из активных участников революции, что же говорить о роялистах, которые и по свежим следам, и много позднее твердили, что Питт вызвал финансовый кризис во Франции в 1788 году, добился созыва Генеральных штатов, организовывал все революционные выступления, не жалея миллионов.

Однако, прежде чем продолжить рассказ о небезынтересных превращениях, которые претерпела эта легенда, отметим, что британский (притом весьма консервативный) историк А. Коббен опубликовал в «Английском историческом обозрении» результаты своего изучения архивных материалов о деятельности разведки Питта во Франции с 1784 по 1792 год (т. е. до вступления Англии в войну).

Надо ли говорить, что британский кабинет с самого начала решительно отрицал какое-либо участие в начав-

шихся во Франции событиях. Герцог Дорсет уже 29 июля 1789 г., то есть через две недели после взятия Бастилии, опровергал утверждения об этом. Конечно, подобные заявления стоят мало, но они приобретают полную правдоподобность в устах такой великосветской никчемности, как Дорсет, к слову, в это время более всего думавшего о собственной безопасности в революционном Париже.

Дорсет для доказательства, что Англия не имеет ничего общего с начавшимися волнениями и отнюдь не пытается использовать их и что она не мобилизовала свой флот, напомнил Монморену их разговор в начале июня 1789 года. Дорсет тогда сообщил министру о существовании заговора с целью захвата Бреста. Судя по всему, еще в конце мая 1789 года к Дорсету обратился какой-то аббат, но посол не пожелал его выслушать и даже узнать его фамилию и адрес. Аббат тем не менее пришел во второй раз и на этот раз был принят. Узнав о предложениях аббата, министр иностранных дел Кармартен заподозрил провокацию. Он предписал Дорсету поставить в известность французское правительство, но при этом сослаться лишь на слухи, циркулирующие в Лондоне, с тем чтобы не поставить под угрозу лиц, которые обращаются в британское посольство. В результате, однако, Монморен вообще не поверил Дорсету и счел его сообщение не заслуживающим внимания. С другой стороны, участники этого туманного «брестского заговора» сочли себя преданными английским правительством. Других доказательств английского подстрекательства (кроме ничем не подтвержденных слухов и их столь же голословных опровержений) не имеется вовсе.

Для установления истины полезно выяснить, каковы были затраты на английскую секретную службу министерств иностранных дел, внутренних дел и Адмиралтейства. Если исключить расходы на точно известные цели (например, на миссию Гарриса), остаются весьма скромные суммы, никак не свидетельствующие об активности, выходящей за рамки рутинного шпионажа во французских гаванях. В инструкциях Дорсету, когда его посылали в 1784 году в Париж, рекомендовалось приложить крайние усилия, чтобы выяснить намерения Франции в Вест-Индии и условия договоров, которые Версальский двор предполагал заключить с другими европейскими странами. Британское посольство использовало для этой цели всего нескольких, и притом не очень ловких, агентов.

Одним из них был некий Сен-Марк, обещавший в 1785 году доставлять копии всех депеш, направлявшихся французским правительством в Индию, и сведения о числе и расположении судов в гавани Рошфор. Через несколько месяцев секретарь посольства Хейлс стал жаловаться на скудность информации, получаемой от Сен-Марка, и предложил расчитать его. Осенью 1787 года английским шпионом был некий артиллерийский капитан де ля Фонд, знакомый с военным и морским министрами. Он представил сведения о дислокации войск в районе атлантического побережья и Ла-Манша и другие сведения, за которые ему было выплачено 6 тыс. ливров. Были и другие шпионы. В марте 1785 года Дорсет заплатил 200 фунтов стерлингов за сведения о Тулоне и надеялся за меньшую сумму получить такие же сведения о Бресте, но агент попросту сбежал. В это время английское правительство очень интересовал ход строительства военного порта Шербур. Преемник Дорсета лорд Роберт Фитцджеральд сообщил в апреле 1790 года, что лучше будет воздержаться от затрат на получение информации, которая вряд ли при тогдашнем положении дел во Франции может иметь большое значение для английского правительства. Лорд Гауэр, сменивший Фитцджеральда, кажется, вполне разделял это мнение.

В соседней Бельгии (австрийских Нидерландах) послом был лорд Торрингтон — полнейшее ничтожество, пользовавшийся услугами некоего Флойда, которого из Лондона еще в 1785 году приказали расчитать за ненадобностью. В 1791 году и в последующие годы Флойд присылал отдельные письма Питту из Франции, но так и не был снова принят на службу.

В июле 1789 года Торрингтон покинул Брюссель, а находившийся там с 1789 по 1792 год полковник Гардинер занимался сбором информации о самой Бельгии. В его бумагах не сохранилось никаких сведений о Франции. Вообще Брюссель стал важным источником сведений о французских делах только после отзыва в августе 1792 года английского посла из Парижа. Донесения британских дипломатов из других, соседних с Францией, стран свидетельствуют о скромных тратах на секретную службу.

Британское Адмиралтейство посылало с разведывательными целями офицеров в различные французские гавани. Расходы оплачивало министерство внутренних дел. Наиболее активным из таких офицеров был Ричард Окс,

занимавшийся шпионажем еще в годы войны против американских колонистов. В 1787 году он сообщил из Брюсселя о французских кораблях, отправлявшихся в Индию. В 1790 году Окс был в Париже, добывая информацию о франко-испанских отношениях. (В это время возникли споры между Лондоном и Мадридом, и поэтому было важно знать, считает ли себя Франция связанной союзным договором с Испанией.) Другим разведчиком был генерал-майор Дэлримпл, сообщавший в 1787—1788 годах сведения о состоянии французского флота и воинских частях, которые предполагалось послать в Индию.

К числу разведчиков относился Филипп д'Овернь родом с острова Джерси. Он начал карьеру в качестве протеже адмирала Гоу. В 1779 году корабль «Аретуза», где д'Овернь служил первым помощником капитана, потерпел крушение, и он очутился во французском плену. Министр морского флота де Сартен обратил внимание герцога Булонского на то, что военнопленный носит ту же родовую фамилию д'Овернь, что и сам герцог, а единственный наследник этого знатнейшего вельможи не имел шансов прожить долго. С ним должен был прекратиться герцогский род. Вернувшись в Англию после обмена пленными, д'Овернь продолжал морскую службу. В 1784 году в Лондон приехал герцог Булонский. Он пригласил капитана д'Оверня во Францию и вскоре усыновил его. Тогда же, в 1784 году, д'Овернь объехал районы, прилегающие к Ла-Маншу; командуя в 1787 и 1788 годах фрегатом «Нарцисс», д'Овернь разведывал французское побережье между Сен-Мало и Гавром, работы в Шербуре и составлял отчеты для адмирала Гоу. В 1792 году д'Овернь посетил французские порты. Помимо выяснения состояния военного флота он занимался насаждением там британской агентуры.

В предреволюционные и первые революционные годы еще несколько офицеров — капитан Дюмареск, капитан Филлипс, капитан Генри Уорр, лейтенант Монк и др. — посылали в Лондон разведывательные донесения о французском флоте и военных портах. Целый ряд военных кораблей занимался наблюдением за французскими гаванями. Министерство внутренних дел финансировало и действия противников французского господства на Корсике.

Упорно повторявшиеся слухи о связях с Лондоном орлеанистской партии, то есть сторонников герцога Орле-

анского, не имели никакого основания, даже по мнению Лялюзерны. На начальных стадиях революции в ней действительно принимало участие небольшое число английских подданных. Это были, как правило, английские и ирландские демократы, участники революционной войны в Америке. Об их жизни и деятельности известно немного. Ясно только, что они не имели никаких связей с британской секретной службой.

ГИНЕИ И ПОРОХ

XVIII веке Англия, по известному выражению, использовала другие европейские государства как «хорошую пехоту». Поэтому наблюдение за тем, как использовались английские субсидии, составляло одну из задач британской разведки. В одних случаях «товар» с готовностью поставлялся — известно, что немецкие князья, когда они не могли торговать изделиями своих подданных, научились бойко торговать их кровью, продавая своих солдат, чтобы те умирали, сражаясь за Англию. Но в других случаях субсидии приходилось навязывать и, главное, опасаться, пойдут ли они по назначению. Стремление воевать чужими руками сопровождалось у Лондона ревнивым желанием видеть своими глазами, как воюет закупленное пушечное мясо.

Война против революционной Франции, начавшаяся в 1793 году, привела к невиданному расширению английской секретной службы, в десятки и сотни раз увеличив число прямо или косвенно работавших на нее агентов. Привычка английской буржуазии воевать чужими руками породила стремление вести разведку тоже чужими руками. В войне против Франции английское правительство использовало контрреволюционное подполье как свою разведывательную и диверсионную организацию. Так же как с помощью субсидий покупались гессенские полки или брались на британское содержание иностранные армии, английскими гинееми теперь оплачивалась подрывная деятельность роялистов против французской республики.

До вступления Англии в войну шпионаж, как уже говорилось, носил рутинный характер и заключался преи-

мущественно в наблюдении за французскими гаванями. Это отражало и близорукое мнение в Лондоне, что потрясаемая революционными бурями Франция на долгое время перестала быть опасным соперником, и существовавшее отсюда нежелание британского кабинета связывать себя поддержкой одной из враждующих французских партий.

Положение стало круто меняться только с осени 1792 года, то есть со времени падения монархии во Франции и подъема демократического движения в самой Великобритании (а также ряда действий, предпринятых французским правительством под влиянием жирондистов, особенно в отношении Бельгии, которые заведомо вели к столкновению с Англией). До этого же времени колебания «коварного Альбиона» ограничивали размах активности британской секретной службы.

Много неясного остается в связях английской разведки с известным роялистским заговорщиком бароном де Батцем. Во всяком случае, Батц получал от англичан значительную часть тех миллионов — считая, правда, не падающие в цене бумажные ассигнации, — которые он затратил на попытки сначала спасти Людовика XVI, а позднее организовать бегство королевы Марии-Антуанетты. В апреле 1793 года в Париж прибыла англичанка Аткинс, поддерживавшая переписку с самим премьер-министром Уильямом Питтом и другими членами британского правительства. По некоторым сведениям, она передала Батцу 20 млн. ливров. Впрочем, большие деньги Батц мог добывать и с помощью финансовых спекуляций, участвуя через подставных лиц в поставках для армии, и другими подобными способами.

С помощью роялистского подполья английская разведка получала подробную информацию о заседаниях высшего органа революционного правительства — Комитета общественного спасения. Сведения из Парижа поступали к главе роялистской секретной службы графу д'Антрегу, а от него — к английскому посланнику в Генуе Френсису Дрейку, направлявшему их в Лондон. Надо лишь оговориться, что оборотистый д'Антрег ухитрялся одновременно продавать свои бюллетени также в столицы других европейских государств, участвовавших в антифранцузской коалиции. Вероятно, в данном случае британская секретная служба и не претендовала на монополию, поскольку поступавшая в Мадрид, Вену или Петербург

шпионская информация служила полезной — с точки зрения Лондона — цели нанесения максимального ущерба революционной Франции (да и расходы на оплату агентуры д'Антрега можно было поделить между всеми заинтересованными сторонами). Что же касается вреда, который мог быть причинен Франции, его поистине трудно измерить. На заседаниях Комитета общественного спасения утверждались военные планы, то есть речь шла о военных кампаниях, о жизни десятков тысяч солдат, о судьбах самой республики.

В конце 1793 года Комитет общественного спасения случайно узнал об утечке информации. На одном из его заседаний был подвергнут критике французский поверенный в делах в Константинополе Энен. Об этом обвинении из бюллетеней д'Антрега стало известно в Мадриде, и испанский дипломат Симон Лас Казас уведомил своего давнего приятеля Энена о выдвинутых против него обвинениях. Француз немедленно написал негодующее письмо в Париж, оправдывая свои действия, и таким образом Комитет общественного спасения узнал, что сведения о его секретных заседаниях поступают во вражеские столицы. Члены Комитета были убеждены, что предателем мог быть только кто-то из их среды, а не один из служащих. У Комитета не было постоянного секретаря, который присутствовал бы на всех заседаниях. Подозрения пали на члена Комитета дантониста Эро де Сешеля, и когда тот через несколько месяцев был арестован в числе других лидеров дантонистов, ему было предъявлено обвинение в передаче сведений о заседаниях Комитета за границу. Однако, вне зависимости от того, был ли вообще связан Эро с иностранными разведками, информация о Комитете общественного спасения исходила от какого-то другого лица. Она продолжала регулярно поступать и после казни Эро в апреле 1794 года.

Историки подвергли внимательному анализу бюллетени д'Антрега. Выявилось, что в них содержатся порой неправдоподобные сведения. А. Матъез, изучая архив Людовика XVIII, который во время революции находился в эмиграции и был главой роялистов, выяснил, что д'Антрег существенно менял содержание донесений, получаемых от своих агентов, с целью подстрекнуть иностранные державы к усилению борьбы против якобинцев. Тем не менее основу этих бюллетеней нельзя считать продуктом фантазии самого графа или даже его парижской

агентуры. Некоторые сведения, вначале казавшиеся выдумкой, при проверке их другими документами неожиданно находили полное подтверждение. Можно предположить, что источником информации был все же кто-либо из служащих Комитета общественного спасения, который на некоторых заседаниях присутствовал сам в качестве секретаря, а о других выспрашивал у коллег. В одной из депеш, посланных в Лондон, Френсис Дрейк намекает, что роялистским разведчиком являлся один из секретарей Комитета. Однако эта депеша была отправлена до личной встречи Дрейка с д'Антрегом, и вряд ли осторожный шеф роялистской разведки доверил бы бумаге, несмотря ни на какие шифры, столь решающую для него тайну. Но нельзя сбрасывать со счетов и того, что члены Комитета общественного спасения, конечно, лучше других осведомленные об обстановке, в которой проходили заседания, считали, что изменником мог быть только кто-то из их среды. Отталкиваясь от этого немаловажного факта, отдельные историки пытались методом исключения определить имя предателя. Учитывалось, что большинство членов Комитета не раз находились в командировках, другие часто не присутствовали на заседаниях или не могли располагать такой детальной информацией о состоянии революционных армий, какой обладал корреспондент д'Антрега. Единственным из членов Комитета, который несомненно имел все эти сведения, был Лазарь Карно. На Карно как на источник своей осведомленности указывал позднее в конфиденциальной переписке д'Антрег. Однако граф слишком часто был не в ладах с правдой, ему было слишком выгодно представить своим агентом одного из руководителей республики, чтобы это утверждение д'Антрега имело особый вес. Подозрения, высказанные в исторической литературе в отношении Карно — «великого Карно», «организатора победы», — вызвали негодование среди влиятельных буржуазных ученых во Франции. Они правы в том, что эти подозрения никак не доказаны. Тем не менее нельзя не учитывать политической позиции Карно, явно не верившего в прочность революционного правительства и 9 термидора бывшего в рядах тех, кто участвовал в его свержении, а впоследствии установившего связи с роялистами. Загадка остается пока не разгаданной, несмотря на все старания исследователей...

В первые месяцы после начала войны в Лондоне были весьма слабо осведомлены о вандейском восстании. Вес-

ной 1793 года были сделаны попытки наладить контакты с одним из главарей вандейцев, неким Гастоном, численность его отрядов преувеличивалась при этом в десятки раз. В мае с этой целью по поручению голландского и английского правительств в Вандею отправился известный авантюрист полковник д'Анжели. Он мог лишь сообщить, что «генерал Гастон давно мертв» (вандеец действительно был взят в плен и расстрелян, вероятно, еще 15 апреля 1793 г. в Сен-Жерве). Д'Анжели в августе послал подробный отчет о шуанах и их руководителях, который позволил в Лондоне составить представление о ходе вандейского мятежа. Другим британским агентом, направленным для связи с шуанами, был некий шевалье де Тинтениак. Он был послан командующим войсками на острове Джерси полковником Крейгом. Тинтениак в августе переслал Крейгу подробный перечень нужд вандейцев, в удовлетворении которых они надеялись на английскую помощь. В июне некий Гамелен по поручению того же Крейга вел в Сен-Мало переговоры с местными властями о сдаче города англичанам. Переговоры затянулись вследствие инертности английского правительства, медлившего с ответом на запросы Крейга. В октябре 1793 года роялистам было послано предложение совместно занять Сен-Мало. Из этого ничего не вышло. Однако контакты с вандейцами, установленные Тинтениаком, сохранялись. В ноябре 1793 года вандейцы пытались, по согласованию с англичанами, занять Гранвиль, но были отбиты, а британский десант прибыл лишь 2 декабря, после их отступления. Нерасторопность английских военных властей сводила на нет то небольшое, что удавалось добиться разведке. Причиной была не только халатность. Медлительность порождалась и недоверием в Лондоне к «чистым роялистам», вернее, к их способности добиться поставленной ими цели — полного восстановления старого режима. К тому же возникали постоянные столкновения между Крейгом и губернатором Джерси Филиппом Фоллом, руководившими разведывательными операциями. Поэтому в октябре 1793 года Крейга перевели с Джерси на другой остров — Гернси и через два месяца вообще удалили из этого района, а руководство разведкой в Джерси было поручено новому командующему войсками лорду Бэлкерсу. При нем начала создаваться широкая разведывательная сеть, получившая название «Корреспонданс».

Уже в письмах Крейга в апреле 1793 года впервые появляется фамилия одного из ее наиболее активных агентов — Прижана. Он родился в Сен-Мало в 1768 году в купеческой семье. В первые же месяцы своей шпионской службы Прижан успел зарекомендовать себя ловким агентом, отлично знакомым с прибрежными районами, где ему приходилось действовать (достаточно сказать, что за его действия в это время он позднее — в 1798 г. — получил от английской секретной службы 500 фунтов стерлингов). Впрочем, этому предшествовал провал. В ночь с 30 на 31 декабря 1794 г. Прижан был арестован республиканцами. Он поспешил выдать все, что знал о «Корреспонданс», и не скупился на уверения в своей любви к республике. В результате его освободили 20 апреля 1795 г. по общей амнистии, и Прижан снова стал агентом «Корреспонданс». Этот эпизод вызвал недоверие к Прижану со стороны части роялистов, но ему оказывал поддержку их лидер, граф Пюизе, являвшийся представителем графа Прованского (будущего Людовика XVIII). Долгое время шпионом-двойником считал Прижана и Филипп д'Овернь. Этот английский разведчик в ноябре 1794 года сменил лорда Бэлкерса на посту руководителя «Корреспонданс». (Позднее, во время кратковременного Амьенского мира, д'Овернь приехал в Париж хлопотать о возвращении отцовского достояния. Власти поспешили упрятать в тюрьму докучливого просителя — ему следовало знать, что земли, на которые он зарился, уже перешли в руки самого первого консула — Наполеона Бонапарта.) С 1794 года «Корреспонданс» быстро превратилась в разветвленную шпионскую организацию.

К числу наиболее опасных для республики форм активности «Корреспонданс» была заброска во Францию фальшивых ассигнаций, которые еще с 1791 года стали печатать на специальных фабриках в Лондоне. В роли фальшивомонетчиков подвизались, в частности, эмигранты-священники. Тюки с фальшивыми ассигнациями переправлялись во Францию для снабжения деньгами роялистов и для того, чтобы вызвать финансовый хаос в стране.

Успехи английской секретной службы против революционной Франции были связаны с рядом благоприятных для нее факторов. Отдельные настроенные против якобинской диктатуры крупные гражданские и военные чины сами предлагали свои услуги Лондону. А после пере-

ворота 9 термидора активизировались скрытые роялисты, занимавшие порой административные посты. Такие факты, как переход на сторону врага генерала Дюмурье и предательство позднее ряда других генералов, служат ярким тому примером.

ГИНЕИ И «КАЧЕЛИ»

ноября 1794 года в Берн прибыл новый английский поверенный в делах Уильям Уикхем. Поддержание связей со Швейцарией было лишь сугубо дополнительной задачей британского дипломата. Главными же целями были сбор разведывательной информации о Франции и руководство роялистскими группировками, стремившимися ликвидировать республику. Молодой англичанин, вполне разделявший взгляды, симпатии и антипатии правительства Питта, оказался хорошо подготовленным для выполнения возложенной на него миссии. В 1782 году после окончания колледжа Крист-черч Оксфордского университета Уикхем отправился в Женеву продолжать изучение права. Там он женился на дочери профессора математики Л. Бертрана, влиятельного лица в городе, и через него стал своим человеком среди женевских нотаблей. Уже в это время Уикхем состоял агентом британской секретной службы, потом ему была поручена конфиденциальная корреспонденция министерства иностранных дел. Летом 1794 года он занял пост начальника отдела министерства внутренних дел, ведавшего вопросами, связанными с проживавшими в Англии иностранцами, что дало ему ясное представление о различных течениях среди французских эмигрантов.

Позднее, в 1800 году, нарушая свою обычную сдержанность, министр иностранных дел лорд Гренвилл писал своему посланнику: «Все, что вы сделали, было сделано в том же мастерском стиле, который отличает вашу работу от всех других артистов в этой сфере».

Что же было характерным для «стиля» Уикхема? Пожалуй, прежде всего возможность расходовать такие суммы — десятки и даже сотни тысяч фунтов стерлингов, — которые и не снились другим «артистам». Отсюда — возможность сразу делать несколько ставок, наде-

лять своих агентов способностью говорить голосом власть имущих, настаивать на принятии их планов, касавшихся политических маневров и интриг в масштабе целой страны.

Первое препятствие, с которым столкнулся Уикхем, была ограниченность и тупое упрямство ближайшего окружения графа Прованского, который после смерти в июне 1795 года десятилетнего дофина — сына казненного Людовика XVI — был провозглашен эмигрантами королем Людовиком XVIII. Его окружение состояло из крайних, узколобых роялистов, считавших, что монархию погубили только слабость и уступки, стремившихся к реставрации абсолютизма точно в таком виде, в каком его застала революция 1789 года. Уикхем отлично понимал, что такая программа делает совершенно безнадежным дело роялистской контрреволюции, отталкивая от него основную массу имущих классов, не желавших восстановления старого режима. Крайние роялисты смертельно враждовали даже с конституционными монархистами, мечтавшими об утверждении строя, напоминающего тот, который существовал в Англии после переворота 1688 года. Положение осложнялось еще тем, что разведывательная сеть (так называемое «Парижское агентство» и другие люди д'Антрега) имелась только у крайних роялистов и что без согласия Людовика XVIII трудно было надеяться на успех монархического переворота. Поэтому Уикхем прежде всего занялся примирением крайних роялистов с людьми типа Тальена и других термидорианцев, готовых пойти на реставрацию конституционной монархии. Гинеи Уикхема оказали немалое воздействие на «политику качелей», как современники называли колебания в политическом курсе правительства Директории. В страхе перед выступлением масс, качнувшись вправо, Директория после разоблачения очередного роялистского заговора, организованного с помощью английского золота, качнулась влево — и так происходило несколько раз.

1795 год прошел у Уикхема в попытках с помощью щедрых финансовых вливаний организовать мятежи на восточной границе Франции, которые должны были начаться одновременно с наступлением австрийских войск, и превратить эмигрантскую армию Конде в крупную военную силу. Одновременно намечалась высадка на севере страны. Выступления роялистов должны были послужить детонатором для общего антиправительственного восста-

ния. Ничего из этих планов не вышло (отчасти вследствие проволочек со стороны австрийцев).

Высадка на севере, в заливе Киберон, все же состоялась в июне 1795 года. Войсками эмигрантов командовал граф Жозеф Пюизе, которого приближенные Людовика XVIII считали слишком поддающимся английскому влиянию. В «Обращении» к французскому населению Пюизе пытался играть на противоречиях в политике термидорианцев. Он обвинял парижское правительство в том, что, декларируя свою «умеренность», оно не вступает в соглашение с роялистами, именовал руководителей всех течений, принимавших участие в революции, преступниками и отцеубийцами. В «Обращении» содержался призыв к республиканским войскам: «Генералы, офицеры и солдаты, не желающие оставаться орудием угнетения, отказывайтесь быть палачами ваших братьев». Республиканским солдатам рекомендовалось переходить на сторону роялистов, чтобы «вернуть Франции ее старинное благоденствие» и стать «спасителями родины». «Обращение» сочетало типичные лозунги монархической реакции с использованием фразеологического словаря революции, твердило о «свободе», о борьбе против «тиранов». Гренвилл и Уикхем знали, за что платили полновесные английские гинеи, ничем не напоминавшие те фальшивые французские ассигнации, которые на круглую сумму в 10 млрд. ливров привезли с собой роялистские поборники «свободы». Эти «миллиарды» вместе с более существенными трофеями — вооружением для армии в 40 тыс. человек — попали в руки солдат генерала Гоша, которые к 21 июля полностью разгромили войска эмигрантов.

Агенты Уикхема, получая английское золото, далеко не всегда снабжали его доброкачественной информацией — точнее, они непомерно преувеличивали роль роялистов, в частности, в восстании парижских секций, подавленном войсками термидорианского конвента под командованием Наполеона Бонапарта.

Осенью 1795 года секретная служба Уикхема потерпела серьезный урон. Был схвачен один из руководителей «Парижского агентства» Леметр, у которого при аресте была найдена переписка роялистского подполья. Французский посол в Швейцарии Ф. Бартеlemi и консул в Базеле Т. Башэр пытались не без успеха установить слежку за Уикхемом, которого они правильно считали «центром всех звеньев организации и переписки».

Эти неудачи обострили отношения Уикхема с д'Антрегом. Граф пытался обвинить Уикхема в использовании некомпетентных агентов (иными словами, лиц, не подчинявшихся д'Антрегу или принадлежащих к числу конституционных монархистов). После ареста Леметра «Парижское агентство» возглавили аббат Бротье и Дювернь, пытавшиеся свергнуть правительство Директории с помощью военного заговора. Их сообщниками стали командир 21-го драгунского полка полковник Мало и генерал Рамель, которому подчинялась охрана законодательных органов республики — Совета пятисот и Совета старейшин. Бротье (Дювернь уехал в это время в Лондон) был далек от мысли, что оба офицера сознательно дурачили его с согласия французских властей. В конце января 1797 года более полутора десятка агентов Уикхема и роялистов были схвачены полицией Директории.

Сведения о действиях роялистской агентуры Директория получила не только от Мало и Рамеля, но и от некоего князя де Каренси. Этот молодой аристократ стал шпионом-двойником. Он был связан с роялистским подпольем и выдавал себя за агента британской секретной службы, перехватывая корреспонденцию, предназначенную для Конде и Крауфорда, английского представителя при командующем войсками эмигрантов. Самозванство помогло де Каренси выудить немалую толику денег у швейцарского банкира, который по поручению Уикхема финансировал роялистов. Каренси раскрыл все секреты «Парижского агентства» Баррасу, наиболее влиятельному члену Директории, и вдобавок позднее поведал о них на страницах сразу двух парижских газет. Так был положен конец «заговору Бротье», на который возлагал столько надежд Уикхем. Но английская секретная служба продолжала действовать с еще большей настойчивостью.

После провала «заговора Бротье» английская разведка перенесла свои надежды на конституционных монархистов. Уикхем попытался консолидировать силы «легальной» роялистской оппозиции, ставившей целью устранить правительство Директории и поставить у власти людей, которые осуществили бы «мирную» реставрацию монархии. Главным агентом Уикхема в Париже стал конституционный монархист Антуан д'Андре. В большинстве департаментов были образованы филиалы руководимой роялистами организации «Филантропический институт»,

которая служила прикрытием для монархического подполья. Созданная на деньги, полученные от Уикхема, эта организация сумела добиться значительных успехов на выборах 1797 года. Однако 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) с помощью армии Директория сумела подавить оппозицию справа (в числе арестованных заговорщиков был генерал Пишегрю). Английские и роялистские агенты во главе с д'Андре едва унесли ноги из Парижа.

В 1798 году под нажимом Директории Швейцария потребовала отозвать английского дипломата-разведчика. Однако преемник Уикхема, поверенный в делах Джеймс Талбот, продолжал линию своего предшественника. По-прежнему главным агентом английской разведки был д'Андре, имевший многочисленные связи в Париже и провинции. По-прежнему делались попытки подкупить крупных французских военных.

В ноябре 1798 года Талбот сообщал в Лондон, что командующие войсками в Бордо, Тулузе, Гунинге и Селесте обещали сдать эти города и крепости, что удалось привлечь на сторону противников парижского правительства помощника начальника гарнизона в Бефоре, а командиры в Безансоне и Страсбурге пока колеблются, что генерал Бернадотт готов принять сделанные ему предложения. Дело шло о предполагаемом вооруженном перевороте в Париже. В декабре 1798 года Талбот просил Гренвилла послать оружие роялистам в Южную Францию, в район Бордо, сообщал о намеченных выступлениях в других районах, чтобы перерезать коммуникации французских войск. Многие из этих планов были явно нереальными. В марте 1799 года Талбота перевели секретарем посольства в Стокгольм, а на его место был послан полковник Роберт Крауфорд. Его целью стала организация сопротивления французским войскам в Швейцарии. А еще через два месяца вслед за ним отправился сам Уикхем. Снова началось широкое финансирование роялистского подполья наряду со сбором информации о французских армиях на Рейне и в Италии. Однако Директорию свергли не роялисты, а Наполеон Бонапарт. Немногим более чем через полгода после переворота 18 брюмера Наполеон одержал решительную победу над австрийцами в Италии при Маренго. Уикхему пришлось вернуться на родину.

В 1802 году его назначили министром по делам Ирландии, где британская секретная служба проявляла ли-

хорадоchnую активность в борьбе против освободительного движения угнетенного народа.

В течение столетий Ирландия была школой для английской секретной службы. Задачи подавления ирландского народа, в том числе и с помощью специфических методов этой службы, постоянно переплетались с попытками держав-соперниц использовать в своих целях ненависть ирландцев к завоевателям.

В конце XVIII века борьба английской секретной службы против революционного движения в Ирландии оказалась тесно увязанной с выяснением связей руководителей этого движения с правительством французской республики, обещавшим им военную помощь. Те же официальные лица, министр Каслри и его заместитель Непин, которые через своих подчиненных вербовали агентов и засылали провокаторов в ряды ирландских революционеров, пытались отправить часть этих лазутчиков в Париж или портовые города, через которые осуществлялись связи между французскими властями и революционной организацией «Объединенные ирландцы».

Свой шпионский опыт английские правящие круги широко использовали и против революционных организаций в самой Англии — против загнанных в подполье и преследовавшихся властями профсоюзов. Шпионы нередко выступали в роли провокаторов, подбивая голодных и отчаявшихся рабочих к преждевременным, обреченным на неудачу выступлениям. За каждым таким выступлением обычно следовали судебные процессы, суровые приговоры, нередко воздвигались виселицы, и на эшафот всходили наиболее смелые и решительные из революционных вожakov молодого рабочего движения.

МАЙОР ГРАНТ

Английская дипломатия повсеместно прибегала к оружию тайной войны. В Неаполе фактическим агентом британской секретной службы была Эмма Гамильтон — супруга английского посла, ставшая ближайшей подружкой и советницей королевы Марии-Каролины. В Петербурге английский посол Уитворт был явно причастен к подготовке заговора против императора

Павла I, прекратившего войну против Франции (этот заговор, как известно, привел к убийству Павла 11 марта 1801 г.). Сам Наполеон еще до осуществленного им государственного переворота 18 брюмера стал объектом ряда заговоров, организованных против него стараниями английской разведки.

Желание «убрать» Наполеона у английской разведки, понятно, не пошло на убыль после того, как он стал первым консулом — правителем Франции с фактически неограниченной властью. А осуществить это желание Лондон попытался руками роялистов.

Продолжала действовать и «Корреспонданс». В годы Директории и Консульства министр полиции, известный политический хамелеон Жозеф Фуше, наладил систему контрразведки, и агенты «Корреспонданс» стали попадаться очень часто. Но все же организация продолжала действовать и после того, как были подавлены роялистские восстания на севере Франции, до лета 1808 года.

Тайная война шла с переменным успехом. Провалы соседствовали с успехами. Серьезной удачей английской секретной службы была передача в Лондон державшегося в строгом секрете текста Тильзитского трактата, заключенного в июне 1807 года между Наполеоном и царем Александром I. Письмо, поступившее министру иностранных дел Джорджу Каннингу, прибыло, по-видимому, из Мемеля, расположенного сравнительно недалеко от Тильзита, через посредство британского посланника в Копенгагене Гэрлайка. Этот английский дипломат сообщил также о важных передвижениях французских войск на границах с Данией. А на следующий день в Лондон с новыми подробностями прибыл английский разведчик Колин Маккензи, находившийся где-то около Тильзита во время встречи двух императоров. Вероятно, важные сведения поступили и от д'Антрега, поскольку Каннинг вознаградил графа ежегодной пенсией в 400 фунтов стерлингов.

Политическая и морская разведки были налажены значительно лучше, чем военная. Главнокомандующим английской армией с 1798 по 1827 год был второй сын Георга III фельдмаршал Фредерик-Август, герцог Йоркский, бездарный полководец, не раз терпевший позорные поражения от французских генералов. Большую оперативность герцог проявлял в казнокрадстве, да еще в оптовой торговле военными чинами по сниженным (по

сравнению с официальными) ценам. Заведовала ею миссис Кларк, фаворитка герцога. Когда любовники расщелились, она не стала молчать. Чтобы прекратить неприятное парламентское расследование, герцог поспешно подал в отставку. Но скандал вскоре поутих, и достойный фельдмаршал снова занял свой пост.

В 1803 году герцог Йоркский создал специальное управление военных знаний, которое должно было наряду с изучением опыта прошлых войн и составлением карт заниматься также изучением иностранных армий, в том числе и на основе информации, получаемой от специальных агентов за рубежом. Управление постепенно превратилось в разведывательный департамент военного ведомства.

Овладевая чужими секретами, британское правительство нередко не могло сохранить свои собственные. В июле 1809 года английский флот появился в устье Шельды, захватив остров Валхерн, базу для своих действий против Бельгии и Голландии, находившихся в руках французов. В Лондоне рассчитывали на то, что главные силы Наполеона сконцентрированы против Австрии. Однако экспедиция окончилась полной неудачей, и в декабре 1809 года Валхерн был очищен от английских войск. Немалую роль в этой неудаче сыграла неспособность достигнуть внезапности. Один из участников экспедиции писал: «Положение было таково: как только министры начали обсуждать вопрос, секрет сразу стал достоянием гласности на континенте, как большинство наших секретных дел в то время. Можно с уверенностью сказать, что почти в каждом случае, когда успех экспедиции зависел от секретности, единственными лицами, не знавшими, в чем дело, были офицеры, которым поручалось командование».

Немало секретной информации попадало на страницы печати. Командующий английскими войсками в Испании герцог Веллингтон писал в марте 1813 года: «Вполне возможно сообщать разведывательную информацию через газеты. Более того, содержание всех газет — это разведывательные данные для неприятеля, на основании которых, как мне известно, он строит планы своих операций». Веллингтон настаивал на том, чтобы его донесения в Лондон не публиковались в печати, так как они содержали важные для врага сведения. Самому Веллингтону удалось создать эффективную разведку.

Первым в истории английской армии официальным начальником военной разведки стал майор Кэлхаун Грант. Выходец из небогатой шотландской семьи, он с юношеских лет тянул лямку офицера. Вместе с 11-м пехотным полком Грант отправился на Пиренейский полуостров.

Обстановка, в которой приходилось действовать Веллингтону в Португалии и Испании, особенно усиливала значение разведки. Британская армия обычно уступала в численности противостоявшим ей наполеоновским войскам. Однако Массена, Султ, Мармон и другие французские маршалы нередко нарушали единый план действий и совсем не спешили на выручку друг друга. Вместе с тем Веллингтон мог опираться не только на переданные под его начало регулярные испанские и португальские дивизии, но и — что было куда важнее — на герилью — партизан, сражавшихся против французских оккупантов. Весь полуостров был охвачен пламенем народной войны, французы должны были держать очень большие силы для охраны тылов и коммуникаций. Один французский батальонный командир жаловался, что в месте, где дислоцировалась его часть, при посылке курьера с важной депешей нужно было выделять для его охраны эскорт в 500 человек. Меньший по численности отряд был бы неизбежно уничтожен партизанами. Имея всего 500 человек под своей командой, этот офицер чувствовал себя изолированным от внешнего мира. Напротив, герильясы могли снабжать английскую армию подробнейшей информацией о неприятеле.

В штабе Веллингтона долго раскачивались, прежде чем приняли меры к получению таких жизненно важных сведений. Английский командующий предпочитал сам быть главой своей разведки, впрочем, часть обязанностей по руководству секретной службой была поручена генералу Джорджу Мэррею.

К. Грант исполнял время от времени задания разведывательного характера и когда его полк находился в Вест-Индии и после прибытия на Пиренейский полуостров. Обладая способностью к языкам, он быстро выучился бегло говорить по-испански. Безвестный капитан 11-го полка привлек внимание Веллингтона смелой операцией — Гранту удалось с помощью местного населения доставить через французские линии значительное количество зерна и крупного рогатого скота. Грант учел, что

страх перед партизанами заставлял французов постоянно держаться крупными отрядами, оставляя ночью без охраны многие дороги. С октября 1810 года К. Грант, формально по-прежнему числясь в списках 11-го полка, был прикомандирован к штабу Веллингтона. Там у капитана было двое однофамильцев, а один к тому же и тезка. Их нередко путали, что еще более сгущало туман легенды вокруг этого английского офицера.

«Вторым» Кэлхауном Грантом был гусарский офицер, дослужившийся потом до чина генерал-лейтенанта; он не был связан с секретной службой. Напротив, еще один из Грантов — капитан Джон — долгое время подвизался в качестве шпиона в Португалии. Он действовал обычно переодетым в костюм местного жителя, но ему не приходило в голову добиваться доверия населения, что могло стать ключом к успеху.

Капитан (потом майор) Кэлхаун Грант вошел в группу разведчиков, получившую название «квартет». Другим его участником был Э. Л. Хей, поддерживавший контакты со знаменитым партизаном Мартинесом. В апреле 1813 года, опередив на 150 миль наступавшие английские войска, Хей близ Толедо попал в руки неприятеля. В комнату, где он ночевал, ворвались французские солдаты. Хей выпрыгнул в окно, но его там тоже подстерегали наполеоновские драгуны...

Еще один разведчик из «квартета», Джон Уотерс, достиг самого своего большого успеха благодаря чистой случайности. В декабре 1808 года, когда английские войска под командой генерала Д. Мура продвигались к Саламанке, Уотерс заехал в деревню Вальдестиллос. Там буквально за несколько минут до прибытия англичанина около постоянного двора испанская девушка заколола оскорбившего ее французского офицера. Этот офицер, ехавший без эскорта, вез с собой письмо маршала Бертье, начальника штаба Наполеона, в котором излагались планы окружения армии Мура. Получив это письмо, англичане сумели избежать ловушки. В апреле 1813 года, почти одновременно с Хеем, Уотерс во время одной разведывательной поездки попал в руки французских гусаров. В сопровождении конвоя, состоявшего из четырех жандармов, его повезли в Саламанку. Уотерсу удалось бежать благодаря нехитрой уловке — он позаботился накормить своего коня овсом, и когда неожиданно пришпорил его, тот продемонстрировал значительно боль-

шую скорость и выносливость, чем довольствовавшиеся сеном лошади конвоя. Наконец, членом «квартета» был и драгун Чарлз Сомерс Кокс, совершавший обычно разведывательные рейды во главе небольшого кавалерийского отряда. Он был убит в октябре 1812 года при осаде Бургоса.

Большое место в работе разведчиков штаба Веллингтона занимало составление подробных карт театра военных действий, но задачей «квартета» был сбор сведений о неприятеле. В мае 1811 года Веллингтон писал: «Французские армии не имеют сведений о состоянии и местонахождении друг друга, в то время как я имею информацию обо всем, что происходит во всех районах». Она доставлялась главным образом партизанами. Чтобы поощрять командиров герильясов в присылке информации, Веллингтон щедро оплачивал нужные сведения. Специальные фонды для этой цели выделялись им в распоряжение подчиненных ему генералов. Так, коменданту крепости Альмейда генералу Коксу было выдано для этой цели 500 фунтов стерлингов.

Французы пытались наладить пересылку военных депеш, направляя по разным дорогам курьеров с одним и тем же зашифрованным донесением в надежде, что хоть кто-то из них достигнет места назначения. Французские офицеры старались найти себе курьеров из числа местных жителей, склоняя их к сотрудничеству угрозами или подкупом. Изобретались хитроумные способы скрытия донесений, например, в незаметной трещине медных украшений седла. Но все эти ухищрения разбивались о враждебность испанского населения и растущее умение партизан раскрывать уловки неприятеля. Партизаны не знали пощады для предателей и вражеских шпионов. Нередко с ними расправлялись на глазах толпы, вполне одобрявшей суровое возмездие за измену.

Успех, выпавший на долю Кэлхауна Гранта, был связан с тем, что он хорошо знал язык, нравы и обычаи населения и умел рассеивать подозрения, которые вызывал британский офицер у испанских крестьян, представляя себя другом народа, боровшегося за независимость. Недоверие таяло, когда молодой офицер с открытым лицом, отлично владевший местным диалектом, начинал дружескую беседу с прохожими на деревенской улице или подтягивал крестьянам, хором распевавшим популярную песню. Грант научился превосходно танцевать любимые

танцы жителей района, где ему приходилось действовать, изучал испанскую музыку, мог с легкостью цитировать произведения известных писателей и поэтов. Такое постоянно подчеркиваемое и вместе с тем ненавязчивое уважение к национальным чувствам испанцев позволило британскому разведчику завести немало преданных друзей. Они не только охраняли его и предупреждали о приближении французов, но создавали хорошую репутацию, которая очень помогала в завязывании новых контактов. Грант сумел наладить добрые отношения с духовенством, которое имело тогда огромное влияние на крестьянскую массу. Священники даже нередко брали на себя роль лазутчиков — им было легче других путешествовать по дорогам, при встрече с французским патрулем всегда можно было сослаться на то, что они отправляются исповедовать умирающего. Многие приятели Гранта в небольших городках и деревнях также соглашались исполнять роль секретных агентов. В английских штабных документах их вежливо именовали «конфидентами» или «корреспондентами». Они присылали отчеты о всех действиях неприятеля в их районе. На основе указаний Веллингтона Грант составлял подробные инструкции своим «конфидентам». Это вносило систему в сбор информации и уменьшало расходы на ее добывание.

Десятки раз пересекал Грант неприятельские линии, действуя в тылу французской армии. Один раз ему не повезло. 15 апреля 1812 года он был захвачен в плен. Так как английский офицер при аресте был в мундире, его решили считать не шпионом, а обычным военнопленным, и под сильным конвоем отправили во Францию. В Байонне ему удалось бежать. Выдавая себя за американца (США тогда воевали с Англией), Грант сумел добраться до Парижа, связаться с роялистским подпольем и после многих приключений достичь Англии, а оттуда — вернуться в штаб-квартиру Веллингтона.

СВОБОДА ТОРГОВЛИ СЕКРЕТАМИ

говорят, что утверждение либерализма в идеологии и политике Великобритании резко ограничило деятельность английской разведки.

Однако дело было не столько в идеологии, сколько в целесообразности. Те же причины, которые привели к победе либерализма, нередко требовали использования других средств для осуществления поставленных внешнеполитических целей. У Англии, ставшей промышленной мастерской мира, таких средств и методов было в избытке.

Не следует впадать в одну обычную оптическую аберрацию — преувеличивать роль и искусство британской дипломатии и разведки в крупных успехах внешней и колониальной политики Англии в эпоху подъема капитализма. Индустриальное и торговое преобладание Великобритании как первой страны, проделавшей промышленную революцию, было настолько важным фактором, что его одного вполне достаточно для объяснения всего главного в этих успехах. Об этом прямо говорили и писали либералы в XIX веке, жалуясь на «чрезмерные» государственные расходы, включая расходы на дипломатию.

Идеологи британской буржуазии, опьяненные промышленной монополией Англии, ставили своей целью свободу торговли (фритред) — беспрепятственное движение капитала, освобожденного от всяких политических, национальных и религиозных пут, и устранение всех необязательных издержек производства. К таким издержкам фритредеры относили и пышный королевский двор, и палату лордов, и государственную церковь, и архаичную, громоздкую судебную систему. К излишним издержкам фритредеры относили также постоянную армию и дорогостоящие колониальные войны. В основе всего этого лежало убеждение, что Англия с помощью одних экономических средств сможет эксплуатировать чужие страны. Понятно, что при таком строе мыслей лидеры фритредеров Р. Кобден и Д. Брайт были готовы обличать секретную дипломатию и другие формы тайной войны как воплощение устаревших, негодных методов ведения дел английской буржуазией, унаследованных из арсенала феодальной эпохи. Эти и другие подобные крайности, до которых доходили в запальчивости фритредеры, никогда не становились принципами практической политики, тем не менее правящим кругам приходилось, по крайней мере внешне, учитывать критику, которую вызывало безотчетное расходование денег на секретную службу, объявлять о прекращении деятельности «черных кабинетов» и т. д.

Следует учесть, что в эпоху победы и утверждения в экономически передовых странах капитализма и буржуазной демократии сужался круг политических вопросов, считавшихся государственной тайной. Это вполне касалось и военной тайны.

После 1815 года Англия только раз в течение целого столетия воевала против великой державы, участвуя в Крымской войне 1853—1856 годов. Однако и этот вооруженный конфликт был столкновением, в котором стороны ставили сравнительно ограниченные цели, и тем самым резко отличался от борьбы против Наполеона I, когда на карту было поставлено колониальное, торговое и морское господство Великобритании. Политика «блестящей изоляции», которую проводила английская буржуазия в период расцвета своего могущества, была основана на предположении, что Лондону удастся сохранять роль арбитра и гаранта «равновесия сил» между европейскими державами без участия в их войнах. Правда, в нескольких случаях английская дипломатия прибегала к угрозе вооруженного вмешательства (например, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.), но в конечном счете соглашалась на улаживание разногласий политическими средствами. При этом даже возможное участие Англии в европейских конфликтах мыслилось в Лондоне как ограниченное почти исключительно действиями английского флота, обладавшего подавляющим превосходством над любым возможным противником. Армия была ориентирована на ведение колониальных войн, нередко являвшихся просто кровавым истреблением, по существу, безоружных туземцев. Все это не могло не наложить отпечатка и на английскую разведку, определяя круг информации, которая интересовала Лондон, окрашивало характер заданий, которые возлагались на секретную дипломатию.

Если некоторые «традиционные» формы тайной войны за ненадобностью (или неэффективностью с точки зрения преследовавшихся тогда внешнеполитических целей) были временно отставлены в сторону в Европе, они находили тем большее применение в Азии (а отчасти в Латинской Америке и Африке). Политическое развитие там еще не привело к разграничению дипломатии и разведки. Это облегчало английским колонизаторам использовать дипломатию как легальное прикрытие для тайной войны.

В первой половине XIX века пост британского посла в Константинополе неоднократно занимал сэр Стрэтфорд Каннинг (двоюродный брат известного государственного деятеля Джорджа Каннинга). Английский дипломат постоянно прибегал к методам тайной войны, включая создание шпионской сети, наблюдавшей за русским посольством. Это позволило Каннингу оказывать большое воздействие на политику османского правительства. Конечно, влияние Стрэтфорда Каннинга опиралось главным образом на мощь английского флота, но ему способствовала эффективно действовавшая секретная служба.

Тайная война сыграла немалую роль в завоевании Англией ее многочисленных колоний, но это особая тема.

Сорок лет, которые отделяют окончание наполеоновских войн от Крымской войны, в целом были периодом, когда рутинная и консервативная полностью господствовали в английской армии, прикрываемые непререкаемым тогда авторитетом Веллингтона. В своем исследовании об армиях Европы Ф. Энгельс писал: «Подобно тому, как сама старая Англия представляет собой сплошную массу вопиющих злоупотреблений, так и организация ее армии насквозь прогнила... Особенно небрежно ведется разведка, что неизбежно, так как она поручается людям, плохо представляющим себе, что собственно от них требуется».

Крымская война выявила скандальное состояние всех отраслей военного управления. Однако опыт Крымской войны почти не пошел на пользу. Когда улеглось возмущение, которое вызвало разоблачение халатности и некомпетентности военного министерства, там постарались по возможности оставить все по-старому. Что же касается разведки, то в 1855 году был создан отдел топографии и статистики, который, если верить свидетельствам очевидцев, занимался преимущественно составлением художественно выполненных карт и не имел сколько-нибудь обстоятельных сведений о менявшейся военной организации других держав. Вряд ли подобное положение дел было следствием только косности и равнодушия военных руководителей или скупости министров финансов, не желавших тратить деньги на непроверенные новшества. Само это равнодушие нуждается в объяснении, и найти его нетрудно. Это были десятилетия, когда английское могущество достигло зенита, британский флот обладал никем не оспариваемым господством на море. Зачем в таком случае, считали в Лондоне, нужно собирать подроб-

ную и быстро устаревавшую информацию об иностранных армиях? Ведь если Англии придется все же воевать, то можно воевать, как и прежде, чужими руками.

Самодовольное убеждение в собственном совершенстве, которое царило в английском военном министерстве, было нарушено победами Пруссии сначала над Австрией, а потом над Францией. Эти успехи, во многом связанные с преимуществами в организации армии, в быстрой мобилизации, были настолько очевидными, что пробудили от летаргии даже отдел топографии и статистики. 1 апреля 1873 г. был образован самостоятельный разведывательный отдел, подчинявшийся генерал-адъютанту армии. Через некоторое время разведка была передана в ведение генерал-квартирмейстера. В состав отдела были включены энергичные и подготовленные офицеры, некоторые из них впоследствии сделали большую карьеру на военной и гражданской службе.

Вначале для нового отдела отвели... конюшню и каретный сарай. Потом разведывательное ведомство кочевало из одного дома в другой. И только в 1884 году ему выделили удобное здание на Куин-Эннис-гейт. Как отмечают авторы мемуаров, отсюда даже открывался вид на Бэкингемский дворец. Впрочем, любознательность нового отдела была направлена совсем в другую сторону. Во второй половине 80-х годов XIX в. разведку возглавлял Г. Брекенбери, при котором одно время на отдел возлагалась подготовка планов мобилизации. Кстати сказать, обязанности отдела то расширялись, то снова сужались, иногда включая функции, явно выходявшие за рамки разведки. Должность начальника разведывательного отдела в 90-х годах стала одним из важнейших постов в военной иерархии.

Об английском шпионаже тех лет дают представление похождения Роберта Баден-Пауэлла, тогда молодого офицера, а впоследствии, в годы англо-бурской войны, крупного военачальника и основателя международной организации бойскаутов. В августе 1886 года Баден-Пауэлл, прихватив с собой младшего брата, отправился на континент, чтобы тайно наблюдать за осенними маневрами русской армии. Остановившись по дороге в Берлине, он собирался присмотреться к опытам по использованию аэростатов в военных целях, кроме того, его заинтересовал военный лагерь в Шпандау. Он быстро обнаружил интересовавший его полигон, но никак не мог

попасть на него. Полигон был окружен деревьями и забором, вдоль которого прохаживались часовые. Тогда Баден-Пауэлл улегся неподалеку на траву и притворился спящим. Он имел возможность слышать, наблюдать и засекал время по часам и таким образом установил скорость стрельбы из нового стрелкового оружия и даже определил ее точность, так как ясно слышал характерное гудение, когда пули попадали в металлическую цель. Разведчик решил рассмотреть новое оружие. Он заметил дырку в заборе, выждал момент, когда часовой удалялся от этого места, и заглянул в нее. Однако дозорный, не дойдя до конца забора, неожиданно обернулся, увидел незнакомца, нарушающего строгий запрет приближаться к полигону, и быстро двинулся назад. Англичанин учел и такую возможность. Он неспешно повернулся спиной к приближавшемуся солдату, вытащил из кармана бутылку бренди и вылил половину ее содержимого на костюм. Когда солдат подошел ближе, перед ним предстал шатающийся субъект, от которого несло вином и который назойливо предлагал караульному разделить с ним остаток спиртного. Солдат подтолкнул пьяницу в спину и рекомендовал убраться подобру-поздорову. Баден-Пауэлл с готовностью последовал такому совету.

После этой интермедии в немецкой столице разведчик и его брат прибыли в Петербург. Несколько дней они бродили в районе маневров, проходивших в Царском селе. Убедившись, что к месту, где производились опыты с воздушными шарами и прожекторами, не допускают посторонних, Баден-Пауэлл решил, что, если он обойдет часовых, у него уже никто не будет требовать документов. Так оно и случилось. Однако в последний день маневров охрана была усилена в связи с прибытием царя. Подозрительных иностранцев сразу же задержали. Они изобразили путешественников, не понимающих, в чем их обвиняют, и их отослали в Петербург, взяв подписку о невыезде. Конечно, Баден-Пауэлл не собирался выполнять это обещание. Братья вышли из отеля, сообщив, что отправляются на прогулку, уехали в Кронштадт и взошли на борт парохода «Уильям Бейли». Кронштадтская полиция, не получив никаких указаний из Петербурга, не чинила препятствий их отъезду...

В начале 90-х годов Баден-Пауэлл занимал должность офицера военной разведки на острове Мальта, ответственного за район Средиземноморья. В его обязан-

ности входило снабжение военного министерства информацией о дислокации войск и кораблей различных стран, о военных гаванях в этом районе и др. Особенно интересовались в Лондоне данными о французских армии и флоте — это было время серьезного ухудшения отношений между Англией и Францией, особенно в связи с борьбой за раздел Африки. Под предлогом охоты на вальдшнепов Баден-Пауэлл появился в тунисском порту Бизерта (Тунис был французским протекторатом) и составил подробное представление о характере работ, производившихся в гавани. Французские власти явно стремились превратить Бизерту в крупную военно-морскую базу, во что долгое время отказывались верить в Лондоне. Баден-Пауэлл заделался заядлым охотником и объездил чуть ли не все побережье французских владений в Северной Африке: Оран, Алжир, Константину и многие другие города, снова вернулся в Бизерту, потом переехал в Ливию, являвшуюся тогда провинцией Османской империи. В Лондон была отправлена целая серия отчетов, схем и карт.

Конечно, охотничий костюм помогал далеко не всюду. В разных странах Баден-Пауэлл принимал различное обличье. Несколько раз он выдавал себя за энтомолога, увлеченного ловлей бабочек. Его знания в этой области были вполне достаточны, чтобы ввести в заблуждение местных полицейских чиновников или офицеров. Именно в такой роли появился разведчик в районе крепости Катаро в Далмации (тогда провинции Австро-Венгерской монархии). Красивые разноцветные рисунки экзотических насекомых, которые англичанин показывал своим знакомым — офицерам гарнизона, были на самом деле ловко замаскированными схемами укреплений с точным указанием расположения и калибра установленных на них артиллерийских орудий. На осенние маневры австрийской армии в 1891 году Баден-Пауэлл прибыл уже под видом военного корреспондента лондонской газеты «Дейли кроникл». Он сумел определить место, где было намечено провести в присутствии императора Франца-Иосифа и его гостя — германского императора Вильгельма II главное «сражение» и куда не пускали корреспондентов, пробрался в этот район, приняв обличье обычного туриста. Осенью 1892 года он, на этот раз под маской художника, проник в район маневров итальянской армии в Альпах. Англичанина вскоре заметили. Его ри-

сунки оказались лучшими визитными карточками для итальянских офицеров. И чем меньше Баден-Пауэлл проявлял интереса к маневрам, тем больше рассказывали о них его словоохотливые итальянские знакомые. В конечном счете они сами нарисовали нужные ему детальные схемы и карты. Когда раздался сигнал к походу, разведчик взобрался на соседнюю гору и очень внимательно следил за дорогой под ним и всем, что по ней перевозилось.

Не оставил своим вниманием Баден-Пауэлл и Турцию. Там он познакомился с американкой, которая свела его с комендантом одного из фортов Босфора Хамид-Пашой. Тот с восточным гостеприимством пригласил англичанина посетить форт. Когда они подошли к зачехленным орудиям, направленным в сторону пролива, разведчик едва мог сдерживать нетерпение. Любезный хозяин без колебаний велел снять брезент и показал пушки — они были старого образца и сравнительно маломощные. Турок с обезоруживающей откровенностью объяснил причины секретности: «Это старые пушки, которые стоят здесь долгие годы, но мы сочли полезным, учитывая действия одной соседней державы, заставить ее предполагать, что мы произвели перевооружение и обладаем какими-то новыми и могучими орудиями».

Не более сложным оказалось изучение укреплений Дарданелл. Из Константинополя Баден-Пауэлл отбыл на пароходе «Валахия», шедшем с грузом зерна. Корабль остановился около Чанаккале, где производилась проверка судовых документов. Баден-Пауэлл велел спустить лодку, прихватил с собой удочки и принял вид завязатого рыболова. Несколько патрульных катеров, посылавшихся командирами фортов, приказывали капитану поднять якорь, но в ответ с парохода раздавался лишь грохот в машинном отделении. Капитан уверял, что пароход двинется, как только будет закончена починка испортившихся механизмов, и просил посоветовать его «племяннику» в лодке, на какую наживу лучше всего клюет рыба в здешних местах. Баден-Пауэлл сумел тем временем «поймать в мутной воде» все, что интересовало его начальство в Лондоне.

Почти неправдоподобная наглость, с которой действовал британский разведчик, была следствием того, что он хорошо учел «местные условия» — полуколониальное положение тогдашней Османской империи и боязнь

турецких властей вызвать недовольство английского посольства в Константинополе.

В течение ста лет, со времени победы Нельсона при Трафальгаре в 1805 году, британский флот не имел себе равных в мире. Английская военная стратегия неизменно основывалась на принципе, сформулированном еще участником разгрома Великой армады Уолтером Ролеем, который гласил, что неприятельским десантным армиям надо навязать бой на море до того, как они «набьют свои желудки нашими кентскими каплунами». Этот принцип был несколько поколеблен в 60-х годах XIX в. в связи с изобретением парового двигателя, так как предполагалось, что возможность «перехвата» вражеского десанта теперь исключается и что следует заняться усилением береговых укреплений. Однако это мнение продержалось только до 80-х годов.

Развитие британской военно-морской разведки в XIX веке отставало от разведки военной. В качестве самостоятельного отдела в составе Адмиралтейства военно-морская разведка конституировалась в феврале 1887 года. Предшественником этого отдела был комитет иностранной разведки, во главе которого стоял капитан В. Холл — отец адмирала Реджиналда Холла, известного руководителя военно-морской разведки, и контрразведки в годы первой мировой войны. В целом же до середины 80-х годов заботы, связанные с составлением навигационных карт, по-видимому, преобладали над вялым интересом, который проявляли в Адмиралтействе к сведениям об иностранных военных флотах и береговой обороне. Убеждение в английском превосходстве на море было настолько непоколебимым, что порождало сомнение в том, так ли уж нужны детали и подробности, касающиеся флотов других держав. Более того, это сознание превосходства приводило к тому, что иностранцам позволяли без помех получать сведения, которые позже сочли бы сугубо секретными.

Офицеры нового отдела стали посещать иностранные военные гавани и базы. Один из таких разведчиков — Д. Астон объехал, например, французские порты. Профессиональному моряку часто и не требовалось слишком приближаться к военным объектам для определения всего главного, что занимало разведывательный отдел Адмиралтейства. Слабость французской контрразведки позволяла осуществлять это почти беспрепятственно: свои

записи Астон сознательно держал в незапертом саквояже, делая вид, что они не имеют серьезного значения. Лишь изредка он прятал секретные бумаги в патроны вместо дроби.

Разведывательный отдел выполнял и обязанности контрразведки. Так, например, он контролировал хранение секретных материалов. Печатание их разрешалось только в типографии Форин оффиса, где можно было проследить за тем, чтобы были уничтожены все экземпляры корректурных листов и набор. Между 1892—1895 годами собственным разведывательным отделом обзавелась британская средиземноморская эскадра. Постепенно такие же отделы были созданы при штабах большинства (но не всех) соединений английского военно-морского флота.

Впрочем, даже самые скромные начинания наталкивались на непреодолимую стену косности. Д. Астон рассказывает характерный случай. Он изучал методы, применявшиеся Нельсоном для получения информации о передвижении неприятельских кораблей. Знаменитый флотоводец использовал для этой цели фрегаты, наблюдавшие за гаванями, где находились вражеские суда. Фрегат передавал сведения либо непосредственно, либо сигнализировал находившимся поблизости кораблям, которые передавали эти сообщения далее, как по эстафете. Астон сообразил, что нелепо было рисковать для подобного наблюдения крейсерами, если их обязанности могут успешно выполнить быстроходные яхты или даже рыбацьи шхуны. В случае же нападения они могли спастись бегством, послав сообщение голубиной почтой. Не рискнув сам выдвинуть эту идею, Астон попросил выступить с этим предложением своих более влиятельных друзей из Форин оффиса и военного министерства. Тем не менее чиновник в Адмиралтействе наложил категорическую резолюцию: «Оставить без внимания. Эти птицы могут доставить неверную информацию». Астон добавлял: «Я до сих пор не могу понять, что смутило этого чиновника. Неужели он думал, что враг может поймать голубя, летящего под морем, и заменить дезинформацией отправленное сообщение?»

...Многочисленные поклонники Шерлока Холмса вывели знаменитого детектива из круга литературных героев, представляя его живым человеком, реально проживавшим в доме 221-б на Бейкер-стрит. Удовлетворяя

этот читательский интерес, появилось немало книг, посвященных выяснению биографии Холмса во всех ее деталях, датировке раскрытых им дел, и подробно изложенных и лишь упомянутых Артуром Конан-Дойлом. В этих необычных биографиях должны занять свое место и случаи, когда Холмс выступал в роли контрразведчика. Такая роль была вполне естественна для «отшельника с Бейкер-стрит», начинавшего действовать, когда оказывался бессильным Скотланд-ярд, которому была доверена в то время борьба против иностранных шпионов. А. Конан-Дойл рассказывает два случая шпионажа, очень характерных для того времени — конца 80-х и 90-х годов прошлого столетия. В рассказе «Морской договор» из Форин оффиса похищен оригинал тайного договора между Англией и Италией, сведения о котором, впрочем, уже просочились в печать. «Французское и русское посольства, — заявляет министр иностранных дел, — заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать содержание этого документа». Однако вором был вовсе не иностранный разведчик, а брат невесты одного из чиновников министерства. Он зашел к своему будущему родственнику в служебный кабинет, не застал его в комнате и, бросив взгляд на лежавший на столе документ, мигом понял, что может получить за бумагу большие деньги, сунул ее в карман и поспешил незаметно исчезнуть. Преступник запрятал украденную добычу в тайник, но случайность, а потом проницательность Холмса помешали ему изъять свое сокровище и отнести во французское посольство.

В другом рассказе — «Второе пятно» — речь идет о похищении письма одного иностранного монарха, обеспокоенного расширением колоний Англии (явный намек на германского императора Вильгельма II). Письмо было написано в припадке раздражения, его опубликование могло привести к войне. Это письмо исчезло из дома министра, боявшегося оставлять его на службе и хранившего в собственной спальне в закрытой на ключ шкапулке. Холмсу с самого начала ясно, что вором мог быть только кто-то из домашних, который и должен был передать бумагу одному из международных шпионов. Было три человека, которые возглавляли эту компанию. Шпион наверняка не собирался передать похищенное письмо иностранным дипломатам — такие агенты находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами. Дело

осложняется. В него оказываются втянутыми многие люди. Но, как и следовало ожидать, стараниями Шерлока Холмса письмо снова возвращается в шкатулку, где его находит пораженный министр.

В обоих случаях, о которых повествует Конан-Дойл, как будто сознательно подчеркивается, что в роли шпионов выступают добровольцы — будь то джентльмен, не брезгующий случайно подвернувшейся возможностью украсть документ, за который можно сорвать крупный куш, или профессиональный мошенник, занимающийся кражей и торговлей государственными секретами. Оба преступника не связаны ни с каким правительством, ни с какой иностранной разведкой.

Представление о тайной войне, которое создает своими рассказами Конан-Дойл, лишь в определенной степени соответствовало действительности. Однако им правильно отмечен несколько кустарный характер, который отчасти приобрел шпионаж в то время и который он быстро потерял в наступившую империалистическую эпоху. Стоит отметить, что как раз в конце XIX века рассказы о кознях британской разведки были включены в ряде стран в идеологию и мифологию реакционного буржуазного национализма.

Еще в конце XVIII века с легкой руки дворян-эмигрантов родились и получили хождение вздорные толки, будто английская секретная служба с помощью просветителей и масонов подготовила и спровоцировала французскую революцию. Легенда о всемирном масонском заговоре пришлась очень кстати крайней реакции в ряде стран, не способной и не желавшей осознать подлинные социальные причины и неотвратимость революции, стала неизменной составной частью идеологии клерикально-монархических кругов во Франции. Сами же масоны объявлялись орудием исконного врага — Англии, а точнее, британской секретной службы и дипломатии. Так, анонимный автор книги «Тайны франкмасонства» — его открытия сразу же были пересказаны российскими черносотенцами и в журнальных статьях и в книге «Франкмасонство как орудие английской внешней политики» (СПб., 1905) — начинает издавека. Человеком, начертавшим планы английской секретной войны против народов мира, он считает Френсиса Бекона (как много бы дали сочинители этих опусов, чтобы узнать о существовании его брата Энтони Бекона, который был действительно

главой секретной службы графа Эссекса!). Ведь Френсис Бекон в разных сочинениях, особенно в известной утопии «Новая Атлантида», рассказывал об острове Бенсалеме, управляемом монархом и парламентом, а на деле подчинившемся тайному ордену. Этот орден добивается для своего отечества всемирного владычества. Он стремится уничтожить у других народов чувства чести и патриотизма, религию, что и является программой франкмасонства. На деле Ф. Бекон в своем фрагменте «Новая Атлантида» (произведение осталось незаконченным) отводит тайному ордену, который именуется Соломоновым домом, роль центра научных опытов и изобретений. Его цель — расширение господства человека над природой («Новая Атлантида» — прежде всего научная утопия), хотя он занимается также промышленной деятельностью, включая производство военного снаряжения. 12 членам Соломонова дома поручается объезжать другие страны, разузнавая о всех полезных открытиях и усовершенствованиях, привозить книги и образцы новых инструментов. Другим же жителям острова запрещено посещать иностранные государства, а чужеземцам — Бенсалем, чтобы не выдать тайну местонахождения этой счастливой страны. Таким образом, ни масоны, ни планы всемирного владычества здесь явно ни при чем.

Монархисты в разных странах стали утверждать, будто герцог Брауншвейгский, как ярый масон, пособник Англии, сознательно «спас» французскую революцию. «Если бы Фридрих Великий был Наполеоном, он расстрелял бы герцога Брауншвейгского», — патетически добавляет автор книги «Франкмасонство как орудие английской внешней политики». Уже самому читателю предоставляется догадаться, как прусский король Фридрих II, даже если бы он был Наполеоном, мог, скончавшись в 1786 году, расстрелять герцога Брауншвейгского за отступление после битвы при Вальми в сентябре 1792 года, но это мелочи. Оказывается, Англии нужна была революция, чтобы уничтожить французский флот — и тот действительно потерпел ряд поражений, особенно при Абукире и Трафальгаре. Наполеон был врагом Англии, поэтому против него ополчилось масонство. «Ни Людовик XVII, ни Карл X не были вполне послушными орудиями английской политики, и против них началась та же подпольная, но всемогущая интрига, которая закончилась революцией 1830 года и низвержением Карла X».

Луи-Филипп, сменивший их на престоле, был вполне покорен Англии. «Но эта покорность его не спасла: масоны возвели его на престол, и они же низвергли его, когда увидели, что он не способен осуществить политические планы Англии». Та же Англия руками масонов подготовила поражение Франции в войне против Пруссии в 1870—1871 годах. Английская разведка через таинственную личность некоего Ренье, француза, проживавшего в Англии и женатого на англичанке, вела переговоры с маршалом Базеном, который в результате капитулировал в Меце со 160-тысячной армией (на деле монархист Базен, сдавая крепость пруссакам, хотел сохранить эту армию для борьбы с победившей республикой). Англия якобы стояла за спиной французских республиканцев, когда они препятствовали планам «патриотов» (т. е. монархистов и клерикалов). Таким путем Англия перехватила у Франции Египет, заставила ее пойти на невыгодный французам раздел колоний в Африке. Чтобы обессилить Францию, англичане руками «масонского правительства» отделили католическую церковь от государства и вместе с тем лицемерно изображают себя друзьями католиков и т. п. Подобным вздором были заполнены сотни книг и статей в реакционной печати Франции, Германии, царской России и других стран.

ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ

В начале эпохи империализма в Лондоне обращали преимущественное внимание на дипломатическую разведку, будучи убеждены, что Англии и в будущем удастся воевать чужими руками, и поэтому многие, к тому же быстро устаревавшие, сведения чисто военного характера могут быть полезны скорее не для нее самой, а для союзников (а забота об интересах союзников уж никак не соответствовала британским традициям).

Вместе с тем вероятность или даже неизбежность столкновения с Германией все более ясно осознавалась правящими кругами Великобритании. В десятилетие, предшествовавшее 1914 году, Европа не раз находилась на пороге войны. А в 1911 году, во время Агадирского

конфликта, британское правительство устами Дэвида Ллойд-Джорджа недвусмысленно дало понять Берлину, что Англия ответит войной, если будут затронуты ее имперские интересы. Ускорила гонка морских вооружений. Перспектива надвигавшегося противоборства определяла деятельность Форин оффиса. Конечно, это не могло не отразиться и на деятельности британской разведки и контрразведки. Один из высших военных руководителей — генерал Генри Вильсон — сам не раз объездил на велосипеде бельгийско-германскую границу и поощрял к этому своих офицеров. Так было зафиксировано строительство новых железнодорожных линий, что позволило создать представление о главных контурах знаменитого «плана Шлиффена», который незадолго до того был принят в Берлине.

...В 1908 году капитан Уильям Реджиналд Холл — будущий глава военно-морской разведки — лично отправился в Германию, чтобы получить информацию о строительстве дредноутов и береговых укреплений. Районы доков и фортов тщательно охранялись полицией. Тогда Холл попросил у находившегося в Киле герцога Вестминстерского одолжить ненадолго его моторную яхту. Переодевшись в спецовку судовых механиков, Холл вместе с двумя другими офицерами — капитаном Тренчем и лейтенантом Бренденом — промчался по гавани до верфей, где строились корабли. Здесь «неожиданно» мотор заглох, и офицеры незаметно сделали нужные фотографии.

В 1910 году Тренч и Брендон отправились в новый разведывательный вояж вдоль побережья Германии. Но Брендон был схвачен при осмотре артиллерийских батарей, Тренч остался в Германии, надеясь добиться освобождения Брендона, но вскоре тоже был арестован. У обоих англичан нашли компрометирующие документы, и германские власти вскоре установили, кем являются мнимые туристы. Тренч и Брендон были приговорены к четырем годам заключения.

В том же 1910 году в Бремене был задержан английский разведчик капитан Бертрам Стюарт, также занятый обследованием германских укреплений на островах и на побережье от Куксгафена до Эмдена. Стюарта приговорили к шести годам тюрьмы. Всех троих британских офицеров помиловали в 1913 году в связи с визитом в Германию английского короля Георга V.

В английской буржуазной историографии провалам в подготовке к войне 1914—1918 годов дается более чем благовидное объяснение. Англия, мол, не стремилась к конфликту и вследствие своего миролюбия не хотела верить в неизбежность войны. Этот миф давно уже отвергнут серьезными учеными. Он полностью разоблачен в трудах советских историков. На деле речь шла о серьезных просчетах британских политиков и военных в оценке приближавшегося гигантского столкновения, в определении размеров и форм участия в нем Англии. Как писал позднее в своих «Военных мемуарах» Д. Ллойд-Джордж, министр, а потом глава британского правительства в военные годы, «военное ведомство находилось во власти реакционных традиций. Политика военного ведомства, казалось, сводилась не к подготовке будущей войны, а к подготовке предыдущей или предпредыдущей войны». Совершенно не представляя себе ни масштабов будущей войны, ни того, что Англии предстоит послать на поле сражения миллионы солдат, что придется мобилизовать всю промышленность на военные нужды, соответствующие британские инстанции не имели и понятия о том, что им нужно знать о будущем противнике, о его военном потенциале.

...В начале 1940 года во время одного из налетов гитлеровских люфтваффе на Англию зажигательная бомба попала в здание бывшей тюрьмы Уормвуд-скрэбс. Вряд ли гитлеровский летчик подозревал, какой удар он нанес британской секретной службе. Возник пожар, в пламени исчезли архив и огромная картотека английской контрразведки, включавшая сведения о всех подозрительных лицах. Правда, первоначально ущерб казался не столь большим — ведь именно на случай гибели картотеки с нее были сняты фотокопии, которые хранились в глубоких подвалах, не доступных для вражеских атак с воздуха. Однако при ближайшем рассмотрении выявилась досадная деталь — снимки были сделаны с большой недодержкой или передержкой, и негативы были испорчены. Кроме того, при съемке было допущено еще столько разных ошибок, что фотокопии оказались совершенно непригодными для использования. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения, — как раз в те зимние месяцы английская контрразведка не смогла предотвратить действия гитлеровских диверсантов. В резиденции премьер-министра Невилля Чемберлена на Дау-

нинг-стрит, 10, конечно, не собирались винить самих себя за эту апатию, точно отражавшую обстановку «странной войны», продолжавшихся попыток найти пути для сговора с Гитлером и направить фашистскую агрессию против Советского Союза. В здание на Даунинг-стрит был спешно вызван пожилой больной человек, которому предложили немедленно уйти на пенсию. Любопытно, что о его отставке в официальной «Лондон-газет» было объявлено еще за 16 лет до этого, в 1924 году.

Уволенный без всяких церемоний генерал-майор Вернон Келл более 30 лет возглавлял английскую контрразведку — со времени ее основания в июне 1909 года. Официально новая организация была создана «для предотвращения попыток иностранных держав узнать английские государственные секреты» и получила сначала название МО 5, а потом МИ 5. Потомственный кадровый военный, Келл хорошо знал несколько языков. В 1898 году он проходил стажировку в России и изучил русский язык, позднее участвовал в подавлении народного восстания в Китае, а потом снова побывал в России. В задачу МИ 5 входила, в частности, координация действий контрразведывательных отделов министерства внутренних дел, лондонской полиции, армии и флота. Среди сотрудников этого центрального ведомства наряду с офицерами были также детективы из Скотланд-ярда. Для подделки документов прибегали к услугам «специалистов» — уголовных преступников из тюрьмы Паркхерст. Долгое время тщательно скрывался самый факт создания контрразведки, Келл неизменно именовался в бумагах одной буквой «К».

Функции контрразведки выполнялись параллельно особым отделом Скотланд-ярда, который формально занимался только уголовным розыском. Подобный камуфляж, возникший в результате обычного для английской административной практики наделения новыми функциями традиционных учреждений, имел определенные преимущества. Он сбивал с толку если не немецкую разведку, то британскую публику, которую вовсе не считали нужным держать в курсе подготовки к войне.

Одним из объектов пристального внимания Скотланд-ярда стала немецкая эмиграция в Англии, насчитывавшая около 250 тыс. человек. В одном Лондоне проживало около 75 тыс. немцев. Предметом постоянного наблюдения стали гостиницы, рестораны, клубы, излюбленные нем-

цами места встреч, которые посещались и агентами германской разведки. Большой шум вызвало дело немецкого шпиона Гревса. Слабо подготовленный к роли разведчика, дилетант, не знакомый с военной техникой, он не сумел выполнить порученное ему задание — собрать секретные сведения о морских базах в Шотландии. За Гревсом с самого начала велась слежка, и при аресте у него были найдены вещественные доказательства занятия шпионажем — чертежи новой пушки, производившейся на заводах в Глазго. Гревса приговорили к 18 месяцам тюрьмы, но уже через четыре месяца он был освобожден. Английская секретная служба также решила воспользоваться услугами Гревса, хотя он явно не знал ничего существенного о германской разведке. Вместе с тем англичанам стало известно, что руководители немецкого шпионажа, не доверяя Гревсу, собирались его уничтожить. Как бы то ни было, английская контрразведка направила Гревса в США, но не получила от него никаких донесений. Вместо этого за два месяца до начала первой мировой войны Гревс опубликовал очень хвастливые «мемуары» под названием «Тайны немецкого военного министерства», которая имела шумный успех (в Советском Союзе перевод книги Гревса был издан в 40-х гг.), хотя полна явных вымыслов.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

акануне войны обе стороны знали, что против них действует сильный и энергичный противник, но немцы не представляли степень осведомленности английской контрразведки о германской агентуре в Великобритании.

Организация немецкой разведывательной сети в Англии страдала недостатком, который оказался роковым. Все немецкие агенты сообщались с Берлином через один и тот же «почтовый ящик», который еще с 1907 года был известен англичанам. И вся направлявшаяся туда корреспонденция тщательно переснималась. Английская контрразведка таким путем узнала фамилии и местожительство всех немецких шпионов в Англии.

После объявления войны их сразу же арестовали (число этих арестов, по разным данным, колеблется от двадцати до более чем пятидесяти). Таким образом Берлин в решающие дни совершенно лишился притока жизненно важной информации.

Главной военной тайной, которую предстояло сберечь англичанам, была вовсе не численность, не дислокация и даже не вооружение сравнительно небольшой английской армии мирного времени. Ибо обо всем этом можно было составить довольно полное представление из официально публиковавшихся материалов (другой вопрос, что некоторые из них, например сведения о стрелковом оружии, все же прошли мимо внимания германской разведки). Важной военной тайной была точная дата и место, когда и куда на континент будет отправлена эта армия. Основная масса британского экспедиционного корпуса была переправлена во Францию ночью 10 и 13 августа. Было перевезено 90 тыс. человек, 15 тыс. лошадей и 400 артиллерийских орудий. Для переброски их в английские гавани потребовались сотни специальных поездов, в самих южных портах была сосредоточена масса транспортных судов. Сохранись хотя бы часть германской агентуры, было бы трудно скрыть от нее все эти передвижения. Но германская разведка была парализована почти полностью, и в Берлин не поступило никаких известий. Донесения одного из оставшихся на свободе немецких разведчиков были перехвачены французской контрразведкой, которая дала знать об этом в Лондон.

Английская секретная служба способствовала — впрочем, в скромных масштабах — дезинформации германского командования накануне битвы на Марне. Этот успех был достигнут уже упоминавшимся капитаном Бертраном Стюартом. Капитан разоблачил одного из своих подчиненных как агента-двойника, но не арестовал его, а стал через посредство ничего не подозревавшего немецкого шпиона передавать ложные известия в штаб фельдмаршала фон Клука, командующего первой германской армией. Стюарту удалось убедить немцев, что портом для высадки британских подкреплений является Кале, а не Гавр, как это было в действительности. В результате Крук предпринял ошибочный маневр с целью отрезать англичан от их мнимой базы. Это замедлило темп немецкого наступления, когда выигрыш времени приобретал решающее значение.

Война привела к невиданному росту вооруженных сил. Уже не десятки и даже не сотни тысяч, а миллионы солдат сражались друг против друга в армиях Антанты и Германии с ее союзниками. Еще более быстрыми темпами росла численность армий, занятых в тайной войне. Британская секретная служба разрослась в сотни раз. Отдельные ее небольшие ячейки превращались в разветвленные шпионские организации, насаждавшие агентуру в тысячах городов, деревень и железнодорожных станций. По своей структуре эти организации, если речь шла не о войсковой или морской разведках, часто очень походили друг на друга. Во главе небольшой ячейки стоял резидент (он же и «почтовый ящик»). К этому тщательно законспирированному лицу, обычно жителю данной страны или — реже — нейтрального государства, стекалась информация, которую он тем или иным путем передавал особым курьерам — сборщикам полученной «добычи». Нередко самому резиденту поручали вербовку агентов: в его интересах было тщательно проверить каждого из своих людей.

Чрезвычайно расширился круг вопросов, по которым разведки хотели бы получить информацию. К чисто военным прибавилось огромное количество политических, экономических и других проблем, решение которых было важно для успешного ведения войны.

Разведке приходилось тщательно проверять информацию, полученную сплошь и рядом из более чем сомнительных источников. Это производилось прежде всего путем сопоставления со всеми имеющимися сведениями по данному и смежным вопросам, полученными самыми различными путями (войсковая наземная, воздушная и морская разведки; дипломатические источники; допрос плененных и дезертиров; просмотр бумаг, найденных у убитых вражеских солдат; материалы, собранные почтовой цензурой; изучение периодической печати страны-противника, особенно провинциальной; подслушивание телефонных разговоров; перехват и расшифровка радиодонесений и многое другое).

Значительно разнообразнее стали виды связи, применявшиеся шпионами: шифрованные письма и детские воздушные шары; прифронтовая ветряная мельница, вращение крыльев которой являлось своеобразным кодом; радиопередачи и доставка известий самолетами (тогда еще новинки техники); по-особому вспаханные участки

крестьянского поля; снаряд, внутри которого вместо взрывчатых веществ содержалось донесение; или невинные с виду объявления в газетах нейтральных стран — тысячи способов, не похожих друг на друга. Чем более оригинальным, новым был этот способ, тем меньше шансов, что его обнаружат.

Огромное увеличение разведывательной службы вызвало не меньший рост контрразведки. Скотланд-ярд, точнее, особый отдел, и управление уголовного розыска не только целиком переключились на выполнение контрразведывательных функций, но и поставляли кадры для других ведомств, занимавшихся секретной службой. 550 сыщиков было отправлено во Францию. Позднее из них была сформирована особая организация, занимавшаяся борьбой против неприятельского шпионажа в портовых городах и на других важных военных объектах. Не обходилось без смены узкой специальности. Например, детектив, занимавшийся розыском поставщиков «живого товара» для публичных домов, стал ответственным за охрану главнокомандующего британскими войсками. Напротив, пожилой полицейский инспектор, по долгу службы следивший за порнографической литературой, оказался малоподходящим агентом контрразведки морской дивизии, высадившейся в Антверпене. Он попросту вернулся в Лондон и объяснил начальству, что «слишком стар, чтобы выдерживать осаду».

К 1918 году одно только центральное контрразведывательное ведомство МИ 5 насчитывало 850 сотрудников. Вся почтовая и телеграфная корреспонденция, особенно шедшая за рубеж, стала подвергаться тщательной военной цензуре. Так, в Лондоне просматривали письма на 60 языках. Цензорам пришлось разгадывать зашифрованные донесения на 31 языке. Подозрительные письма и газеты стали подвергать химической обработке, чтобы определить, не содержат ли они тайнописи. Под строгий контроль были поставлены границы с нейтральными странами. Прифронтовая полоса была разбита на небольшие участки, за каждым из которых наблюдала специальная группа офицеров контрразведки.

Разбухание аппарата английской секретной службы сопровождалось появлением многих звеньев со сходным кругом обязанностей, но подчинявшихся различным инстанциям в Лондоне и раздиравшихся ведомственным соперничеством и завистью.

С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ

собые успехи британская секретная служба имела в странах и областях, оккупированных германскими войсками, где она могла опираться на помощь местного населения. Разведывательную сеть в Бельгии, занятой германской армией, обычно организовывали, действуя с голландской территории. В Голландии, хотя и не сразу, главное место среди соперничавших разведок стран Антанты заняла английская разведка.

После ряда неудачных попыток с помощью бельгийцев, бежавших в Голландию, удалось образовать значительное число разведывательных ячеек. Начальник каждой из них пересылал собранные донесения в «почтовый ящик» в Антверпене, Льеже или Брюсселе. Оттуда они доставлялись на один или несколько пунктов переправы через границу. Каждая ячейка имела свой независимый «почтовый ящик» и пункт переправы. Курьер, перевозивший донесения к границе, не знал никого из членов разведывательной ячейки, кроме самого «почтового ящика». А «почтовый ящик» часто не знал даже курьеров, привозивших и забиравших у него донесения. Для наблюдения за каждым важным объектом или районом нередко создавались две параллельно действовавшие группы, не подозревавшие о существовании друг друга.

Однако в мировой схватке англичанам не удалось, как в прошлом, воевать или вести разведку только чужими руками.

...Плодовитый писатель и журналист Б. Ньюмен опубликовал в 1935 году книгу «Шпион», подробно повествующую о его действиях как офицера разведки в Германии. Он вырос в семье фермера в Лейстершиле. Мать Ньюмена была эльзаской, и он с детства хорошо владел немецким и французским языками. После окончания университета Ньюмен неожиданно избрал путь актера. Приобретенные профессиональные навыки оченьгодились ему впоследствии. С началом войны Ньюмен пошел добровольцем в армию. Безупречное знание немецкого языка обратило на него внимание начальства. Вскоре он стал офицером разведки. Переодетый в немецкую форму, с до-

кументами неприятельского солдата, только что попавшего в плен, Ньюмен совершил удачную диверсию — взрыв железнодорожных составов в ближнем германском тылу, который задержал прибытие вражеских подкреплений во время сражений под Лоосом (сентябрь — октябрь 1915 г.). Арестованный немцами Ньюмен был приговорен к расстрелу. Накануне казни он неожиданным ударом оглушил пришедшего к нему в камеру армейского пастора, переделался в его мундир и сумел бежать. Впрочем, английское командование не сумело использовать результаты диверсии: немецкие подкрепления запоздали, а английские резервы вовсе не прибыли из-за нелепого приказа английского главнокомандующего лорда Джона Френча.

Далее, если можно верить Ньюмену, он узнал, что его кузен, германский офицер Адольф Нейман, был взят в плен англичанами. Ньюмен отправился повидать его в лагере для военнопленных в Чeshire. Адольф, подружившийся с Ньюменом в довоенные годы, подробно рассказал ему все семейные новости и пожаловался на невезение: ведь, не попади он в плен, его ждало бы перемещение в генеральный штаб. Ньюмен сразу сообразил, что создается исключительная возможность, которую нельзя упускать. Внешне он очень напоминал своего немецкого кузена — так почему бы не занять его место?

Английская разведка стала тщательно готовить эту операцию. Было известно, что в одном из лагерей для военнопленных двое офицеров замыслили побег. Одного из них, знавшего английский язык, спешно удалили из лагеря, куда отправили Ньюмена под видом Адольфа Неймана (сам же злополучный кузен был переведен в Шотландию, и все его письма, разумеется, не посылались по назначению). Второй участник планировавшегося побега — Фрайберг, не говоривший по-английски, неизбежно должен был ухватиться за новоприбывшего коллегу, отлично знавшего этот язык. Переписываясь с родными, Фрайберг сумел включить в свое письмо просьбу прислать для офицеров, организовавших побег, подводную лодку в определенный пустынный пункт на побережье Уэльса. Бегство из лагеря оказалось, как и следовало ожидать, на редкость удачным. Часовой куда-то отлучился, а на ежедневной переключке беглецов объявили больными. Когда лагерное начальство явилось для проверки в барак, на кроватях лежали двое военнопленных, изо-

бравшие Фрайберга и Неймана. Лодка прибыла вовремя, и вскоре Ньюмен уже получал из рук кайзера орден «Железного креста», которым почти неизменно награждали офицеров, бежавших из английского плена.

В течение длительного времени Ньюмен работал в разведывательном отделе ставки германского командования под началом полковника Николаи. Он даже ездил по его приказу в Голландию, где вербовал агентов для засылки в Англию. Конечно, они почти все (почти — чтобы не вызвать подозрения немцев) были арестованы британскими властями. При пересылке информации Ньюмен предпочитал эзоповский язык, не доверяя симпатическим чернилам и каким-либо головоломным шифрам. Дважды Ньюмен сам побывал в качестве немецкого шпиона в Англии, возвращаясь с внешне важной информацией, которая, однако, по тем или иным причинам не могла быть использована немцами. Добывая эту информацию, Ньюмен с другими немецкими агентами — опытным взломщиком и шофером — даже совершили налет на дом помощника начальника имперского генерального штаба, где, разумеется, обнаружили «нужные» документы. Через некоторое время Ньюмен был переведен в оперативный отдел и работал под непосредственным руководством немецкого главнокомандующего Фалькенгайна, а потом Людендорфа.

Ньюмен утверждает, что ни отец, ни больная мать Адольфа, с которой ему все же пришлось однажды встретиться, не заметили подмены. Более правдоподобным представляется, что разведчик каким-то путем заставил их молчать — может быть, даже угрожая, что иначе Адольф Нейман никогда не вернется из плена.

В самом конце войны, приехав по поручению Людендорфа обследовать положение на передовой линии, Ньюмен был ранен и взят в плен британским патрулем. Он мог убедиться, что многие из его важнейших донесений были оставлены без всякого внимания. А военное министерство даже отказалось выплатить ему офицерское жалование за три года нахождения в тылу врага. Ньюмену было разъяснено, что разведчик и так получал следуемые ему деньги от немцев и имеет, следовательно, право претендовать лишь на разницу в ставках капитана в английской и германской армиях.

Английская секретная служба широко использовала весь традиционный арсенал средств тайной войны. В 1918

году, например, англичане имели на западном фронте «штат» в 6 тыс. голубей. Так как за голубями следили, их пытались... маскировать под других птиц. Порой первоклассные результаты достигались просмотром германской прессы, хотя, казалось бы, цензура вымарывала из нее любые сведения военного характера. Вот один пример. В январе 1918 года в районе Сен-Кантена над позициями английской V армии был сбит самолет. Летчик умер в госпитале. А вскоре в одной небольшой баденской газете было напечатано письмо от безутешной матери погибшего пилота. В нем она цитировала полученное ею соболезнование от командира ее сына, генерала фон Гутьера, которого в германской армии считали тогда специалистом по наступлениям. Его прибытие в Сен-Кантен было тщательно охраняемой военной тайной, раскрытие которой позволило определить район, где планировалось массированное наступление германских войск. Б. Ньюмен, когда он подвизался в роли германского офицера, переслал через Швейцарию газету без всяких комментариев, и этого оказалось достаточно.

Интеллидженс сервис, как и другие империалистические разведывательные службы, бесцеремонно попирала права и интересы малых стран. Особой красочностью отличались «подвиги» империалистических разведок в Греции. Антанта всеми мерами пыталась заставить не желавшую воевать Грецию отказаться от политики нейтралитета. На салоницком фронте английская секретная служба использовала в качестве своих агентов банду пиратов, во главе которой был поставлен британский офицер. Новоявленные борцы за антантовскую демократию с ножами и пистолетами рыскали по ночам, перехватывая неприятельские донесения. В Испании английская секретная служба подкупила главаря контрабандистов, чтобы его люди наблюдали за прибытием и отплытием подводных лодок.

Британская разведка старалась максимально играть на растущей усталости немецких солдат от войны, на их неверии в свою победу. Так, английский агент убедил в Бельгии германского унтер-офицера перелететь через линию фронта на новейшей модели самолета «Фоккер», данные о котором жаждали получить в британском штабе. Немец получил 50 фунтов стерлингов и, главное, возможность дожидаться в лагере для пленных окончания войны.

Постоянно усиливались меры, призванные обеспечить секретность действий разведки. Некоторые руководители даже в Лондоне встречались со своими людьми только в такси, чтобы избавить их от посещения штаб-квартиры, где агентов могли увидеть при входе или выходе, и от подслушивания, если бы беседа происходила в гостинице или ресторане.

Тем не менее во время первой мировой войны, особенно в первые ее годы, английская секретная служба потерпела немало серьезных провалов. В 1915 году она не сумела снабдить английское командование во время Дарданелльской операции сведениями о силах противника. Во время бомбардировки англо-французской эскадрой Дарданелл турки и их союзники — немцы были уверены, что войска Антанты займут Константинополь. Турецкое правительство было в панике. Но были упущены драгоценные дни, за которые турецкое командование сумело сосредоточить в районе Константинополя значительные резервы. Неудача Дарданелльской операции, приведшая к крупным потерям (113 тыс. убитых и раненых), вероятно, была связана и с утечкой информации. О подготовке этой операции открыто говорили в Портсмуте — тайна была у всех на устах. Конечно, островное положение Англии очень усложняло задачу немецкой разведки и облегчало положение англичан. Ведь установить тщательное наблюдение за портами и за береговой линией, к которой возможно было приблизиться только на заметных издали кораблях, значительно проще, чем следить за сотнями километров сухопутных границ. Немецкая секретная служба всю войну прилагала отчаянные усилия, чтобы восстановить свою разведывательную организацию, которая была одним ударом разгромлена англичанами в августе 1914 года. Однако немецкой разведке не удалось организовать ни одной диверсии на английской территории. Взрывы на военных заводах, вопреки слухам, не были связаны с деятельностью неприятельских шпионов. Этого нельзя с уверенностью сказать в отношении всех взрывов на военных кораблях во время их стоянки в английских портах.

Всемирно известный английский писатель Сомерсет Моэм в годы первой мировой войны пополнил список представителей литературного мира, сотрудничавших в британской разведке. В сборнике рассказов «Ашенден, или британский агент» (1928 г.), носивших явно автобио-

графический характер, повествуется о том, как Ашендену, представившемуся в Швейцарии работником британской военной цензуры, удалось расставить ловушку одному англичанину, женатому на немке и ставшему агентом германской секретной службы. Ашенден ловко предложил ему свою рекомендацию для поступления на службу в английскую цензуру, немецкий агент не устоял перед соблазном — отправился через Францию в Англию и был схвачен союзной контрразведкой. В действительности как раз в английскую почтовую цензуру пробрался один из самых опасных немецких разведчиков — П. Зильбер, годами пересылавший много ценной информации в Берлин. Зильберу удавалось извлекать массу полезных сведений из проходившей через его руки переписки. Но не меньшее значение имело для немецкой разведки, что Зильбер получил возможность узнавать те адреса в нейтральных странах, которые привлекали внимание англичан. После этого Берлин мог менять «провалившиеся» адреса на новые, затрудняя выявление немецкой агентуры.

«КОМНАТА № 40»

е мало из операций английской разведки времен первой мировой войны более полувека оставались государственным секретом. Не все тайное стало явным и поныне. Только в 1972 году всплыли факты, проливающие новый свет на один из трагических эпизодов войны.

7 мая 1915 г. немецкая подводная лодка потопила у берегов Ирландии английский пароход «Лузитанию» — самый крупный пассажирский корабль того времени. Погибло 1198 человек, в том числе 124 американца. В США прокатилась буря возмущения, которая весьма помогла потом сторонникам втягивания страны в войну на стороне Антанты. И вот через почти 6 десятилетий английский журналист Колин Симпсон, изучавший архивы Адмиралтейства, обнаружил, что из них изъяты многие документы — их отсутствие, впрочем, было еще более красноречивым, чем сами эти материалы. Исследования Симпсона подтвердили то, о чем, впрочем, догадывались и современники: быстрота, с которой затонула «Лузита-

ния», была вызвана попаданием немецкой торпеды в ящики со снарядами и патронами, которыми тайно заполнили в Нью-Йорке корабельные трюмы. Симпсон идет дальше. Сопоставляя факты, он приходит к выводу, что морской министр Уинстон Черчилль и его заместитель адмирал Джон Фишер сознательно в самый критический момент, отлично зная, что на пути «Лузитании» немецкая подводная лодка, не послали на защиту парохода военные суда и не отдали своевременно приказ об изменении курса корабля.

...Опытным сотрудникам адмирала Холла, получившим 17 января 1917 г. несколько рядов четырех- и пятизначных цифр, не потребовалось много времени, чтобы определить код, которым было зашифровано перехваченное вражеское послание. Это был уже раскрытый англичанами вариант хорошо известного им немецкого дипломатического шифра 13040. Предполагая, что речь идет об обычной дипломатической депеше, английские контрразведчики тем не менее взялись, как обычно, за ее расшифровку. Однако, по мере того как продвигалась их работа, росло и изумление — содержание телеграммы было, конечно, очень важным, более того, оно было поразительным, его можно было счесть совершенно неправдоподобным, если бы не путь, которым зашифрованный текст попал в «комнату № 40». Вскоре документ уже лежал на столе адмирала Холла. Это была телеграмма министра иностранных дел Циммермана немецкому послу в Вашингтоне графу Бернstorфу с указанием переслать ее текст германскому посланнику в Мексике фон Экхарту. Немецкие дипломаты ставились в известность, что через две недели, 1 февраля 1917 г., Германия начнет неограниченную подводную войну. Чтобы заставить США сохранять нейтралитет, необходимо подтолкнуть Мексику к военным действиям против своего северного соседа, обещая вернуть ей за это захваченные у нее американцами в прошлом веке территории — Техас, Аризону и Нью-Мексико. Рекомендовалось побудить мексиканское правительство к вступлению в переговоры с Японией и предложить ей порвать с Антантой и начать войну против США.

Трудно было переоценить все значение перехваченной телеграммы. Конечно, содержащиеся в ней предложения звучали фантастично и свидетельствовали о растущей авантюристичности политики кайзеровского правительства, пытавшегося отыскать средства избежать пора-

жения в войне. Однако США, в то время не содержавшие массовой армии в мирное время, были достаточно чувствительны к планам, подобным тем, которые излагались в телеграмме Циммермана. И главное, конечно, что телеграмма могла стать козырным тузом в пропаганде, которую вели сторонники присоединения США к Антанте. К их числу принадлежал и американский посол в Лондоне У. Х. Пейдж, которому была передана Холлом телеграмма Циммермана и который сразу же переслал ее текст в государственный департамент.

Правда, было одно существенное затруднение. Англичане требовали, чтобы Вашингтон не ссылался на них как на источник получения телеграммы. Это было невыгодно, во-первых, поскольку немцы поняли бы, что англичане овладели германским кодом (германский разведчик Ринтелен раньше предупреждал Берлин об этом, но ему не поверили); во-вторых, ссылка на Лондон могла заставить усомниться в аутентичности телеграммы, в том, не является ли она ловкой фальшивкой, рассчитанной на вовлечение США в войну на стороне Англии. Президент Вильсон, правда, быстро поверил в подлинность текста, но для убеждения сомневающихся была изобретена довольно сложная процедура. Немецкий посол Бернсторф, как требовал от него Берлин, переслал по телеграфу, разумеется, в зашифрованном виде, полученную депешу немецкому посланнику в Мексике. Копия телеграммы Бернсторфа оказалась в распоряжении государственного департамента, ее переслали в американское посольство в Лондоне, там же снова расшифровали в помещении посольства с помощью английских специалистов. Теперь правительство США, передав текст телеграммы для опубликования в печати, могло утверждать, что она была расшифрована американскими официальными лицами. 1 марта 1917 г. американские газеты под аршинными заголовками опубликовали текст телеграммы, вызвавший, как с удовлетворением отметил государственный секретарь Лансинг, «огромную сенсацию».

Тем не менее в первые дни голоса сомневающихся звучали очень громко. Германофильские элементы в США доказывали, что телеграмма не является враждебным актом, поскольку она лишь предусматривает действия, которые следовало бы предпринять только в случае, если США открыто присоединятся к Антанте. Скептикам не было известно, что англичане передали в Вашингтон еще

одну немецкую правительственную телеграмму, предписывающую немедленно приступить к переговорам с мексиканским правительством.

Но в Берлине, казалось, потеряли голову — Циммерман считал, что голословное отрицание никого не убедит и приведет лишь к дальнейшей потере престижа. Опровергая все отрицавших германских дипломатов, кайзеровский министр иностранных дел публично признал аутентичность телеграммы. Это было в начале марта 1917 года. Через месяц, 6 апреля 1917 г., конгресс США подавляющим большинством голосов принял решение объявить войну Германии.

Конечно, не телеграмма Циммермана определила решение Вильсона вступить в войну, как это утверждают многие буржуазные историки и дипломаты. К участию в первой мировой войне американский империализм влекли его собственные широкие захватнические планы. Однако для оправдания в глазах общественного мнения вступления США в войну неловкость Циммермана сыграла немалую роль.

Существовали (помимо явно вымышленных) три версии того, каким образом английская разведка добыла германский дипломатический код. Немцы утверждали, что этот код передал англичанам молодой австрийский радиоинженер Александр Сцек. Он имел доступ в помещение для радиопередач в Брюсселе.

У. Черчилль в книге «Мировой кризис» излагает официальную британскую версию. Согласно ей, книги шифров были извлечены русскими водолазами, обследовавшими германский крейсер «Магдебург», который 25 августа 1914 г. потерпел крушение в Балтийском море.

Наконец, английский разведчик Э. Вудхолл сообщает третью версию, утверждая, что он был лично знаком с человеком, доставившим код. Это был солдат французского иностранного легиона, которого Вудхолл условно называет Смит. В конце 1915 года Смит, который свободно владел французским, немецким и фламандским языками, перешел на работу в разведку. Его послали в бельгийскую столицу с заданием добыть немецкий шифр. Спустившись с парашютом около Брюсселя, Смит в одежде бельгийского крестьянина сумел благополучно пробраться в город и связаться в нескольких бельгийцах, готовыми оказать ему помощь. Особо важную роль сыграла девушка-бельгийка Ивонна. Она работала в кафе, кото-

рое часто посещал влюбленный в нее немецкий унтер-офицер. Немец работал на радиостанции оператором. Ивонна убедила своего поклонника, что она и ее брат (т. е. Смит) — большие любители тогда еще малораспространенного радио. Унтер-офицер охотно согласился учить их радиodelу и, отвечая на заранее подготовленные Смитом вопросы, бессознательно выдал все главные элементы кода. Получив сведения, разведчик переделался в немецкую форму, которую достали его бельгийские друзья, и благополучно пересек линию фронта. Сразу же после его ухода немцы ворвались в кафе, где служила Ивонна. Оказывается, немецкая контрразведка давно уже следила за подозрительными визитами молодого радиста. Однако Ивонна, сообразив, что немец не разъяснил, да и не мог разъяснить смысла их радиоуроков, призналась лишь в том, что укрывала Смита, которого она выдала за немецкого дезертира. Ивонну приговорили к длительному тюремному заключению.

Эти версии не обязательно противоречат друг другу, поскольку шифр мог быть одновременно получен различными путями*. Однако покров секретности, которым продолжают окутывать это дело, заставляет предположить, что, быть может, подлинная история похищения кода так и остается неизвестной. Важнее, конечно, что английской разведке не только удалось овладеть немецкими шифрами, но и посылать телеграммы от имени германского командования. Одна из таких телеграмм привела к крупной победе Англии на море.

Осенью 1914 года английское Адмиралтейство было весьма озабочено действиями немецкой эскадры под командованием адмирала Шпее, крейсировавшей около Южной Америки.

1 ноября 1914 г. корабли Шпее уничтожили в морском бою более слабую английскую эскадру адмирала Кредока и после этого прибыли в чилийский порт Вальпараисо. Здесь Шпее застала телеграмма из Берлина, предписывавшая ему идти к Фолклендским островам, чтобы разрушить находившуюся там радиостанцию. Однако приказ ему послало не германское командование. Ее отправил с берлинского телеграфа английский агент. Он сумел раздобыть бланки, на которые сам поставил похищенные им

* Еще один немецкий код нашли в кабине дирижабля, сбитого над французской территорией.

печати экспедиции морского министерства и цензурного отдела. Снабженная этими печатями депеша была без всяких подозрений принята на телеграфе и отправлена по назначению. 7 декабря 1914 г. Шпее явился на место, указанное ему английской разведкой. А на другое утро более дальнобойные орудия английских линкоров покончили с немецкими крейсерами, причинившими столько хлопот британскому Адмиралтейству.

Не меньшее значение имела ставшая сравнительно недавно известной передача английскими контрразведчиками немцам подложного кода, якобы употреблявшегося для шифровки особо важных и срочных сообщений. С помощью своего подложного шифра английской контрразведке случалось не раз дурачить немецкое командование.

...В середине сентября 1916 года неожиданно на день было прервано сообщение Англии с нейтральной Голландией. Перед этим почта как раз успела доставить по обычным адресам дюжину номеров английской газеты «Дейли мейл» за 12 сентября. Надо сказать, что в числе постоянных подписчиков на английскую прессу находились агенты германской разведки. Они сразу же обратили внимание на одно обстоятельство — в этом номере «Дейли мейл» черной краской был вымаран один абзац. Очевидно, в нем сообщалось что-то, вызвавшее недовольство английской военной цензуры, но что именно? Определить это оказалось несложным, даже не прибегая к услугам химической лаборатории, специализировавшейся на прочтении подобных текстов. Англичане, видимо, спохватились только в самую последнюю минуту — добрая половина экземпляров «Дейли мейл», проникших в Голландию, не побывала в руках цензора. А абзац представлял собой следующую небольшую корреспонденцию из Юго-Восточной Англии:

«На восточном побережье все готово. Крупные военные приготовления. Плоскодонные суда. От нашего специального корреспондента Г. У. Уилсона. База на восточном побережье, понедельник.»

Все указывает здесь на приближение важных событий. Я сегодня закончил поездку по восточным и юго-восточным графствам и могу сказать, что около побережья сконцентрированы очень крупные силы. По сути дела, приготовления проведены в таких размерах, что общественность вправе ожидать нечто более радостное, чем просто защита побережья. Командующий южной группой армии

в последние несколько дней многократно посещал войска. Большинству подразделений выдано новое снаряжение. Кое-кто ворчит, строится много предположений, все отпуска неожиданно отменены. Я был поражен количеством больших плоскодонных судов в ряде гаваней, но осторожность помешала мне задавать вопросы. Харидж и Дувр сейчас не подходящие места для корреспондента с пытливым умом».

В Берлине, куда спешно была протелеграфирована эта газетная заметка, сочли, что им уже давно известно предназначение собранной эскадры. О нем говорилось в перехваченных английских шифрованных телеграммах, которые были прочтены с помощью похищенного немцами британского кода. Тогда еще не было воздушной разведки, быстро проверить сведения о концентрации английских судов оказалось невозможным, но и имевшихся доказательств хватило, чтобы германское командование стало спешно оттягивать с фронта резервы для отражения английской атаки.

О ПОЛЬЗЕ БИБЛИИ

ероятно, наиболее важных результатов британская разведка добилась в раскрытии вражеских шифров и дезинформации неприятеля, причем успехи в обеих этих областях тайной войны были тесно связаны между собой. В 1917 году методы, оправдавшие себя в борьбе против Германии, британское командование решило использовать и на Ближнем Востоке, где турецкие войска под фактической командой немецких офицеров отбивали попытки английской армии вторгнуться с территории Египта в Палестину. Несколько наступлений англичан в марте и апреле 1917 года на город Газу окончились безрезультатно. Линия турецких окопов простиралась на 30 миль от прибрежной Газы до Беершебы на востоке. Укрепления около Газы были значительно более сильными, чем в районе Беершебы, но там вокруг лежала пустыня, не было дорог, и доставка на верблюдах снаряжения, продовольствия и, главное, воды для людей и животных представляла собой труднейшую задачу. Колодцы были в Беершебе, и поэтому овладение

этим городком являлось необходимым условием для развертывания дальнейшего наступления. Перед новым командующим английской армией генералом Э. Алленби встала дилемма — либо фронтальный штурм Газы (он потребовал бы очень крупных жертв без всякой к тому же гарантии успеха), либо атака более слабых укреплений Беершебы. Однако и здесь необходимо было действовать внезапно, иначе турки, имевшие хорошие дороги позади своих позиций, успели бы быстро подбросить подкрепления. Но как было сохранить в тайне передвижение десятков тысяч верблюдов с водой, вздымавших целые тучи песка? Турецкие военачальники и германский командующий генерал фон Кресс должны были не поверить собственным глазам. Как же было добиться подобного ослепления?

Вдобавок нельзя было сбрасывать со счетов и немецкую разведку, которая могла похвастать рядом удачных операций. Капитан Прейссер, например, выдавая себя за араба, трижды проникал в британский штаб в Каире, собирая сведения от германских и турецких разведчиков-резидентов. А майор Франкс в мундире офицера английского генерального штаба изъездил позиции британского палестинского фронта и однажды даже произвел осмотр артиллерийского полка. Франкс выдавал себя то за одного, то за другого из английских офицеров, которых потом арестовывали для выяснения личности при выполнении ими важных и срочных поручений.

Англичане пустили в ход искусную дезинформацию. Так, с помощью различных уловок тукокознакомили с британским шифром, которым стали передавать ложные сообщения. Принимались меры, чтобы усыпить возможные подозрения: радисты посылали в эфир наряду со служебной информацией и известия личного характера. Военские части, особенно кавалерийский корпус пустыни, действовали будто бы на основе приказов, полученных таким кодом по радио. Это имело, кроме всего прочего, и то преимущество, что действия английских патрулей, которые могли вызвать настороженность у турецкого командования, получали благовидное объяснение — зашифрованные приказы предписывали вести только разведку намерений неприятеля, а не собирать сведения для какой-то крупной операции.

После того как почва была подготовлена, последовал новый трюк, призванный окончательно убедить германо-

турецкое командование в правильности имевшихся у него данных о планах генерала Алленби. Было решено подбросить туркам офицерскую сумку. Прием этот не отличался новизной, и поэтому нужно было, чтобы турки овладели сумкой в условиях, исключавших подозрения. Ее содержание должно было рассеять сомнения, даже если бы они и возникли. Поэтому прежде всего в сумку вложили 20 фунтов стерлингов — расчет строился на том, что привычные к коррупции и взяточничеству оттоманские офицеры сочтут невозможным, чтобы кто-нибудь сам добровольно и без видимой нужды расстался с деньгами. Эти деньги были вложены в записную книжку армейского образца, которая, как явствовало из сделанных в ней заметок, принадлежала английскому офицеру из ставки Алленби. Вдобавок взяли книжку, включавшую много подлинных записей. Они содержали небезынтересные для турецкого командования сведения, которые, однако, нельзя было сразу использовать. Последние же заметки должны были ввести в заблуждение вражеских генералов. Кроме того, в сумку было вложено письмо, датированное 6 сентября и исходившее будто бы от офицера полка, дислоцированного на английском правом фланге, против Беершебы. В письме говорилось о совещании в штабе Алленби, на котором было решено начать операцию не раньше конца ноября. Автор письма очень критически оценивал решение вести наступление, когда можно ожидать сильных дождей, и добавлял, что пока даже для офицерской столовой воду доставляют только на одном верблюде. Трудно было найти лучшее подтверждение тому, что транспорт, снабжавший войска правого фланга, был совершенно недостаточным для подготовки боевых действий значительного масштаба. В письме, как бы между прочим, упоминалось и о неразумности плана снова атаковать мощные укрепления Газы. Вся эта подложная информация перемешивалась для большего правдоподобия с рассказами о различных бытовых мелочах из жизни мнимого автора письма. Более того, сумка заключала и другие материалы, которые должны были еще более усилить впечатление подлинности, например письмо из Лондона (с настоящим обратным адресом), в котором любящая жена извещала мужа о том, что у них родился сын, названный Ричардом. Это нежное послание, помятое, как будто от многократного чтения, заняло место в бумажнике рядом с письмом о переносе срока наступле-

ния. В сумке находился также приказ по армии, в котором офицерам и унтер-офицерам ряда соединений предписывалось ознакомиться с открытой линией окопов, являющейся точной копией турецких оборонительных укреплений в районе Газы. Еще одной убедительной деталью была копия телеграммы из штаба Алленби — приказа произвести рекогносцировку, чтобы убедиться, действительно ли природные условия делают невозможным обход турецкого левого фланга около Беершебы. Наконец, в сумке было несколько черновых шифрованных заметок — они не содержали прямой дезинформации и должны были позволить туркам прочесть другие материалы, часть из которых была зашифрована.

После этого оставалось только добавить к содержимому сумки офицерский завтрак. Ловкий офицер разведки сознательно наткнулся на турецкий патруль и обстрелял его. Началось преследование дерзкого англичанина. Разведчик ослабил лямки, которыми была привязана к седлу сумка, полевой бинокль и — большая ценность в пустыне — фляга с водой. Инсценируя картину поспешного бегства, он бросил также винтовку, которую смазал кровью своей лошади, легко поранившейся о скалу. Сам англичанин пошатывался в седле, как будто задетый вражеской пулей. После возвращения разведчика в английский лагерь были спешно разосланы шифрованные телеграммы о потере важной сумки, на поиски ее были брошены патрули. 11 октября 1917 г. был издан даже приказ по кавалерийскому корпусу пустыни о необходимости разыскать сумку. В копию этого приказа один из командиров патрулей завернул свой завтрак и обронил неподалеку от неприятельских позиций.

Сумка была сразу же доставлена генералу фон Крессу. Были изданы приказы, выражавшие благодарность унтер-офицеру, который доставил столь драгоценную добычу. Турки резко ослабили оборонительные работы в районе Беершебы. Основные силы и все подходившие подкрепления направлялись в Газу, даже 50 самолетов, которые в разобранном виде вскоре попали в руки англичан. 30 октября английский флот бомбардировал Газу, еще более убеждая германо-турецкое командование, что она станет объектом атаки. А в ночь с 30 на 31 октября начался штурм Беершебы, занятой в течение следующего дня. Неприятель был застигнут совершенно врасплох. В Беершебе было обилие воды. Но и после этого анг-

лийская разведка постаралась убедить неприятельский штаб, что проведенная операция носила сугубо местный характер, пока из Беершебы 5 ноября не началось общее наступление. Турецкий фронт был прорван. 7 ноября турки очистили Газу, а через месяц, 9 декабря, войска Алленби заняли Иерусалим. Эти успехи имели крупное значение для Лондона в чисто военном плане на фоне неудач Антанты на западном фронте. Но главным все же было другое. Лондон стремился к созданию британской ближневосточной империи. Учитывая остроту империалистического соперничества со своей союзницей — Францией в этом районе, английские правящие круги старались еще в ходе войны оккупировать все намеченные территории.

Английская армия двигалась по библейским местностям, у разведки проснулся интерес к священному писанию. Однажды источником информации оказался рассказ, записанный 2,5 тыс. лет назад и включенный в Ветхий завет. VI дивизия армии генерала Алленби в феврале 1918 года получила приказ взять город Иерихон. Одной из бригад было поручено в качестве промежуточной цели овладеть деревушкой Михмас, расположенной в ущелье. Английские части начали подготовку к трудной фронтальной атаке, не имея вдобавок сведений о численности и расположении оборонительных сооружений противника. Англичан выручило, что один из офицеров — В. Джилберт припомнил эпизод, рассказанный в Библии, в главах 13 и 14 первой книги Самуила. В нем повествуется, как сын царя Саула Ионафан вместе с воинами неожиданно проник в лагерь филистимлян, окопавшихся в Михмасае. Не прошли ли нападающие по какой-то тайной тропе? Вскоре был обнаружен этот проход, и селение было захвачено одной ротой, неожиданно обрушившейся на турецкий гарнизон.

Накануне решающего наступления в сентябре 1918 года, которое вывело Турцию из войны, англичанам снова помогла военная хитрость. Трудность заключалась в обеспечении скрытого сосредоточения войск. Турки могли без труда определять, находятся ли на том или ином участке фронта кавалерийские полки, просто наблюдая за столбами пыли, которые подымали тысячи животных, отправлявшихся на водопой к реке Иордан. Однако издали не было видно, поднималась ли пыль лошадьми или обозными мулами, которых специально пригнали к ли-

нии фронта, тогда как кавалерийские дивизии снялись с места и быстро передислоцировались на исходные позиции для предстоящей атаки.

Ожесточенная схватка развертывалась между разведками в колониальных и зависимых странах. В нашем повествовании мы не будем подробно рассказывать о полковнике Томасе Эдуарде Лоуренсе — о нем и так написано слишком много.

Сначала сам разведчик, а позднее его бесчисленные почитатели распространяли легенду о Лоуренсе — друге арабов, который якобы был возмущен тем, что английское правительство отказалось выполнить обещание о создании независимого арабского государства. Почти через полвека после первой мировой войны стали доступными личные бумаги Лоуренса, хранящиеся в государственном архиве в Лондоне и в библиотеке Оксфордского университета. Из них явствует, что Лоуренс презирал и ненавидел арабов и что еще в 1916 году рекомендовал английскому правительству сохранить «их раздробленными на мелкие, соперничающие друг с другом, неспособные к сплочению княжества». Лоуренс с самого начала знал о тайном империалистическом соглашении между Лондоном и Парижем насчет раздела арабских земель. Недовольство Лоуренса было вызвано лишь тем, что не получил одобрения его план, предусматривавший более изощренные методы колониального хозяйничанья в странах Ближнего Востока.

Британская секретная служба, орудуя в колониях, не останавливалась и перед провокациями крупного масштаба. Так, в 1918 году было объявлено, что в Ирландии раскрыт мнимый «немецкий заговор». Это послужило предлогом для ареста многих деятелей национально-освободительного движения, в частности руководства оппозиционной партии шин-фейн. Для того чтобы рассказать об этих провокациях, надо было бы написать специальную книгу.

ГРЕХИ МОЛОДОСТИ СИДНЕЯ РЕЙЛИ

начале XX века одним из наиболее важных английских агентов был пресловутый Сидней Рейли. Он работал на английскую секретную службу примерно с 1897 года (по некоторым данным, его завербовал английский разведчик майор Фозерджил, возглавлявший «научную» экспедицию в неисследованные районы Бразилии, в составе которой Рейли находился в качестве повара). В числе первых заданий, полученных Рейли, была поездка в Петербург. Там он совмещал свои обязанности британского шпиона с ухаживанием за молодой женой английского священника Хью Томаса. Рейли убедил Томаса, что он лучше любого доктора в состоянии давать полезные медицинские советы. Томас поверил и продолжал следовать им и после возвращения на родину. Вскоре он скончался (Рейли, предчувствуя наступление этой минуты, настоятельно порекомендовал своему другу перебраться на континент, где смерть ни с кем не знакомого англичанина не могла вызвать никаких кривотолков). Что же касается Рейли, то он поспешил жениться на Маргарет Томас: вдова унаследовала от мужа весьма солидное состояние. Впрочем, отношения молодоженов складывались отнюдь не радужно. Маргарет начала пить, Рейли не раз во время своих командировок отсылал надоевшую супругу домой и даже настойчиво добивался развода. Когда же это оказалось чрезмерно хлопотливым делом, шустрый джентльмен как-то принудил Маргарет к молчанию, а сам женился во второй раз, забыв упомянуть о своем первом браке. Справедливость, впрочем, требует отметить, что своей третьей официальной жене Рейли все же сообщил о существовании второй, оставив их обеих в неизвестности относительно первой.

Более прочный характер носил альянс Рейли с британской разведкой, хотя и здесь не обошлось без тренировок. Разбогатевший на финансовых спекуляциях Рейли считал, что ему мало платят, и одно время в знак своего искреннего негодования по сему поводу даже покинул службу. Размолвка, впрочем, оказалась недолгой.

Рейли покровительствовал Г. Хозьер, отец будущей жены Уинстона Черчилля. Через Хозьера позднее были завязаны и тесные связи между Черчиллем и Рейли.

С разведывательными поручениями Рейли объездил многие страны. Его встречали на Ближнем Востоке, а накануне русско-японской войны — в Порт-Артуре, где он именовал себя представителем фирмы, торгующей лесом. Рейли выкрал план укреплений и шифр, использовавшийся царским командованием. Чтобы быстро уехать, не возбуждая подозрений, Рейли разыграл бурную влюбленность и убедил предмет своей неожиданной страсти отбыть в Японию. Разумеется, немедленно последовал за ней и сам Рейли, где продал добытые сведения за большие деньги японцам. (Напомним, что Япония была тогда союзницей Англии, и британская разведка, кажется, ничего не имела против этого частного бизнеса своего агента). Ездил Рейли и в Китай. Одно время он жил даже в ламаистском монастыре, изображая из себя буддиста.

Далее задания Интеллидженс сервис привели Рейли в Германию. Под именем рабочего-сварщика Карла Гана он поступил на завод Круппа. Английские авторы утверждают, что там Рейли убил двух сторожей (на его счету числилось вообще немало «мокрых дел»). За некоторое время до начала первой мировой войны Рейли снова приехал в Россию и стал членом купеческого клуба в Петербурге. Он вел широкие торговые операции, продавая все — от патентованных лекарств до авиационных моторов. Самое любопытное, что этот богатый англичанин, роскошная квартира которого, заполненная картинами художников эпохи Возрождения, напоминала музей, формально состоял... представителем немецкой судостроительной компании «Блом и Фосс», добывал для нее крупные заказы, вызывая иногда даже недовольство ее британских конкурентов.

Трудно сказать, был ли Рейли в это время шпионом-двойником, но несомненно, что ему удалось получать крайне важные для Лондона сведения о немецкой судостроительной промышленности. Во время первой мировой войны Рейли занялся выгодным делом — закупкой оружия в США по заказам царских властей. Возможно, что в это время он менее активно, чем ранее, выполнял прямые шпионские задания, увлекшись торговыми и финансовыми операциями. Однако в 1917 году он уже снова на

активной службе. Рейли несколько раз сбрасывали на парашюте за германскими линиями. Во время одной из таких акций английский разведчик в костюме немецкого ремесленника сумел собрать данные о готовившемся германском наступлении. Под видом немецкого офицера Рейли побывал в Восточной Пруссии, будто бы даже проник на совещание, на котором в присутствии кайзера Вильгельма II обсуждались планы подводной войны против торгового флота Антанты. Рейли якобы попал на это совещание переодетым в мундир полковника, которого он незадолго до этого убил и скрыл труп в канаве. Этот последний эпизод излагается исследователями со слов самого Рейли, который в таких рассказах истины придерживался очень редко. Вообще многое сообщаемое английскими историками о похождениях Рейли в годы первой мировой войны подлежит проверке. Однако несомненно, что ему не раз удавалось добывать информацию первостепенного значения и что его акции в Интеллидженс сервис стояли очень высоко, когда в 1918 году он снова появился в России, на этот раз в Москве.

...Целая полоса провалов ожидала английскую разведку в борьбе против Советской России. Английский историк Р. Дикон, пользовавшийся архивом генерала Вернона Келла, пишет о «тенденции британской секретной службы быть одержимой опасностью большевизма» вплоть до забвения остальных задач. Другой весьма осведомленный автор — Л. Фараго в своей монографии «Лисья игра» (Лондон, 1972) пишет о «годах стагнации Интеллидженс сервис». На этом пути было и участие в антисоветских заговорах, фабрикации фальшивок вроде пресловутых «бумаг Сиссона» (1918 г.) или «письма Президиума Коминтерна» (1924 г.). Именно в этой мутной воде делали карьеру Сидней Рейли, а также его многие коллеги и подражатели, обезвреженные советскими властями.

ЭПИЛОГ И ПРОЛОГ

говоря об успехах английской секретной службы в годы первой мировой войны, нужно сделать целый ряд оговорок. Даже не преувели-

чивая, подобно многим западным авторам, сами возможности разведки и учитывая, что она не принадлежала к тем основным факторам экономического, социального и даже чисто военного характера, которые решали судьбы мирового конфликта, надо признать, что ее влияние на ход главных сражений на суше и на море было значительно меньшим, чем это можно было ожидать. Ни знание военных шифров неприятеля, ни сложная система дезинформации не оказались средствами, позволившими существенно сократить сроки позиционной войны на Западе или ликвидировать угрозу, которую представляли для Англии действия немецких подводных лодок. Операции разведки были особенно успешными там, где она могла опереться на создавшиеся без всякого ее участия благоприятные объективные условия, такие, допустим, как ненависть бельгийского населения к немецким оккупантам, освободительная борьба арабов против оттоманского ига или, если взять совершенно иной пример, стремление правящих кругов США найти удобный предлог для вступления в войну.

Конечно, немало из того, что добыто разведкой, не было использовано вследствие бездарности и косности британского командования и правительственных учреждений в Лондоне. Однако является фактом, что эти учреждения на основе данных разведки не имели четкого представления о возможностях, которыми располагала Германия для продолжения войны, вначале непомерно преуменьшая их, а потом почти столь же преувеличивая. Даже осенью 1918 года, когда уже ясно обозначился военный перевес Антанты, когда Германия стояла накануне разгрома, в Лондоне продолжали разрабатывать планы операций на 1919, 1920, 1921 годы...

В межвоенный период неудачи постигали британскую секретную службу не только в борьбе против СССР, но и в столкновении с империалистическими соперниками, в том числе с наиболее опасным из них — нацистской Германией. В основе этих неудач лежала «мюнхенская» политика пособничества фашистской агрессии с целью сосредоточить ее против Советского Союза. Такая политика не только превращала наиболее рьяных английских «мюнхенцев» в вольных или невольных сообщников фашистской «пятой колонны», но и создавала политический климат, обеспечивавший ей безнаказанную деятельность и вялость британской разведки в Германии. Желаемое при-

нималось за действительность. В Лондоне поверили, например, ложной информации о строившихся германских военных кораблях, которая указывала, что они предназначены только для действий на Балтике — это ли не было подтверждением надежды, что гитлеровскую агрессию удастся направить только против Советского Союза.

Вместе с тем миф о каких-то небывалых подвигах британской разведки в годы первой мировой войны на протяжении двух последующих десятилетий усердно распространялся в литературе и получил настолько широкое хождение, что в него поверили и сами его авторы. Дональд Маклахлан в книге «Тайны английской разведки. 1939—1945» свидетельствует: «Так же как в памяти большинства людей сохраняются различного рода сказки и басни, так и в Уайтхолле и в Вашингтоне жила легенда о сказочных успехах разведки в годы первой мировой войны. Холл был еще жив, но, поскольку он не имел возможности рассказать правду о своей работе, его деятельность всегда была окружена ореолом тайны и небывалых успехов».

Несомненно, что опыт 1914—1918 годов оказал самое непосредственное воздействие на схватку разведок накануне и в годы второй мировой войны. Стоит отметить, что воспоминания о временах адмирала Холла не раз подвели сотрудников адмирала Канариса, главы фашистского абвера (военной разведки). Учитывалось, что после 1918 года Англия сохранила широкую сеть разведывательных учреждений. Однако в Берлине порой даже преуменьшали влияние, которое оказывала на британскую разведку политика поощрения фашистской агрессии, проводившаяся правительством Чемберлена.

Английская секретная служба учитывала, что противная сторона хорошо знакома с приемами, использованными в 1914—1918 годах, и ожидает их повторения. Во многие разведывательные планы «закладывались» детали, призванные убедить немцев, что данная операция никак не может быть повторением маневра, уже испробованного в первую мировую войну. Для этого иногда в известную схему специально вносились усложнения. Так, вместо шпиона-двойника появился тип агента, выдающего себя за шпиона-двойника, с тем чтобы на самом деле осуществлять обычные функции разведчика. Впрочем, к такому же усложнению трюков прибегал и абвер. Известно, что один из наиболее удачливых нацистских

агентов в США Вальтер Келер сообщил о своей миссии американским властям. ФБР стало посылать от его имени дезинформацию в Германию, а он тем временем собирал без особых помех подлинные сведения, шифровал их другим кодом и направлял своим хозяевам. Последнее донесение было получено от него в конце апреля 1945 года, а самый факт игры раскрыт только после войны в результате изучения немецких трофейных архивов.

Авторы книг о борьбе секретных служб в годы второй мировой войны немало повествуют об успехах английской разведки. Однако для первых двух лет войны эти утверждения опровергаются неумолимыми фактами. Британское правительство, например, было захвачено врасплох тем, что гитлеровцы оккупировали Данию и Норвегию в апреле 1940 года. Лондон не знал также и о слабости французской армии и не имел достаточного представления о подготовке германского наступления на Западе в мае 1940 года, приведшего к спешной эвакуации английского экспедиционного корпуса из Дюнкерка и капитуляции Франции. В то же время в Лондоне ложно оценивали экономический и военный потенциал Советского Союза, считая, что наша страна через шесть недель, максимум через три месяца потерпит поражение под ударами нацистской военной машины... Впрочем, в этом просчете неинформированность помножалась на грубые предубеждения, на ослепленность антисоветизмом. Во время второй мировой войны против Советского Союза действовали основные силы не только вермахта, но и фашистской разведки и других специальных служб нацистской Германии. Главные успехи британской разведки относятся ко времени, когда Советская Армия, сражаясь фактически в единоборстве с гитлеровскими полчищами, нанесла решающие поражения нацистской Германии.

Через десять лет после войны Уинстон Черчилль в своих мемуарах писал о большой операции по дезориентации немецкого командования накануне открытия второго фронта, операции, включавшей такие меры, как концентрация на юге Англии макетов военных кораблей, или многочисленные радиопередачи, содержащие ложные известия. Черчилль добавлял, что «даже ныне (1955 г.— *Е. Ч.*) нежелательно предавать огласке все методы, применявшиеся с целью ввести в заблуждение неприятеля». С тех пор многое стало известно об этой операции, состоявшей, собственно, из двух связанных между собой

операций, носивших название «Телохранитель» и «Стойкость». Первая была призвана создать ложные представления о стратегических планах союзников, вторая — убедить, что высадка будет происходить в районе узкого канала Па-де-Кале (с дополнительным десантом в Южной Норвегии, а не в Нормандии, где ее предполагали осуществить в действительности). При этом датой называлась третья неделя июля — то есть примерно через полтора месяца после намеченного на деле срока. В операцию по дезориентации включались донесения шпионов-двойников (а такими было большинство агентов абвера в Англии). В Шотландии был образован штаб несуществующей «IV армии», будто бы готовившейся к высадке в Норвегии. Он поддерживал деятельную радиосвязь со своими столь же воображаемыми тремя корпусами. Двойник Монтомгери призван был создать у немецкой разведки ложное представление о местопребывании британского фельдмаршала, который явно должен был возглавить английские войска во время высадки. Английские дипломаты в нейтральных странах «проговаривались» в беседах с людьми, которые сообщали эти «неосторожные замечания» в германские посольства. Часть этих сведений была правдоподобной, некоторые детали даже совершенно точными, но должны были вписываться в общую ложную картину. Британских и союзных агентов посылали с фальшивой информацией к тем группам в составе движения Сопротивления в оккупированных странах, в которые, как было известно в Лондоне, проникла немецкая агентура. Этим людям заранее обрекали на гибель, чтобы они под пытками в гестапо выдали сообщенные им ложные сведения. Немецкая сторона должна была потерять способность отличать факты от вымыслов. Так в действительности и случилось: германская разведка стала считать дезинформацией как раз те сведения, которые поступали к ней без посредничества сотрудников «Телохранителя» и «Стойкости». Результат известен: ставка Гитлера осознала, что высадка союзников в Европе началась, лишь после того, как на берег Нормандии сошли тысячи танков и десятки тысяч солдат. В этом крупном успехе английской разведки отчетливо проявилось использование приемов и методов, применяемых ею в прошлом.

ИТОГИ

редубеждение многих западных историков против изучения прошлого секретной службы и тайной войны во многом сродни еще не столь давно господствовавшему среди них предубеждению против занятия любыми «низкими» сюжетами, из которых исключалась только высокая государственная политика. Поскольку речь идет об истории разведки, такое предубеждение долгое время порождалось и другими, притом разнородными причинами. Прежде всего здесь играли роль апологетические мотивы — нежелание привлечь внимание к той стороне деятельности господствующих классов и их государства, самое существование которой неизменно с негодованием отрицалось и объявлялось измышлениями недругов страны. Поэтому не случайно было стремление крайне сузить понятие шпионажа, представляя его только как активность специализированных разведывательных органов, некоторые из которых формально вообще ликвидировались в тот или иной период, а другие, напротив, сравнительно недавно появились на свет.

Высокомерное пренебрежение к истории шпионажа отчасти существует в академических кругах на Западе и в наши дни, когда социальным заказом в империалистических странах стало возвеличивание секретной службы, приписывание ей чудодейственной способности изменять законы исторического развития и судьбы человечества. В большой мере сохранение такого предубеждения было реакцией на то, с какой вульгарностью, рассчитанной на невзыскательные вкусы, осуществлялся этот социальный заказ, насколько здесь игнорировались элементарные научные требования и круг знаний, накопленных историографией. При всем том многие буржуазные историки международных отношений, подобно одному молье-

ровскому персонажу, по-видимому, не подозревали, что «говорят прозой» или, что в данном случае то же самое, занимаются историей тайной войны.

Как мог убедиться читатель, в Англии секретная служба неизменно фигурировала в качестве составной части государственной машины еще начиная с позднего средневековья, на всем протяжении истории нового и новейшего времени. Большое или меньшее ослабление роли и активности секретной службы как особой организации отнюдь не было обязательно равнозначным ослаблению разведки как одного из средств, с помощью которого буржуазное государство обеспечивало выполнение своей внутренней и внешней функции. Частичный отказ от «неофициальной», тайной дипломатии обычно свидетельствовал только о том, что с ее делом справляется с помощью скрытых от постороннего взгляда ходов дипломатия официальная. Свертывание разведывательных организаций означало нередко, что их работа могла обеспечиваться другими ведомствами — внешнеполитическим, военно-морским, военным, колониальным и т. д.

На структуру, облик, методы и размах деятельности английской секретной службы постоянно влияли два взаимосвязанных фактора: во-первых, развитие всей государственной машины, определявшееся в конечном счете соотношением классовых сил и ходом классовой борьбы, и, во-вторых, внешнеполитические задачи, которые порождались опять-таки потребностями английского капитализма и меняющимся положением Англии в системе государств, эволюцией структуры международных отношений.

Конкретные цели могли быть самыми различными, но они подразделялись на два главных вида: на добывание политической, экономической, военной информации о той или иной стране, а также на попытки повлиять на политику этой страны путем активизации противников правительства, изменения его состава, перетягивания на свою сторону тех или иных влиятельных министров, а то и государственного переворота.

Как и следовало ожидать, бурная активизация в деятельности английской секретной службы в новое время приходится прежде всего на годы острых внутривнутриполитических конфликтов, особенно если они совпадали по времени с решающими столкновениями в борьбе против держав, претендовавших на европейскую гегемонию (Испа-

ния Филиппа II, Франция Людовика XIV и Наполеона I), а также на переломные годы в войнах за колониальную и морскую гегемонию, за создание и расширение Британской империи. В новейшее время в центр выдвинулась борьба против Страны Советов и мировой системы социализма.

История никак не подтверждает легенды о какой-то исключительной эффективности британской секретной службы. Ее наибольшие успехи были связаны с благоприятными историческими условиями, с подъемом английского капитализма. Особенности исторического развития Англии, ее место в системе международных отношений, ее роль как метрополии огромной колониальной империи нередко побуждали британские правящие круги к использованию оружия тайной дипломатии и разведки взамен прямого военного вмешательства (или для осуществления такого вмешательства чужими руками). Удачи были очень часто отражением объективного перевеса сил, каким обладала капиталистическая Англия над своими противниками, хотя, конечно, сказывался накопленный опыт использования всех и всяческих слабостей и противоречий во враждебном лагере.

История британской секретной службы — это не только реестр успехов, но и летопись поражений в борьбе против исторически неотвратимых прогрессивных изменений в обществе начиная еще со времени американской и Великой французской революций и кончая длинным рядом провалов Интеллидженс сервис в современную эпоху, провалов, частью уже широко известных, а частью еще остающихся достоянием секретных архивов.

Правда, было бы упрощением утверждать, что наибольших успехов британская разведка добивалась только в период подъема английского капитализма. И в это время она не раз служила самым реакционным целям и терпела крупные поражения. С другой стороны, как раз в эпоху империализма она не только расширила многократно размах своей деятельности, но и достигла серьезных результатов. Вероятно, было бы правильным сказать, что успехи, как правило, приходили, когда английская разведка обслуживала политику, ставившую объективно возможные цели, пусть даже это была бы такая далекая от всякой прогрессивности задача, как победа над империалистическим соперником. Напротив, когда цели были исторически недостижимыми, частные удачи

никак не изменяли того, что в целом британская секретная служба проигрывала. Для таких периодов в деятельности Интеллидженс сервис очень характерной была утрата ею разумного представления о границах собственных возможностей.

История английской секретной службы — немаловажная страница в истории британского капитализма. И ее уроки должны быть учтены силами прогресса, против которых нацелена деятельность империалистических разведок в современную эпоху.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ШИПЫ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ	7
ИЗМЕНЫ И ВЕРНОСТЬ УИЛЬЯМА СЕСИЛА	9
МАРИЯ СТЮАРТ, ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	20
ЗАГАДКА КИРК О'ФИЛДА	24
ЗАГОВОР В ЗАГОВОРЕ?	33
КАРЬЕРА СВЯТОГО УГОДНИКА	51
КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ?	63
ДВУЛИКИЙ РИДОЛЬФИ	66
КОСВЕННЫЕ УЛИКИ	74
СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ЕЛИЗАВЕТЫ	86
МАСТЕР ШПИОНАЖА	95
КАВЕРЗЫ СЫНОВ ЛОЙОЛЫ	101
БОЧОНОК «ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»	104
МАВР СДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО...	118
СУДЬБА ШЕЙЛОКА	127
ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ НЕВЕДЕНИЕ	138
ЖРЕБИИ БРОШЕН	146
ПИСЬМО К МОНТИГЛУ	152
ПОДКОП ИЛИ ПОДВОХ?	160
БЛУДНЫЙ СЫН	163
«ИСПОВЕДЬ» И ТРАКТАТ О ЛЖИ	167
ПРЕДАТЕЛЬСТВО ГАЯ ФОКСА	174
КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ	186
КОМЕДИЯ В ТАУЭРЕ	190
«ЗА» И «ПРОТИВ»	192
БЕСПОЛЕЗНЫЕ УДАЧИ	198
ПУРИТАНСКОЕ ОКО	204
СКАНДАЛЬНАЯ ХРОНИКА И ЕВРОПЕЙСКОЕ РАВНОВЕСИЕ	213
ТРОЙНОЕ ДНО ДУВРСКОГО ДОГОВОРА	216
ИСКУССТВО ДОНОСА	225
ПРОТЕСТАНТСКИЙ ВЕТЕР И УГРЮМЫЙ ГОЛ- ЛАНДЕЦ	230
ЗАСАДА ОКОЛО ТЕРНХЕМ-ГРИНА	235
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА	240
«ПИСЬМО О ЗАЛИВЕ КАМАРЕ»	243

«КОЛЮЧИЕ БУМАГИ» НЭРНА	249
УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ О ДЖОНЕ ЧЕРЧИЛЛЕ	251
ИСПАНСКОЕ И АНГЛИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВА	264
КАРТОННЫЙ ДОМИК	271
СЛЕДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ	277
РОТТЕРДАМСКИЙ ЦЕНТР	286
ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ . . .	294
ЛЕГЕНДА О ГИНЕЯХ	300
ГИНЕИ И ПОРОХ	305
ГИНЕИ И «КАЧЕЛИ»	311
МАЙОР ГРАНТ	316
СВОБОДА ТОРГОВЛИ СЕКРЕТАМИ	322
ПРИБЛИЖЕНИЕ БУРИ	335
ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ	339
С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ	343
«КОМНАТА № 40»	348
О ПОЛЬЗЕ БИБЛИИ	354
ГРЕХИ МОЛОДОСТИ СИДНЕЯ РЕЙЛИ	360
ЭПИЛОГ И ПРОЛОГ	362
<i>ИТОГИ</i>	367

Ефим Борисович Черняк

**СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Из истории тайной войны

Редактор Т. Д. Лосева

Оформление художника О. Н. Коняхина

Художественный редактор Р. А. Казаков

Технический редактор Л. С. Андреева

Корректор Е. В. Архипова

OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

А-09562. Сдано в набор 19 декабря 1974 г. Подписано в печать 26 марта 1975 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 19,74. Уч.-изд. л. 20,59. Тираж 65 000 экз. Изд. № 04/74 И. Цена 1 руб. 47 коп. Издательство «Международные отношения» 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24. Зак. № 831. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.